

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

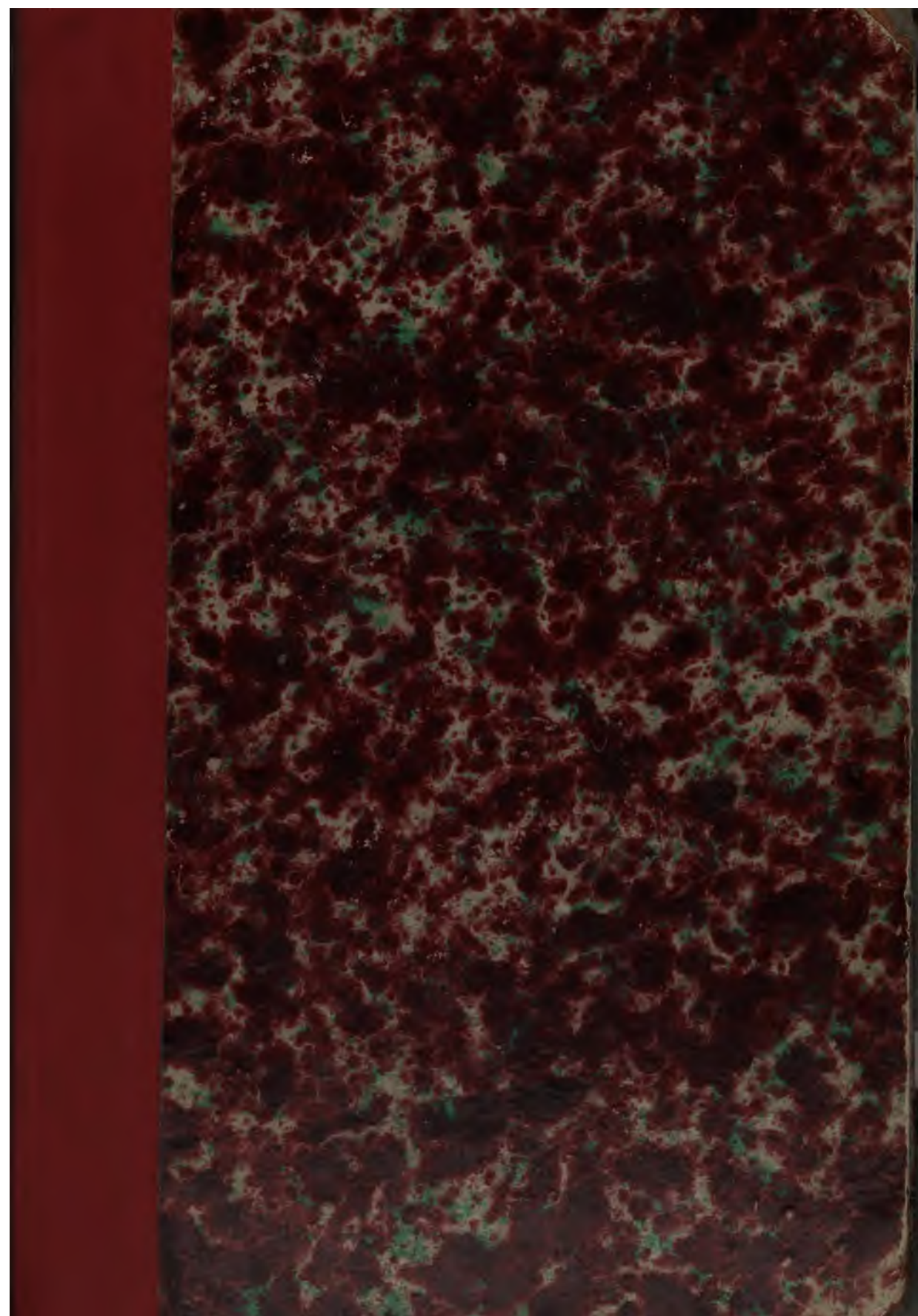
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СВЯТЫЙ

УПРАВЛЕНІЕ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Выпускъ 1.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1853.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS

FEB 24 1975

GN1

29

1.1

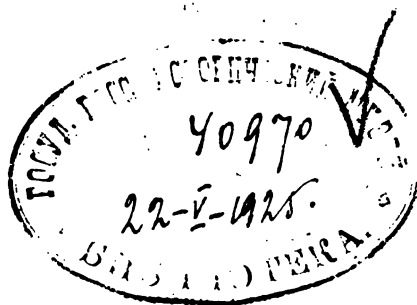
1652

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3
апрѣля 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

П Р Е Д С Л О В І Е.

Отпечатанный нынѣ первый выпускъ *Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи*, есть начало обширнаго изданія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ задуманнаго и предпринятаго **ИМПЕРАТОРСКИМЪ** Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Съ самаго своего основанія, Общество стало получать отъ частныхъ лицъ сборники пѣсенъ, сказки, записанные простонародные обряды, праздники, повѣрья и тому подобные этнографическіе матеріалы. Достоинства этихъ сборниковъ доказывали сочувствіе людей просвѣщенныхъ къ занятіямъ Общества и готовность ихъ содѣйствовать его трудамъ. Но въ тоже время, недостатки такихъ сборниковъ, именно неполнота и отсутствіе общаго плана, указывали на необходимость дать направленіе и единство собранію этнографическихъ матеріаловъ въ Россіи, раздвинуть шире кругъ этой дѣятельности Обще-

ства и частныхъ лицъ, привести ее въ систему и обозначить главнѣйшіе предметы, на которые надлежало при такихъ работахъ обращать особенное вниманіе.

Съ этою цѣлью, въ 1847 году, была издана **ИМПЕРАТОРСКИМЪ** Русскимъ Географическимъ Обществомъ печатная программа, которою всѣ желающіе трудиться на пользу Этнографіи приглашались доставлять мѣстные описанія по извѣстному плану. Планъ этотъ, изложенный довольно подробно, обнималъ слѣдующіе предметы: наружность жителей; отличительныя особенности ихъ нарѣчія; домашній бытъ (жилища, домашнюю утварь, одежду, пищу, обычаи и обряды, сопровождающіе разныя эпохи и случаи жизни, народную медицину, любимыя занятія, народное увеселеніе: какъ-то: пѣсни, пляски, музыку; расчетъ денежныхъ средствъ жителей); юридическіе обычаи; умственные и нравственные способности и образованіе; наконецъ — мѣстные народныя преданія и памятники. Болѣе *семи тысячъ* экземпляровъ этой программы были разосланы во всѣ Губерніи, чрезъ разныя вѣдомства, въ видѣ инструкціи для желающихъ доставлять въ Общество этнографическіе матеріалы.

Изданіе и разсылка этнографической программы имѣли самыя утѣшительныя послѣдствія, даже превзошли ожиданія. Мѣстные описанія и этнографическіе сборники начали поступать въ Общество

изъ всѣхъ краевъ Россіи въ большомъ числѣ, и очевидно, несомнѣнно доказывали, что число желающихъ принять дѣятельное участіе въ трудахъ Общества значительно, что важность предложенной этнографической задачи понята и оцѣнена въ полной мѣрѣ. Очень многія изъ доставленныхъ мѣстныхъ описаній отвѣчали на всѣ или на большую часть вопросовъ программы; прочія же только на нѣкоторые. Но между тѣми и другими находятся статьи, составленныя весьма тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла и заключающія въ себѣ богатые и разнообразныя этнографическіе матеріалы, словомъ—статьи во всѣхъ отношеніяхъ превосходныя.

Присылка мѣстныхъ описаній въ Географическое Общество до-сихъ-поръ продолжается весьма дѣятельно. Нынѣ ихъ имѣется уже до двухъ тысячъ номеровъ. Должно прибавить, что весьма многіе номера состоятъ изъ этнографическихъ описаній нѣсколькихъ мѣстностей. Уже по одному этому можно судить, какое огромное количество этнографическихъ матеріаловъ поступило въ Общество въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, со времени обнародованія программы.

Чтобъ сдѣлать эти матеріалы доступными для любителей и ученыхъ, **ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество**, въ 1850 году, **опредѣлило издавать ихъ. Для этого предположено:**

Page.
117

GPI

119

02

12

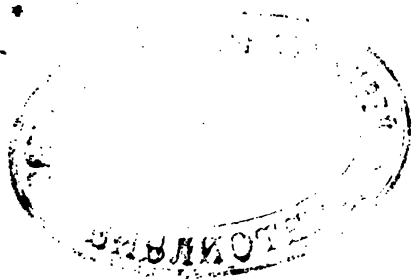
126684/
К

СОБРАНИЕ

МѢСТНЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЙ

РОССІИ.

УПРАВЛЕНІЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАГО
УЧЕБНАГО ЗАВѢДѢНІЯ
240472

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Выпускъ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1853.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS

FEB 24 1915

GN
10

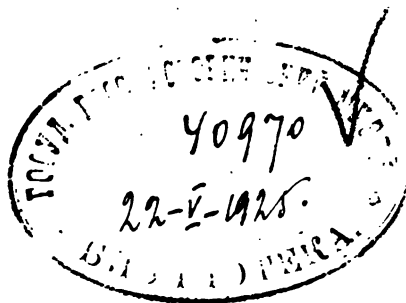
10
10

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3
апрѣля 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

П Р Е Д С Л О В І Е.

Отпечатанный нынѣ первый выпускъ *Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи*, есть начало обширнаго изданія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ задуманнаго и предпринятаго **ИМПЕРАТОРСКИМЪ** Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Съ самаго своего основанія, Общество стало получать отъ частныхъ лицъ сборники пѣсенъ, сказки, записанные простонародные обряды, праздники, повѣрья и тому подобные этнографическіе матеріалы. Достоинства этихъ сборниковъ доказывали сочувствіе людей просвѣщенныхъ къ занятіямъ Общества и готовность ихъ содѣйствовать его трудамъ. Но въ то же время, недостатки такихъ сборниковъ, именно неполнота и отсутствіе общаго плана, указывали на необходимость дать направленіе и единство собиранію этнографическихъ матеріаловъ въ Россіи, раздвинуть шире кругъ этой дѣятельности Обще-

ства и частныхъ лицъ, привести ее въ систему и обозначить главнѣйшіе предметы, на которые надлежало при такихъ работахъ обращать особенное вниманіе.

Съ этою цѣлью, въ 1847 году, была издана **ИМПЕРАТОРСКИМЪ** Русскимъ Географическимъ Обществомъ печатная программа, которою всѣ желающіе трудиться на пользу Этнографіи приглашались доставлять мѣстные описанія по извѣстному плану. Планъ этотъ, изложенный довольно подробно, обнималъ слѣдующіе предметы: наружность жителей; отличительныя особенности ихъ нарѣчія; домашній бытъ (жилища, домашнюю утварь, одежду, пищу, обычаи и обряды, сопровождающіе разныя эпохи и случаи жизни, народную медицину, любимыя занятія, народное увеселеніе: какъ-то: пѣсни, пляски, музыку; расчетъ денежныхъ средствъ жителей); юридическіе обычаи; умственные и нравственные способности и образованіе; наконецъ — мѣстные народныя преданія и памятники. Болѣе *семи тысячъ* экземпляровъ этой программы были разосланы во всѣ Губерніи, чрезъ разныя вѣдомства, въ видѣ инструкціи для желающихъ доставлять въ Общество этнографическіе матеріалы.

Изданіе и разсылка этнографической программы имѣли самыя утѣшительныя послѣдствія, даже превзошли ожиданія. Мѣстные описанія и этнографическіе сборники начали поступать въ Общество

изъ всѣхъ краевъ Россіи въ большомъ числѣ, и очевидно, несомнѣнно доказывали, что число желающихъ принять дѣятельное участіе въ трудахъ Общества значительно, что важность предложенной этнографической задачи понята и оцѣнена въ полной мѣрѣ. Очень многія изъ доставленныхъ мѣстныхъ описаній отвѣчали на всѣ или на большую часть вопросовъ программы; прочія же только на нѣкоторыя. Но между тѣми и другими находятся статьи, составленныя весьма тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла и заключающія въ себѣ богатые и разнообразные этнографическіе матеріалы, словомъ—статьи во всѣхъ отношеніяхъ превосходныя.

Присылка мѣстныхъ описаній въ Географическое Общество до-сихъ-поръ продолжается весьма дѣятельно. Нынѣ ихъ имѣется уже до двухъ тысячъ номеровъ. Должно прибавить, что весьма многіе номера состоятъ изъ этнографическихъ описаній нѣсколькихъ мѣстностей. Уже по одному этому можно судить, какое огромное количество этнографическихъ матеріаловъ поступило въ Общество въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, со времени обнародованія программы.

Чтобъ сдѣлать эти матеріалы доступными для любителей и ученыхъ, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество, въ 1850 году, опредѣлило издавать ихъ. Для этого предположено:

1. Отдѣлить этнографическія описанія *иностранцевъ*, въ Россіи обитающихъ, и напечатать ихъ особнякомъ.

2. Изъ прочихъ этнографическихъ описаній, относящихся собственно къ *Русскому* племени, издать вполнѣ только тѣ, которыя подробно и основательно отвѣчаютъ на всѣ или по-крайней-мѣрѣ на большую часть пунктовъ программы; изъ остальныхъ же составить систематическіе своды или сборники. Къ послѣднему разряду отнесены какъ частныя этнографическія описанія, выполняющія нѣсколько или даже одинъ только пунктъ программы (напримѣръ: описанія примѣтъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, сборники пословицъ, пѣсенъ, загадокъ и т. п.), такъ и мѣстныя описанія, которыя хотя и составлены въ точности по программѣ, но на исключеніемъ нѣсколькихъ данныхъ, вообще не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и потому къ напечатанію вполнѣ не назначаются.

Издаваемый нынѣ первый выпускъ *Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи* содержитъ въ себѣ одиннадцать статей перваго разряда, т. е. такихъ, которыя Общество опредѣлило напечатать вполнѣ. При выборѣ ихъ имѣлось въ виду представить образцы этнографическихъ матеріаловъ, поступившихъ въ Общество въ больномъ числѣ изъ различныхъ мѣстностей и относящихся къ тремъ главнымъ отраслямъ Русскаго племени—

Великорусской, Бѣлорусской и Малороссійской, съ ихъ подраздѣленіями и отдѣлками. Составленные лицами, живущими или по-крайней-мѣрѣ жившими въ описываемой мѣстности, слѣдовательно очевидцами, эти описанія представляютъ, какъ могутъ удостовѣриться сами читатели, богатые и вполне достовѣрные данные для изученія Россіи.

Всѣ заключающіяся въ этомъ выпускѣ статьи напечатаны съ дипломатическою точностію, на сколько это было возможно. Того требовало историческое и научное значеніе памятниковъ Русской народной жизни, содержащихся въ этнографическихъ описаніяхъ. Поправленъ только мѣстами слогъ статей, и то: въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ авторы говорятъ отъ себя; кромѣ того, исправлены нѣкоторыя очевидныя, не подлежащія сомнѣнію ошибки; пѣсни же, сказки, поговорки, названія—все это передано изъ буквы въ букву, безъ малѣйшихъ измѣненій.

Чтобъ обнародованіе этнографическихъ матеріаловъ шло непрерываясь, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество опредѣлило печатать ихъ впредь особымъ отдѣломъ въ Вѣстникѣ Общества, и всѣ помѣщенные въ ономъ въ теченіе года этнографическія статьи издавать особымъ выпускомъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаются доступными для всѣхъ знатоковъ и любителей сокровища, которыми теперь не многіе могутъ пользоваться при ученыхъ своихъ занятіяхъ.

Въ заключеніе, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество вмѣняетъ себѣ въ особенно-пріятный долгъ выразить искреннѣйшую признательность всѣмъ составителямъ этнографическихъ описаній, просвѣщенные и добросовѣстные труды коихъ дали возможность предпринять это изданіе. Въ изъявленіе своей благодарности, Общество опредѣлило разсылать каждому изъ нихъ, по мѣрѣ напечатанія ихъ статей, одинъ экземпляръ того выпуска этого изданія, въ которомъ помѣщены ихъ описанія и, сверхъ того, по сту экземпляровъ особыхъ оттисковъ доставленныхъ ими статей.

Редакціею первыхъ четырехъ этнографическихъ описаній, заключающихся въ этомъ выпускѣ, заведывалъ Дѣйствительный Членъ Н. И. Надеждинъ, а редакціею послѣднихъ семи — Дѣйствительный Членъ К. Д. Кавелинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

	<i>Стр.</i>
✕ Сельцо <i>Васильевское</i> , Нижегородской Губерніи Нижегородскаго уѣзда (Помѣщика В. Бабарыкина) . .	4.
✕ Село <i>Ульяновка</i> , Нижегородской Губерніи Лукояновскаго уѣзда (Священника М. Доброзракова)	25.
✕ Волость <i>Покровско-Ситская</i> , Ярославской Губерніи Моложскаго уѣзда (Священника А. Преображенскаго)	64.
✕ Приходъ <i>Станиловской на Сити</i> (той же Губерніи и уѣзда, воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго)	125.
✕ Быть крестьянъ Тверской Губерніи <i>Тверскаго уѣзда</i> (Священника Н. Лебедева)	174.
✕ Быть крестьянъ Воронежской Губерніи <i>Нижнедѣвицкаго уѣзда</i> (старшаго учителя Воронежской Гимназіи П. Малыгина)	203.
✕ Село <i>Бобровки</i> и окружный его околотокъ (Священника С. Разумихина)	235.
Приходъ <i>Остринскій</i> , Виленской Губерніи	
да (Профессора Литовской Семинаріи)	
Село <i>Кобыля</i> , Волынской Губерніи	
уѣзда (Протоіерея І. Моравскаго)	

Стр.

Мѣстечко <i>Александровка</i> , Черниговской Губерніи Сосницкаго уѣзда (Священника Г. Базилевича) . . .	313.
Домашній бытъ Малоросса, Полтавской Губерніи Хорольскаго уѣзда (Священника А. Ивапицы) . . .	337.

СЕЛЬЦО ВАСИЛЬЕВСКОЕ.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ
НИЖЕГОРОДСКАГО УѢЗДА.

(Помѣщика В. Бабарыкина.)

СВѢДѢНІЯ ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ И ОБЪЕМЪ СЕЛЕНІЯ.

Сельцо *Васильевское*, *Новые-Ключищи* тожъ, находится въ полуденной части Нижегородскаго уѣзда, на правомъ, гористомъ берегу Волги. Отстоятъ отъ Нижняго-Новгорода, большою Арзамасскою дорогою, на 25 верстѣ; а проселкомъ, черезъ болота и рѣку Кудьму, на 48 верстѣ. Арзамасская дорога, и на ней почтовая станція Бугры, лежитъ отъ него въ 3 верстахъ; приходское село Семеть — въ 5 верстахъ. Кромѣ-того, оно окружено: къ востоку — деревнею Чеглавой въ 4½ верстахъ, къ сѣверо-востоку — деревнею Мокрой въ 5 верстахъ, къ западу — селомъ Вязовкой въ 5 же верстахъ и деревнею Елховкой въ 4½ верстахъ, къ югу и юго-западу — деревнями Кременкою и Новою-Пунерью въ 3 верстахъ разстоянія. Сельцо выстроено въ одинъ рядокъ, лицомъ на западъ;

въ немъ: дворовъ 26, ревижскихъ душъ 84, тяголъ 50; земли пахатной 500 дес., луговой и подъ лѣсомъ 204 дес., всего 704 казенныхъ десятинъ. *

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Мѣстность, занимаемая селѣомъ Васильевскимъ, очень живописна. Оно расположено на примыкающей къ рѣкѣ *Кудьмѣ* возвышенности, состоящей въ связи съ возвышенностями, непрерывно продолжающимися почти отъ самаго Арзамаса до Нижняго-Новгорода, и извѣстными подъ общимъ именемъ *Горъ*. Принадлежащія къ селѣу зѣмли, извѣстныя подъ названіемъ *Семетскихъ-Пустошей*, перестечены отъ юга на сѣверъ оврагомъ, поросшимъ лѣсомъ. Другой оврагъ составляетъ живой рубежъ съ деревнею Чеглавою, и идетъ съ востока на сѣверъ; онъ также поросъ лѣсомъ. Кромѣ-того, луга и болота по берегамъ

* Чтобы дать общее понятіе объ околоселѣ, въ которомъ находится селѣцо Васильевское, представимъ здѣсь имѣющіяся у насъ подъ рукой свѣдѣнія о гидрографической области рѣки *Кудьмы*, или — какъ сказалъ-бы Русскій, если-бы ему пришлось говорить объ этомъ, не зная научной терминологіи — о *Покудемѣ*. *Кудьма* выходитъ изъ сѣверо-западнаго угла Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губерніи, и оттуда входитъ въ Горбатовскій уѣздъ, который потомъ на довольно значительномъ разстояніи дѣлится отъ Нижегородскаго, а затѣмъ входитъ въ сѣбѣ послѣдній, гдѣ и впадаетъ наконецъ въ *Волгу*, близъ села *Кадницъ*. Въ теченіи своемъ, направляющемся къ сѣверо-востоку, она весьма близко подходитъ сначала къ *Окѣ*, а потомъ къ *Волгѣ*, сопровождая ту и другую почти параллельно. Длина ея полагается, и, судя по картамъ, должна быть не менше 100 верстъ. Изъ впадающихъ въ нее рѣкъ, на «Картѣ Шуберта» помѣнованы: сълѣва — *Алесма* (въ Горбатовскомъ уѣздѣ); справа (въ уѣздѣ Нижегородскомъ) — *Ункоръ*, *Каменка* и *Озерца* или *Озерка*. Послѣднія больше всѣхъ прочихъ притоковъ *Кудьмы* и соединяется съ ней недалеко отъ ея устья; селѣцо-же Васильевское, котораго на помпнутой картѣ нѣтъ, должно находиться между впаденіями въ *Кудьму* рѣкъ *Ункори* и *Каменки*, къ послѣдней ближе. Всѣхъ этихъ наименованій, равно-какъ и имени самой *Кудьмы*, нѣтъ въ «Словарѣ Шекатоса»; да и въ «Гидрографіи Штукенберга» есть нѣсколько лишь строчекъ о *Кудьмѣ*, выписанныхъ изъ достопочтсшаго старца *Георги* (Reisen II, 831, у г. Штукенберга V, 498), гдѣ, между-прочимъ, сказано, что «по этой рѣкѣ лежатъ разсыяныя Мордовскія деревни (Mordwinendörfer)». Это послѣднее замѣчаніе, сдѣланное ученымъ путешественникомъ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, весьма важно для ссыменныхъ этнографическихъ наблюденій мѣстнаго населенія, которое, какъ видно, теперь стало уже чисто-Русское. Прим. Ред.

рѣки Кудьмы пересѣчены рощами средняго дровянаго лѣса и кустарникомъ.

Рѣка *Кудьма* протекаетъ, въ дачахъ Васильевскаго, съ запада на сѣверъ, разстояніемъ отъ сельца въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, на протяженіи $1\frac{1}{4}$ версты. Берега ея очень низки и болотисты: въ слѣдствіе-того она образуетъ вокругъ себя нѣсколько небольшихъ, но никогда не пересыхающихъ озеръ, въ которыхъ держится рыба; да и болота, образуемая ею, пересыхаютъ только во время сухаго лѣта. Рѣка разливается весной въ каждую сторону на версту и болѣе, глубиной отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{4}$ вершковъ, смотря по подтопу мельницъ; заливаемые луга и рощи остаются подъ водой отъ 10 до 20 дней. Зимой рѣка становится и расходится прежде Волги; ледъ бываетъ на ней не толстъ, по причинѣ глубоко покрывающаго ее снѣгу.

Кромѣ рѣки Кудьмы, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ сельца, вытекаютъ изъ небольшого, поросшаго широколиственными деревьями дола, нѣсколько ключей самой чистой свѣжей воды, удерживающей холодную температуру даже въ время сильнѣйшихъ жаровъ: воды этихъ ключей, протекая по слоямъ глинисто-известковаго мергеля, заключаютъ въ себѣ много угольной кислоты и чрезвычайно здоровы; ключи соединяются въ небольшую рѣчку, впадающую въ рѣку Кудьму. Сверхъ-того, въ западной части дачи, на склонѣ возвышенности, занимаемой сельцомъ, есть нѣсколько неразработанныхъ ключей, вытекающихъ изъ песчаныхъ слоевъ.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ.

На низкихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Кудьмѣ, растутъ: ельникъ, береза, въ-особенности осина, елоха, и всякаго рода тальникъ. Огромные, совершенно черные дубы, попадающіеся на днѣ рѣки, и кое-гдѣ дубовый кустарникъ, свидѣлствуютъ, что здѣсь нѣкогда росъ и дубъ, который теперѣ встрѣчается только на возвышенныхъ, преимущественно глинистыхъ мѣстахъ, въ небольшихъ сохранившихся рощахъ, перемѣшанныхъ съ другимъ лѣсомъ: тутъ онъ бываетъ до 16 вершковъ въ отрѣзокъ болѣе, но не въ значительномъ количествѣ. ~~Дичь~~ перевели; а между-тѣмъ, всюду, въ-особенности

Кудмы, встречающіеся липовые кустарники остаются памятниками, что здѣсь было много и липы. Засимъ, на возвышенныхъ и песчаныхъ мѣстахъ, весьма скоро вырастаютъ: береза, осина и всякаго рода тальникъ; попадаются: вязъ, кленъ, ясень и рябина. Какъ на высокихъ, такъ и на низкихъ мѣстахъ, весьма хорошо растутъ ветла, достигающая высоты и толщины дуба; попадаетъ и осокорь. Изъ кустовъ, болѣе всего можжевельника и шиповника—по лугамъ и болотамъ, на возвышенныхъ-же мѣстахъ—шиповника, орѣшника, жимолости, черной смородины, малины; притомъ, по низменностямъ вкругъ Кудмы, береза далеко не достигаетъ того роста, какъ на возвышенныхъ мѣстахъ, а потому и ее, какъ кустарникъ, можно-бъ было употреблять для живыхъ изгородей. Изъ ягодъ, очень много земляники, и попадаетъ ежевика; много грибовъ подберезниковъ и другихъ, кромѣ бѣлыхъ, которые очень рѣдки, однакожъ попадаются какъ въ сѣльникахъ, такъ и въ березникахъ.

Пахатныя земли лежатъ на возвышенности, и по качеству рѣзко раздѣляются оврагомъ, идущимъ съ юга на сѣверъ. Земли, лежащія къ востоку и югу отъ оврага, преимущественно состоятъ изъ суглинка, далѣе—мѣстами, хотя и не много—изъ красной мергелистой глины съ достаточнымъ количествомъ перегноя; подпочва состоитъ или изъ глины, или изъ опоки, или изъ мергеля, лежащаго нетолстыми слоями въ $\frac{1}{4}$ аршина, которые безпрестанно измѣняются въ цвѣтъ и составныхъ частяхъ. Что касается до земель, лежащихъ по-ту-сторону оврага къ западу и сѣверу, то онѣ исключительно состоятъ изъ довольно плодороднаго супеска, съ песчаною подпочвою. На поляхъ повсюду выпадается нерѣдко мелкій глышъ; тамъ и сямъ попадаются глыбы гранита или гнейса, величиною отъ 5 до 15 кубическихъ футовъ. Земли, по свойству своему, довольно плодородны; но, по недостатку въ удобреніи и недовольно рачительной обработкѣ, урожай озимаго бываетъ кругомъ самъ 3 и самъ 4. овса—самъ $2\frac{1}{2}$, яровой мелкой пшеницы—самъ 4, гороха—самъ 4, льна—почти тоже. Кромѣ поименованныхъ видовъ хлѣба, сѣютъ въ самомъ небольшомъ количествѣ ячмень, хотя земли, по свойству своему, совершенно ячменные; сѣется также нѣсколько гречихи и проса. Озимое высеваютъ между Третьимъ-Спасомъ и Фроловымъ-Днемъ; жнутъ иногда съ Лѣтней-Казанской, больше-же

съ Ильина-Дня. Изъ ярового, пшеницу высеваютъ послѣ Николина-Дня, овесъ нѣсколько позже: послѣдній косятъ въ такомъ лишь случаѣ, когда онъ очень плохъ, и если притомъ наступить дурная погода, въ противномъ-же случаѣ жнутъ весьма низко; косьба пшеницы вводится. Самый поздній сѣвъ льна около Онуфріева-Дня; сѣмена свои; волокно очень бѣдо и крѣпко. Конопля сѣютъ очень мало. Весь вообще хлѣбъ молотится конями; ими-же мнутъ и оставшуюся солому. Сушатъ хлѣбъ, снопами, въ дурно устроенныхъ овинахъ, на которые идетъ много строеваго матеріалу и много топлива: лѣсу и соломы. Вообще по здѣшнему хозяйству весьма было-бы полезно введеніе ручныхъ или одноконныхъ подвижныхъ мукомольныхъ мельницъ.

Въ огородахъ отлично хорошо родятся: свекловица, свекла, брюква, морковь и другіе подобные овощи; но капуста и лукъ родятся не совсѣмъ хорошо, по причинѣ палящихъ полуденныхъ вѣтровъ. Два года тому назадъ весьма мало сажали картофеля, теперь-же каждый дворъ высаживаетъ не менѣе 4 четвериковъ: господскій картофель сажаютъ въ полѣ, и употребляютъ на выдѣлку крахмала и въ кормъ скоту. Картофель родится: въ полѣ — самъ 5 и самъ 7, на усадокъ — самъ 10 и болѣе.

По недостатку въ тучно-удобренныхъ земляхъ, и притомъ по новости поселенія на здѣшнемъ мѣстѣ, жители Васильевского имѣютъ еще очень мало плодовыхъ садовъ; впрочемъ, въ тѣни, которая уже есть, начинаютъ разводить яблонь, и въ-особенности красную смородину. Жители окрестныхъ деревень, особенно деревни Мокрой, имѣютъ очень значительные яблонные сады, въ которыхъ разводятъ сливы, вишни и англійскую-малину.

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ.

Скота держать здѣсь немного, но зато содержать порядочно. Лошади породы русской, смѣшанной съ персидской и вятской; онѣ очень крѣпки и очень часто служатъ до двадцати-пяти лѣтъ. Рогатый скотъ не очень мелокъ; въ немъ есть холмогорская, а въ новѣйшее время и тирольская примѣсь; коровы часто

Въ заключеніе, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество вмѣняетъ себѣ въ особенно-пріятный долгъ выразить искреннѣйшую признательность всѣмъ составителямъ этнографическихъ описаній, просвѣщенные и добросовѣстные труды которыхъ дали возможность предпринять это изданіе. Въ изъявленіе своей благодарности, Общество опредѣлило разсылать каждому изъ нихъ, по мѣрѣ напечатанія ихъ статей, одинъ экземпляръ того выпуска этого изданія, въ которомъ помѣщены ихъ описанія и, сверхъ того, по сту экземпляровъ особыхъ оттисковъ доставленныхъ ими статей.

Редакціею первыхъ четырехъ этнографическихъ описаній, заключающихся въ этомъ выпускѣ, заведывалъ Дѣйствительный Членъ Н. И. Надеждинъ, а редакціею послѣднихъ семи — Дѣйствительный Членъ К. Д. Кавелинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

	Стр.
✕ Сельцо <i>Васильевское</i> , Нижегородской Губерніи Нижегородскаго уѣзда (Помѣщика В. Бабарыкина) . .	4.
✕ Село <i>Ульяновка</i> , Нижегородской Губерніи Лукояновскаго уѣзда (Священника М. Доброзракова)	25.
✕ Волость <i>Покровско-Ситская</i> , Ярославской Губерніи Моложскаго уѣзда (Священника А. Преображенскаго)	61.
✕ Приходъ <i>Станиловской на Сити</i> (той же Губерніи и уѣзда, воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго)	125.
✕ Быть крестьянъ Тверской Губерніи <i>Тверскаго уѣзда</i> (Священника Н. Лебедева)	174.
✕ Быть крестьянъ Воронежской Губерніи <i>Нижнедѣлицкаго уѣзда</i> (старшаго учителя Воронежской Гимназіи П. Малыгина)	203.
✕ Село <i>Бобровки</i> и окружный его околотокъ (Священника С. Разумихина)	235.
Приходъ <i>Остринскій</i> , Виленской Губерніи Лидскаго уѣзда (Профессора Литовской Семинаріи И. Юркевича)	283.
Село <i>Кобылья</i> , Волынской Губерніи Новградъ-Волынскаго уѣзда (Протоіерея І. Морачевича)	294.

Стр.

Мѣстечко <i>Александровка</i> , Черниговской Губерніи Сосниц-	
каго уѣзда (Священника Г. Базилевича) . . .	313.
Домашній бытъ Малоросса, Полтавской Губерніи Хороль-	
скаго уѣзда (Священника А. Иваницы) . . .	337.

СЕЛЬЦО ВАСИЛЬЕВСКОЕ.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
НИЖЕГОРОДСКАГО УѢЗДА.

(Помѣщика В. Бабарыкина.)

СВѢДѢНІЯ ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ И ОБЪЕМЪ СЕЛЕНІЯ.

Сельцо *Васильевское*, *Новые-Ключищи* тожъ, находится въ полуденной части Нижегородскаго уѣзда, на правомъ, гористомъ берегу Волги. Отстоитъ отъ Нижняго-Новгорода, большою Арзамасскою дорогою, на 25 верстъ; а проселкомъ, черезъ болота и рѣку Кудьму, на 48 верстъ. Арзамасская дорога, и на ней почтовая станція Бугры, лежитъ отъ него въ 3 верстахъ; приходское село Семеть — въ 5 верстахъ. Кромѣ-того, оно окружено: къ востоку — деревнею Чеглавой въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, къ сѣверо-востоку — деревнею Мокрой въ 5 верстахъ, къ западу — селомъ Вязовкой въ 5 же верстахъ и деревнею Елховкой въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, къ югу и юго-западу — деревнями Кременкою и Новою-Пунерью въ 3 верстахъ разстоянія. Сельцо выстроено въ одинъ рядокъ, лицомъ на :

въ немъ: дворовъ 26, ревижскихъ душъ 84, тяголъ 50; земли пахатной 500 дес., луговой и подъ лѣсомъ 204 дес., всего 704 казенныхъ десятинъ. *

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Мѣстность, занимаемая селцомъ Васильевскимъ, очень живописна. Оно расположено на примыкающей къ рѣкѣ *Кудьмѣ* возвышенности, состоящей въ связи съ возвышенностями, непрерывно продолжающимися почти отъ самаго Арзамаса до Нижняго-Новгорода, и извѣстными подъ общимъ именемъ *Горь*. Принадлежащая къ селцу зѣмли, извѣстныя подъ названіемъ *Семетскихъ-Пустшей*, перестѣнены отъ юга на сѣверъ оврагомъ, поросшимъ лѣсомъ. Другой оврагъ составляетъ живой рубежъ съ деревнею Чеглавою, и идетъ съ востока на сѣверъ; онъ также поросъ лѣсомъ. Кромѣ-того, луга и болота по берегамъ

* Чтобы дать общее понятіе объ околѣдѣ, въ которомъ находится селцо Васильевское, представимъ здѣсь нѣкоторыя у насъ подъ рукою свѣдѣнія о гидрографической области рѣки *Кудьмы*, или — какъ сказалъ-бы Русскій, если-бы ему пришлось говорить объ этомъ, не зная научной терминологіи — о *Покудемьѣ*. *Кудьма* выходитъ изъ сѣверо-западнаго угла Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губерніи, и отсюда входитъ въ Горбатовскій уѣздъ, который потомъ на довольно значительномъ разстояніи дѣлится отъ Нижегородскаго, а затѣмъ входитъ въ сѣй послѣдній, гдѣ и впадаетъ наконецъ въ *Волгу*, близъ села *Кадницъ*. Въ теченіи своемъ, направляющемся къ сѣверо-востоку, она весьма близко подходитъ сначала къ *Окѣ*, а потомъ къ *Волгѣ*, сопровождая ту и другую почти параллельно. Длина ея полагается, и, судя по картамъ, должна быть не менше 100 верстъ. Изъ впадающихъ въ нее рѣкъ, на «Картѣ Шуберта» поименованы: сълѣва — *Алесса* (въ Горбатовскомъ уѣздѣ); справа (въ уѣздѣ Нижегородскомъ) — *Ункорь*, *Каменка* и *Озерца* или *Озерка*. Послѣднія болѣе всѣхъ прочихъ притоковъ *Кудьмы* и соединяется съ ней недалеко отъ ея устья; сѣмько-же Васильевское, котораго на упомянутой картѣ нѣтъ, должно находиться между впадающими въ *Кудьму* рѣкѣ *Ункоря* и *Каменки*, къ послѣдней ближе. Всѣхъ этихъ наименованій, равно-какъ и имени самой *Кудьмы*, нѣтъ въ «Словарѣ Шекатова»; да и въ «Гидрографіи Штукенберга» есть только лишь строчекъ о *Кудьмѣ*, выпианныхъ изъ достопочтеннаго старца *Георги* (Reisen II, 831, у г. Штукенберга V, 498), гдѣ, между прочимъ, сказано, что «по этой рѣкѣ лежатъ разсыпавшіяся Мордовскія деревни (Mordwinendörfer)». Это послѣднее замѣчаніе, сдѣланное ученымъ путешественникомъ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, весьма важно для современныхъ этнографическихъ наблюденій мѣстнаго населенія, которое, какъ видно, теперь стало уже чисто-Русское. Прим. Ред.

рѣки Кудьмы пересѣчены рощами средняго дровянаго лѣса и кустарникомъ.

Рѣка *Кудьма* протекаетъ, въ дачахъ Васильевскаго, съ запада на сѣверъ, разстояніемъ отъ сельца въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, на протяженіи $1\frac{1}{4}$ версты. Берега ея очень низки и болотисты: въ слѣдствіе-того она образуетъ вокругъ себя нѣсколько небольшихъ, но никогда не пересыхающихъ озеръ, въ которыхъ держится рыба; да и болота, образуемыя ею, пересыхаютъ только во время сухаго лѣта. Рѣка разливается весной въ каждую сторону на версту и болѣе, глубиной отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вершковъ, смотря по подтопу мельницъ; заливаемые луга и рощи остаются подъ водой отъ 10 до 20 дней. Зимною рѣка становится и расходится прежде Волги; ледъ бываетъ на ней не толстъ, по причинѣ глубоко покрывающаго ее снѣгу.

Кромѣ рѣки Кудьмы, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ сельца, вытекаютъ изъ небольшого, поросшаго широколиственными деревьями дола, нѣсколько ключей самой чистой свѣжей воды, удерживающей холодную температуру даже въ время сильнѣйшихъ жаровъ: воды этихъ ключей, протекая по слоямъ глинисто-известковаго мергеля, заключаютъ въ себѣ много угольной кислоты и чрезвычайно здоровы; ключи соединяются въ небольшую рѣчку, впадающую въ рѣку Кудьму. Сверхъ-того, въ западной части дачи, на склонѣ возвышенности, занимаемой сельцомъ, есть нѣсколько неразработанныхъ ключей, вытекающихъ изъ песчаныхъ слоевъ.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ.

На низкихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Кудьмѣ, растутъ: ельникъ, береза, въ-особенности осина, елоха, и всякаго рода тальникъ. Огромные, совершенно черные дубы, попадающіеся на днѣ рѣки, и кое-гдѣ дубовый кустарникъ, свидѣлствуютъ, что здѣсь нѣкогда росъ и дубъ, который теперѣ встрѣчается только на возвышенныхъ, преимущественно глинистыхъ мѣстахъ, въ небольшихъ сохранившихся рощахъ, перемѣшанныхъ съ другимъ лѣсомъ: тутъ онъ бываетъ до 16 вершковъ въ отрубѣ и болѣе, но не въ значительномъ Лицу нынѣ вовсе
перевели; а между-тѣмъ по берегамъ

Кудьмы, встречающіеся липовые кустарники остаются памятниками, что здѣсь было много и липы. Засимъ, на возвышенныхъ и песчаныхъ мѣстахъ, весьма скоро вырастаютъ: береза, осина и всякаго рода тальникъ; попадаются: вязъ, кленъ, ясень и рябина. Какъ на высокихъ, такъ и на низкихъ мѣстахъ, весьма хорошо растутъ ветла, достигающая высоты и толщины дуба; попадаетъ и осокорь. Изъ кустовъ, болѣе всего можжевельника и шиповника—по лугамъ и болотамъ, на возвышенныхъ-же мѣстахъ—шиповника, орѣшника, жимолости, черной смородины, малины; притомъ, по низменностямъ вкругъ Кудьмы, береза далеко не достигаетъ того роста, какъ на возвышенныхъ мѣстахъ, а потому и ее, какъ кустарникъ, можно-бъ было употреблять для живыхъ изгородей. Изъ ягодъ, очень много земляники, и попадаетъ ежевика; много грибовъ подберезниковъ и другихъ, кромѣ бѣлыхъ, которые очень рѣдки, однакожъ попадаются какъ въ ельникахъ, такъ и въ березникахъ.

Пахатныя земли лежатъ на возвышенности, и по качеству резко раздѣляются оврагомъ, идущимъ съ юга на сѣверъ. Земли, лежащія къ востоку и югу отъ оврага, преимущественно состоятъ изъ суглинка, далѣе—мѣстами, хотя и не много—изъ красной мергелистой глины съ достаточнымъ количествомъ перегноя; подпочва состоитъ или изъ глины, или изъ опоки, или изъ мергеля, лежащаго нетолстыми слоями въ $\frac{1}{4}$ аршина, которые безпрестанно измѣняются въ цвѣтъ и составныхъ частяхъ. Что касается до земель, лежащихъ по-ту-сторону оврага къ западу и сѣверу, то онѣ исключительно состоятъ изъ довольно плодороднаго супеска, съ песчаною подпочвою. На поляхъ повсюду выпадается нерѣдко мелкій голыщъ; тамъ и сямъ попадаютъ глыбы гранита или гнейса, величиною отъ 5 до 15 кубическихъ футовъ. Земли, по свойству своему, довольно плодородны; но, по недостатку въ удобреніи и недовольно рачительной обработкѣ, урожай озимаго бываетъ кругомъ самъ 3 и самъ 4, овса—самъ 2 $\frac{1}{2}$, яровой мелкой пшеницы—самъ 4, гороха—самъ 4, льна—почти тоже. Кромѣ поименованныхъ видовъ хлѣба, съютъ въ самомъ небольшомъ количествѣ ячмень, хотя земли, по свойству своему, совершенно ячменные; съется также нѣсколько гречихи и проса. Озимое вытѣняютъ между Третьимъ-Спасомъ и Фроловымъ-Днемъ; жнутъ иногда съ Лѣтней-Казанской, больше-же

съ Ильина-Дня. Изъ ярового, пшеницу выставляютъ послѣ Николина-Дня, овесъ нѣсколько позже: послѣдній косятъ въ такомъ лишь случаѣ, когда онъ очень плохъ, и если притомъ наступить дурная погода, въ противномъ-же случаѣ жнутъ весьма низко; косьба пшеницы вводится. Самый поздній сѣвъ льна около Онуфріева-Дня; сѣмена свои; волокно очень бѣдо и крѣпко. Конопля сѣютъ очень мало. Весь вообще хлѣбъ молотится конями; ими-же мнутъ и оставшуюся солому. Сушатъ хлѣбъ, снопами, въ дурно устроенныхъ овинахъ, на которые идетъ много строеваго матеріалу и много топлива: лѣсу и соломы. Вообще по здѣшнему хозяйству весьма было-бы полезно введеніе ручныхъ или одноконныхъ подвижныхъ мукомольныхъ мельницъ.

Въ огородахъ отлично хорошо родятся: свекловица, свекла, брюква, морковь и другіе подобные овощи; но капуста и лукъ родятся не совсѣмъ хорошо, по причинѣ палящихъ полуденныхъ вѣтровъ. Два года тому назадъ весьма мало сажали картофеля, теперь-же каждый дворъ высаживаетъ не менѣе 4 четвериковъ: господскій картофель сажаютъ въ поля, и употребляютъ на выдѣлку крахмала и въ кормъ скоту. Картофель родится: въ полѣ — самъ 5 и самъ 7, на усадокъ — самъ 10 и болѣе.

По недостатку въ тучно-удобренныхъ земляхъ, и притомъ по новости поселенія на здѣшнемъ мѣстѣ, жители Васильевского имѣютъ еще очень мало плодовыхъ садовъ; впрочемъ, въ тѣни, которая уже есть, начинаютъ разводить яблонь, и въ-особенности красную смородину. Жители окрестныхъ деревень, особенно деревни Мокрой, имѣютъ очень значительные яблонные сады, въ которыхъ разводятъ сливы, вишни и англійскую-малину.

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ.

Скота держатъ здѣсь немного, но зато содержатъ порядочно. Лошади породы русской, смѣшанной съ персидской и вятской; онѣ очень крѣпки и очень часто служатъ до двадцати-пяти лѣтъ. Рогатый скотъ не очень мелокъ; въ немъ есть холмогорская, а въ новѣйшее время и тирольская примѣсь; коровы, жи

приносятъ до 20 и болѣе телятъ. Овцы очень хороши; шерсть на нихъ густа, пушиста, кудрява. Скотъ обыкновенно выгоняется на подножный кормъ около Егорьева-Дня, преимущественно въ самый Егорьевъ-День; на зимній-же кормъ становится обыкновенно вскорѣ послѣ Покрова, но въ 1848 году поставленъ съ 1 ноября.

Изъ звѣрей, въ лѣсахъ и камышахъ на рѣкѣ Кудьмѣ является волкъ, забѣгающій иногда и въ деревню; рѣдко — лисица; есть бѣлка, русакъ, бѣлякъ, и ласочки, истребляющія домашнюю птицу.

Изъ птицъ, болѣе всего прилетаетъ ласточекъ, жаворонковъ и скворцовъ; для послѣднихъ, на каждомъ крестьянскомъ домѣ выстроена будочка. Довольно также прилетаетъ соловьевъ, кукушекъ, горлицъ; мало дроздовъ, перепелокъ; журавли и дикіе гуси опускаются очень рѣдко; дикія утки и болотная дичь выводятъ дѣтей. Изъ ночныхъ птицъ держится, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, сова (*la chouette*); крикъ ея походитъ на крикъ младенца: народъ, въ-сѣдствие-того, называетъ ее попугаемъ, вѣря притомъ, будто она кричитъ обыкновенно тогда, когда въ деревнѣ совершается какое-либо преступленіе; на самомъ же дѣлѣ она кричитъ всегда передъ наступленіемъ южныхъ вѣтровъ, въ-особенности передъ весенними оттепелями. Въ большомъ количествѣ водятся круглый годъ: воробьи, галки, пестрыя воробьи и много черныхъ вороновъ. Изъ домашнихъ птицъ, почти исключительно разводятъ одѣтыхъ куръ, рѣдко — индѣекъ, утокъ и гусей.

Пчелы разводятся съ большимъ успѣхомъ, и берутъ обильную дань съ осины, тальника и растущаго всюду во множествѣ краснаго и бѣлаго дятловника. Ясеновыя деревья ежегодно бываютъ покрыты большимъ количествомъ испанскихъ мухъ. Въ лѣсахъ много муравьевъ и червей, поѣдающихъ яблоны и березовый листъ.

КЛИМАТЪ.

Въ 1847 году, зима была почти безъ снѣгу; въ-продолженіе ея свирѣпствовали, какъ и всегда, полуденные вѣтры; особенно въ началѣ зимы, была одна сильная полуденная буря.

Весна открылась очень рано, за недѣлю передъ Пасхой, что составляетъ около двадцати дней ранѣе обыкновеннаго; въ продолженіе ея было весьма мало теплыхъ дождей. Лѣтомъ, дожди хотя и перепадали, но недостатокъ тепла послѣ нихъ, и вообще недостатокъ тепла въ продолженіе всего лѣта, чрезвычайно вредилъ растительности. Вообще замѣчено, что около 25 — 28 мая бываетъ здѣсь ежегодно буря съ полудня, съ снѣгомъ, покрывающимъ землю вершка на три; въ слѣдствіе-того, огородовъ здѣсь прежде начала іюня не застѣваютъ.

СВѢДѢНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЕЛЕНІЯ.

Жители селъца Васильевского выселены на нынѣшнее свое мѣстопробываніе не больше какъ лѣтъ двадцать-пять назадъ, изъ села Большихъ-Ключищъ, которое находится отсюда въ 15 верстахъ разстоянія, къ востоку.

НАРУЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Отличительная черта здѣшняго народа вообще есть особенная выразительность лица, свидѣтельствующая объ остроуміи, проницательности и самоувѣренности. Впрочемъ, между жителями селъца Васильевского, и окружающихъ его деревень, можно довольно-ясно различать два поличья. Къ первому принадлежатъ люди съ черными волосами, черными быстрыми глазами, ростомъ до 2 арш. 6 — 8 верш.: члены у нихъ всѣ чрезвычайно пропорціональны, темпераментъ сангвиническій; этого поличья люди весьма сходны съ Нижегородскими мѣщанами: они преимущественно занимаются промыслами и торговлей. Къ другому поличью принадлежатъ люди большаго роста, до 2 арш. 8 — 10 верш. и болѣе: у нихъ волосы на головѣ и бородѣ красно-рыжіе, глаза сѣро-голубые; этого поличья мнѣ нигдѣ не случилось встрѣчать въ такомъ количествѣ, какъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ: тутъ изъ пяти человекъ вѣрно одинъ росту 2 арш. 10 верш.; впрочемъ члены ихъ также пропорціональны, кромѣ необыкновеннаго развитія плечей. Многие изъ нихъ пе-

реносить на себя кули соли въ 12 пудъ; темперамента они флегматическаго; занимаются преимущественно пилкой досокъ и т. п., но нерѣдко попадаются межъ ними люди съ замѣчательными механическими способностями, а потому много изъ нихъ мельниковъ и маслобойщиковъ; женщины бываютъ также весьма высокаго роста, и очень стройны до глубокой старости. Въ каждой деревнѣ есть болѣе-или-менѣе людей того и другаго поличья; но въ нѣкоторыхъ деревняхъ замѣтно, что одно есть господствующее: такъ, на-примѣръ, въ селѣ Васильевскомъ—господствуетъ поличье черноволосыхъ - сангвиниковъ (пришельцевъ—какъ я думаю, можетъ-быть переселенцевъ изъ Новгорода), и съ-тѣмъ-вмѣстѣ господствуетъ духъ торговой промышленности; въ деревняхъ-же Чеглавъ и Мокрой—встрѣчаешь почти исключительно рыжихъ и великорослыхъ флегматиковъ, и между ними много ремесленниковъ, фабрикантовъ и вообще способныхъ къ механикѣ.

БОЛѢЗНИ.

Господствующія мѣстныя болѣзни суть: одышка, золотуха, цыготныя раны, и грыжи отъ худаго присмотра за дѣтьми. Вообще смертность дѣтей чрезвычайно велика; главнѣйше, кажется, оттого, что женщины, въ-особенности съ нѣкотораго времени, перестали кормить дѣтей грудью, а даютъ имъ, съ самаго рожденія, рожокъ или соску изъ пряника. Во время болѣзней охотно ищутъ врачебныхъ средствъ, и не имѣютъ почти никакихъ народныхъ лекарствъ: любятъ вообще средства сильныя, чѣмъ пользуются нѣкоторые знахари, давая острую водку, купоросъ и т. п. Женщины, въ-слѣдствіе частыхъ родовъ и лежащихъ на нихъ усиленныхъ работъ по домашнему быту, подвержены многимъ болѣзнямъ.

ЯЗЫКЪ.

Обороты здѣшней рѣчи очень сходны съ оборотами рѣчей въ церковно-славянскихъ книгахъ; и, надо сознаться, эта рѣчь имѣетъ особую силу и выразительность. Впрочемъ, въ нынѣшнее время, частыя отлучки жителей по промысламъ, а иногда и глупая подражательность, много измѣняютъ эту ти-

пическую рѣчь: въ чистотѣ услышишь ее только тогда, когда задѣнешь крестьянина за живое, то-есть похвалишь его сторону. Жители вообще любятъ поговорить, даже болтливы. Многіе обороты рѣчи показываютъ господствующее въ нихъ религиозное направленіе; такъ они благодарятъ словами: «*Богъ спасетъ!*»; прощаясь, говорятъ: «*прости Христа ради!*», на что отвѣтствуется: «*Богъ проститъ!*»; въ напутствіе говорятъ: «*дай Господи добрый часъ!*». Вообще имя Господа Иисуса Христа, болѣе-частью безъ всякаго другаго прилагательнаго, повторяется очень часто, особенно женщинами въ домашнемъ быту. Надобно еще замѣтить выраженіе: «*доброе дѣло!*», употребляемое, когда находятъ, что собесѣдникъ сказалъ правду, дѣло; умные крестьяне употребляютъ это слово съ болѣею разборчивостію; иногда радъ-бы услышать одобрительное: «*доброе дѣло!*», но тщетно. Говорятъ: *Русскій*, а не *Русской*; *по-маненьку*, вм. *по-маленьку*. Органъ голоса у женщинъ очарователенъ.

жилица.

Дома строятся по однообразной, стародавней архитектурѣ, съ чрезвычайно крутыми крышами, тремя и рѣдко двумя окошками на улицу, и съ рѣзбой около оконъ и карнизовъ. Крестьянинъ ничего не жалѣетъ для украшенія своего дома, въ-особенности стараясь сдѣлать его какъ можно выше, въ чемъ полагаетъ главное свое тщеславіе. Если внизу не сдѣлано жилья, то почти всегда есть закута, въ которой содержатъ скотъ на время большихъ холодовъ: отъ этого избы сгнивають двадцатью годами прежде времени. Дороговизна лѣса и упрощеніе вкуса стали перемѣнять архитектуру; избы дѣлаются теперь ниже и безъ рѣзбы, а въ дворахъ нарочно ставятъ теплыя конюшни. Къ избѣ примыкаютъ съ нѣи, соединяющія ее съ заднею, почти всегда холодною горницею, служащею для сохраненія лишняго платья и скарба: у богатыхъ хранятся тамъ лучшія иконы и книги; подъ горницей подклеть или кладовая. Внутри избы большая печь, всегда съ трубой; возлѣ печи, шкапчики для глиняной и деревянной посуды, которой весьма много. Образы стоятъ въ одномъ углу, въ другой висѣтъ или вѣсѣтъ или въ слѣдствіе раздѣленія, или потому

что старуха-стрипуха, рѣдко оставляющая свою печь, даже во время годовыхъ праздниковъ, имѣетъ исключительно свой образа. Подъ образами нерѣдко увидишь ручную кадилицу, псалтырь, и возлѣ ставца, на стѣнѣ, лубочныя картины, съ изображеніями религіозныхъ происшествій; на потолокъ, вблизи образѣвъ, почти всегда есть изображеніе парящаго голубя, сдѣланное изъ картонной бумаги. Изба содержится очень чисто, хотя, по недостатку въ теплыхъ конюшняхъ, бѣдные пускаютъ въ избы овецъ и коровъ для корму; чему, конечно, легко-бы помочь, вырывая теплые хлѣва въ землѣ, какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Передъ праздникомъ Пасхи ежегодно моютъ и скоблятъ стѣны избы. Дворы устроены довольно аккуратно, но часто съ тою невыгодою, что половодье и дожди вымываютъ изъ нихъ всю навозную жижу на улицу; это происходитъ отъ расположенія деревень на косогорахъ, по берегамъ овраговъ, близъ воды, и легко могло-бы быть исправлено углубленіемъ дворовъ въ землю. Аи бары стоятъ всегда отдѣльно, въ сторонѣ.

ОДЕЖДА.

Крестьяне одѣваются опрятно и красиво. Мужчины носятъ рубашки синія и красныя, изъ обыкновеннаго холста и ситца; верхнее платье составляетъ кафтанъ и красивое полукафтанье со сборками: волжскіе лоцмана носятъ кафтаны изъ желтаго верблюжьяго сукна, большая-же часть крестьянъ — изъ домотканнаго чернаго, весьма плотнаго. Женщины, сверхъ сарафана, носятъ точно такія-же полукафтаны, какъ и мужчины: лѣтнія — изъ цвѣтной, обыкновенно свѣтло-зеленой нанки, или окрашеннаго въ синій цвѣтъ домашняго холста. Этѣ полукафтаны щеголи и щеголихи шьютъ черныя плисовые, обшивая воротникъ и поясъ тесьмой; нерѣдко покрываютъ и полушубки плисомъ, нанкой, а чаще крашенымъ холстомъ; стали также входить въ большое употребленіе дубленые тулупы. Всѣ женщины носятъ иногда очень широкіе и богатые пояса, переходящіе изъ рода въ родъ. Прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, дѣвушки повязывали голову повязкою или широкою лентою, и заплетали ленты въ косу; нынѣ покрываютъ голову плат-

комъ, также какъ и женщины, съ тою только разницею, что по-
слѣднія носятъ подъ платкомъ повойникъ, въ который собира-
ютъ волосы, заплетенные въ двѣ косы; повойники эти бываютъ
дорогіе шитые. Платки носятъ разныхъ цвѣтовъ, но преимуще-
ственно красные и бѣлые; женщины украшаютъ и покрываютъ
голову платкомъ съ большимъ вкусомъ: безъ платка ни одна изъ
нихъ не выйдетъ на улицу.

пища.

Главную пищу составляетъ ситный хлѣбъ; рѣшетный, и
то далеко не такой черный и кислый, какъ въ степныхъ гу-
берніяхъ, ѣдятъ только со щами. Рѣдкая хозяйка не печетъ
ежедневно ситныхъ и прѣсныхъ пшеничныхъ лепешекъ, называе-
мыхъ кокурками; кокурки этѣ пекутся въ золѣ и мѣсятся
на молокѣ, сметанѣ, скоромномъ и постномъ маслѣ; нигдѣ не
умѣютъ ихъ такъ приготавливать и нигдѣ такъ не любятъ, какъ
у насъ: это напоминаетъ что-то азіатское. Кромѣ-того, въ каж-
домъ домѣ раза два въ недѣлю, а у зажиточныхъ ежедневно,
пекутъ пшеничные пироги и ватрушки. Говядины ѣдятъ ма-
ло; но много ситнаго хлѣба, кокурокъ, каши съ масломъ и яич-
ницъ. Въ праздники, ко всему сказанному, присоединяютъ: жа-
реную говядину, баранину, рыбу, медовые и паточные пряники,
маковую избойну и моченую грушу, которую ребятишки и
женщины вымѣниваютъ у промышленниковъ на тряпье и же-
лѣзный ломъ; постомъ ѣдятъ: постныя кокурки, гороховый
кисель. Со введенія въ употребленіе картофеля, женщины
стали приготавливать изъ него разные вкусныя кушанья, пото-
му - что здѣсь вообще не столько любятъ ѣсть много, сколь-
ко вкусно и лакомо. Съ-тѣмъ-вмѣстѣ рѣдко встрѣтишь у насъ и
пьяницу: во время годовыхъ праздниковъ больше пьютъ пиво про-
стое, и много винограднаго вина. Можно думать, что употребле-
ніе въ большомъ количествѣ молочной и прѣсной пищи имѣетъ не-
малое вліяніе на воздержаніе отъ пьянства. Съ-другой-стороны, из-
бытокъ прѣсной пищи, вѣроятно, служить причиной часто встрѣ-
чающихся здѣсь болѣзней худосочія, какъ-то: золотуш-
цынготнаго свойства; лучшимъ тому противудѣи-
бы большое употребленіе овощей, до которыхъ
охотники; но по безопасности они не ѣдятъ

ДОМОВОДСТВО.

По значительному количеству и изрядному качеству пахатной земли, а также и по близкому разстоянію отъ города, гдѣ такъ выгоденъ сбытъ земледѣльческихъ произведеній, жители селца Васильевского и окрестныхъ деревень должны - бѣ быть земледѣльцами по-преимуществу; на дѣлѣ выходить не такъ. Земля обрабатывается изрядно; но земледѣлецъ, прельщаясь примѣромъ нѣсколькихъ счастливыхъ промышленниковъ, все-таки болѣе желаетъ разбогатѣть на-сторонѣ, чѣмъ честнымъ и усидчивымъ трудомъ возвысить производительность своей земли и изъ ней добыть себѣ и средства пропитанія и деньги для уплаты денежныхъ повинностей. Слѣдствіе этого ложнаго направленія есть упадокъ земледѣлія, а съ-тѣмъ-вмѣстѣ и уменьшеніе народнаго богатства и доброй нравственности. Земледѣльческіе труды лежатъ всѣ обыкновенно на старикахъ, женщинахъ и дѣтяхъ; настоящій-же крестьянинъ предпочитаетъ трудъ посторонній, даже самый тяжкій — на-примѣръ, волжскій промыселъ или бурлачество, какъ потому что получаетъ тутъ деньги вдругъ, такъ и по охотѣ и привычкѣ къ разгулу. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что молодые люди хорошихъ домовъ и одинокіе отцы семействъ гнушаются бурлацкимъ промысломъ; если-бъ не нужда, не привычка, да была-бы возможность передышать хоть одинъ годъ дома и получше распорядиться вокругъ себя хозяйствомъ (причемъ, разумѣется, всего-бы нужнѣе былъ добрый примѣръ), то конечно ни одинъ изъ нихъ не пошелъ-бы на Волгу.

Между-тѣмъ, пока продолжается вышній порядокъ вещей, рѣдкій изъ крестьянъ владѣетъ топоромъ даже настолько, чтобы изготовить и построить нужное около двора; предпочитая зарабатывать деньги на-сторонѣ, иногда очень невѣрно, онъ оставляетъ всю обузу хозяйства на плечахъ жены, и потомъ платитъ мордвину или вообще наемному плотнику деньги за постройку даже амбара или двора, не говоря ужъ объ избѣ. Ктому-же дробное дѣленіе пахатныхъ земель много препятствуетъ порядочному земледѣлію: каждая десятина, гдѣ земли наръзапы на десятины, дѣлится на десять полосокъ, и такъ-какъ обыкновенно десять тяголъ составляютъ пай, то при надѣленіи землями сперва бросаютъ

жеребьи о десятинахъ между пайми, а потомъ о полоскахъ между пайщиками; въ - слѣдствіе - чего тягловому приходится иногда имѣть свою землю въ пятидесяти и болѣе мѣстахъ. Тутъ, кромѣ растраты времени и сѣмянъ, а также весьма частыхъ предлоговъ къ ссорамъ, является и то важное неудобство, что крестьянинъ не можетъ получить привязанности къ своему участку земли; а это конечно не послѣднее въ земледѣліи, и вообще въ земледѣльческомъ быту. По пріѣздѣ моемъ сюда, года два тому назадъ, я нѣсколько уменьшилъ это неудобство, надѣливъ cadaго тягловаго, въ каждомъ полѣ, ближнюю, среднюю и дальнюю десятинами, и имѣлъ уже утѣшеніе видѣть хорошіе плоды такого распорядка, при которомъ можно подуматъ объ улучшенномъ хозяйствѣ. Впрочемъ, довольно хорошее состояніе скотоводства и исправность земледѣльческихъ орудій показываютъ наклонность къ земледѣлію, которое искони здѣсь процвѣтало и опять будетъ процвѣтатъ, какъ-скоро крестьянинъ будетъ постоянно владѣть однимъ и тѣмъ же участкомъ земли. Прежде, по избытку въ лугахъ и большому количеству лѣсовъ, хлѣбъ рдился лучше, а потому и крѣстьянинъ имѣлъ меньше надобности добывать на-сторонѣ; въ-слѣдствіе-этого, и поколѣнія были рослѣе, здоровѣе.

Женщины любятъ огородничество; впрочемъ нѣкоторые хозяева предпочитаютъ покупать запасъ капусты на-сторонѣ. Разсуду и всякія сѣмена рѣдко кто разводитъ дома, а обыкновенно покупаютъ. Морковь и рѣпа истребляется еще лѣтомъ; кажется есть повѣрье, что морковь только лѣтомъ и годится въ пищу. Охотно покупаютъ и выстѣваютъ особенно-вкусные виды овощей; нѣкоторые разводятъ, или по-крайней-мѣрѣ не истребляютъ посаженные въ огородахъ цвѣты, кусты сирени и т. п. До садоводства есть много охотниковъ; но и тутъ наклонность къ стороннимъ промысламъ и бродяжничеству много мѣшаетъ успѣху.

ПРОМЫСЛЫ.

Существующіе здѣсь виды промысловъ можно привести къ четыремъ главнымъ родамъ; именно: а) волжскій промыселъ, или бурлачество, къ которому, по сходству, присоединимъ извозы, б) наемъ въ работники, в) промыселъ торговцевъ, и г) промыселъ ремесленниковъ и заводчиковъ.

Хорошіі крестьянинъ всячески старается избѣгать бурлачества, гдѣ рискуеть потерять здоровье и подвергается не-пріятности слушать сквернословіе, котораго онъ дома никогда не слышитъ; но приманка задатка, безпечной жизни, сытной говяжей пици и вина, тянетъ на Волгу. Большая-часть лоцмановъ, выходящихъ изъ здѣшней губерніи, принадлежать къ Нижегородскому уѣзду. Лоцманъ, смотря по тому, сколько знаетъ воды, получаетъ въ лѣто—отъ 500 до 1,200 р. (счетъ денегъ здѣсь, какъ и послѣ, ведется на ассигнаціи); завозильные лкорей — отъ 300 до 500 р.; водоливъ и вмѣстѣ плотникъ—отъ 200 до 350 р.; бурлакъ получить въ двѣ весеннія путины—отъ 50 до 70 р., но часто гораздо менѣе, или и — вовсе, ничего. Что касается вообще до извозничества, то, кромѣ обыкновенныхъ зимнихъ извозовъ, многіе крестьяне отправляются на Нижегородскую-Ярманку перевозить товары. Въ настоящее время такъ много охотниковъ къ этому промыслу, что рѣдкому доведется получить порядочный барышъ, а если онъ и есть, то поступаетъ больше въ харчевни и тому подобныя заведенія, а между-тѣмъ страдная обуза жнитва лежитъ на женщинѣ; тѣмъ-не-менѣе, многіе крестьяне остаются извозничать въ городѣ на круглый годъ.

Такъ-какъ многіе хозяева отправляются съ весны на Волгу и въ другіе промыслы, то необходимость велитъ нанимать работниковъ, или по здѣшнему—«батраковъ». Пятнадцатилѣтнему мальчику платятъ—съ весны до Лѣтней-Казавской—отъ 20 до 30 р.; работнику—на все лѣто—отъ 70 до 80 р.; жнеу—на все жнитво—отъ 22 до 28 р., а за десятину—отъ 5 до 7 р., смотря по году. Весьма многіе крестьяне, особливо зажиточные, отдають поля свои жать, несмотря на достатокъ домашнихъ рукъ. Въ жнеи, а частью и въ работники, преимущественно нанимаются бобыли и бобыльки, которыхъ въ нашихъ мѣстахъ много: занимаемыя ими, а также безсрочными и отставными солдатами, такъ-называемыя «кельи», составляютъ шестую-часть всѣхъ дворовъ въ деревняхъ. Кромѣ сельскихъ работъ, крестьяне очень охотно нанимаются въ дворники и работники къ купцамъ и къ деревенскимъ торговцамъ.

Главный мѣстный торговый промыселъ есть торговля тряпьемъ. Какъ въ Васильевскомъ, такъ и въ селѣ Большихъ-

Ключищахъ, откуда Васильевцы выселены, пятая-часть жителей занимается набираниемъ тряпья, или для себя, или для хозяевъ изъ своихъ-же крестьянъ. За это работнику платятъ въ годъ отъ 300 до 500 р., и товаръ отправляютъ преимущественно на заводы Пермской и Оренбургской губерній, также въ Казанскую губернію къ Чувашамъ и Русскимъ. Продаваемый приэтомъ дурной товаръ, въ-особенности иглы, дѣлаемыя на московскихъ фабрикахъ и извѣстныя подъ названіемъ англійскихъ, поддерживаютъ, и въ торговцахъ и въ покупщикахъ, страсть къ взаимному обману другъ-друга. Лучшее тряпье берется въ здѣшнемъ уѣздѣ; выручки бываетъ и рубль на рубль, и болѣе, и ничего. Тряпичники набираютъ также и ломъ желѣза; впрочемъ нѣкоторые крестьяне особо занимаются перевозкою ломанаго желѣза изъ города на заводы: въ Павлово, Ворсму, Погостъ; причемъ сами его сортируютъ и потомъ уже продаютъ.

Зажиточные крестьяне, лоцмана и другіе, любятъ торговать хлѣбомъ и рыбой, за которой ѣздятъ зимой въ Астрахань. Впрочемъ, хлѣбною торговлею занимаются и небогатые крестьяне, иногда цѣлыми деревнями; такъ, на-примѣръ, жители села Семети. Хлѣбъ покупаютъ въ селахъ Лысковъ и Константиновъ, мелютъ его преимущественно на своихъ мельницахъ, и вывозятъ на базары въ Нижній. Приэтомъ, по слухамъ, не обходится безъ подмѣсей въ муку, ради барыша, который иначе получить трудно, по обыкновенной дешевизнѣ хлѣба.

Многіе крестьяне, особливо въ деревняхъ Чеглавъ и Мокрой, имѣютъ свои маслобойни, на которыхъ перебиваютъ приносное, но больше свое и покупное сѣмя. Съ нѣкотораго времени повсемѣстно стали входить въ употребленіе винтовые прессы, вмѣсто прежнихъ неуклюжихъ приборовъ. Если, по дешевизнѣ масла, и не всегда есть доходъ отъ этого промысла, то въ-замѣнъ остается всегда въ барышахъ прокормленіе скота. Промысломъ этимъ занимаются самые честные и расторопные крестьяне. Для земледѣлія очень жаль, что огромные запасы льнянаго сѣмени идутъ изъ Лыскова въ Англію въ видѣ зерна, а не въ видѣ масла, которое хорошо могло-бы быть перевозимо въ боченкахъ, сдѣланныхъ изъ своего дуба и своими ловкими руками.

Мясничествомъ занимаются зажиточные крестьяне, а иногда и жители цѣлыхъ деревень; на-примѣръ, деревни Кремлюкъ. Говядину возятъ въ Нижній и солить. Впрочемъ, этотъ промыселъ не приноситъ существенной пользы народному богатству, въ-особенности по тому, что случается много злоупотребленій при покупкѣ скота у крестьянъ, на ярманкахъ, равно-какъ во время самого боя и обдиранья.

Выше сказано, что жители очень способны къ механикѣ, и это поддерживается большимъ количествомъ у нихъ мельницъ и маслобоенъ. Впрочемъ, самыхъ простыхъ мастеровъ, на-примѣръ обыкновенныхъ плотниковъ — мало: которые есть, тѣ ходятъ на постройку барокъ; другіе готовятъ ящики для винъ. Вообще можно сказать о здѣшнихъ крестьянахъ, что они рукомесль не любятъ. Видно также и тутъ предпочтеніе бродячаго промысла усидчивому труду: нѣкоторые крестьяне деревни Елховки гнутъ ободья, дѣлаютъ колеса и валиютъ валенки, но не дома, а за Волгой, въ заводахъ. Примѣчательнѣйшіе изъ промышленныхъ заведеній суть синильни и красильни, которыя выручаютъ отъ 300 до 700 р. въ лѣто; въ деревнѣ Мокрой есть солодовни и искусныя заводы. Женщины прядутъ безъ самопрялокъ, и ткутъ узкія полотна на станкахъ, дѣлаемыхъ въ окрестностяхъ.

ПРИМѢРНЫЙ РАСЧЕТЪ ЖИЗНЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ И РАСХОДОВЪ СЕЛЬСКАГО СЕМЕЙСТВА.

Крестьянинъ селца Васильевского имѣетъ на тягло въ каждомъ полѣ по 3 казенныхъ десятины земли, изъ которыхъ, на всѣ 50 тяголъ, отдѣлено въ каждомъ полѣ по 3 десятины мірской запашки; съ этой земли онъ получить хлѣба и выручить отъ домашняго скота и птицы:

			руб.	коп.
ржи	12 четв., по 10 р.	—	120	.
яровой пшеницы . .	3 четв., по 13 р.	—	39	.
овса	9 четв., по 6 р.	—	54	.
ячмю	2 четв., по 1 р. 75 к.	—	3	50
гороху	3 четв., по 1 р. 60 к.	—	4	80
гречисвиць крувъ . .	3 четв., по 1 р. 60 к.	—	4	80
съ усаду ячменя . .	1½ четв., по 7 р.	—	8	75

		руб.	коп.
картофелю	5 четв., по 3 р. 50 к.	на	17 50
прочих овощей		—	5 .
сына	160 пуд. по 30 к.	—	48 .
две овцы	каждая по 6 р.	—	12 .
теленко		—	5 .
отъ куръ		—	15 .
		итого	337 р. 35 к.

Сверхъ-того, заработаетъ промыслами:

		руб.	коп.
ранней путевой на Волгу		на	45 .
перевозкой желѣза и другими лѣтними промыслами		—	15 .
перевозкой товаровъ на Нижегородской - Ямани		—	38 .
въ зимнее время, извозомъ, шитьемъ тулуповъ, или работой въ кузницахъ		—	50 .
		итого	148 р. . к.

Между-тѣмъ, жена его вытчетъ:

		руб.	коп.
холста	120 арш. по 17 к.	на	20 40
сукна и оуць		—	12 .
		итого	32 р. 40 к.
		а всего	517 р. 75 к.

Здѣсь взять въ разсмотрѣніе одинокой крестьянинѣ, который если и не всегда можетъ получить отъ промысловъ 150 р., то все-же общая сумма его валоваго дохода можетъ быть оценена въ 500 р.

Для удобнѣйшаго учета содержанія крестьянской семьи со встѣмъ домашнимъ обиходомъ, всего лучше привести все нужное для того въ стоимость ржи по денежной ея цѣнѣ. Крестьянину, съ женой, старикомъ и тремя малолѣтними дѣтьми, нужно въ мѣсяцъ на харчи $10\frac{1}{2}$ пудовъ ржи, полагая на каждого взрослого по 2 п., а на малолѣтняго по $1\frac{1}{2}$ п.; молоко и масло при этомъ не считаются, но они не положены и въ общій счетъ прихода: вѣрность же хлѣбнаго расчета основана на личномъ опытѣ содержанія, въ продолженіе двухъ лѣтъ, пятнадцати чело-вѣкъ дворовыхъ людей, изъ которыхъ взрослые употребля-лись на всѣ работы. Скотъ въ здѣшнихъ мѣстахъ содержится болѣею-частью на мѣшанинѣ, такъ-что небольшая

еще продается; въ-слѣдствіе-того, у исправнаго тягольнаго крестьянина (каковы большая-часть здѣшнихъ), на домашній обзаводъ скотомъ, состоящій изъ одной лошади, одного жеребенка, одной коровы, одного теленка, четырехъ овецъ и пяти куръ, выйдетъ, въ продолженіе года, третья-часть того количества муки, которое идетъ на само семейство. Итакъ годовой обиходъ полнаго крестьянскаго хозяйства будетъ:

	руб.	коп.
на собственное содержаніе крестьянской семьи 126		
пудъ муки, по 1 р. 25 к.	157	50
на итснво скоту 42 пуда.	52	50
стиа стравить скотомъ 120 пудъ	36	.
на холстъ и шерсть для одежды, съ прибавкою 10 р. за		
спянку нитокъ, за сапоги, и портному	42	40
картофель и овощи	22	50
голи пудъ па 2 р. и дегтю на 2 р. 50 к.	4	50
ставъ комель сдѣлать 8 р., становится на 2 года, слѣ-		
довательно въ годъ	4	.
ремонтъ сбрун и земледѣльческихъ орудій	3	50
подушныхъ съ души около 5 р. 50 к., съ тягла-же за		
дѣтъ съ половиною души	12	25
пастушнихъ денныхъ и ночныхъ съ тягла	2	.
оспоривавтелю съ души 12½ к., и столько-же сотско-		
му съ тягла	62
этѣпныхъ, отправляемыхъ деньгами, съ души 1 р. 60 к.,		
а съ тягла	4	.
рекрутскихъ, полагаа крутомъ по 50 к. съ тягла	14	50
	итого .	356 р. 27 к.
священно-церковно-служителямъ, хлѣбомъ и деньгами	2—	50—
барскаго оброка	70	— .
	всего .	428 р. 77 к.

Выходитъ, что у крестьянина должно оставаться до 90 р. асс., которые поступаютъ на ремонтъ лошади, дома, на базары.

Впрочемъ, рѣдко одинокой крестьянинъ выручить 150 р. промыслами; можно, поэтому, выбросить 30 р. выручки на ярманкѣ и 10 или 15 р. съ волжскихъ и зимнихъ промысловъ. Да и вышесказанный урожай хлѣба я не могу выдавать за средній-нормальный, потому-что нахожусь здѣсь не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Зато надобно сказать, что торговцы-рукомеслен-

ники и заводчики выручают, пожалуй, и больше. Вообще рѣдкій крестьянинъ здѣсь не имѣетъ денежки про черный день; а еще болѣе рѣдкій не имѣетъ кредиту.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ селѣтъ Васильевскомъ, кромѣ общественной запашки, заведена запашка на господина по $\frac{1}{3}$ дес. въ полѣ на тягло: заботы по этой запашкѣ производятся все мѣромъ, по собственному распоряженію мѣра и старосты; отъ господина назначается только время и количество работъ. За работу запашки, по $\frac{1}{3}$ дес. на тягло въ полѣ, общество получаетъ отъ господина издѣльной платы по 10 р. на тягло и зерномъ за мольбу; за остальную-же землю, по 3 дес. на тягло въ полѣ, каждое тягло платитъ 70 р. оброка. Другія натуральныя повинности, подводную и особенно рекрутскую, крестьяне всячески стараются замѣнять платежемъ денегъ. Изстари рекрутъ цѣнится въ 4,500 р.: сумма эта со всей справедливостью раскладывается по семьямъ и числу взрослыхъ душъ, такъ-что на каждую такую душу налагается по 500 р., и никто, даже и одинокіе, не избавлены отъ этой домашней раскладки; при этомъ три тягла составляютъ полнаго рекрута, и если нельзя замѣнить человека деньгами, то счетъ или рекрутскій долгъ не забывается даже до третьяго поколѣнія. Въ замѣнъ своихъ рекрутъ, крестьяне получаютъ иногда рекрутъ отъ помѣщиковъ, изъ дворовыхъ людей, приписанныхъ къ имѣнію, и тогда остаются по-прежнему крестьянами, взнося помѣщику слазанную сумму; а иногда и сами прикупаютъ для этой цѣли въ имѣніе цѣлыя семьи дворовыхъ или крестьянъ, и, по отдачѣ годныхъ въ рекруты, хозяева, или тѣ, за которыхъ рекрутъ пошелъ, содержать семейство его на свой счетъ, выстроиваютъ ему келью и все прочее, и постоянно награждаютъ самаго рекрута, который дѣлается какъ-бы членомъ семейства во все время своей службы, и даже по выходѣ въ отставку. Обычай этотъ чрезвычайно полезенъ здѣсь потому, что иначе оставалось-бы много необработанной земли, такъ-какъ здѣшнее народонаселеніе, естественнымъ путемъ рожденій, въ слѣдствіе частаго отсутствія мужчинъ по промысламъ, уменьшается.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Въ общественномъ быту здѣшнихъ крестьянъ свято сохраняется порядокъ старинный, христіанскій. Всякая власть уважается, какъ данная отъ Бога: Государя Императора называютъ Великимъ Государемъ, вспоминая имя Его съ глубокимъ благоговѣніемъ. Собственнаго своего Господина старики именуютъ тоже Государемъ: слово его уважается свято и передается изъ-рода-въ-родъ, въ новѣйшее же время любить имѣть отъ него и слово письменное; чтутъ также особу и слово Священника, котораго въ разговорахъ нерѣдко именуютъ Настоятелемъ. Засимъ, главное основаніе общественнаго устройства есть уваженіе къ старикамъ и ихъ общему приговору. Если въ вотчинѣ нѣтъ уполномоченнаго Бурмистра, то выбирается на три или на одинъ годъ деревенской Староста; также назначаютъ Выборнаго, то-есть счетчика, сборщика и казначея; потомъ, на каждыя 50—80 тяголъ, ежегодно опредѣляется Десятникъ, то-есть нарядчикъ для исполненія требованій Земской Полиціи и распоряженій Старосты, для домашняго надзора и внутренней сельской расправы; сверхъ-того, съ каждыхъ пяти тяголъ, поочередно, у Становаго находятся Сотскіе, панимаемые міромъ съ воли, за 100 и 120 р. въ годъ. Староста, самъ-собой, не рѣшится ни на что важное, касающееся всего Общества, безъ стариковъ; мірскія-же сходки собираются лишь для денежныхъ раскладокъ, и на нихъ рѣдко крестьянныя молодежь сорока лѣтъ возвышаетъ голосъ: взаимная довѣренность къ избираемому начальству и сонму стариковъ такъ велика, что молодежь считаетъ предосудительнымъ что-либо говорить на сходкѣ. Слово держать все; слово-же, то-есть мірское неодобреніе, болѣе всего наказываетъ. Тѣлесныя наказанія употребляются для непослушныхъ и невоздержныхъ. Денежнаго штрафа очень боятся, но еще болѣе общественнаго неодобренія, бросающаго порокъ на весь домъ. Въ назначеніи наказаній, міръ бываетъ очень снисходителенъ: «Богъ проститъ!» говорятъ большею-частью старики. Ныдѣ, со времени частаго раздѣленія семей, меньше стали обращать вниманія на непочтительность дѣтей къ родителямъ.

БЫТЬ УМСТВЕННЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ.

Народъ здѣшній вообще убѣжденъ въ нравственномъ превосходствѣ своемъ передъ жителями всѣхъ другихъ частей Россіи; и это убѣжденіе отчасти основано на дѣйствительномъ превосходствѣ здѣшнихъ жителей передъ другими въ образованности, способностяхъ ума, болѣе развитой гражданственности и общественномъ бытѣ.

Превосходство умственныхъ способностей достаточно обнаруживается въ искренности, необыкновенномъ соображеніи и смѣтливости въ торговыхъ оборотахъ, расчетливости и бережливости въ домашнемъ быту, и наконецъ въ довѣріи къ необходимости общественного распорядка и всякой власти: въ этомъ послѣднемъ качествѣ выражается особенно чувство осѣдлаго, зажиточнаго гражданина, который понимаетъ всю важность и пользу распределенія должностей или круга дѣйствій каждаго, и разумно сознаетъ, что въ цѣломъ одинъ-другимъ поддерживается; а потому власть ближайшую и болѣе всего оберегающую его гражданскій бытъ, то-есть господина своего, здѣшній крестьянинъ чтитъ глубоко. Что касается до превосходства образованности, то оно выказывается въ вѣжливомъ обращеніи между-собою и съ посторонними, особливо на чужой сторонѣ; также въ болѣе сознательной вѣрѣ, и въ-особенности въ строгомъ соблюденіи христіанскихъ обычаевъ, какъ-то явной и тайной подачею милостыни и вспоможеніемъ ближнему, хотя-бы и изъ посторонней деревни. Это послѣднее охотно дѣлается какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлымъ мірскимъ обществомъ; въ-слѣдствіе-чего, въ нашъ уголъ идутъ и ѣдутъ за милостынею за сто и болѣе верстъ, и крестьянинъ всегда подастъ что-нибудь «Христа-ради». Сознательность же вѣры выражается всегдашнимъ чувствованіемъ Промысла Божія, какъ надъ цѣлымъ обществомъ, такъ и надъ каждымъ лицомъ, во всѣхъ мелочахъ жизни: это видно, между-прочимъ, и изъ того, что, при всякомъ недоумѣніи, крестьянинъ съ молитвой полагается на жеребей; тоже свидѣтельствуется выше замѣченнымъ частымъ употребленіемъ словъ: *прости Христа-ради!* и *Богъ мнѣ* привнесеніемъ имени Гос-

пода *Иисуса Христа* при всякомъ дѣлѣ, особенно въ случаѣ грозящей бѣды; особливимъ значеніемъ словъ: «*доброе дѣло!*»; и т. п. Сюда также должно отнести и дѣтское уваженіе къ старшему въ семействѣ, къ Старостѣ, къ Священнику, къ Господину: безъ благословенія котораго - нибудь изъ этихъ лицъ, ни одинъ крестьянинъ не отправится въ путь, не приметъ ни за что важное; «*батюшка, благослови!*» говоритъ онъ, и благословляющій отвѣчаетъ: «*дай, Господи, доброй, святой часъ!*» Дѣятельность и живость ума не допускаютъ при этомъ крайностей: крайности ежели есть, то больше происходитъ отъ глубокаго уваженія къ старинѣ и стариннымъ повѣрьямъ, которыхъ не находятъ полезнымъ замѣнять новизнами, и — правду сказать — не безъ причины.

Все это въ совокупности внушаетъ здѣшнымъ жителямъ уваженіе къ себѣ, не чуждое нѣкоторой гордости и даже нетерпимости: такъ, при водвореніи крестьянъ изъ другихъ мѣстъ, здѣшніе крестьяне до тѣхъ-поръ не примутъ новопереселенцаго въ свое братство, пока не поддержать его кредитомъ; не дадутъ, безъ особаго понужденія, невесты въ домъ, пока домъ этотъ не приметъ встѣхъ здѣшнихъ обычаевъ. Посему, первымъ отличительнымъ нравственнымъ качествомъ здѣшняго народа должно счесть уваженіе его къ своей общественности, проникнутой христіанскими понятіями. Этою-то, пережившею вѣка, народною чертою, можно объяснить себѣ патріотизмъ Нижегородцевъ въ знаменитомъ 1612 году; эта черта есть основаніе нравственной связи, любви и сыновняго страха, сохранившихся донынѣ въ чувствахъ здѣшняго оброчнаго крестьянина къ его господину-помѣщику и приходскому - священнику; эта-же самая черта хранить, наконецъ, цѣлость народнаго быта и въ селѣхъ Васильевскомъ.

Другія отличительныя качества народа суть: твердость въ словѣ, смѣтливость и предпріимчивость, знаніе цѣны времени и деньгамъ. Съ темной стороны, замѣтна недостаточная твердость семейныхъ узъ между мужемъ и женою; чтó должно приписать отчасти сосѣдству Магометанъ, а всего болѣе многолѣтнимъ отлучкамъ мужей изъ домовъ по промысламъ. Есть также въ нравахъ нѣкоторая суровость; отчего сами здѣшніе жители называютъ себя «злымъ, лютымъ народомъ».

ОБЫЧАИ.

Молодые, по совершении брака, приводятся изъ церкви домой въ вѣнцахъ; свадебный пиръ, на-другой-день, называется «княжимъ столомъ». Дѣти рождаются въ баняхъ, гдѣ родильницы остаются нѣсколько дней: туда имъ, по случаю родовъ, приносятъ всякой-всячины. Мальчишки, съ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, начинаютъ уже пахать; дѣвушки и молодыя женщины въ зимніе вечера собираются другъ-къ-другу на «посидѣлки», а иногда гостятъ у родныхъ по нѣскольку недѣль. Во время посидѣлокъ, посторонніе мужчины рѣдко приходятъ; дѣвушки поютъ пѣсни, а больше говорятъ. Привычка ѣздить другъ-къ-другу въ гости, даже за нѣсколько десятковъ верстъ, очень распространена, особливо между женщинами. Послѣ похоронъ, никакихъ поминокъ не бываетъ; вмѣсто-того, подаютъ въ кельи тайную милостыню.

Во время пожаровъ, выносятъ изъ домовъ свѣтыя иконы; во время моровыхъ язвъ и т. п., служатъ молебны съ водоосвященіемъ, принося въ деревню иконы особенно чтимыя. По окончаніи посѣва, передъ возкой удобренія, всегда бываетъ мірское молебствіе съ поднятіемъ иконъ; при этомъ служатъ три молебна: первый — въ полѣ, причемъ обходятъ поля; второй — на ключѣ, съ водоосвященіемъ; третій — въ деревнѣ, и тутъ обносятъ иконы около деревни; послѣ обѣда, изготовленнаго міромъ у кого-либо изъ крестьянъ для священника и клира, крестьяне собираютъ къ околицѣ скотъ, служатъ молебенъ св. Флору и Лавру съ водоосвященіемъ, и прогоняютъ скотъ мимо священника, который кропитъ его святой водой.

Замѣчательно, что всѣ здѣшніе мужчины, безъ-исключенія, бръютъ у себя макушку головы. Обычай этотъ долженъ быть тѣсно связанъ съ религіозными воспоминаніями, потому-что бритье макушки обыкновенно возобновляется передъ большими праздниками, или какими-либо важными случаями, на-примѣръ: передъ тѣмъ какъ идти на судъ къ господину, и т. п. Старики выбриваютъ голову почти также, какъ католическіе капуцины; есть какія-то нелсныя преданія, что макушка брѣтся такъ въ воспоминаніе терноваго вѣнца Спасителя. Въ дѣлѣ свойственной Нижегородцамъ исключительности, о которой упомянуто было

выше, бритая макушка играет большую роль: кто считает себя наиболее виравъ гордиться собою, тотъ больше выбриваетъ себѣ макушку.

ИГРЫ И ЗАБАВЫ.

По воскресеньямъ и во время праздниковъ, молодежь собирается въ хороводы и поетъ пѣсни, что старики не очень любятъ. Хороводы продолжаются цѣлые дни; кромѣ пѣсень, взрослые почти не имѣютъ другихъ забавъ. Народный музыкальный инструментъ есть такъ-называемая «желѣйка», съ пятью дырочками; съ одного конца ея — камышенка, съ другаго — свернутая береста; звуки выходятъ какъ-бы двойные: искусные молодцы наигрываютъ на такихъ инструментахъ цѣлыя пѣсни. Въ послѣднее время появились-было ручные органчики; но старики разломали ихъ объ голову молодежи-охотниковъ. Старыхъ пѣсень, любимыхъ и стариками, нынѣ совѣтъ почти не поютъ, замѣняя ихъ внобѣ сочиненными.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

Народныя преданія, кажется, всѣ исключительно сосредоточены въ повтореніи церковныхъ преданій, иногда съ нѣкоторыми искаженіями и присказками.

СЕЛО УЛЬЯНОВКА.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
ЛУКОЯНОВСКАГО УЪЗДА.

(Свѣщенника М. Доброзракова.)

ПОЛОЖЕНІЕ СЕЛЕНІЯ.

Тамъ, гдѣ Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губерніи примыкаетъ къ границамъ губерній Симбирской и Пензенской, расположено, въ правильномъ квадратѣ, небольшое, разнополюстное селеніе *Ульяновка*. Съ сѣверо-восточной стороны оно отдѣляется отъ Симбирской и Пензенской границъ довольно-большою рѣкою *Исарою*; южная его сторона орошается небольшимъ истокомъ, который называется *Рѣчкой*; а съ сѣверо-запада отрѣзывается, отъ обширныхъ дачъ сосѣдняго села Оброчнаго, небольшою рѣчкой *Ламовкой*, впадающей въ главную рѣку *Исару*. *

* Чтобы яснѣе представить географическое мѣстоположеніе села *Ульяновки* (на «Картѣ Шуберта» означеннаго подъ именемъ *Ильинскаго - Ульянина*), присовокупляемъ, что оно находится въ весьма-близкомъ разстояніи отъ впаденія рѣки *Исары* въ рѣку *Алатырь*, которая въ сѣверѣ впадаетъ въ *Суру*, а эта наконецъ впадаетъ въ *Волгу*. Рѣка *Исары* — довольно-большою и дѣй-

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Село находится на обширной, ровной, прекрасной долианъ, на берегу озерка, называемаго Платнымъ, въ полуверстѣ отъ низменнаго берега рѣки Инсары. Съверо-восточная сторона окрестностей его, до рѣки Инсары, называется вообще луговою, а противоположная — степною.

Сторона луговая изобилуетъ тучной, питательной травой, и наполнена неодинаковой величины озерами, коихъ считается до пяти. Изъ нихъ: *Платное* или *Поддворное*, при которомъ

считательно такой представляется на картахъ, въ «Словарѣ Шекатова» означена пятноцею теченія до 100 верстъ, а у г. Штуkenберга — отъ 120 до 130 верстъ (причемъ у послѣдняго извѣстно она, по очевидной ошибкѣ, *Юссара* — *Jussara*, V. 517). Больше ничего объ этой «довольно-большой» рѣкѣ не обращается въ общемъ свѣдѣніи; а между-тѣмъ есть признаки, что она должна быть не безъ нѣкотораго значенія, именно — въ смыслѣ этнографическомъ. Замѣчательно уже и то, что самое названіе ея повторяется въ названіи другой соседней рѣки *Инсарки*, при которой стоитъ выпѣшій уездный Пензенской губерніи городъ *Инсара*, и которая принадлежитъ уже къ водоему не *Суры*, а *Оки*, чрезъ *Мокину* и *Иссу*, съ которой послѣдней сливается подлѣ самымъ городомъ *Инсарою*; какъ бы ни произошло такое распространеніе одного и того же имени на двѣ раздѣльныя рѣки, произошло оно вѣрно не даромъ! Но гораздо важнѣе другія, болѣе вещественныя указанія. На рѣкѣ *Инсарѣ*, о которой идетъ здѣсь рѣчь, выше села Ульянино, находится и теперь Пензенской губерніи уездный городъ *Саранскъ*; а по бокамъ его, почти на одной съ нимъ линіи — два старинные города: къ востоку — *Атемарь* (нынѣ пригородъ), къ западу — *Шешкеевъ* (нынѣ слобода). Вся эти три пункта въ старину были связаны между-собою валомъ, слѣды котораго, говорятъ, приметны донынѣ, и который, въ свое время, служилъ къ оборонѣ отъ вторженій Кубанскихъ Татаръ; стало-быть, тутъ долженъ былъ лежать одинъ изъ обычныхъ путей, которыми внутренность выпѣшней Европейской-Россіи, заросшая дремучими лѣсами, сообщалась съ своей южной степно-полевой Украиною. Поэтому, нельзя не предполагать здѣсь издревле столкновенія разныхъ народностей, между которыми Русская принадлежитъ къ числу самыхъ позднѣйшихъ. Нынешняя топографическая нomenclатура края свидѣтельствуетъ, что еще не въ давнія времена совместно существовали здѣсь по-крайней-мѣрѣ три совершенно раздѣльныя народности; въ окрестностяхъ рѣки *Инсары* есть селенія, которыя понынѣ называются: *Татарская-Пышля*, *Мордовская-Пышля*, *Русскій-Шебасъ*, и т. п. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по тѣмъ же признакамъ, видно, что старѣйшинство межъ этими народностями принадлежало Мордвѣ: цѣлая рѣка, впадающая въ *Инсару* съ правой стороны, почти на половинѣ разстоянія между городомъ *Саранскомъ* и селомъ *Ульяновкой*, называется и теперь *Мордовою*. *Прим. Ред.*

лежитъ селеніе, эллиптической фигуры, безъ всякихъ излучинъ и изгибовъ, имѣетъ въ поперечномъ діаметрѣ 32 сажени, а въ длинномъ болѣе 100 сажень; затѣмъ другое, называемое *Мещерское*, узкое, длинное, излучистое, въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 25 сажень, а въ длинномъ около 200 сажень; между тремя остальными, одно продолговатаго вида называется *Пузискимъ*, прочія два — безъимянныя. Вся эта сторона, особенно по берегамъ озеръ, заросла мелкимъ кустарникомъ, который жители употребляютъ для огородныхъ плетней и дворныхъ сараевъ; къ югу — кустарникъ оканчивается небольшою ольховой рощей.

Юго-западная сторона называется степною потому, что на юго-западъ отъ села, верстъ на пятьдесятъ и болѣе, нигдѣ нѣтъ лѣсовъ, кромѣ небольшихъ рощъ и мелкихъ кустарниковъ, такъ-что жители, за недостаткомъ дровъ, топятъ печи соломой. Сторона эта въ трехъ верстахъ отъ селенія начинаетъ постепенно возвышаться, и на двѣнадцатой верствѣ оканчивается высокою горою, называемою *Орловою*.

Грунтъ земли, на степной сторонѣ, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ плодороднѣе; нижній глинистый слой его одѣтъ богатымъ слоемъ чернозема въ аршинъ и болѣе толщиною, и даетъ обильныя жатвы ржи (американки и русской), овса, полбы, гречи (сибирки и русской), гороху и т. п. Только поближе къ селенію почва земли измѣняется; начинаются болота, трясины, ручейки и небольшіе овраги; черноземный грунтъ измѣняется въ иловатую почву, впрочемъ не менѣе плодородную, на которой обильно родятся ячмень, просо, ленъ и т. д. На луговой-же сторонѣ, грунтъ земли вездѣ иловатый.

КЛИМАТЪ.

Климатъ можно назвать среднимъ. Лѣтомъ атмосфера бываетъ душная и нѣсколько вредная, потому-что сторона низменная, наполнена озерами, болотами и тоями; туманы тогда густы и продолжительны; температура до 30° по Р. Въ зимніе мѣсяцы и въ промерзаетъ на 1½ аршина и ся бываетъ не менѣе 6, 4-1

Съ началомъ сентября тепло ощутительно уменьшается. Утренники бываютъ холодны, и бѣлый иней покрываетъ уже увядающую зелень; погода часто бываетъ пасмурная; солнце мало свѣтитъ, и лучи его, скользя по поверхности земли, уже не пагрѣваютъ ее; зелень блекнетъ, растенія увядаютъ, пожелтѣвшій древесный листъ, шумя, опадаетъ. Въ концѣ сентября и въ началѣ октября, всѣ растенія сосыхаютъ, дѣлаются безжизненны; между-тѣмъ, приметныя птицы, еще въ концѣ августа или въ началѣ сентября, улетають на теплый югъ, въ слѣдъ за удаляющимся солнцемъ.

Октябрь скученъ. Вся природа въ какомъ-то уныніи, въ ожиданіи чего-то печальнаго, грустнаго; только и слышны страшный вой вѣтра, да отвратительное карканье воронъ; только и видишь постоянные мелкіе дожди, грязь, сырость. Снѣгъ выпадаетъ иногда даже въ сентябрѣ, часто въ октябрѣ, но опять сходитъ; морозы иногда доходятъ до 15° по Р., такъ-что нерѣдко края рѣкъ замерзають и земляная работа въ поляхъ прекращается.

Съ каждымъ днемъ ноября, холодъ все больше и больше увеличивается; бури воють, дожди льются, и очень часто перемишанные съ снѣгомъ. Со второй половины ноября, а иногда и раньше, дожди превращаются въ пушистый, бѣлый снѣгъ, и вода, смѣшанная съ грязью, замерзаетъ; тогда начинаются вьюги и метели, устанавливается зимній путь, и по льду рѣки Инсары уже безопасно ѣздить на лошадяхъ: морозы въ это время доходятъ иногда до 20° по Р.

Декабрь, январь и февраль, однообразны, то-есть одинаково холодны, съ тою лишь разницею, что въ декабрѣ и февралѣ болѣе бываетъ пасмурныхъ дней, а слѣдовательно и болѣе падаетъ снѣгу, нежели въ январѣ. Январскіе дни вообще ясны: поверхность снѣга ослѣпительно бѣла; воздухъ сжатъ, пронизателенъ, и наполненъ иглообразными, кристаллизованными снѣжинками; солнце въ кругу, и тускло блеститъ сквозь сверкающія пылинки инея. Холодъ бываетъ жестокий; особенно, когда подуетъ тонкій сѣверный вѣтерокъ и морозъ дойдетъ до — 32°, а иной-разъ и болѣе, то невольно вспомнишь про жаркое лѣто. Впрочемъ, сильные морозы непродолжительны, и состояніе температуры въ эти три мѣ-

сяца очень непостоянно: часто случается, что, въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, термометръ отъ 20° холода поднимается до точки замерзанія; съ переменною сѣвернаго вѣтра на южный перемѣняется и температура, и ртуть, смотря по вѣтру, то быстро падаетъ, то возвышается.

Начало марта все еще холодно. Утренники морозны; но когда солнце станетъ прямо надъ землею, то холодъ ощутительно смигчается, и снѣгъ дѣлается плотнѣе: случается, что въ полдень термометръ показываетъ 5° или 6° тепла, а ночью до 15° холода. Въ серединѣ марта, любимый гость весны, жаворонокъ, уже весело вѣется надъ проталинками горъ, и пѣсню своей возвѣщаетъ скорое появленіе красной весны. И точно: къ концу мѣсяца, снѣгъ быстро исчезаетъ; вода съ шумомъ льется съ горной высоты и рѣки расторгаютъ свои ледяныя оковы; дикіе гуси и утки вереницами тянутся съ юга на сѣверъ. Но иногда весь мартъ бываетъ довольно холоденъ, и тогда разливъ рѣкъ бываетъ въ апрѣлѣ.

Съ каждымъ днемъ апрѣля тепло увеличивается: воздухъ бываетъ благорастворенный; дожди мелки, но часты. Въ этомъ мѣсяцѣ прилетаютъ многіе роды птицъ изъ южныхъ странъ; зелень повсюду является, и земледѣлецъ весело бороздитъ свой участокъ земли. Впрочемъ, въ 1848 году, постѣвъ ярового хлѣба, особенно бѣлотурки, по причинѣ безснѣжной зимы и скорой оттепели, начался еще со второй половины марта, а въ первыхъ числахъ апрѣля постѣанный яровый хлѣбъ уже пышно зеленѣлъ. Въ половинѣ апрѣля, скотъ выгоняется на пастбище, и овца можетъ уже набѣдаться; но крупный скотъ въ состояніи прокармливаться не прежде исхода мѣсяца.

Но вотъ наступаетъ май, царь весны, краса природы! Какъ тогда все оживаетъ; какая повсюду жизнь, во всемъ какая дѣятельность! Воздухъ тепелъ, благорастворенъ; солнце ярко свѣтитъ; земля покрывается пышною зеленью и убирается разнообразными цвѣтами, какъ невѣста въ день брака; журчатъ источники; птицы весело порхаютъ, и соловей восхищается всѣхъ своими неподражаемыми пѣснями; благовонный ароматъ разливается повсюду. Въ это время, намъ, скромнымъ жителямъ села Ульяновки, не кому и не въ чемъ завидовать; остается только безмолвно благоговѣть предъ щедрою десни-

цєю Всевышняго, такъ пышно расточившею дары свои на нашъ мирный уголокъ! Тепло доходить до 20°, и болѣе.

Іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто. Жары въ это время доходятъ иногда до 30° по Р.; ночи душны, дни томительны, и притомъ воздухъ наполняется вредными испареніями озеръ и болотъ: оттого жители часто подвергаются различнымъ болѣзнямъ, какъ-то горячкамъ и лихорадкамъ, и многіе младенцы помираютъ отъ поноса. Обыкновенно жары эти смягчаются обильными дождями, особенно въ исходѣ іюня и въ продолженіе всего іюля, во время уборки сѣна и хлѣба; но 1847 и 1848 годы были замѣчательны по необыкновенной засухѣ: въ эти два года, жары, въ продолженіе лѣта, доходили до 34° по Р.; въ полдень, въ тѣни, состояніе воздуха было удушливое, вѣтры жестокіе, солнце багровое, видима была какая-то мгла и чувствовался сильный запахъ гарью. Вообще-же, въ лѣтніе мѣсяцы, по утрамъ, бываютъ густыя туманы, иногда очень вредныя для цвѣта хлѣбныхъ растѣній, огородныхъ овощей и плодовыхъ деревьевъ; иногда они оставляютъ по себѣ ржавчину на соломѣ и травѣ, вредную для скота. Со вѣтромъ тѣмъ, въ іюнѣ и іюлѣ, разные огородные овощи, садовые плоды, полевые ягоды и хлѣбъ, какъ яровой, такъ и озимой, колосятся, цвѣтутъ и созреваютъ; въ августѣ же все убирается, поля покрываются скирдами, копнами и кладами, и къ концу мѣсяца весь хлѣбъ съ полей свозится. Такъ оканчивается лѣто.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.

Страна здѣсь вообще благословенная, щедро надѣленная Богомъ. Земля плодородна безъ всякаго удобренія; хлѣбъ родится самъ 6, самъ 7 и даже самъ 8 (исключая повсемѣстно неурожайныхъ годовъ, каковъ на-примѣръ былъ 1848 годъ); сѣна получается до 25 возовъ съ хозяйственной десятины. Въ отношеніи скотоводства, немаловажную выгоду представляютъ хорошіе водопой, которыми здѣшнія мѣста изобилуютъ. Рѣка Инсара богата прекрасной рыбой; въ ней водятся: сомы, сазаны, жерехи, лещи, подлещики, щуки, окуни, ерши, головли и другіе роды рыбъ. И озера изобильны не менѣе рѣки; въ нихъ водятся: караси, щуки, окуни, ерши, налимы, лини и нѣкоторыя другія. При такомъ обиліи, одинъ только здѣсь

недостатокъ, и недостатокъ важный — въ лѣсѣ. Выше уже замѣчено, что къ юго-западу отъ Ульяновки, верстѣ на пять-десять и болѣе, лѣса всѣ истреблены; остаются кое-гдѣ небольшія рощицы, и то въ половину посохшія: въ-слѣдствіе-того, жители села покупаютъ дрова, бревна, тесъ, мочало, лыки и т. п., въ огромныхъ лѣсныхъ дачахъ, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ Симбирской губерніи; но и тамъ лѣса съ каждымъ годомъ быстро исчезаютъ. Въ настоящее время, за возъ дубовыхъ дровъ платятъ здѣсь — до 25 к. сер., березовыхъ — 60 к., сосновыхъ-же и еловыхъ вовсе нѣтъ; бревно дубовое, 5 верш. въ отрубѣ и 7—8 арш. длиннику, стоить — 40 и 50 к., сосновое такойже величины — 70 и 80 к.; сотня девяти-аршиннаго теса — 40, а иногда и 42 р. сер. Впрочемъ, немногіе изъ жителей Ульяновки покупаютъ дрова; большая-часть не только топятъ домашнія печи, но и хлѣбъ сушатъ, въ ригахъ и овинахъ, ржаной соломой, наготовивъ ее для того напередъ жгутами, или короткими веревками; этимъ хорошо нагрѣваются дома, и всякой хлѣбъ высушивается удовлетворительно.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

По осьмой народной переписи, бывшей въ 1834 году марта 30 дня, въ селѣ Ульяновкѣ исчислено жителей:

	м. п.	ж. п.	о. п.
духовныхъ . . .	7	7	14
дворянъ . . .	2	7	9
военныхъ . . .	2	8	10
крестьянъ . . .	225	251	476
итого	236	273	509

Въ 1848 году оказалось, что, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, число жителей увеличилось только на одну десятую долю: приращеніе незначительное! Чтобы яснѣе было видно это приращеніе, предлагается здѣсь таблица, изъ которой можно усмотрѣть, на сколько въ которомъ году народонаселеніе увеличивалось чрезъ рожденія:

				обою родилось	пола. умерло.
въ 1834 году	.	.	.	15	10
— 1835 —	.	.	.	14	24
— 1836 —	.	.	.	27	11
— 1837 —	.	.	.	16	13
— 1838 —	.	.	.	24	17
— 1839 —	.	.	.	23	19
— 1840 —	.	.	.	13	20
— 1841 —	.	.	.	27	30
— 1842 —	.	.	.	18	16
— 1843 —	.	.	.	23	17
— 1844 —	.	.	.	13	14
— 1845 —	.	.	.	23	21
— 1846 —	.	.	.	23	15
— 1847 —	.	.	.	20	14
итого				279	240

Выходитъ, что самое меньшее число рожденныхъ было въ 1840 и 1844 годахъ — по 13 человекъ обою пола; самое же большее въ 1836 и 1841 годахъ — по 27 человекъ. Разность — 14 человекъ — значительна: она, кажется, произошла въ слѣдствіе меньшаго числа браковъ въ продолженіе 1839 и 1843 годовъ.

Въ добавокъ къ показанному увеличенію населенія черезъ рожденія, должно еще присоединить, что въ 1846 году, по распоряженію помѣщиковъ, переведено сюда 47 душъ обою - пола, жившихъ прежде Симбирской губерніи въ селѣ Озименкахъ. Такимъ образомъ, въ 1848 году, встѣхъ на-лицо жителей находилось здѣсь 593 души обою пола. Изъ нихъ большая часть принадлежитъ г-жѣ Приклонской, а меньшая — г-жамъ Шишимаревымъ.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Всей принадлежащей къ селу Ульновкѣ зѣмли, удобной и неудобной, считается, по генеральному межеванію, 1,303 десятины съ саженьями. Изъ нихъ:

подъ озерами и болотами	40 дес.
— кустарникомъ	10 —
— ольховою рощею	3½ —
— лугами	35 —

подъ селеніемъ и огородами	45 дес.
— обществами выгономъ	20 —
церковной земли	33 —
пашенной сельской	1,116½ —

Крестьяне все находятся на барщинѣ, и для хозяйственнаго порядка раздѣлены на тягла (мужъ съ женою), полутягла (одинъ муштина) и безтяглыхъ (старикъ шестидесяти-лѣтъ). Въ обихъ барщинахъ тяголь находится 89, полутяголь 4, безтяглыхъ 12. Каждое тягло получаетъ отъ владѣльцевъ по $4\frac{1}{2}$ дес. пашенной земли въ полѣ, или $3\frac{1}{2}$ дес. въ трехъ поляхъ, да сверхъ-того часть луговъ для сѣнокоса, выгонъ для настибища скота, огороды и конопляники: все это въ сложности составляетъ болѣе $4\frac{1}{2}$ дес. Полутягло получаетъ земли вполовину меньше тягла; а безтягольные получаютъ только одну пашенную землю, по $\frac{1}{4}$ дес. въ каждомъ изъ трехъ полей.

Имѣя въ непосредственномъ своемъ пользованіи по $4\frac{1}{2}$ хоз. дес. на тягло, крестьяне обязываются работать на помѣщика половину рабочихъ дней въ году; что не всегда достаточно вознаграждаетъ владѣльцевъ. Если изъ 365 дней года исключить все праздники, воскресные, царскіе и нѣкоторые другіе гулевые дни, то рабочихъ дней на весь годъ останется не болѣе 140; при этомъ, если кто-нибудь изъ тягольных занеможетъ, или умретъ, особенно во время уборки хлѣба, то помѣщикъ вдвойнѣ несетъ убытокъ: лишаясь работника въ самое нужное время, онъ долженъ еще заботиться и объ уборкѣ принадлежавшаго ему хлѣба. Кромѣ-того, помѣщику много предстоитъ и другихъ невыгодъ: въ случаѣ неурожая хлѣба, пожара, скотскаго падежа и т. п., онъ долженъ поддерживать благосостояніе крестьянъ, на которомъ основывается собственное его благосостояніе; не будь у крестьянина хлѣба или лошадей, и откажи ему помѣщикъ въ пособіи, крестьянинъ не въ состояніи будетъ обрабатывать господскую землю.

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

Жители села Ульяновки довольно статны: изъ нихъ много высокихъ, но большая-часть средняго роста; грудь имѣютъ высокую; широкоплечи; лица довольно правильны, чисты, бѣлы; глаза сѣрые, у немногихъ голубые; голова, носъ, руки,

ноги, пропорціональны всему тѣлу; волосы большею-частью свѣтлорусые, у немногихъ темнорусы, черныхъ-же никто не имѣетъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ недавнихъ переселенцевъ Симбирской губерніи села Озименокъ. Эти послѣдніе вообще многимъ отличаются отъ коренныхъ жителей села Ульяновки: они росту оредняго, и худощавы; грудь у нихъ впалая, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, лица длинныя со впалыми щеками, глаза каріе. Очертаніе лицъ у женщинъ нѣсколько продолговатое и довольно пріятное; онѣ худощавѣе мужчинъ, но зато стройнѣе, и расположеніе всего тѣла вообще у нихъ болѣе правильно и красиво.

Болѣзни, коимъ наиболее подвергаются здѣшніе жители, особенно въ продолженіе весны, лѣта и осени, суть перемежающіяся лихорадки, что должно главнѣйше приписать вреднымъ испареніямъ изъ озеръ и болотъ; впрочемъ немногіе отъ того умираютъ: только болѣзнь продолжается долго, и затѣмъ, по прошествіи лихорадочнаго состоянія, появляются мигрени, ломота въ ногахъ и поясницѣ. Во время жнитва, многіе часто страдаютъ болью живота и поносомъ, что должно отнести къ чрезмѣрному употребленію холодной воды во время разгорѣчанія посреди тяжкихъ работъ страды: и отъ этого возрастные умираютъ рѣдко; но зато мретъ множество младенцевъ, чему безъ-сомнѣнія способствуетъ и то, что матери, уходя въ поле, оставляютъ ихъ на цѣлый день въ домахъ, подъ плохой присмотръ мадамъ-тѣннихъ дѣвочекъ, или дряхлыхъ старухъ, которыя, вмѣсто молока, часто поятъ младенцевъ сырою водою, а мать, пришедши потѣмъ съ поля, кормитъ дитя грудью, въ которой молоко, въ продолженіе дня, совершенно перегорѣло.

Многіе младенцы дѣлаются жертвою натуральной оспы, не предупрежденной прививаніемъ. Этому предлогомъ служить неумѣстная чувствительность матерей, которыя никакъ не соглашались отдавать дѣтей въ руки оспопрививателя, боясь видѣть страданія младенца. Впрочемъ, тутъ скрывается другая, гораздо сильнѣйшая причина — глупый предрасудокъ здѣшнихъ жителей: причинить кому-либо болѣзнь съ намѣреніемъ — грѣхъ; а какъ боль, происходящая отъ привитія оспы, есть слѣдствіе согласія матери, то она считаетъ это грѣхомъ важнымъ, непростительнымъ! Но не важнѣе-ли грѣхъ

родителей, когда дѣти, по небреженію нѣтъ, умираютъ натуральною оспою? Въ этомъ, къ сожалѣнію, они не хотятъ съзнаться, а возлагаютъ всю вину на какой-то безусловный, слѣпой рокъ: «такъ случилось, такъ рокъ судилъ, такъ угодно было Богу!» обыкновенно говорятъ они; «чему положено быть, тому не миновать; а мы дѣтямъ своимъ худа не желали!».

Кромѣ-того, между младенцами, по-временамъ, появляются и дѣйствуютъ повально: скарлатина, коклюшъ и корь; причемъ, въ слѣдствіе неосторожнаго содержанія и небреженія дѣтей отъ простуды, много умираетъ ихъ въ скарлатинѣ, а послѣ кори появляются упорныя грудныя болѣзни.

Чахоточныхъ вовсе нѣтъ; зато много одержимыхъ золотухою и удушьемъ. Замѣчаются признаки лю бострастной болѣзни; впрочемъ, безъ смертоносныхъ послѣдствій. Въ 1848 году, холера, свирѣпствовавшая въ селѣ Ульяновкѣ съ 17 іюля по 1 сентября, похитила до 40 человекъ обою пола, болѣе слабыхъ и старыхъ, нежели молодыхъ и здоровыхъ, и притомъ болѣе женщинъ, нежели мужчинъ; слабость тѣлосложенія и робость женскаго пола, по-видимому, усиливали предрасположеніе къ принятію заразы.

Хотя изъясненныя обстоятельства имѣютъ не совсѣмъ благопріятное вліяніе на здоровье здѣшнихъ крестьянъ и располагаютъ ихъ ко многимъ болѣзнямъ, есть однако между ними много съ крѣпкимъ сложеніемъ тѣла и съ большою силою. Свободно переносятъ они на себя большія тяжести, и неутомимо дѣйствуютъ ежедневно, въ полѣ и дома. О ловкости и проворствѣ ихъ многого сказать нельзя; впрочемъ, если крестьянинъ захочетъ похвастаться, то можетъ кончить самую трудную работу очень проворно и ловко. Это называется у нихъ молодецтвомъ, удалствомъ, которое иногда ведетъ за собой гибельныя послѣдствія: случаются примѣры, что иной, поднимая на себя тяжести, несоразмѣрныя съ силами, изнуряетъ себя такъ, что, во весь остатокъ своей жизни, не въ состояніи привести силы свои въ нормальное положеніе.

Языкъ жителей села
тѣтъ для слуха, нежели въ

— при
это

должно - быть оттого, что въ селѣ Ульяновкѣ издавна живетъ много помѣщиковъ и при нихъ очень много дворовыхъ людей, которые, научаясь болѣе правильному языку отъ своихъ господъ, въ свою очередь передаютъ его крестьянамъ. При всемъ томъ, все-таки много здѣсь уклоненій отъ общепринятаго образованнымъ классомъ языка; много мѣстныхъ оттѣнковъ, не подходящихъ подъ общія грамматическія правила. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ этихъ уклоненій:

а. Особенности произношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласную букву *а* любятъ превращать въ *е*; на-примѣръ: я видѣлъ Царя и Церицу, *вм.* Царя и Царицу; часы, *вм.* часы; часовня, *вм.* часовня; причещеніе, *вм.* причащеніе; шейтанъ-бы тебя побралъ (извѣстная между крестьянами брань), *вм.* шайтанъ-бы тебя побралъ; пешня, *вм.* шашня; счелливый, *вм.* счастливый. Съ другой стороны, *е* превращаютъ въ *а* и въ *и*; на-примѣръ: чаловѣкъ, чаво тебѣ хочется, или жлается? *вм.* человѣкъ, чего тебѣ хочется, или желается? цалавать, *вм.* цѣловать; жавать, *вм.* жевать; зимля, *вмѣсто* земля; сидю, *вм.* сѣдю, и т. п. Очень любятъ *о* превращать въ *а*; на-примѣръ: харашо, *вм.* хорошо; багатый, *вм.* богатый; агародъ, *вм.* огородъ; адннъ, *вм.* одинъ, и т. п. Также въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласную *я* превращаютъ въ гласную *е*; на-примѣръ: былъ въ редахъ, *вм.* въ рѣдахъ; ѣздилъ въ городъ Резань, *вм.* Рязань; ѣли ребину, *вм.* рябину; ребой, *вм.* рябой, и т. п. Иногда *я* превращаютъ въ *и*; на-примѣръ: грида, *вм.* грѣда; онъ на меня глѣдитъ, *вм.* глядитъ; дьичекъ, *вм.* дѣйчекъ. Иногда согласную *ж* перемѣняютъ въ соответствующую *з*; на-примѣръ: жсмчугъ, *вм.* жемчугъ; зилѣзо, *вм.* желѣзо. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ случаяхъ, двѣ согласныя буквы перемѣшиваютъ между собою, ставя одну на мѣсто другой; на-примѣръ: у него дурной рнавъ, *вм.* правъ; онъ мнѣ нернавится, *вм.* не нравится; онъ дѣлаетъ всѣмъ рнаученіа, *вм.* правоученія. Переселенцы изъ Симбирской губерніи прилагаютъ совершенно лишнюю гласную букву *а* предъ *г* въ началѣ слова: агарохъ, *вм.* горохъ. Также измѣняютъ окончанія нѣкоторыхъ существительныхъ именъ; на-примѣръ: церква, *вм.* церковь; плантъ, *вм.* планъ; Ангиль, Архангиль, *вм.* Ангелъ, Архангелъ; Херукой, *вм.* Херувимъ; Саваоѣ, *вм.* Саваоѣ, и т. п.

б. Особенности въ словообразованіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа измѣняютъ такъ, что говорятъ: *вм. огней — огневъ*; *вм. глазъ — глазевъ*; *вм. волосъ — волосевъ*; *вм. галокъ — галковъ*; *вм. палокъ — палковъ*, и т. п. **Наконецъ**

в. Особенныя мѣстные слова: *Алырить*, тоже *шаберить* — быть безъ дѣла. *Баяю* — говорю. *Бажаяю* — желаю, хочу. *Гс-же* — хорошо, пріятно, вкусно. *Ижно* — такъ-что. *Кандейка* — маленькая чашечка. *Кесь* — кажется. *Кобель* — пенекъ. *Коврига* — коровай хлѣба. *Крома*, *цолуля* — большой кусокъ хлѣба. *Лихоманка*, *трясушка* — лихорадка. *Намъднись* — недавно, на этихъ дняхъ. *Нешто* — да. *Подлежъ* — мягкій снѣгъ. *Покалявать* — поговорить. *Поружена* — поношена. *Сакма* — слѣдь. *Сговать* — спрятать. *Толды* — тогда, *когда* — когда. *Харчъ* — говядина (въ обширномъ-же смыслѣ — и всякая пища, не только для человѣка, но и для лошадей). *Шиберь* — сосѣдь.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ УСТРОЙСТВО ДОМОВЪ.

Жилища крестьянъ, по недостатку лѣса, вообще неуклюжи и неудобны: ветхи, сыры, дымны, темны, тѣсны. Впрочемъ, нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ начинаютъ заботиться объ улучшеніи какъ собственно домовъ или избъ своихъ, такъ и прочихъ надворныхъ принадлежностей; въ селѣ найдется дома два покрытыхъ тесомъ, и домовъ пять општукатуренныхъ глиною. Вообще-же, вотъ внѣшнее и внутреннее устройство здѣшнихъ жилищъ, одинаковое у всѣхъ крестьянъ, отъ перваго богача до послѣдняго бѣдняка:

Деревянная изба, не болѣе какъ въ 3 сажени по лицу и въ $1\frac{1}{2}$ сажени вышины, покрыта соломой въ аршипъ, а иногда и болѣе толщиною. Три красныхъ окна въ избѣ считается пышностью и роскошью; бережливый хозяинъ никакъ не позволитъ у себя прорубить ихъ столько: онъ прорубаетъ только одно въ срединѣ фаса избы, а по сторонамъ два маленькихъ, называемыхъ волковыми; болѣе-же экономный дѣлаетъ два волковыхъ, и только. Съ лѣвой стороны дома обыкновенно ставятся тяжелыя, скрипящія ворота, подъ большимъ соломеннымъ навѣсомъ.

или погребъ, или же плетневый сарай, куда на зиму ставятъ лѣтнюю упряжь, а на лѣто — зимнюю. Взойдя на дворъ, на правой сторонѣ увидишь стѣну, кое-какъ прилепленную къ задней стѣнѣ избы, за которыми обыкновенно строится другая изба въ два этажа, внизу которой иногда дѣлается погребъ, но чаще анбаръ, а вверху такъ-называемая клѣть. Последняя бываетъ всегда холодная и темная, съ однимъ волковымъ окномъ; тутъ обыкновенно хранится все имущество хозяевъ, какъ-то: праздничное мужское и женское платье и сундуки (иначе — коробки) съ холстами, бѣльемъ и прочей домашней рухлядью; здѣсь также хранятся и деньги, если есть. Входъ въ клѣть бываетъ всегда изъ задней вверхъ по плохой лѣсницѣ, а въ погребъ, или въ анбаръ — со двора. Засимъ плетневый сарай, которымъ замыкается все надворное строеніе.

Войдя въ избу, въ заднемъ углу, съ правой или лѣвой стороны двери — смотря по тому, съ какой стороны дома стоятъ ворота: если съ правой, то въ лѣвомъ углу дома, и наоборотъ — находится огромная печь, занимающая четвертую часть избы, глиняная, и безъ трубы. Съ другой стороны двери придѣлывается коникъ, или широкая лавка, отличающаяся отъ обыкновенныхъ лавокъ тѣмъ, что подъ ней всегда дѣлаются дверцы, куда кладутъ лапти, колодки, козлы, донцы, гребни и проч., а обыкновенныя лавки таковыхъ дверецъ не имѣютъ. Отъ коника, вокругъ всѣхъ стѣнъ, идетъ также широкая лавка, которая у печи оканчивается высокой скамейкой, называемой залавкомъ; эта последняя своимъ устройствомъ походитъ на коникъ, и также имѣетъ дверцы, куда кладется вся домашняя посуда, какъ-то: блюда, чашки, ложки и проч.; но она гораздо выше коника и обыкновенныхъ лавокъ. Въ некоторыхъ избахъ, отъ двернаго косяка во всю длину печи, придѣлывается деревянная лежанка, по просторѣчю называемая казенкою, которая дѣлается такъ: отъ двери, вдоль всей печи, идетъ дощатая стѣнка, сверху ея настилается потолокъ, а внизу устраиваются двери, куда въ зимнее время на ночь загоняютъ телятъ и ягнятъ, а лѣтомъ куры высидиваютъ тамъ цыплятъ; самая-же казенка дѣлается съ той цѣлью, чтобъ можно было на ней спать, когда печь еще горяча. Кроме-того, у некоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, отъ наружнаго угла печи до перед-

ней стѣны избы, дѣлается деревянная перегородка, доски которой украшаются разными рѣзными фигурами: эта загородка называется чуланомъ, и есть женская половина дома. Весь передній уголъ занимаетъ божница, предъ которой ставится большой, неуклюжій столъ. Отъ середины избы къ задней стѣнѣ, подъ самымъ потолкомъ, устраиваются палаты, или подмостки, гдѣ, во время зимы, все семейство укрывается отъ холода.

ОДЕЖДА.

Обыкновенное мужское платье зимою: овчинный полушубокъ, и чернаго домашняго сукна чапанъ, или кафтанъ, сшитый по покрою халата; на головѣ—четвероугольная, высокая шапка, съ овчиннымъ или какимъ другимъ околышемъ, и плисовымъ или суконнымъ верхомъ; на рукахъ—кожаныя рукавицы; на ногахъ—лапти, съ шерстяными, бѣлыми опуками, а по праздникамъ—длинные, широкіе сапоги. Лѣтомъ почти тоже, что и зимой: полушубокъ бесцѣнно носится во все времена года, зимою—въ морозы, и лѣтомъ—въ жары; впрочемъ, по праздникамъ, носятъ короткія, суконныя полукафтаны, или нанковые халаты, а вмѣсто шапки—полярковыя шляпы, кои часто украшаются лентами, различными оловянными и мѣдными пряжками и павлиньими перьями, что считается верхомъ щегольства. Нижнее платье мужчинъ состоитъ изъ бѣлой, или пестрядиной рубахи, и такихъ же порть; по праздникамъ, на будничную рубаху надѣваютъ другую праздничную, непременно красную, и красные же порты.

Женское обыкновенное платье зимою такое же точно, какъ у мужчинъ, кромѣ головного убора; праздничное же отличается, и бываетъ довольно опрятно: задубленая, а иногда покрытая нанкою (преимущественно желтою и зеленою)—шуба, вокругъ опушенная хорькомъ и обложенная на вершокъ пливсомъ или лентою; на ногахъ—боты, часто вышитыя канителью и фигурно украшенные сукномъ. Головной праздничный уборъ, который женщины носятъ круглый годъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, тоже недуренъ: небольшой волосничекъ, въскольکو наклоненный впередъ, ~~вынизанный~~ ^{или вышитый} разноцвѣтною шерстью, ~~или же~~ ^{или же} длинною бѣлою кисеею, ~~или же~~ ^{или же}

вязываютъ голову платкомъ, безъ волосничковъ, и изъ-подъ платка выпускаютъ наружу длинную косу, въ которую вплетаютъ мѣдную пряжку съ большимъ пучкомъ различныхъ ситцевыхъ лоскутковъ и привѣшиваютъ небольшой четверугольный ко-сникъ, который виситъ гораздо ниже пояса. Въ праздничные весенніе и лѣтніе дни, молодыя женщины и дѣвицы наряжаются въ красивые сарафаны, называемые кумачниками, а если нѣтъ та-кихъ, то въ синіе китайчатые; подолъ, промцы и передъ сарафа-новъ бываютъ обшиты, въ два ряда, у богатыхъ — позументомъ, у бѣдныхъ — лентами или ситцемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, опоясываются длиннымъ, широкимъ поясомъ. Рукава у рубахъ бываютъ изъ краснаго ситца, со шитымъ на плечахъ лоскуткомъ другого сит-ца; на шею вѣшаютъ бусы, янтари, и съ недавняго времени нача-ли употреблять толстый, чернаго шолка шнуръ, которымъ дѣ-лаютъ около шеи оборотовъ пять или шесть, такъ-что послѣдніе обороты низко спускаются на грудь.

ПИЩА.

Обыкновенная пища поселянъ скудна преимущественно — во время постовъ, а въ мясоѣдъ — по середамъ и пятницамъ: тутъ у нихъ только щи изъ черной капусты, безъ всякой при-правы, и затѣмъ хлѣбъ да вода. Гречневая каша бы-ваетъ не всегда и не у всѣхъ: большая-часть ѣдятъ ее только по воскреснымъ днямъ и по другимъ великимъ праздникамъ; мясо еще рѣже употребляется. Зажиточные ѣдятъ иногда го-рохъ, картофель, огурцы и рѣдку; но это считается столомъ роскошнымъ. Удивительно, что не всѣ хозяева сѣютъ здѣсь горохъ и картофель, а если и сѣютъ, то весьма мало: картофель и горохъ могли-бы замѣнять для нихъ и кашу и самый хлѣбъ, ого-бенновъ неурожайные годы, и вообще служить лакомымъ блю-домъ. Праздничная пища мало отличается отъ обыкновенной: тѣже пустые щи, тотъже хлѣбъ и вода. Квасъ въ рѣдкомъ домѣ можно найти, и то не квасъ, а окисленную воду. Впрочемъ, въ великіе праздники, какъ-то: на Рождество-Христово, Крещенье, въ Свѣтлую - Недѣлю и въ сельскій Храмовый - Праздникъ, столъ бываетъ лучше: тогда много подается говядины, бара-нины, куръ, поросятъ, гусей; дѣлаются различные похлебки, пироги, каша; подаютъ молоко и яйца. Притомъ, въ Свят-

ки, въ Сырную и Свѣтлую Недѣли, и особенно въ Храмовый-Праздникъ, кушанья приготовляются въ большемъ количествѣ для угощенія родныхъ, друзей и знакомыхъ, званыхъ и незваныхъ; въ эти дни много выпивается пива и вина. Также, во время сѣнокоса употребляется лучшая пища.

Нѣстныя занятія.

Крестьяне, естественнымъ порядкомъ вещей, пріохочены къ трудамъ, свойственнымъ ихъ быту, и ими поочередно заняты у нихъ весь годъ. Три дня въ недѣлѣ, какъ мушчины, такъ и женщины, занимаются господской работой, а всѣ прочіе дни — своей собственной. Зимой, молотятъ хлѣбъ, мнутъ конопля, посконъ и ленъ: помолоченный хлѣбъ, мушчины, на своихъ лошадахъ, отправляютъ въ Нижній-Новгородъ, въ Муромъ, въ село Лысково и другія хлѣбныя пристани. Въ длинныя осенніе и зимніе вечера, женщины прядутъ ленъ, посконъ и шерсть, какъ для господскаго обихода, такъ и для своего; мушчины плетутъ тогда лапти, чинятъ конскую сбрую, и т. п. Съ началомъ весны, мушчины пахутъ подъ яровой хлѣбъ землю и сѣютъ, а въ свободное отъ работъ время исправляютъ упряжь, вновь дѣлаютъ и переправляютъ сохи, бороны, телеги, роспуски, и занимаются надворнымъ строеніемъ; женщины ткутъ холсты и сукна. Затѣмъ начинается полоть яроваго хлѣба, потомъ — съ половины іюня — сѣнокосъ, а тамъ — пашия подъ озимой хлѣбъ. Не успѣетъ все это кончиться, какъ уже и рожь созрѣла, и въ слѣдъ за нею яровой хлѣбъ; тутъ-то начинаются тяжкіе труды для каждого, какъ для возрастнаго, такъ и для малолѣтняго: всѣ, безъ изыятія, занимаются жнитвомъ, косьбой, вязаньемъ сноповъ, возкой съ полей пожатаго хлѣба, молотьбою на стѣна ржи, и т. д. Эта трудная работа продолжается до глубокой осени, и во все время ея женщины едва успѣваютъ запясться домашними дѣлами, присмотрѣть за малолѣтними дѣтьми, прибрать птицу и скотъ: онѣ очень мало спятъ, поздно ночью ложатся въ постель, и рано утромъ пробуждаются отъ сна. Осенью, если хорошая погода, то молотятъ хлѣбъ; если же ненастная, то заботится о господскихъ и своихъ дворахъ, переправляютъ ихъ, покрываютъ вновь соломой, и защищаютъ на зиму.

Людей ремесленныхъ всякаго-рода здѣсь очень довольно; есть хорошіе сапожники, башмачники, портные, столары, кузнецы, плотники, штукатуры. Всѣ они прекрасно знаютъ свое ремесло, но мало получаютъ выгодъ; потому-что города губернскіе и уѣздные далеко отстоятъ отъ села, вблизи-же нѣтъ и такихъ помѣщичьихъ имѣній, гдѣ-бы жили сами владельцы, а оттого и работать не на кого. Посему, главное, наиболее любимое и наиболее выгодное занятіе здѣшнихъ поселянъ есть собственно сельское хозяйство.

Земледѣліе предпочитается всѣмъ прочимъ частямъ сельскаго хозяйства и вообще промышленности. Здѣшнему поселянину, хотя-бы онъ былъ и ремесленникъ, земледѣліе необходимо къ пропитанію себя и своего семейства; и при хорошемъ ремеслѣ, но безъ хлѣбопашества, онъ былъ-бы послѣдній бѣднякъ, и нашелся-бы принужденнымъ питаться милостынею: между-тѣмъ, такъ-какъ тягловый крестьянинъ получаетъ отъ владельцевъ болѣе четырехъ десятинъ земли, то ему, и при посредственномъ урожаѣ, легко можно пропитать посѣяннымъ хлѣбомъ семью въ шесть человекъ, уплатить всѣ подати и повинности, и быть хорошимъ хозяиномъ; а другимъ ремесломъ, если будетъ работа, можетъ онъ заниматься въ остальное, свободное отъ земельныхъ работъ, время. По принятому издавна обычаю, хлѣбопашество производится здѣсь въ такомъ порядкѣ, что земля, принадлежащая къ селу, вся раздѣлена на три участка или поля, изъ которыхъ первое обыкновенно засѣвается озимымъ хлѣбомъ, второе — яровымъ, а третье остается въ парѣ круглый годъ. По этой системѣ трехпольнаго хозяйства, рожъ всегда приходится сѣять на томъ-же мѣстѣ черезъ два года на третій; и такой круговой сѣвооборотъ колосоваго хлѣба сильно истощаетъ землю, такъ-что здѣшняя земля, сама-по-себѣ весьма плодородная, видимо слабѣетъ. Старожилы утѣряютъ, что, лѣтъ двадцать или тридцать назадъ, никто изъ поселянъ не имѣлъ нужды удобрять землю, и земля щедро вознаграждала земледѣльца за легкіе труды; нынѣ-же, напротивъ, годъ-отъ-году все больше и больше уменьшается растительная сила, и земледѣлецъ за гораздо большіе труды несравненно меньше вознаграждается. Это каждый поселянинъ видитъ своими глазами; а между-тѣмъ, къ об-

щему удивленію, никто не хочет заняться удобреніемъ земли, и навозъ все еще по-старому выбрасывается со дворовъ на улицы и въ овраги, безъ всякой пользы. Главный корень такой небрежности есть конечно безплодность владѣній: никому не хочется удобрять свой участокъ потому только, что, при размѣжеваніи, удобренная земля можетъ перейти въ другія руки и положенные на нее труды пропадутъ напрасно.

Огородничество находится еще на низкой степени. Въ огородахъ садятъ лукъ, рѣдьку, морковь, бобы, свеклу, капусту и огурцы. Картофель, какъ уже было замѣчено, большая часть жителей совершенно не садитъ; да и прочіе овощи стѣются на одной, много на двухъ грядкахъ, такъ-что не успеетъ наступить зима, а ужъ все они и поѣдены.

Лошадей, равно какъ и прочаго домашняго скота, при изобиліи покосовъ, очень мало. Все хозяева вообще держать скотъ только для домашняго употребленія; никто—для продажи. Лошади—малорослы, безсильны, безобразны; коровы—тоже дурной породы; на овцахъ—шерсть крупная, короткая. Въ рѣдкомъ домѣ можно найти двѣ коровы и десятокъ овецъ, и то никуда негодныхъ, тогда-какъ очень удобно-бы было развести хорошія породы и коровъ, и овецъ, и лошадей. У помѣщиковъ находятся здѣсь два прекрасныхъ конскихъ завода: одинъ въ самой Ульяновкѣ—г-жи Приклонской, другой въ селѣ Оброчномъ—г. Потемкина (А. Я.): оба завода чистой орловской породы. Кроме-того, у владѣльцевъ же, есть два завода рогатаго скота, и заводъ черкасскихъ тонкошерстныхъ овецъ. Но крестьянинъ въ скотоводствѣ не видитъ выгодъ; онъ считаетъ лучшимъ остающееся у него стѣно продать за бездѣльную цѣну.

Было уже сказано, что рыбныя ловли здѣсь прекрасны; жители однако мало занимаются и этой отраслью промышленности: они ловятъ рыбу только для домашняго употребленія.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

Разныхъ обычаевъ и обрядовъ, при разныхъ житейскихъ случаяхъ, у здѣшнихъ крестьянъ очень много; но все они, полагаю, болѣе для местного народа всего обширнѣе собственно Ульяновскаго.

А. ОБРЯДЫ СВАДЕБНЫЕ.

При сговорахъ и свадьбахъ крестьянъ, въ особенности, есть много занимательнаго и любопытнаго, отражающаго на себѣ характеръ древней Руси.

Выборъ невесты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха, и женихъ никогда не противорѣчитъ волѣ родителей. Какъ родители, такъ и женихъ, мало обращаютъ вниманія на наружную красоту дѣвицы; выборъ основывается болѣе на хорошей нравственности, кротости, трудолюбіи, смысленности, доброй славѣ семьи, и т. п. Если дѣвица не имѣетъ этихъ достоинствъ, то хотябы слыла первою въ околоткѣ красавицею и ходила весьма нарядно, ея всѣ пренебрегаютъ, и даже бѣднякъ не захочетъ ее за себя посватать. «Чтѣ намъ въ ней?» говорятъ обыкновенно старики: «что въ этой красавицѣ проку? Она не умѣетъ ни шить, ни прастъ ни ткать, а только умѣетъ щеголять; а вѣдь мужу не въ стѣнку врѣзать смазливую жену, да глядѣть на нее: «жеппинимъ-же богатствомъ вѣкъ не проживешь. А вотъ эта «дѣвица, хоть и не такъ красива и богата, такъ зато рабѣ ботяща, умна, скромна, невѣтреница, изъ хорошей семьи, а вѣдь хорошая яблонь и сладкіе яблоки родить; она и мужа «будетъ любить, обувать и одѣвать, да и насъ не забудетъ на «старости лѣтъ, а это вѣдь не шутка!» Нельзя, конечно, сказать, чтобы приэтомъ совершенно презираемы были богатство и красота наружная; но, во всякомъ случаѣ, это уже достоинства второстепенныя.

Выбравъ, такимъ образомъ, достойную дѣвицу, родители жениха и близкіе по родству совѣщаются, кого откомандировать для сватанья; обыкновенно выборъ падаетъ на расторопную, говорливую и опытную въ такихъ дѣлахъ женщину, хотябы и не родственницу, причемъ общаются ей напередъ хорошій подарокъ, если она успѣетъ въ дѣлѣ. Сваха идетъ въ домъ невесты, начинаетъ издалика заводить разговоръ о женихѣ, вычисляетъ всѣ его внутренніе и внѣшніе качества, по секрету открываетъ матери невесты цѣль своего прихода, и проситъ на другой день передать свое согласіе или несогласіе. По уходѣ свахи, мать и отецъ невесты крѣпко задумываются, судятъ,

обсуживают жениха и всю семью его, и наконец рѣшаютъ дѣло такъ: «Дѣвка не должна брезговать парнемъ, да и чѣмъ онъ «не мужъ нашей дочери? Умень, работающъ, тягло свое тянетъ «исправно, податей за собой не держитъ; парень бравый, здо- «ровый, ровно кровь съ молокомъ, да и семью нечѣмъ похулить! «Чтоже намъ забиваться вдаль? Знать уже суждено нашей доче- «ри быть за нимъ замужемъ, а вѣдь суженаго и конемъ не объ- «ѣдешь!» Узнавъ о такомъ рѣшеніи, сваха, съ веселымъ лицомъ и съ разными гримасами, поговорками и пословицами, идетъ въ домъ жениха рапортовать объ успѣхѣ. И вотъ, подробно отобравши отъ ней всѣ свѣдѣнія, отецъ жениха, съ нѣко- «торыми изъ родныхъ своихъ, идетъ самъ въ домъ невесты, взявъ съ собою вина и коровай хлѣба. Поздоровавшись съ хо- «зяиномъ дома, гости говорятъ ему: «У тебя есть продажный «товаръ, а у насъ купецъ; мы пришли покупать: продаешь-ли?» Отецъ невесты, понимая смыслъ словъ, отвѣчаетъ: «Я радъ, «если вы не побрезгуете товаромъ.» И нареченные сва- «товья дѣлаютъ между собою условія: какимъ образомъ дол- «женъ быть совершенъ бракъ, какое за невестою будетъ приданое, и сколько невеста должна получить отъ же- «ниха «вкладу», то-есть денегъ и верхняго платья. Условив- «шись такимъ образомъ, нареченные сватовья начинаютъ уго- «щать другъ-друга: прежде отецъ жениха, принесенною съ собою водкой и хлѣбомъ, угощаетъ отца невесты; потомъ отецъ невесты угощаетъ пришедшихъ гостей: это называется «запоемъ». По окончаніи пирушки, отецъ жениха проситъ отъ невесты даръ въ родѣ задатка, и невеста вручаетъ своему бу- «дущему свекру красные или синіе порты, которые онъ дол- «женъ передать жениху. Тѣмъ оканчивается сватовство.

Въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ, въ домъ невесты бы- «ваетъ пиръ, или вечеринка. На эту вечеринку отецъ невесты созываетъ всѣхъ своихъ и жениныхъ родныхъ, друзей и зна- «комыхъ; приглашаетъ также дѣвицъ раздѣлить послѣдній «вечеръ съ своею подружкою, попить пивень, и тѣмъ утѣ- «шить безутышную невесту. Сюда приходятъ и женихъ, съ отцемъ и прочей своей родней. Хозяинъ дома встрѣ- «чаетъ новую родню на порогѣ съ въѣзнымъ при- «обѣдомъ: «добро пожаловать, гости дорогие!...»

женому отцу, и самъ садится. Поѣздъ движется въ домъ невесты, а впереди чело­вѣкъ пять молодыхъ парней, заломивъ шапки на бекрень, скачутъ верхами; съ ружьями назади, перекрестивъ грудь большими красными платками.

Тоже самое бываетъ и въ домъ невесты. Также наряжаютъ ее въ лучшее платье; также благословляютъ ее отецъ съ матерью; также дружка распоряжается всѣмъ, какъ и въ домъ жениха. По приѣздѣ, онъ соединяетъ жениха съ невестою рука-съ-рукой и сажаетъ за столъ. Гости все опять пьютъ и закусываютъ, кромѣ жениха и невесты, которые благоговѣнно приготавливаются къ великому, священному таинству. Дружка кричитъ: «Пора!» Все встаютъ. Потомъ дружка начинаетъ говорить: «Ну, православные! по-русски присядемъ, да помолимся Богу, и поблагодаримъ хозяевъ за хлѣбъ за соль! Время и въ добрый путь!» Все снова садятся и молчатъ: это минута благоговѣйнаго безмолвія, это священный обрядъ отъѣзжающихъ. Новый крикъ дружки: «Пора!» пробуждаетъ отъ молчанія; опять все встаютъ, и молятся Богу. Послѣ молитвы, прощальныя слова отца и матери сливаются съ поцѣлуями увозимой невесты. У всехъ на глазахъ наворачиваются слезы: невеста безъ чувствъ падаетъ въ объятія матери, вливается въ нее жадными устами, и вздохи замираютъ въ ея сладкихъ поцѣлуяхъ; она желала-бы какъ можно долѣе оставаться въ такомъ положеніи, но голосъ и сильныя руки дружки невольно увлекаютъ ее изъ родимаго крова, и Богъ-знаетъ куда. И вотъ, усадивши жениха и невесту на особыя телеги, дружка громко кричитъ къ собравшемуся изъ любопытства народу: «Народъ крещеный! Благословите нашихъ бояръ къ кресту и вънцу!» Все отвѣчаютъ: «Богъ васъ благословить! И мы не отротчики!»

Поѣздъ съѣзжаетъ со двора. Отецъ съ матерью выходятъ за ворота, и долго, долго, провожаютъ любезную дочь прощальными знаками. Весь поѣздъ быстро движется впередъ. Но, чрезъ нѣсколько минутъ, дружка возвращается на своей тройкѣ къ дому невесты, слезаетъ съ телеги, и подходитъ къ воротамъ. Ворота закрыты. Онъ стучитъ сильно рукой, и кричитъ: «Отпирите!» — На крикъ его отвѣчаютъ со двора: «Не отопремъ, давай выкупъ!» — «Что вамъ надо?» — «Рышето вина и визанку денегъ!» — Дружка подаетъ въ подворотню стаканъ вина и мѣдный грошъ;

ему отпирають ворота; онъ входитъ въ избу, и спрашиваетъ хозяина: «Отчего ты такъ печаленъ; не болитъ-ли голова! — Тотъ «отвѣчаетъ: «Нѣтъ!» — Такъ не пропало-ли что?» — «Пропало.» — «А что?» — «Моя дочь.» — «Такъ я тебѣ скажу, говоритъ дружка, «гдѣ твоя дочь; она не пропала, а на руки напала; она больно «приглянулась нашему молодцу (такому-то — по имени и по отчеству), да и онъ-то ей знать по сердцу пришелся; сговорились, да «и увѣхали въичаться!» — Отецъ невесты, нѣсколько разъ перекрестясь, подносить стаканъ вина дружкѣ, и дружка, выпивъ вино, бѣжитъ въ клѣтъ къ дѣвицамъ выкупать постель. Кончивъ это, онъ возвращается къ поѣзду, который и затѣмъ еще нѣсколько разъ до церкви останавливается: поѣзжане пьютъ пиво и вино; также подчиваютъ и встрѣчныхъ, изъ опасенія чтобы злой челоувѣкъ не испортилъ молодыхъ.

По окончаніи таинства брака, на церковной паперти, головной уборъ невесты перемѣняется; вмѣсто платка, надѣваютъ ей на голову волосникъ. Затѣмъ отправляются въ домъ жениха; по дорогѣ мимоходящихъ угощаютъ пивомъ и виномъ, и на каждомъ перекресткѣ, или поворотѣ, поѣздъ останавливается, и дружка приглашаетъ знакомыхъ и незнакомыхъ въ гости къ новобрачнымъ: «Милости просимъ, людъ честной, къ нашимъ молодымъ, на сыръ-коровай!» Тѣ благодарно кланяются.

Пріѣхали. Высаживаютъ молодыхъ, и дружка, соединивъ ихъ рука-съ-рукою, ведетъ въ растворенныя ворота. У входа въ сѣни, отецъ жениха ожидаетъ молодыхъ съ иконою въ рукахъ, а мать съ короваемъ хлѣба и съ солоницею. Молодые, приложась къ иконѣ, цѣлуютъ отца съ матерью, потѣмъ хлѣбъ съ солью, и идутъ въ избу; вдругъ кто-нибудь изъ родныхъ печально обсыпаетъ новобрачную чету хмѣлемъ смѣшеннымъ съ мякиною: это, говорятъ, для того, чтобы новобрачные во всю жизнь были веселы. По приходѣ въ избу, сажаютъ молодыхъ въ передній уголъ; садятся и всѣ поѣзжане. Тутъ какая-либо родственница подаетъ молодой супругѣ младенца: та нѣсколько времени держитъ его на своихъ рукахъ, и передаетъ молодому мужу, а онъ отдаетъ обратно родственницѣ. Дружка потѣмъ начинаетъ подносить гостямъ вино, и каждый, взявъ рюмку, поздравляетъ новобрачную чету съ законнымъ бракомъ; молодые встають, благодарятъ, и стоятъ пока гость выпьетъ всю рюм-

ку и отдастъ поднощику: тутъ-то происходитъ такъ-называемое «ломанье надъ молодыми»; гость, отпивдая поцемногу вина, кричитъ: «Горько!», и молодые должны приэтомъ цѣловаться. Наконецъ, дружка, который тѣшитъ, между-тѣмъ, гостей шутками и прибаутками, кричитъ: «Пора!», и всѣ встаютъ. Молодыхъ выводятъ изъ-за стола тѣмъже порядкомъ, какъ они вошли за столъ, то-есть — чтобы столъ не обходить вокругъ: иначе, говорить суевѣріе, молодая не будетъ родить. Затѣмъ дружка и сваха ведутъ ихъ на брачную постель, которая заранее приготовляется въ задней избѣ, или въ клѣти. Тамъ вмѣстѣ готовъ и столъ съ разными кушаньями, которыми дружка угощаетъ молодыхъ, а потѣмъ укладываетъ спать. Дверь снаружи запирается замкомъ. Дружка, между-тѣмъ, время отъ времени подбѣгаетъ къ запертой двери, прислушивается, и, когда замѣтитъ, что молодые проснулись и встали, кличетъ сваху и вмѣстѣ съ ней опростею бѣжитъ отпирать дверь. Молодыхъ одѣваютъ, вводятъ назадъ къ пирующимъ гостямъ, и тутъ открывается завѣтная тайна брака: или радостная, или печальная для родныхъ; впрочемъ, что бы ни случилось, радость или печаль, пирующие все это скоро забываютъ.

По приходѣ новаго свата съ своей родней, молодые начинаютъ раздавать подарки. Дружка ставитъ на поднось рюмку съ виномъ, или стаканъ съ пивомъ, а сваха на другой поднось кладетъ подарокъ. Оба подходятъ къ тому, кого слѣдуетъ дарить, и кланяются ему, а дружка приговариваетъ:

Во пиру веселомъ,
Во теремъ высокомъ,
Четыре ноги подходятъ,
Четыре руки подносятъ,
На золотомъ блюдѣ,
Чару зелена вина.
Изволь чару выкушать,
Изволь впередъ выступить,
Изволь посмотреть,
Какъ вилъ князь съ княгиней
Быютъ тебѣ челомъ.
Прими челобитье,
А самъ положи

Золотую гривну.
Они люди на-вои:
Имъ нужны дѣла:
На шильце, на мыльце,
На тонки полотенца,
На кривыя веретенца,
На бѣлыя, на румяны.
На синіе сарафаны:
Надо имъ коня купить,
Надо имъ его кормить.
На вѣкъ воду возить:
Вода-то хоть и близко,
Да ходить-то слезко.

Вызванный такимъ образомъ, гость встаетъ съ своего мѣста, беретъ рюмку съ виномъ, или стаканъ съ цивомъ, начинаетъ понемногу прихлебывать съ разстановкою, а въ это время молодые лежатъ у его ногъ; по временамъ и тутъ кричить онъ: «Горько!», и молодые встаютъ, цѣдуются, и опять падаютъ къ нему въ ноги. Наконецъ, выпивши напитокъ, беретъ онъ съ подноса подарокъ, состоящій обыкновенно изъ платка, полотенца, или просто нѣсколькихъ аршинъ холста, утирается имъ, и, поцѣловавъ молодыхъ, кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ: это называется «отдарьемъ». Обнесши такимъ порядкомъ всѣхъ присутствующихъ, молодые садятся за столъ, и тутъ-то начинается пированье. Пьютъ, ѣдятъ; дѣвицы поютъ пѣсни, молодые парни играютъ на дудкахъ, балалайкахъ, гармоніяхъ и скрипкахъ; пляска, шумъ, крикъ, говоръ, смѣхъ; и все это оживляется неподдѣльною веселостію дружки и радушіемъ хозяевъ. Пиръ длится иногда до разсвѣта, и называется «горнымъ столомъ».

На другой день дѣлается такаяже пирушка въ домѣ отца молодой, и иногда цѣлую недѣлю длится перегулка между новыми сватовьями. Такъ оканчиваются брачныя обряды.

Б. ОБРЯДЫ ПРИ ДРУГИХЪ ЖИТЕЙСКИХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Похороны и поминки умершихъ вообще не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ только что всякой присутствующій родственникъ или знакомый, хотябы вовсе не былъ расположенъ плакать по умершемъ, долженъ непременно вопить сколько достанетъ у него силъ, исчисляя всѣ качества и хозяйственныя занятія покойнаго, не то сочтутъ его безчувственнымъ. Общій обычай велитъ класть въ руку всякому похороняемому покойнику платокъ. Нѣкоторые особые обряды бывають при похоронахъ во время смертоносныхъ поварныхъ болѣзней: тутъ, какъ въ церковь для отпѣванья, такъ и на кладбище, умершаго несутъ впередъ головой, и притомъ какая-нибудь женщина, въ самой околѣцѣ, или на перекресткѣ, взявъ въ руки косырь, нѣсколько разъ ударяетъ имъ по дорожку: это, по суевѣрному предразсудку, значить пересѣчь путь мертвецу и тѣмъ прекратить навсегда смертоносную язву.

★

Когда угрожает селенію какая-либо повальная болѣзнь (на-примѣръ—въ последнее время холера), то, ночью, собираются нѣсколько старыхъ и незамужнихъ дѣвицъ, извѣстныхъ своей христіанскою жизнью, и, съ иконою и зажженными свѣчами въ рукахъ, идутъ вокругъ селенія съ церковнымъ пѣснопѣніемъ, а позади ихъ нѣсколько дѣвицъ тащатъ на себѣ соху, которою бороздятъ землю, въ твердой увѣренности, что за эту черту никакая язва перейти не можетъ. Въ самую-же полночь, одна изъ дѣвицъ тайкомъ подходитъ къ колокольному и начинаетъ бить въ колоколъ тревогу; жители въ испугѣ выбѣгаютъ изъ домовъ, смотрятъ во всѣ стороны, нѣтъ-ли гдѣ пожара, и, не видя ничего, бѣгутъ къ церкви, а дѣвица, между-тѣмъ, никѣмъ не узнавая, скрывается: это, говорятъ, для того, чтобы въдьму, которая умерщвляетъ людей смертоносной язвой, запугать такъ, чтобы она не смѣла и подходить къ селенію.

Вообще, при болѣзняхъ, здѣшній поселянинъ слишкомъ недоувѣрчивъ къ врачамъ, особенно иностранцамъ; но до ослѣпленія склоненъ искать помощи у своихъ знахарей и ворожей.

Всѣ истерическія болѣзни, по втравленію ихъ, происходятъ отъ дѣйствія злаго духа въ человѣкъ, а потому такому больному даютъ и лекарства духовныя. Отыскиваютъ старика или старуху, грамотѣевъ, честнаго поведенія и строгой христіанской жизни, и просятъ почитать что-нибудь изъ Священнаго-Писанія надъ бѣснующимъ; призванный, или призванная, идетъ въ домъ больного, становится предъ божницею, очерчиваетъ вокругъ себя троекратно углемъ, въ твердой увѣренности, что за эту черту бѣснующій не можетъ перейти и причинить какой-либо вредъ, и протяжно читаетъ разныя молитвы, иногда произвольно выдуманныя.

Какъ истерическія болѣзни приписываютъ дѣйствію злаго духа, такъ геморoidalныя — порчѣ злыхъ людей, или нехорошему глазу; а потому ищутъ ворожею, который-бы могъ, чрезъ наговоры и другія средства, принести облегченіе. Для этого, находятъ старуху-знахарку, или знахаря-старика, которые, являсь, начинаютъ обыкновенно увѣрять больного, что его точно испортилъ нечистый глазъ: «я, дескать, вѣрно «это знаю; мнѣ не въ-первой вылечивать съ глазу!» Больной проситъ помощи, и, разумѣется, обѣщаетъ хорошій подарокъ.

Тогда знахарь беретъ ковшъ воды, кладетъ туда горячихъ углей и щепоть соли, и въ тихомолку начинаетъ шептать какія-то слова, вѣроятно какія въ то время попадутся на языкъ; тутъ вдругъ съ нимъ начинаются корчи, судороги и зѣвота, которыя служатъ къ убѣжденію зрителей, что больной точно испорченъ, и эту порчу знахарь теперь принялъ на себя. Послѣдній, по прошествіи судорожнаго состоянія, беретъ въ ротъ изъ ковша воды и нечаянно spryskivaetъ больного, который оттого вздрагиваетъ, и тотъ поздравляетъ его съ выздоровленіемъ, приказывая остальную воду выпить въ три или четыре приѣма.

Бываютъ и другіе особые приѣмы ворожейнаго шарлатанства. Въ-случаѣ боли въ поясницѣ, кладутъ больного на порогъ, головою въ сѣни, и знахарь косыремъ потихоньку ударяетъ его въ спину. При зубныхъ болѣзняхъ, знахарь беретъ рябиновый сучекъ, надкалываетъ его начетверо, шепчетъ надъ нимъ, и даетъ больному нѣсколько минутъ подержать на больныхъ зубахъ, причемъ строго приказываетъ нѣсколько годовъ сряду не ѣсть рябины. Чтобы остановить кровь изъ свѣжей раны, знахарь что-то шепчетъ надъ раной и перевязываетъ ее бинтомъ. Отъ такихъ, по-видимому пустыхъ и ничего незначущихъ, средствъ, многіе, какъ увѣряютъ очевидцы, получаютъ облегченіе; что, конечно, происходитъ отъ твердой, какъ со-стороны больного, такъ и со-стороны знахаря, вѣры въ непремѣнную дѣйствительность даваемыхъ средствъ.

А вотъ народныя домашнія лекарства. Въ простудныхъ болѣзняхъ, крестьяне обыкновенно прибѣгаютъ къ единственному средству—банѣ; здѣсь, въ пару, намазываютъ тѣло виномъ, рѣдечнымъ сокомъ, свинымъ и медвѣжьимъ саломъ, дегтемъ и т. п. Въ лихорадкахъ, кладутъ подъ подушку больного лошадиную голову, поятъ дегтемъ съ молокомъ, полыннымъ отваромъ и виномъ съ солью. Къ застарѣлымъ ранамъ и язвамъ прикладываютъ траву придорожникъ, паутинникъ и коровье масло; къ нарывамъ, печеный лукъ и хлѣбъ съ солью. Въ случаѣ почесушекъ, намазываютъ тѣло горючей сѣрой, смѣшанной съ кислой сметаной. Въ глазныхъ болѣзняхъ, двѣнадцать зорь умываются росой; въ летучихъ сыпяхъ, надъ болячками выскаютъ изъ кремня огонь; отъ кашля, ѣдятъ печеный лукъ слабительнымъ служить огуречный рассолъ съ медомъ.*

случае упорных головных болязней, кладутъ въ горшокъ горящихъ углей и на нихъ сыплютъ киноварь, потѣмъ больного сажаютъ надъ этимъ горшкомъ съ разинутымъ ртомъ, закутавъ какъ возможно теплѣе. Въ болязняхъ любострастныхъ, пьютъ крепкую водку съ виномъ или съ отварною водою; также пьютъ настой «дорогой-травы».

Во время скотскаго падежа, существуетъ обычай, отслуживъ въ полѣ общественный молебень, прогонять весь скотъ сквозь глубокой, нарочно приготовленный ровъ, при входѣ въ который раскладывается огонь, вытертый изъ дерева.

При продажѣ и покупкѣ, никто изъ здѣшнихъ жителей не согласится купить лошадь безъ узды, или корову безъ дойника, хотябы они продавались за полцѣны. Также никакая вещь не продается и не покупается безъ вина, хотябы то была вещь самая малопѣнная; покупатель и продавецъ должны непременно угостить другъ-друга. Сверхъ-того, поладивъ въ цѣнѣ, покупатель и продавецъ, перекрестясь, подають другъ-другу въ руки правую полу своего кафтана, или полушубка: это служитъ вмѣсто клятвы, и иной скорѣе нарушить присягу, нежели согласится солгать, совершивъ этотъ обрядъ.

В. НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Отличительная, характеристическая черта здѣшнихъ жителей есть веселость. Они такъ любятъ игры, забавы, пѣсни и пляски, что ничто не можетъ ихъ удержать отъ нихъ: ни домашнія заботы, ни постоянные тяжелые труды, ни даже самая бѣдность. Радуетъ-ли что крестьянина—онъ радость свою выражаетъ въ веселыхъ пѣсняхъ; случится-ли что непріятное въ жизни—онъ изливаетъ свои горестныя чувства въ пѣсняхъ протяжныхъ, заунывныхъ; сытъ-ли, голоденъ-ли—онъ все поетъ, все не унываетъ. Въ лѣтнее рабочее время, пробывши цѣлый день въ полѣ, въ тяжкихъ трудахъ, онъ возвращается домой, поздно вечеромъ, непременно съ пѣснями, и такъ веселъ, такъ доволенъ, какъ будто возвращается съ пирушки.

Зимою, въ длинные вечера, дѣвицы и молодыя женщины сходятся въ одну избу, съ донцами и гребнями, пряхъ лень или посковь: это называется «посидѣлки»; сюда также сходятся

и молодые парни: дѣвицы прядутъ и поютъ пѣсни, парни играютъ въ дудки, балалайки и гармоніи, причѣмъ веселыя пѣсни часто заставляютъ дѣвицъ покидать гребень и приниматься за пляску. Въ Святки, молодежь гурьбами ходить изъ дома въ домъ, съ пѣснями и пляскою; въ полночь ходятъ по банямъ, овинамъ, и, по лаянію собакъ и пѣнію пѣтуховъ, отгадываютъ свою будущую судьбу. Во время Масляницы, всѣ наряжаются какъ-можно лучше, ходятъ хороводами по улицамъ, поютъ пѣсни, и катаются на лошадяхъ; а вечеромъ отправляются на скользкую гору, гдѣ въ разныхъ забавахъ проводятъ всю ночь.

Но вотъ наступаетъ весна, и съ ней рядъ особенныхъ веселій для поселянъ. Въ Свѣтлую-Недѣлю, женщины, дѣвицы и молодые парни, нарядясь въ лучшее платье, выходятъ изъ домовъ; улицы наполняются народомъ, веселымъ, здоровымъ и красивымъ: всѣ рады красной веснѣ и теплому солнышку, всѣ рѣзвятся, какъ рой мотыльковъ, по зеленой, мягкой муравѣ. Съ Перваго-Воскресенья послѣ Пасхи, народъ, отслушавъ обѣдню, выбѣгаетъ на улицы, и начинаютъ играть кто во что гораздъ; составляется нѣсколько хороводовъ, и вдругъ вся окрестность оглашается звуками веселыхъ пѣсень. Затѣмъ, до Петра-на-Поста, или, по просторѣчю, до Русалкина-Заговѣнья, каждый вечеръ, особенно въ праздничные дни, молодежь вся собирается на открытую площадь противъ господскаго дома и веселится: составляется нѣсколько большихъ круговъ, сходятся пѣсенники и пѣсенницы, являются музыканты съ рожками, кленовыми и тростниковыми дудками, гармоніями, балалайками и скрипками; пѣвчіе поютъ веселыя пѣсни, а музыканты играютъ на своихъ инструментахъ; въ средину одного круга попарно выходятъ дѣвица или женщина съ молодымъ парнемъ, и подъ пѣсни начинается пляска; въ другомъ кругу, играютъ въ жгуты; въ третьемъ, въ горѣлки; тутъ рѣзвятся дѣти, а тамъ старики посматриваютъ на забавы молодыхъ людей, вспоминаютъ времена своей юности, и дивятся, какъ рѣзвая, кипучая кровь незамѣтно въ нихъ охладѣла. Въ Троицынъ-День, послѣ обѣда, всѣ собираются на площадь, и составляется одинъ огромный хороводъ, который, съ веселыми пѣснями и музыкой, охватывается въ близъ-лежащую рощу; тамъ, послѣ различныхъ игръ, каждый изъ

гуляющихъ вьеть себѣ изъ зеленыхъ вѣтвей и весеннихъ цвѣтовъ вѣнокъ, и надѣваетъ на голову; потѣмъ, въ этомъ убранствѣ, идутъ къ широкому озеру, и начинаютъ бросать вѣнки въ воду, а вечеромъ возвращаются на площадь и играютъ до разсвѣта. Въ Русалкино-Заговѣнье, молодежь также вся собирается на площадь: тутъ кого-нибудь наряжаютъ лошадей, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика, и двое мушкетѣровъ ведутъ подъ уздцы въ поле, а позади весь хоръ, съ громкими прощальными пѣснями, провожаетъ, и придя въ поле разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми: это значитъ — «проводить весну».

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА.

Многіе изъ нашихъ поселянъ надѣлены отъ природы прекрасными умственными способностями, имѣютъ острую память, удачно судятъ о разныхъ серьезныхъ предметахъ и переимчивы во многихъ отношеніяхъ. Случалось встрѣчать стариковъ, которые твердо помнятъ самыя маловажныя вещи, видѣнныя ими еще въ дѣтствѣ; расскажутъ вамъ, годовъ за двадцать или болѣе, какія были зимы — холодныя или теплыя, лѣто — сухое или дождливое, какой былъ урожай хлѣба, и т. п. Есть опытные старцы, которые, по извѣстнымъ имъ однимъ примѣтамъ, предугадываютъ, какой лучше хлѣбъ родится на будущій годъ, какая будетъ весна, лѣто, осень и зима; и все это иногда такъ удачно, что невольнымъ образомъ почтешь ихъ за прорицателей. Но у большинства, надо сознаться, умственные способности находятся еще въ совершенномъ младенствѣ, не развиты, подавлены различными заблужденіями, суевѣріями и предрасудками. Большая-часть судятъ о вещахъ по своимъ закоренѣлымъ привычкамъ, или слѣпо послѣдуя невѣжественному водительство другихъ. Многіе поступаютъ глупо и дурно единственно по тому, что не хотятъ нѣсколько времени подумать о дѣлѣ, поломать надъ нимъ голову, поработать умомъ: дѣлаютъ какъ попало, а оттого и дѣла ихъ идутъ безуспѣшно и къ раззоренію собственнаго ихъ благосостоянія.

По нравственнымъ качествамъ, здѣшній поселянинъ вообще простодушенъ, довѣрчивъ, ласковъ, уважаетъ всѣ общественныя

власти, богобоязливъ, и свято исполняетъ свои обязанности. Рѣдки примѣры, чтобъ братья несогласно жили между-собою и принуждены были дѣлиться. Вездѣ еще оказывается уваженіе къ старикамъ и дѣти непочтительные презираются. Отецъ или мать, дѣлая нравоученіе своимъ дѣтямъ, всегда приводятъ въ примѣръ другихъ чьихъ-нибудь дѣтей, какъ дурныхъ, такъ и почтительныхъ: «небудь, говорятъ, и ты, какъ такой-то сынъ или такая-то дочь, а живи, какъ живетъ такой-то или такая-то!» Это прекрасная черта въ характеръ здѣшняго народа; и дай Богъ, чтобы она никогда не измѣнялась!

При этихъ прекрасныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, зачѣмъ умалчивать и о порокахъ, наиболѣе замѣтныхъ? Многіе преданы гибельной страсти пьянства, также игрѣ въ карты и въ орлянку, чѣмъ подрываютъ собственное домашнее благосостояніе, и другимъ, слабымъ и неопытнымъ, даютъ дурной примѣръ; нѣкоторые такъ сильно заражены этими страстями, что ни совѣты благонамѣренныхъ людей, ни слезы семейныхъ, ни угрозы и наказанія начальниковъ, не могутъ ихъ остановить. Кромѣ-того, есть еще отличительный господствующій недостатокъ, которому здѣшніе жители преданы почти всѣ безъ исключенія: это нищенство. Здѣшній крестьянинъ не считаетъ за стыдъ кормиться милостынею; иной безбѣдно могъ-бы прокормить свое семейство, имѣя у себя въ сусѣкахъ хлѣбъ и въ сундукѣ деньги, даже могъ-бы удѣлять по-возможности и другимъ нуждающимся въ дневномъ пропитаніи; но онъ не ставитъ себѣ въ грѣхъ и не стыдится посылать дѣтей своихъ ходить подѣ окнами чужихъ домовъ и просить куска хлѣба.

Того, что называется образованіемъ, здѣсь можно-сказать вовсе не существуетъ. Изъ всѣхъ жителей села, исключая помѣщиковъ и духовныхъ, только шесть человѣкъ обоего пола грамотныхъ, да и тѣ едва могутъ разбирать печатныя книги по складамъ и кое-какъ подписывать свое имя. Причина неграмотности та, что здѣшній житель слишкомъ преданъ старинѣ и ненавидитъ нововведенія: одно только старое, ~~дѣдовское~~ ^{дѣдовское} ~~хорошо~~ ^{хорошо}, хотябы то было совершенная ~~глупость~~ ^{глупость} ~~его~~ ^{его} ~~асмы-~~ ^{асмы-}слица; новое - же, будь самое прекрасное, пренебрегается. Такъ думаетъ, такъ ~~и~~ ^и селянинъ; поэтому, если кто здѣсь

ному чтенію, и притомъ у невѣждъ, которые сами едва знаютъ грамоту. Отъ такого жалкаго состоянія просвѣщенія происходитъ, что здѣшніе жители преданы весьма грубымъ и желтымъ суевѣріямъ и предразсудкамъ; въ подтвержденіе чему, приведемъ здѣсь нѣсколько обращиковъ.

Всѣ здѣшніе жители отъ души вѣрятъ домовымъ, лѣшнымъ, русалкамъ, вѣдьмамъ, колдунамъ, оборотнямъ, лгамъ бабамъ, и т. п. Да и немудрено: они, отъ самыхъ дѣтскихъ нелепей, непрестанно слышать объ нихъ, то отъ нянѣкъ, то отъ бабушки, то отъ отца и матери. Здѣшній житель вскормленъ, можно сказать, этими разсказами, и потому такъ любить ихъ, что ни за какія блага не захочетъ съ ними разстаться. Каждый, если послушать его, то самъ, хоть разъ въ жизни, а непремѣнно видѣлъ кого-нибудь изъ этихъ демоновъ; иной разскажетъ, пожалуй, со всею подробностью, какъ однажды, ни заче, ни проче, домовый чуть-было не удушилъ его ночью. Вотъ одинъ довольно странный изъ здѣшнихъ обычаевъ, относящійся собственно къ домовому. Всякой хозяинъ, если вздумаетъ изъ стараго дома переходить въ новый, составляетъ себѣ въ непремѣнную обязанность просить домового переселиться съ нимъ вмѣстѣ. Посему, не перенося еще въ новопостроенную хату ничего изъ пожитковъ, глава дома беретъ въ одну руку икону, а въ другую кусокъ хлѣба съ солью, и, перекрестясь, начинаетъ приглашать въ новый домъ домового: «Дѣдушка домовый! Прошу твою милость перейти съ нами на ново житье: прими нашу хлѣбъ-соль! Мы будемъ тебѣ рады: только мы пойдемъ дорожкой, а ты стороной!» Придя потѣмъ въ новый домъ, ставитъ онъ икону на божницу, и, помолясь предъ ней Богу, хлѣбъ съ солью кладетъ въ подпечекъ, который считается обиталищемъ домового, и, послѣ того, выполнѣ увѣренъ, что домовый никакъ не забудетъ его хлѣба-соли. И точно: заржетъ-ли лошадь въ конюшнѣ — козникъ отъ души вѣритъ, что домовый несетъ или мѣситъ ей овесъ; спутается-ли у ней грива — приписываетъ это особенной любви къ ней домового; похудѣетъ-ли она — увѣряетъ себя и другихъ, что это произошло отъ нерасположенности домового къ лошади; или, какъ выражаются крестьяне, лошадь похудѣла оттого, что домовому припала не по праву. Вообще, если начать что-нибудь исча-

но скрипнуть, стукнуть, мнукнуть, или застонеть, хозяинъ видѣть тутъ счастливое или несчастное предсказаніе домового объ его семействѣ; нѣтъ иного пустого случая, который бы не былъ относимъ къ домовому: онъ считается хранителемъ домашняго скота, вѣрнымъ сторожемъ двора, спутникомъ жизни, предвѣстникомъ будущаго, коротко — сказать — домашнимъ патрономъ. Какъ домового считаютъ хозяиномъ дома, такъ лѣшаго — хозяиномъ лѣса, русалку — водъ, а ягу-бабу — полей.

Суевѣріе дотога ослѣпляетъ здѣшній народъ, что онъ и самыя казни Божіи приписываетъ какимъ-то волшебнымъ дѣйствіямъ вѣдьмъ и колдуновъ. Такъ, въ 1847 году, падежъ рогатаго скота приписываемъ былъ злему дѣйствію собакъ и свиней, почитаемыхъ за какихъ-то оборотней; поэтому, въ продолженіе падежа, истреблено было нѣсколько собакъ и убита одна свинья. Во время холеры, сколько было рассказовъ о вѣдмахъ, оборотняхъ и колдунахъ, которые, по мнѣнію жителей, умерщвляютъ людей! Не дальше какъ въ августъ мѣсяцъ 1848 года, числа не припомню, въ день воскресный, народъ отъ бездѣлья кружками сидѣлъ подъ окнами домовъ и толковалъ про общее бѣдствіе: вдругъ, въ одномъ концѣ селенія, сдѣлался необычайный шумъ, крикъ, суматоха; народъ со всѣхъ пунктовъ сбѣгался къ мѣсту тревоги; явилось человекъ двадцать конниковъ съ большими дубинами, и вся масса быстро двинулась въ поле, мимо двухъ вѣтренныхъ господскихъ мельницъ. У многихъ бѣгущихъ я старался узнать причину тревоги, но никто не зналъ и самъ, зачѣмъ и куда бѣжить; только и было видно, какъ народъ мелькалъ по полю, и всадники во весь карьеръ ичались за кѣмъ-то въ догонку, то быстро сдвигаясь въ одинъ тѣсный кружокъ, то стремглавъ разсыпаясь по всѣмъ сторонамъ, а потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, и вовсе исчезли изъ глазъ изумленной толпы, стоявшей изъ любопытства на краю селенія. Часа черезъ два, всѣ, конные и пѣшіе, возвратились опять въ селеніе, усталые, измученные, въ поту, въ пыли, лошади въ мылѣ; тутъ-то, наконецъ, я узналъ настоящую причину тревоги. Какая-то женщина, сидѣвши подъ окномъ своего дома, увидѣла подлѣ мельницъ большую неструю собаку, которая, оборотясь головой къ селенію, стала выть непріятнымъ

этимъ воемъ, она

побѣжала къ сосѣдямъ, и какъ въ это время воображеніе всѣхъ было сильно настроено къ чему-то чудесному, небывалому, сверхъестественному, то сосѣди немедленно выбѣжали на улицу и начали сзывать праздный народъ воплями и криками: «Вѣдьма! Вѣдьма! Ребята бѣгите! Здѣсь вѣдьма, пришла морить насъ! Это колдунъ! Оборотень! Сюда! Скорѣе! Скорѣе!» Народъ шумными толпами бѣжалъ на крикъ, и самъ въ свою очередь кричалъ, что попало въ голову, чтобы только увеличить суматоху и разгорячить воображеніе. Несчастная собака сдѣлалась-бы непременно жертвою этого разъяренія, еслибы не успѣла прибѣжать къ своему хозяину, который едва могъ разувѣрить преслѣдователей, выставя въ свидѣтели цѣлую деревню, что эта собака его собственная, взятая имъ еще щенкомъ у такого-то крестьянина: тогда только, обезоруженная очевидными доводами толпа, измученная и пристыженная, возвратилась назадъ въ селеніе. Да, и до-сихъ-поръ, не всѣ еще здѣшніе жители соглашаются, что холера была кара Божія, за грѣхи людей посланная; большая-часть продолжаютъ упорно вѣрить, что это было дѣйствіе злыхъ вѣдьмъ и колдуновъ.

Вотъ еще нѣсколько здѣшнихъ повѣрій и заблужденій. Солнечное и лунное затмѣніе происходитъ отъ скрадыванія луннаго свѣта злыми духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе имъ было уловлять въ свои сѣти Христіанъ. Громъ и молнію производятъ отъ быстрого движенія колесъ огненной колесницы Пророка Іліи. Падающія звѣзды почитаютъ за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые, будто-бы, летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отчего такъ много бываетъ бѣснуемыхъ или кликушъ. Табакъ считается за проклятую траву, выросшую изъ трупа какой-то блудницы. Кофе, тоже говорятъ, проклятъ; да и о чаѣ мнѣніе нашихъ мудрецовъ не лучше. Самый картофель считался прежде за проклятое растеніе, которое производили какъ-то отъ табачнаго-же корня; но теперь, когда узнали его пользу и вкусъ, начали безбоязненно сѣять и охотно употребляютъ въ пищу.

ВОЛОСТЬ ПОКРОВСКО - СИЦКАЯ.

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ
МОЛОЖСКАГО УѢЗДА.

(Священника А. Преображенскаго.)

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ. РѢКА СИТЬ. ПОДРОБНОСТИ МѢСТОПОЛОЖЕНІЯ.
ПОЧВА. ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. НАСЕЛЕНІЕ.

Ярославской губерніи Моложскаго уѣзда, вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, преждебывшая *Покровско - Сицкая* Волость нынѣ составляетъ два Сельскія (неотдѣльныя) Общества: *Покровско - Ситское* и *Байловское*, причисленныя для управленія къ *Дубровской* (прежде *Веретейской*) Волости, такъ названной отъ деревни *Дубровы*, гдѣ помѣщено Волостное Правленіе. Она расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки *Сити*, въ разстояніи отъ истока ея около 60 верстъ и около 15 верстъ отъ впаденія. По правую сторону рѣки волостныя зѣмли разстилаются въ видѣ полукружія, а на лѣвой сторонѣ, казенный лѣсъ, къ волости-же принадлежащій, окружаетъ ее въ видѣ подковы; такимъ образомъ, волость, въ своемъ общемъ ~~видѣ~~ ^{видѣ} имѣетъ видъ не-много продолговатаго круга. Въ Сити,

отъ деревни *Паикратовой* включительно до деревни *Торонковой*, составляетъ около 12 верстъ, а поперечникъ, отъ деревни *Базыковъ* до деревни *Семеновки*, около 17 верстъ.

Рѣка *Сить*, давшая названіе волости, раздѣляетъ ее на двѣ неравныя половины. Она выходитъ Тверской губерніи въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, изъ огромной топи; протекаетъ затѣмъ Кашинскимъ и частію Мышкинскимъ уѣздомъ, а потомъ уже Моложскимъ, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, въ одномъ направленіи съ рѣкой *Волгой* почти вездѣ въ одинаковомъ отъ ней разстояніи; впадаетъ, наконецъ, въ рѣку *Мологу*, въ 40 верстахъ до впаденія сей-последней въ *Волгу*. Все теченіе ея составляетъ отъ 80 до 90 верстъ. Въ Бѣжецкомъ и Кашинскомъ уѣздахъ, она не болѣе какъ ручеекъ, текущій по низкому и ровному пространству, наровнѣ съ берегами; но въ Моложскомъ, принимая въ себя рѣчку *Болотею*, становится значительнѣе. Сначала, въ продолженіе около 50 верстъ, берега ея ровны и низки; потомъ становятся выше, гористѣе, и въ предѣлахъ волости дѣлаются очень круты, часто представляютъ голые утесы, которые горизонтально стоятъ надъ водой и осыпаются каждую весну; но дальше, за волостью, опять понижаются мало-по-малу, и верстахъ въ 5 отъ впаденія сравниваются съ водою. Нынѣ, вдоль всего теченія рѣки, стоятъ на ней десять довольно значительныхъ мукомольныхъ мельницъ и одна пошевная: первая — поперечная мукомольная мельница — въ 50 верстахъ отъ истока, послѣдняя — крупчатный заводъ — около 100 сажень отъ впаденія. Вотъ ихъ послѣдовательный съ верху порядокъ: 1) мельница *Колесовская*, съ 5 поперечными жерновами, маслобойней и толчеей; 2) *Щербининская*; 3) *Правдинская*; 4) *Добрецовская*; 5) *Бабигорская*, менѣе значительная; 6) *Этауловская*, пошевная о 2 поставахъ; 7) *Паикратовская*, имѣющая 5 жернововъ, толчею о 32 пестяхъ и маслобойню (здѣсь начинается волостная земля, и виднеяся плотины строеніе барокъ отъ волости); 8) *Мерзляевскій* пильный заводъ, и при немъ 5 мельничныхъ жернововъ и маслобойня (здѣсь волостная земля на правомъ берегу рѣки кончается прудиною, а также кончается и строеніе отъ волости барокъ); 9) *Тимонинская* мукомольная поперечная мельница, о 5 жерновахъ, съ маслобойней; 10) *Средній* крупчатный заводъ; наконецъ 11) *Нижній* крупчатный заводъ. До первой мель-

ницы теченіе рѣки тихо; далѣе-же, по мѣрѣ какъ берега становятся круче, и теченіе дѣлается быстрее до самаго впаденія. Вода въ рѣкѣ вообще красноватая. Дно, около волости, неизмѣнно каменисто, и въ иныхъ мѣстахъ представляетъ сплошную каменную гряду. Рыба водится обыкновенная рѣчная; только въ верховьѣ, вѣтъ волости, ловится карась, а при самомъ истокѣ рѣки вьюнь. Берега—начиная отъ истока—солотны, а въ предѣлахъ волости—и солотны, и завалены камнями; примѣтно, что нѣкоторые изъ сихъ-последнихъ нацесены при разливахъ, а иные скатились съ крутизны горъ. Покосовъ хорошихъ по берегамъ вовсе почти нѣтъ, а вообще они или кочковаты, или солотны, или по-крайней-мѣрѣ потны; изъ 500 воевъ сѣна, которые снимаетъ волость съ береговъ, нѣтъ и 50 хорошаго, поемнаго и безъ подзолу: только за 5 верстъ отъ впаденія Сити въ Мологу, гдѣ берега ровны и низки, а почва земли супесокъ, начинаются отличные стенокосные луга, не принадлежащіе впрочемъ волости.

Мѣстоположеніе, открытое съ В. и Ю.-В., вообще можно назвать гористымъ. Лѣвый лѣсной берегъ рѣки весь изрытъ рѣчками, ручейками, рывинами, поросшими или мелкимъ кустарникомъ, или тощею травою. Правый берегъ также изрытъ и гористъ, но немного пониже лѣваго. На лѣвомъ берегу, въ разстояніи отъ рѣки на 2 и на 3 версты, мѣстоположеніе хотя возвышенное, но ровное; на правомъ, въ томъ же разстояніи, волнистое. По лѣвому берегу, мхи и болота малы и рѣдки; по правому, ихъ болѣе и они обширнѣе. Примѣтно, что мѣстность отъ С.-С.-З. къ Ю.-Ю.-В. понижается.

Верхній слой земли есть сѣроватая глина съ пескомъ: въ нѣкоторыхъ пахатныхъ мѣстахъ, толща его простирается отъ 2 четвертей до аршина; въ мѣстахъ-же выпаванныхъ, брошенныхъ подъ выгоны и поросшихъ кустарникомъ, слой этотъ иногда не составляетъ болѣе вершка. На берегахъ, покрытыхъ кочками, покоится жирный черноземъ: осыпи ихъ, по самой рѣкѣ Сити и по впадающимъ въ нее рѣчкамъ, представляютъ красную глину съ мелкимъ бѣлымъ хрящомъ и другихъ породъ булыжникомъ. Подпочва состоитъ вообще изъ жирной и плотной глины, блѣдноватаго цвѣта: при кладкѣ печей въ моемъ домѣ, хорошій молодежскій мастеръ употребилъ на три теляги

этой глины двѣ теляги песку. Что касается до песку, то его въ горахъ встрѣчается мало, и притомъ на значительной только глубинѣ. Да и красная глина съ бѣлымъ хрящомъ, которая по берегамъ лежитъ на верху, дальше отъ рѣки попадаетъ только при рытьѣ колодцевъ, на глубинѣ 4 и болѣе сажень, и притомъ на лѣвомъ лишь берегу. Вода на берегахъ рѣки встрѣчается при рытьѣ колодцевъ не ближе 8 сажень глубины, а иногда за 10 и болѣе сажень не встрѣчаютъ ни капли; но чѣмъ далѣе отъ береговъ, тѣмъ она ближе попадаетъ.

Вотъ наши естественныя произведенія. По царству животному: домашній скотъ — мелкой породы; изъ домашнихъ птицъ — одна курица; въ поляхъ и болотахъ — довольно дичи; въ рѣкѣ — рыба и раки (последніе въ пищу здѣсь не употребляются); изъ пресмыкающихся — около лѣсовъ довольно змѣй, но черной змѣи вовсе нѣтъ. По царству прозябаемому: изъ воздѣлываемыхъ на поляхъ растений — рожь озимая, ячмень и пшеница яровая, овесъ (арабскій видѣлъ я у одного только крестьянина), ленъ, конопля, горохъ (мелкой), рѣпа; изъ огородныхъ овощей — картофель, рѣдка, брюква, капуста, лукъ, и еще кое-что; изъ лѣсу — сосна въ маломъ количествѣ, ель, береза, осина, ольха, ива, дуба вовсе нѣтъ, липа мелка, клену мало и мелокъ, изрѣдка попадаетъ вязъ и ясень, рябины множество, попадаетъ хотя весьма рѣдко и мелкая яблонь; изъ кустарниковъ — калина, черная и красная смородина, орѣшникъ, можжевельникъ, жимолость; изъ ягодъ — земляники, клубники, морошки, поленики водится мало, черницы, малины, брусники, клюквы годами бываетъ множество, гонобоблю почти вовсе нѣтъ; грибовъ — нѣсколько сортовъ. Изъ царства ископаемаго, нѣтъ ничего употребляемаго въ домашнемъ быту, кромѣ сказанной красной глины, изъ которой крестьяне бьютъ печи, и глины блѣдноватой, изъ которой дѣлается кирпичъ-сырецъ; сторонніе крестьяне пробовали дѣлать изъ послѣдней и горшки, но или глина негодна, или мастера плохи, только промыселъ этотъ не удался. Можетъ-быть въ лѣсахъ и поляхъ есть еще особые роды пѣвчихъ и хищныхъ птицъ, а на горахъ какія-нибудь особенныя травы; можетъ-быть и въ горахъ и оврагахъ есть еще кое-что кромѣ глины: по недостатку свидѣній въ естественной исторіи, не замѣчалъ и не знаю.

Число ревизскихъ душъ въ волости къ 1848 году было около 2,150 обоего пола. Всѣ они живутъ въ 3 селахъ и 42 деревняхъ, изъ коихъ 13 деревень и 2 села (*Байловское* и *Семеновское*) находятся на правомъ берегу Сити, а остальное село (*Покровское-на-Сити*) и 29 деревень на лѣвомъ. Самое большое селеніе заключаетъ въ себѣ отъ 25 до 30 домовъ, самое меньшее состоитъ изъ 2 домовъ; отъ 25 до 30 домовъ имѣютъ не болѣе пяти селеній; отъ 10 до 20 — около тридцати; остальные — менѣе 10 домовъ. Старики помнятъ, что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, населеніе было здѣсь только по берегамъ рѣки Сити: кромѣ деревни *Никитинской*, которая издревле существовала во глубинѣ лѣса, все прочее было лѣсъ; помнятъ даже, какъ нынѣшнія деревни выстраивались и какъ въ нихъ перетѣзжали жить: около двадцати деревень выстроилось, выѣхавъ въ лѣсъ не болѣе двадцати лѣтъ назадъ; да и вдоль берега, самыя отдаленныя отъ села, двѣ большія деревни: *Давыдовское* и *Михалево*, существуютъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Все это народонаселеніе издревле подлежало одному управленію, кромѣ деревни *Панкратовой*, которая причислена къ волости въ послѣднюю ревизію, послѣ смерти своего господина. Старики говорятъ, что, на ихъ памятахъ, вся волость состояла не болѣе какъ изъ 500 душъ; населеніе быстро умножилось въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Достоинно замѣчанія, что, изъ нѣсколькихъ тысячъ народа, живущаго по рѣкѣ Сити во всю длину ея, населеніе *Покровско-Сицкой* Волости предпочтительно извѣстно въ околоткѣ подъ именемъ *Сицкарей*, то-есть «жителей Сити».

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

РОСТЪ. ВОЛОСА И ВОЛОДА. ПРОЧІЯ НАРУЖНЫЯ ОСОБЕННОСТИ. ЗДОРОВЬЕ И СИЛА. НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КЪ ПЕРЕМѢНАМЪ ВОЗДУХА.
БОЛѢЗНИ И ЛЕКАРСТВА. НАБЛЮДЕНІЯ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ.

Ростъ здѣшнихъ жителей вообще средній. Кажется безошибочно можно положить, что изъ всего мужескаго населенія одна-осьмая часть выше 2 аршинъ и 8 вершковъ, пять-осьмыхъ — отъ 8 до 6, а остальные двѣ-осьмыхъ — ниже 6 вершковъ.

Волосъ, на головѣ и бородѣ, обыкновенно русый, иногда черно-русый, или съ малой прорыжью; совершенно-же черныи или рыжий волосъ, большая рѣдкость: изъ 700 или 800 чело-вѣкъ возрастныхъ, кои бываютъ въ праздникъ у обѣдни, не увидишь семи или осьми рыжихъ, и трехъ или четырехъ черныхъ. Борода обыкновенно малая, окомелкомъ, и очень рѣдко срастается съ волосами у ушей; иногда видишь ее одну безъ усовъ, клочкомъ только на подбородкѣ; съ довольно большей бородой не болѣе одного на 100.

Части тѣла вообще соразмѣрны съ ростомъ. Въ полицѣ замѣчательна нѣкоторая выпуклость щекъ и одутловатость лица, брюхо также нѣсколько отвисло, а лядвен немного повысу-нулись назадъ, отчего, когда смотришь сзади на идущаго чело-вѣка, видно, что онъ, идучи, примѣтно переваливается. Другихъ наружныхъ особенностей нѣтъ; но — одежда, приемы, обороты рѣчи — все это, вмѣстѣ взятое, такъ отличительно отъ прочихъ, что, за сорокъ и пятьдесятъ верстъ отъ мѣста жительства, тот-часъ узнаютъ Сицкаря.

Народъ силенъ и здоровъ. Впрочемъ нынѣшнюю моло-дежь старики называютъ «пѣженками», и «сопляками», говоря, что сами они въ такія лѣта были несравненно здоровѣе и сильнѣе; и этому можно повѣрить. Многіе изъ нихъ сохранили за во-семьдесятъ лѣтъ силу и бодрость; часто семидесяти-пяти-лѣтній дѣдъ работаетъ съ двадцати-пяти-лѣтнимъ внукомъ рядомъ, и весело поетъ пѣсню; иной изъ нихъ и не помнитъ, когда бы-валъ нездоровъ; у другихъ, за восемьдесятъ лѣтъ, зубы сохра-нились какъ у двадцати-лѣтняго юноши. Разказы о прежней ихъ могутъ почти невѣроятны; но если представить, что старики отъ родителей своихъ не получали никакихъ наслѣд-ственныхъ болѣзней, поздно принимались за работу, работали въ ватагѣ, не торопясь, исподоволь, иные во всю жизнь не бы-вали дальше своего лѣсу и церкви, а потому и не знакоми-лись ни съ какими излишествами, то это не покажется удиви-тельнымъ. И настоящее поколѣніе здорово еще и сильно, но нѣтъ силачей подобныхъ старымъ, о которыхъ разказыва-ютъ: причины могутъ быть тѣ, что нынѣ слишкомъ рано при-нимаются за работу, рано также начинаютъ ходить на сторо-ну, жить по чужимъ селеніямъ и особенно городамъ, гдѣ зна-

комятся со всякими излишествами, а иногда и съ распутствомъ, всего-же хуже — равно навываютъ употреблять вино.

Смотря на рабочаго Сицкаря, невольно удивляешься, какъ онъ выносить безвредно перемѣны воздуха. Лѣто онъ всегда или въ полевой работѣ, или въ лѣсу, или въ Рыбинскѣ на баркахъ; осень, зиму и весну, также либо на баркахъ, либо въ лѣсу. Самой поздней осенью, проработавъ цѣлый день въ лѣсу въ одной рубашкѣ, весь потный, приходитъ онъ въ зимницу, и тотчасъ, безъ всякихъ предосторожностей, отводитъ душу холодною водою; поужинавъ, потный-же, спать на нарахъ, изъ-подъ которыхъ, сквозь рѣдкія немощныя стѣны, сквозитъ холодный вѣтеръ, а часто пробивается и дождь. На баркахъ въ Рыбинскѣ, онъ также весь день подвергается стужѣ, дождю, слякоти, и пьетъ холодную, прямо изъ Волги, воду; приходитъ потомъ на квартиру мокрый, и не имѣетъ ни времени, ни мѣста обсушиться; поужинавъ, садится еще «до-пѣуновъ» (то есть — до-пѣтуховъ), тесать гвозди, и напоследокъ ложится спать, мокрый, на сырыхъ щенахъ и подъ сырýmъ кафтаномъ.

Впрочемъ, такой образъ жизни, равнѣе или позже, отзывается на здоровьѣ Сицкарей. Изъ наружныхъ болѣзней, наиболѣе обыкновенны у нихъ: жаба и рожа — слѣдствія простуды, также ноготьдѣка (которую въ просторѣчьи называютъ «воло-сатикомъ») — слѣдствіе неминуемой неопрятности при ломовыхъ работахъ. Жабу обыкновенно вылечиваютъ теплымъ питьемъ изъ осолодка, или малины, или мяты, или зѣвробоя съ медомъ; рожа вылечивается мѣломъ, натертымъ на сукно; а къ ноготьдѣкѣ прикладывается бѣлая тряпка, натертая сырýmъ мыломъ, сверху припарка изъ теплаго печенаго луку, а если выросло дикое мясо, то и оно по-временамъ присыпается жжеными квасцами: не было примѣра, чтобы этимъ послѣднимъ средствомъ ноготьдѣка не вылечивалась, хотя-бы отгнилъ составъ; только, до излеченія не надобно мочить больное мѣсто, даже нельзя, завязавъ рану, ходить въ баню. Въ порѣзахъ и порубахъ употребляется сатурнъ (по выраженію крестьянъ — «сахаръ-сатуръ»), распущенный въ винѣ, который обыкновенно берутъ у красильниковъ; Впрочемъ, это не есть собственно крестьянское лекарство — равно-какъ летучая мазь и оподельдокъ, которыми иногда лечатся отъ ушибовъ. Ударъ въ поясницу отъ тяжелой

емовъ (что у крестьянъ называется — «поясница отнялась») лечатъ отдыхомъ и баней: къ этому средству прибѣгаютъ потому, что во всей волости нѣтъ фельдшера; работающіе же въ городахъ, въ такомъ случаѣ, обыкновенно пускаютъ кровь, что впрочемъ для крестьянской натуры не совсѣмъ полезно: къ счастію, больные, за неспособностію работать, тотчасъ возвращаются домой, и тутъ родныя поля, воздухъ, теплая изба и печь восстанавливаютъ вполне ихъ здоровье. Боли въ животѣ отъ тяжелыхъ работъ и подъемовъ, также помогаетъ отдыхъ и баня. Засимъ, болѣе тяжкія внутреннія болѣзни, происходящія отъ простуды, на-примѣръ горячка, у насъ рѣдки, и если бываютъ, то не опасны; теплое питье и теплая изба вылечиваютъ ихъ, слава Богу, безъ лекарствъ. Въ послѣдніе два года свирѣпствовали очень лихорадки, и какъ крестьяне не соблюдаютъ никакихъ діететическихъ правилъ, то онѣ были весьма упорны, продолжаясь отъ 6 до 18 мѣсяцевъ; впрочемъ, изъ больныхъ умерло не болѣе одного на 30: старики говорятъ, что лихорадки бываютъ здѣсь частенько, вѣроятно оттого, что крестьяне болѣею-частью работаютъ у воды и слишкомъ уже не берегутся простуды.

Обыкновеннѣйшія изъ дѣтскихъ болѣзней: оспа, корь и желваки за ушами. При всѣхъ попеченіяхъ благотворнаго Правительства, оспа прививается мало; впрочемъ, изъ метрики видно, что когда оспа и сильно свирѣпствуетъ, смертность младенцевъ бываетъ не велика. Корь тоже проходитъ сама-собою, когда младенца держать въ умеренномъ теплѣ. Желваки скоро и легко вылечиваются медовою лепешкою. Прочія болѣзни, какъ-то золотуха, поносъ (по-здѣшнему — «черевуха») и т. д., конечно есть; но я не слыхалъ, чтобъ на нихъ слишкомъ жаловались.

Чуждаясь вообще медицинской помощи, наши Сипкари хранятъ однако про себя разные домашніе секреты на разные случаи болѣзней, которые, сколько мнѣ случалось объ нихъ слышать, такъ нелѣпы, что вѣрно ни одинъ мало-мальски умный крестьянинъ въ дѣйствительности ихъ не употребляетъ. Такъ, на-примѣръ: есть у нихъ мастера заговаривать кровь при порубкѣ; зубную боль также заговариваютъ; высыпало на губахъ — надо пристѣчь огня; отъ золотухи — надо покормить золотомъ (?); въ ломотахъ и другихъ застарѣлыхъ болѣзняхъ — пить какую-то траву, которая укладываетъ недуги; въ горячкѣ — повѣсить рубаш-

ку въ лѣсу на кустъ; въ лихорадкѣ—надобно сходить на рѣку въ полночь, такъ - чтобъ никто изъ домашнихъ не слыхалъ, выкупаться, и оставить тамъ исподнее платье, то-есть рубашку и прочее. Повторяю, что эти лекарства всего вѣроятнѣе существуютъ только въ разсказахъ старухъ - бабушекъ и стариковъ-хвастуновъ, а не на дѣлѣ; разъ только рассказывалъ мнѣ одинъ молодецъ, что онъ точно купался въ полночь, и послѣ того выздорѣвалъ: вотъ торжество для шарлатановъ !

Говоря о здоровьѣ, нельзя похвалить дурной привычки здѣшнихъ крестьянъ лечить почти всѣ безъ исключенія болѣзни парной баней, которая притомъ берется у нихъ большей, частью внутри домашней печи. У ребенка на ногѣ вышла рожа: надо попарить, размыть ногу. не ушибъ-ли, не вывихнулъ-ли ее ребенокъ, и дней пять таскаютъ его въ печь, моютъ, трутъ, вертятъ, парятъ. Появилась чесотка, шолуди, золотуха и т. п.: это отъ нечистоты, надо и тутъ промыть, попарить ребенка. Простудился мужикъ, и уже почти въ горячкѣ, мечется и бредитъ: гдѣ и чѣмъ лечить, кромѣ печи? Крестьянинъ въ лихорадкѣ, его знобитъ, ломаетъ: опять въ печь, пусть согрѣется! Опытъ, однако, доказываетъ, что это всеобщее лекарство во многихъ случаяхъ бываетъ явно во вредъ: у дѣтей, при примѣрѣ, рожа, вереда и т. п. жествуютъ и дѣлаются провады, а золотуха разливается по всему тѣлу; взрослые, въ простудахъ и лихорадкахъ, жестоко послѣ бани пухнутъ.

Считаю не уумѣстнымъ присовокупить здѣсь нѣсколько личныхъ моихъ наблюденій надъ бывшей у насъ въ последнее время холерой. Въ моемъ Покровско-Ситскомъ приходѣ числится теперь въ-наличности около 3,200 душъ обоого пола; въ томъ числѣ казенныхъ около 2,900 душъ, а прочіе Графа Мусина-Пушкина. Изъ нихъ, во время холеры, умерло и погребено при церкви 32 человека (сверхъ-того, двое, не дошедши до дому изъ Рыбинска, померли въ Моложской больницѣ); въ сказанномъ числѣ, изъ крестьянъ Графа Пушкина умерло только двое, оба въ одной деревнѣ. Всѣ умершіе были уже въ возрастѣ: самый младшій—16, а самый старшій—70 лѣтъ. До появленія холеры, они всѣ находились въ крѣпости силъ и въ добромъ здоровьѣ. Между ними былъ одинъ молодой холостой парень, двѣицъ ниодной, вдова одна, и одна беременная женщина. Холера появи-

лась 9 июня, внезапно: занемогъ ею первый старикъ 67 лѣтъ, который и умеръ, страдавъ 25 часовъ. Тутъ еще на холеру и думали, и вѣтъ; но 13 июня привезенъ былъ съ Мологи больной отъ роду 34 года, который, послѣ напутствія, умеръ черезъ 3 часа; затѣмъ 17 июня скончался еще крестьянинъ 52 лѣтъ, страдавъ не болѣе 24 часовъ, а на другой день померла жена умершаго въ 13 число, протрпдавъ трои сутки. Всего потомъ умерло отъ холеры: въ июнь — мужчинъ 8, женщинъ 2, обоего-пола 10 душъ; въ июль — мужчинъ 5, женщинъ 5, обоего-пола тоже 10 душъ; въ августъ — мужчинъ 7, женщинъ 5, обоего-пола 12 душъ. Последний смертный случай былъ 22 августа. Самое меньшее страданіе умершихъ больныхъ продолжалось 12 часовъ, самое большее — трои сутки, а одинъ страдалъ — четверо сутокъ. Припадки болѣзни не у всѣхъ были одинаковы: у молодыхъ отъ 16 до 35 лѣтъ, круженіе головы и рвота начинались и сопровождались горячкой и остановкой обпихъ испражнений; у больныхъ за 40 лѣтъ и далѣе, холера начиналась болѣе судорогами безъ рвоты. Тѣ изъ больныхъ, которые получали одинъ изъ этихъ припадковъ, круженіе, или рвоту, или даже рвоту и судороги вмѣстѣ, но не въ самой сильной степени, выздоравливали; ихъ число можно положить выше 100 человекъ. Лекарства, употребляемая при этомъ крестьянами, были: треніе крапилою, деревяннымъ масломъ, чистымъ дегтемъ, спиртомъ; иные пили вино съ перцемъ, другіе парное молоко; но некоторое изъ этихъ средствъ не доставляло видимаго облегченія. Замѣчено, что когда заболѣвшій холерою выпивалъ рюмку или полрюмки вина, да закусывалъ хлѣбомъ съ солью, и прилиятая пища удерживалась въ желудкѣ, а больной притомъ дѣлалъ движеніе, то онъ непременно выздоравливалъ; былъ впрочемъ случай, что одна дѣвица 23 лѣтъ, у которой обнаружили всѣ три припадка, и которая трои сутокъ не могла принимать никакой пищи, даже воды, которую даже рвало при напoминаніи о хлѣбѣ, выздоровѣла. Мы увѣрены, что холера не прилипчива; однакожь, двѣ женщины, ходившія за больными мужьями, сами заболѣли и умерли; двѣ другія, при тѣхъже обстоятельствахъ, были больны и выздоравливали; а въ одномъ семействѣ, изъ 14 человекъ, семеро умерли въ четверо сутокъ, а трое болѣли и выздоравливали.

ЯЗЫКЪ.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ. ОСОБЕННОСТИ ВЪ СЛОВООБРАЗОВАНИИ.

МѢСТНЫЯ СЛОВА. ИСКАЖЕНІЕ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Особенности произношенія у Сицкарей не одинаковы. Крестьяне вообще цвякаютъ, говоря: *цасъ* вм. *часъ*, *цаво* вм. *чего*; другіе произносятъ *ц* и *ч* какъ-бы совокупно, на-примѣръ: *ццѣво* вм. *чего*; иные (и ихъ менѣе) говорятъ: *черковъ* вм. *церковъ*, *овчи* вм. *овцы*. Прибавленія буквъ, какъ, на-примѣръ, въ словахъ: *хфилинъ* и *ндравъ*, слыхалъ я очень рѣдко.

Важнѣйшая особенность въ словообразованіи касается окончанія словъ при спряженіи глаголовъ въ настоящемъ и будущемъ временахъ; вопреки грамматикъ, крестьяне наши говорятъ: *ищѣшо*, *ищѣто*, *ищѣмо*, *идутю*, вм. *идеши*, *идеши*, *идеши*, *идутъ*; *пойцѣшо*, *пойцѣто*, *пойцѣмо*, *пойдутю*, вм. *пойдешъ*, *пойдетъ*, *пойдемъ*, *пойдутъ*. Вотъ обращики здѣшней рѣчи: *Цово ты баѣшо? Ванька мой пойцѣто въ Рыбну. Покативаѣмо. Сцелаѣшо? Не буцѣто толку. Небось сработаемо. Подряды-це даютю*.

Словъ мѣстныхъ довольно. Примѣры: *лазейка* (дверь въ стѣни), *закутать лазейку* (запереть дверь), *скакивать навозъ* (сваливать навозъ), *хорошугъ* (круглой пирогъ), *нацерышъ* (пирогъ прѣсной на молокѣ или маслѣ), и множество другихъ.

Въ особенности любятъ коверкать ужаснымъ образомъ собственные имена людей; на-примѣръ: Авксентій — *Оксѣнъ*, Аѣногень — *Финоедъ*, Автономъ — *Артамонъ*, Артемій — *Артема*, Артемонъ — *Артимъ*, и т. д. При кличкѣ или призывѣ одного лица другимъ, имя его сполна не договаривается; на-примѣръ: *Батюшъ* —, *дядь* —, *Парах* —, *Катюх* —, *Окуль* —, и т. п. Да и вообще другъ-друга зовутъ всегда полуименемъ; на-примѣръ: *Вацка*, *Оска*, и т. д.; смѣшно приэтомъ слышать, когда на-примѣръ старику, или о старикѣ, говорятъ: *дядя Ванька*!

Вообще должно замѣтить, что крестьяне, живущіе на вомъ берегу Сити, говорятъ лучше, чѣмъ на лѣвомъ; ны, живущіе въ селахъ, рѣшительно не *дѣлаютъ*; говорятъ вообще хуже *мушнѣ*.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ДЕРЕВЕНЬ. КРЕСТЬЯНСКІЕ ДОМЫ. ИХЪ РАСПОЛОЖЕНІЕ:
ВНѢШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ. ОСОВОЕ УСТРОЙСТВО ПЕЧИ. ДВОРЪ И НА-
ДВОРНОЕ СТРОЕНІЕ. ПЛАТЬЕ ОБОИХЪ ПОЛОВЪ : ОБЫКНОВЕННОЕ И
НАРЯДНОЕ. ПИЩА: ЕЖЕДНЕВНАЯ И ПРАЗДНИЧНАЯ.

Старинныя деревни выстроены дурно; часто, по пословицѣ, у семи домовъ восемь улицъ: гдѣ кто вздумалъ, тамъ и выстроился, было-бы согласіе сосѣдей. Новыя деревни нѣсколько лучше; онѣ строятся по одному посаду, но тоже не по прямой линіи: одинъ домъ выдался на улицу угломъ, другой вдался; иной строится шеломомъ на улицу а иной вдоль улицы: все это представляетъ линію изломанную, исковерканную и непріятную для глазъ. Притомъ, какъ новыя, такъ и старыя деревни выстроены весьма тѣсно, и, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозитъ неминуемой опасностью другому.

Домы крестьянъ строятся больше изъ еловаго дерева, иногда изъ толстой осины; сосны мало, да и дорога, почему употребляется только у зажиточныхъ на переборки, наличники и т. п. Прежде избы ставились прямо на землю, и обыкновенно нижній ихъ рядъ, а иногда и полтора ряда подваливались бревнами, толстыми и суковатыми; нынѣ, которыя получше, ставятся на деревянныхъ еловыхъ стульяхъ, но не обожженныхъ; дикій же камень, или кирпичъ, на бутъ никогда не употребляется. Кроятъ всегда соломой, которая пригнетается жердями; въ подвязку крыть рѣшительно не умѣютъ; у богатыхъ кроется иногда и тесомъ, на гвоздь рѣдко, болѣе въ жолобъ. Новую лѣтнюю избу обиваютъ тесомъ, стоймя. Волоковыхъ оконъ вовсе не бываетъ.

Двѣ, сѣнями раздѣленные, избы (лѣтняя и зимняя: лѣтняя — бѣлая, зимняя — всегда черная, а иногда — и обѣ черныя), съ выдвинутымъ на улицу крыльцомъ: вотъ и весь домъ крестьянина. Иногда, черезъ сѣни, противъ лѣтней избы, ставится сѣльникъ, съ клевомъ для овецъ подъ низомъ, а зимняя изба ставится подъ дворомъ, то-есть на углу возлѣ воротъ; у зажиточныхъ бываетъ иногда двѣ избы — стаяей, а третья — подъ дворомъ. Такъ-называемыхъ круглыхъ домовъ съ карнизомъ, не

насчитается и двадцати во всей волости; впрочемъ, такой домъ тѣже двѣ избы съ стѣнами, отличаясь только тѣмъ, что стѣни забираются не въ столбы, поставленные къ угламъ избъ, а въ пазъ, выбранный на самыхъ углахъ.

Стѣни рѣдко крыты чѣмъ-нибудь; на дворъ нѣтъ забора; посреди срубленъ небольшой чуланъ, иногда и того нѣтъ: онъ поставленъ подъ дворомъ, вмѣсто самцовъ, лежа половиною на клевѣ, а другою на воротахъ; съ стѣней-же черезъ дворъ, для прохода къ нему, кинута толстая доска, или два тесаныхъ бревешка. Бѣлая изба есть обыкновенно лѣтняя: если лицевая сторона дома обращена на югъ, а входъ въ нее съ запада, то около наружной двери устроены вверху — полати, на правой сторонѣ за порогомъ — коникъ (короткая до угла лавка), далѣе — лавка во всю стѣну, широкая, осиновая; въ юго-восточномъ углу — полка, уставленная образами; на лѣво — печь съ голбцемъ и дверь туда; далѣе — дверь въ переборку, если такая есть. Въ зимней избѣ, направо отъ входа — лавка, а въ юго-западномъ углу — полка, или кютка съ иконами; вдоль южной стѣны — также лавка, на восточной — суденка; въ сѣверо-восточномъ углу — черная печь, возлѣ къ сѣверу — голбецъ; далѣе до западной стѣны — палати, и подъ ними — осиновая колода для корма рогатаго скота, который тутъ, во всю зиму, кормится дважды въ сутки, поутру и ввечеру, мякиной или тертовкой (житной, иногда и пшеничной соломой, или крупнымъ ржанымъ колосомъ, измятымъ лошадьми намелко), и поится, чѣмъ кто умѣетъ и имѣетъ.

Печь здѣсь рѣшительно никогда, ни въ бѣлой, ни въ черной избѣ, не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Прежде мѣли для того глину въ самой глинищѣ, рѣзали ее потомъ косяками (четвероугольными, въ подъемъ человеку, брусьями или кирпичами), возили на лошадяхъ домой, и складывали печку. Но такая печь не довольно прочна, жаръ пробивается въ спай, и ее надобно часто мазать; оттого этотъ способъ брошенъ, и теперь печка сбивается на мѣстѣ. Для сего обыкновенно выбираютъ красную глину съ бѣлымъ хрящомъ, которой изобилуютъ наши горы; другая, по отзывамъ крестьянъ, не годится. Эта красная глина чѣмъ суше, тѣмъ печь прочнѣе; а если будетъ нѣсколько сыровата, то при топкѣ вода станетъ пробиваться сквозь верхніе слои, внутрь и внѣ, и

сносить верхнюю гладкую оболочку печи. Выбравъ такимъ образомъ глину, возятъ ее прямо въ избу, сыплютъ на приготовленный опечекъ помаленьку, тонкимъ слоемъ, и рубятъ деревянными заостренными молотками, подсыная до-тѣхъ-поръ, пока подъ печи будетъ достаточно толстъ. Потомъ дѣлаютъ изъ досокъ четверугольный ящикъ, ставятъ его на подъ, оставляя между нимъ и стѣнами избы пространство отъ 4 до 6 вершковъ для стѣнъ печи (извѣстно, что печь всегда почти кладется въ углу), а съ третьей стороны отъ голбца забираютъ досками въ столбъ, поставленный на углу печи, гдѣ должно быть устье, и утвержденный брусъями въ обѣ стѣны избы. Засимъ, на открытой сторонѣ, гдѣ должно быть устье, кладутъ подлѣ ящика другую доску, утвержденную однимъ концемъ въ брусъ, а другимъ въ стѣну, такъ-чтобы между ней и ящикомъ было извѣстное пространство для печной стѣнки; въ это пространство сыплютъ опять помаленьку глину, рубятъ ее стоя на полу, и возвышаютъ мало-по-малу стѣны печи, накладывая вверхъ досокъ и упирая ихъ одну-въ-другую. Когда придется потомъ сводить сводъ, то всю внутренность печи набиваютъ толстыми отрубками, складывая ихъ костромъ, такъ-чтобы въ печи было кругло; насыпаютъ опять глины, и бьютъ, доколѣ не засыплютъ послѣдній отрубекъ. Дѣло кончено, когда верхъ (по здѣшнему выраженію — «сковорода») сдѣлается довольно толстъ. Тогда остается на работѣ одинъ человекъ, который отбираетъ съ лицевой стороны изъ избы утвержденныя доски, вырѣзываетъ по мѣркѣ, какое надобно устье, и выбираетъ сквозь него отрубки; потомъ влезаетъ внутрь печи, выламываетъ доски, беретъ худую косу, сгибаетъ ее какъ скобель, и обдѣлываетъ ею печь внутри какъ ему угодно, обрѣзывая излишекъ глины, пробившійся сквозь промежутки досокъ или сквозь отрубки, забивая вдавленные лѣсомъ мѣста и снова изстѣкая ихъ своимъ деревяннымъ молоткомъ; послѣ чего, положи одну дощечку по срединѣ печи на полу, а другую приложивъ къ своду, вколачиваетъ подставку, и вылезаетъ. Если печь черная, то она совсѣмъ готова, и немедленно затапливается; если-же бѣлая, то мнутъ еще глину на полу, рѣжутъ толстыми кирпичами, и выкладываютъ у трубы ноги: потомъ приходитъ печникъ и кладетъ, какъ водится, трубу, подъ крышей — сырцомъ, а сверхъ крыши —

жженымъ кирпичемъ. Такую печь, кромѣ трубы, обыкновенно сработываютъ восемь человѣкъ въ десять часовъ, считая тутъ же рытье и возку глины на разстояніи полуверсты; вырѣзки-же, одному мастеру, часа на четыре. Все это обходится крестьянину очень дешево, особенно при черной печи, которая не требуетъ ни одного кирпича, а между-тѣмъ, просушенная хорошенько, вся становится какъ одинъ кирпичъ, и печетъ и варитъ преисправно; крестьянинъ цѣлую жизнь на ней спитъ и парится въ ней, не зная поправки пода и покупки кирпича. Если же притомъ подобная печь сбивается на срубъ съ земли, то въ такомъ случаѣ когда и сама изба уже сгнѣтъ, хозяинъ ставитъ на мѣсто ея новую, а печь все остается старая: такимъ образомъ, еслибы срубъ подъ печью не опускался, то она вѣрно-бы пережила пять избъ; былъ примѣръ, что крестьянинъ, перевхавъ жить на другое мѣсто, оставилъ такую печь на улицѣ, и она полтора года, подъ морозами и дождями, стояла невредима.

Дворъ обыкновенно ставится величиной соотвѣтственный числу скота, длиною равный дому, а иногда и нѣсколько выше дома шеломомъ, именно когда бываетъ шире избы; кроется соломой съ жердями. На задней стѣнѣ, подъ углами по клеву къ дому—ворота, а на большихъ дворахъ—и двое, для возки навозу, чтобы въ одинъ въѣзжать, а въ другіа выѣзжать. Заборы рѣдко мшечные; надъ навозомъ повѣтъ, рѣдко глухая (то-есть во весь дворъ). Въ новыхъ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, у крестьянъ, болѣе зажиточныхъ, есть прекрасные теплые дворы съ глухими повѣтями, и даже со въѣздами на повѣтъ; но такихъ не много. Есть и такіе дворы, на которыхъ, не понимаешь, какъ можетъ жить скотина.

Сараевъ большихъ мало; обыкновенные—отъ 3 до 4 сажень длины, и 3 или 2½ поперечины; между двумя, всегда простѣнокъ, иногда съ одной стороны открытый и безъ полу: все это покрыто соломой. Жаль, что крестьяне вообще не обращаютъ должнаго вниманія на поставку своихъ сараевъ, и, за недостаткомъ ихъ, часто сѣно и яровую солому мечутъ въ стоги въ гумнахъ; потеря корма тутъ видимая: между-тѣмъ, лѣсъ мелкой здѣсь очень дешевъ, и поставка почти ничего не стоить, потому-что каждый крестьянинъ самъ плотникъ: да дорого время, и каждый, кончивъ полевую работу, торопится зашибать

денежку на черный день. Ригъ тоже очень мало. Овиновъ съ потолками есть-таки, но безъ печей; болѣе безъ потолковъ; съ крытымъ гумномъ, или ладонью, не болѣе какъ на половину. Зимникъ обыкновенно осиновый; на лапахъ садила не ставить. Житница есть у каждого крестьянина, разной величины, смотря по количеству семейства и хлѣба. Погребъ не у всякаго; за неимѣніемъ его, лѣтомъ хозяйка ставитъ молоко и т. п. во мшаникъ, а хозяинъ — пиво и т. п. въ кдевь, очистивъ его отъ навозу, или въ пустой избѣ. Баня еще рѣже, и та черная; крестьяне, какъ уже было замѣчено ~~обыкновенно~~ парятся въ печахъ, а льны мнутъ съ овинновъ. У нѣкоторыхъ, близъ дома есть свѣсы, гдѣ ставить телѣгу, сани и т. п.; также щепники, куда валить щепу и обрубки, остающіеся при дѣланіи барокъ.

Въ платьѣ мужскомъ нѣтъ никакихъ особенностей противъ другихъ крестьянъ. Обыкновенное платье лѣтомъ: на головѣ невысокая шляпа, полрковал, съ короткими полями, у молодого — съ ленточкой, или бархаткой, и съ пряжкой, а иногда — ермолка съ кисточкой; на шеѣ нѣтъ ничего; на плечахъ стрый кафтанъ по колѣно, иногда понитникъ, а въ сырую погоду «поволочень» (худой стрый кафтанъ, покрытый толстымъ бѣлымъ холстомъ), и бѣлой, нитяный, вязанный дома кушакъ; на ногахъ старыя плохенькія суконныя онучи, сверху портянки, и потомъ берестяные или липовые лапти: зимой: у старика — шапка, сшитая изъ своихъ домашнихъ овчинъ, иногда малахай, круглыхъ мало, а у молодого — суконный картузь, или круглая съ околышемъ шапка; на шеѣ иногда худенькой платчишко; подъ кафтаномъ худенькой полушубокъ, или телятникъ; короткіе стрые штаны, иногда сверхъ онучь; онучи бѣлыя, здоровыя, обернутыя на ногъ сверху холщевкой, чтобы не терлись отъ лаптей; рукавицы бараньи большія; на ногахъ лапти или «шептуны» (лапти изъ отрепанныхъ прядокъ.) Нарядное платье лѣтомъ: у стариковъ — шляпа, стрый кафтанъ съ короткимъ откинутымъ воротникомъ изъ плиса, котормъ окладываются и полы до пояса; кушакъ шерстяной, красный, или полосатый; сапоги надѣтые по онучѣ; сверху армякъ, иногда черныя суконныя отъ 80 к. до 1 р. сер. за аршинъ, иногда решменскій съ плисовымъ воротникомъ, иногда просто стрый, только обложенный плисомъ; на ногахъ сапоги (у бѣд-

ныхъ — кимерскіе красные, или и просто — лапти); у молодыхъ-же, и особенно у жениховъ — на головѣ картузь съ кисточкой; на шеѣ платокъ, иногда недорогой шелковой, обернутый кругомъ, чтобы концы упали на грудь, или накиннутый на-крестъ, чтобы заткнуть концы за поясъ; непременно красная рубашка съ косымъ воротникомъ (манишекъ и нагрудокъ не знаютъ, но иногда носятъ жилетъ); сверху полукафтанье суконное синяго цвѣта, или напковое, рѣдко «поддѣвка» (такъ-называемая потому-что на нее надѣвается армякъ); широкіе плисовые штаны; сапоги вытяжные съ широкими раструбами; наконецъ, сверху всего армякъ, непременно суконный синій — у кого есть, а въ противномъ случаѣ — ничего: зимнее нарядное платье одно съ лѣтнимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что подъ армякъ поддѣваютъ здоровый овчинный бѣлый полушубокъ, а на ноги валеные съ-рые сапоги; дубленокъ очень мало.

Платье женское также не имѣетъ ничего особеннаго противъ другихъ крестьянокъ. Въ будни: у всякой замужней женщины — на головѣ волосникъ, или неширокій и невысокій кокошникъ, съ мѣднымъ на лбу позументомъ; по лбу платокъ, сверху кокошника другой; сарафанъ крашеный безъ кружевъ; на ногахъ лапти съ ошучами или портянками; сверху стрый кафтанъ; у дѣвцы — нѣтъ кокошника, и голова просто повязана платкомъ, иногда набойчатымъ; сарафанъ съ кружевомъ; прочее какъ у женщинъ. По праздникамъ, и вообще при нарядѣ: у женщинъ — кокошникъ съ серебрянымъ позументомъ; сарафанъ съ кружевомъ, или такъ-называемая «кумашница», или ситцевой, а у богатыхъ и шелковой, только безъ цвѣтовъ; рукава бѣлые полотняные, иногда ситцевые, иногда обшитые узенькою серебряною бахрамою; на шеѣ ничего; поясъ шелковый въ два ряда, съ длинными концами, на коихъ висятъ кисточки; на ногахъ шерстляные бѣлые чулки и босовики, иногда красные башмаки, черныхъ нѣтъ; чулковъ бѣлыхъ очень мало; у дѣвушки: лѣтомъ — на головѣ платокъ («голстинка», или «галоцинка») — по здѣшнему), часто шелковый, въ видѣ повязки, такъ-чтобы маковка была открыта; коса выпущена, и въ ней непременно длинная шелковая лента; остальное все какъ у женщины, смотря по достатку, только у каждой дѣвушки-невесты есть непременно за чулкомъ маленькое зеркальцо; зимою — голова повязана, коса вы-

пущена; сверху поддѣвка, какъ у мужчинъ, смотря по достатку; длинныхъ шубъ нѣтъ.

Сицкаръ питаетъ себя и семейство свое, смотря по достатку; вообще, однако, любить поѣсть если не всегда хорошо, по-крайней-мѣрѣ плотно. Въ мясоѣдъ, осенью ѣсть онъ овсяные блины, щи сѣрые съ овсяной крупой, и съ говядиной или бараниной — если есть, картофель жареный въ салѣ или маслѣ, кашу жидкую съ саломъ, молоко, и т. д.; весною, тѣже щи — если есть, а нѣтъ — такъ кашу овсяную съ свиной и т. д. Кушанье постное: ржаной пирогъ, или ситникъ, или жидкая преснушка, или такъ-называемый «кулыбышъ»; рѣдка, рыжики или сѣрухи, грибы сушеные; щи съ лукомъ и масломъ въ накрошку, иногда со снятками; горохъ, каша пшенная или житная (гречневой не любятъ), картофель съ масломъ, и т. п. Праздничное кушанье: пряженцы (въ постъ и въ мясоѣдъ непременно пшеничные, иначе нѣтъ и праздника); потомъ щи съ говядиною, свинина свѣжая или соленая; жаркаго приготовить не знаютъ, зайца и дичи вовсе не ѣдятъ; салникъ, лапша въ молокѣ (мясной не готовятъ), молоко и т. д. Въ постный праздничный день, чѣмъ Богъ послалъ, но ужъ во всякомъ случаѣ непременно рыба, если есть — свѣжая, а нѣтъ — такъ и соленая; себрюга впрочемъ рѣдко, а изъ свѣжей пучина предпочтительно.

ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ.

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ О ТРУДОЛЮБИИ НАРОДА. ХЛѢВОПАШЕСТВО, СѢНОКОСЪ, СКОТОВОДСТВО. ОГОРОДНИЧЕСТВО И САДОВОДСТВО. ЛѢСОВОДСТВО И ЛѢСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: СТРОЕНІЕ БАРОКЪ, ГОНКА ДЕТЯ, ЖЖЕНІЕ УГЛЯ. ЗВѢРИНАЯ ЛОВЛЯ, РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, ПЧЕЛОВОДСТВО. ТОГГОВЛЯ И РУКОМЕСЛЕННОСТЬ. ПРИХОДЪ И РАСХОДЫ. ОТСУТСТВИЕ НИЩЕНСТВА.

Сицкій народъ вообще трудолюбивъ. Хотя нельзя сказать, чтобы въ немъ не было вовсе лѣнивцевъ, по справедливой пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода»; но совершенныхъ лѣнтяевъ очень не много. Во время лѣта, всякой лишній человекъ въ

семействѣ, то-есть тотъ безъ котораго семейство надѣется упрavitъ полевые работы, всегда ходитъ «на сторону», или живетъ «въ людяхъ», промышляя денежку работою. Когда-же народъ выберется съ полей, то дома для молотбы остается одинъ только мужчина изъ семейства, съ бабами и ребятишками; прочіе всѣ поголовно отправляются въ разные работы: или — въ лѣсъ валить и тесать копани (клюши, кокоры), или — на сторону съ топоромъ и съ пилой, или наконецъ — въ Рыбинскъ, либо въ другое какое мѣсто, на барки: это продолжается, пока не начнетъ дома яровый посѣвъ, или и далѣе, пока барки не спихнутся съ берегу. Коротко-сказать, Сицкаръ нашъ круглый годъ въ работѣ; и надо прибавить, что онъ къ работѣ прилеженъ (по здѣшнему выраженію—«наложенъ на работу»), въ работѣ ловокъ (или какъ здѣсь говорятъ — «складенъ»); если захочетъ, то и проворенъ; только дѣлаетъ дѣло не торопясь, по пословицѣ: «всего вдругъ не сдѣлаешь»!

Собственно по домашнему хозяйству, Сицкари хлѣбопашествомъ занимаются тщательно. Нѣтъ мѣста, способнаго къ пашнѣ, которое-бы не было распаханно; горы и овраги, поросшіе лѣсомъ, гдѣ нѣтъ возможности проѣхать съ сохой или косулей, высѣкаются, выжигаются, цапаются желѣзнымъ крюкомъ, заставляются ячменемъ и заборониваются граблями. Эта послѣдняя, крайне трудная работа, на первый разъ немного приноситъ выгоды; но, на слѣдующій годъ, земля зарастаетъ хорошею травою, и, въ послѣдствіи, когда пень, сгнивши, вываливается, вся гора, вмѣсто голой осыпи, покрывается травой, хотя не богатой, но очень полезной для скота, при здѣшнемъ недостаткѣ выгоновъ. Пашней занимаются вообще одни мужчины; пахать женщины, или дѣвки, большая рѣдкость. Полеводство, обыкновенное, трехпольное. Другихъ земледѣльческихъ орудій нѣтъ, кромѣ одноконной косули для яроваго посѣва, сохи перекладной для паровой и озимой пашни, да деревянной бороны; въ новыхъ только деревняхъ, и то рѣдко, употребляется тупая прямая сошка для распашки новей, гдѣ нѣтъ возможности, по множеству пней, пахать другимъ орудіемъ; ~~бы~~ что когда надо выламывать слишкомъ толстые пни, то идетъ съ однимъ отрѣзомъ, а за нею другая въ ~~не~~ отрѣзомъ и лемехомъ. Дерево сохи каждый крестьянинъ

ласть самъ, а косули не каждый: соха. съ желтзьемъ и полицею, покупается не выше рубля сер., косуля не выше 2 руб., а борона лучшая не выше 40 коп.: впрочемъ последнюю могутъ дѣлать сами крестьяне, и половина крестьянъ дѣлаетъ.

Пашня яровая никогда здѣсь не двоятся, а застѣвается прямо на ломоть, который выскороживается подъ горохъ и пшеницу — не очень мелко, подъ ленъ — намелко, а подъ овесъ — по одной боронѣ по мѣсту. Въ 1848 году, пашня подъ яровый посѣвъ по берегамъ Сити началась 7 апрѣля — рѣдкость, какой не запомнятъ даже старики: въ плотную принялись около 17 апрѣля — и это слишкомъ рано: все это оттого, что истекшее лѣто было сухо, снѣга зимою очень малы, и съ горъ почти все сдуло въ рѣку. Обыкновенно же яровый посѣвъ, или, лучше сказать, ранняя пашня начинается съ Егорьева-Дня (23 апрѣля), а поздняя съ Еремея (1 мая); старики помнятъ, что былъ разъ только случай, когда начали ее около 4 или 5 мая. Пашня продолжается обыкновенно около трехъ недѣль. Смотря по количеству хлѣба, высѣваемого крестьянами, это время кажется велико, и пашня, значить, идетъ неторопливо: причина тому, во-первыхъ, та, что пашня по обыкновенію идетъ валомъ; во-вторыхъ, у большаго числа крестьянъ недостаетъ лошадей, а у иныхъ недостаетъ и рукъ, потому что мало-мальски лишній человекъ идетъ, какъ сказано, «въ люди» — въ работники, или на барку, или плотничать. Посѣвъ обыкновенно начинается съ гороху; но, посѣявъ его, крестьянинъ не оставляетъ уже косули до-тѣхъ-поръ, пока не подыметъ послѣдняго ломтя пашни, что у иныхъ продолжается около двухъ недѣль. Для меня это сначала казалось страннымъ: земля, по мнѣнію моему, должна была высохнуть, выветриться, а индѣ засохнуть комьями, такъ-что не будетъ возможности разборонить ее; но, къ удивленію моему, опытъ показываетъ противное: пашня, пролежавшая около двухъ недѣль, также хорошо выборонивается, какъ и паханная вчера, и, кажется, нисколько не обезсиливается въ плодородіи; впрочемъ это требуетъ еще дальнѣйшихъ наблюденій и опытовъ. Кончивъ пашню, крестьянинъ приступаетъ немедленно къ общему посѣву, и сѣетъ прежде овесъ, потомъ ленъ, далѣе джмень, наконецъ пшеницу. Есть у крестьянъ примѣта, сѣять пшеницу въ то время, когда будетъ зацвѣтать черемуха, и какъ ее сѣютъ послѣ

всего, то оно действительно всегда почти такъ и приходит-
ся; говорятъ также, что горохъ не должно сѣять, когда
дуетъ сѣверный вѣтеръ. Впрочемъ, то и другое, кажется, бо-
льше поговорки; и горохъ, и пшеницу, крестьянинъ сѣетъ неме-
дленно, когда, по обыкновенному ходу посѣва, дойдутъ до нихъ
руки. Не дѣлаютъ закона и поговорки взятыхъ изъ народнаго
жизнеспособа: «*Еремей — подыми сѣтиво*» (1 мая — день Про-
рока Іереміи), и «*Еремей — опусти сѣтиво*» (30 мая — день
Апостоловъ Ерміи и Ерма). Вообще крестьяне, соблюдая по-
степенность въ посѣвѣ, не выжидаютъ чиселъ; такимъ образомъ
когда зажиточный крестьянинъ сѣетъ уже овесъ, малоимущій
сѣетъ только горохъ, когда первый сѣетъ ячмень, второй
сѣетъ еще овесъ, и т. д. Картофель и конопель сѣются лишь въ
загородахъ (первый — около 15, а вторая — 25 мая); это оттого,
что для конопли полевой слой земли тощъ, а картофель не по-
сѣвается въ поле: часто, на 15 августа, поля здѣсь уже со-
вершенно очищаютъ. Количество земли хотя и равно на ка-
ждую ревизскую душу, но неравна мѣстность, а потому и по-
сѣвъ: въ одномъ селеніи болѣе пашни, въ другомъ — сѣнокосу,
въ третьемъ — зарослей кустарныхъ, въ четвертомъ — болотъ и
иловъ, въ пятомъ — ручьевъ и овраговъ. Притомъ, одинъ сѣетъ
рѣдко, другой чаще; глупая привычка крестьянъ, на лучшую
землю сѣять гуще, есть и здѣсь: «эта, дескать, подыметь!»
Обыкновенно полагаютъ на ревизскую душу яроваго по-
сѣва: гороху — отъ полмѣры до четверика, овса — отъ 2 до 4 чет-
вертей, ячменю — отъ 1 до 3 четвериковъ, пшеницы — пол-
четверика, льну (смотря по величинѣ семейства, и особенно
женскаго пола) — отъ половины до полутора четверика. Въ 1848
году, урожай гороху, высѣяннаго до Пасхи, былъ отъ 5 до 6 и
болѣе на четверикъ; горохъ позднихъ посѣвовъ, отъ 23 апрѣля
до 1 мая, не вызрѣлъ, и принесъ зеленчаку отъ 3 до 4. Въ
тоже время, овесъ былъ хорошъ, и пришелъ вообще самъ-4:
въ деревняхъ новыхъ, гдѣ почва земли еще не истощена,
онъ былъ выше аршина и принесъ 4 съ половиною, а тамъ,
гдѣ сѣянъ былъ въ ржаномъ полѣ, на полосахъ выѣденныхъ
червемъ, до 5 и болѣе. Ячмень здѣсь никогда не сѣется въ
яровомъ полѣ, конечно по причинѣ тощей почвы, а оставляется
для него въ ржаномъ полѣ унавоженная полоса, болѣею ча-

стію низкая, или почему-либо неспособная къ посѣву ржи, принесъ онъ въ сказанномъ году, отъ 7 до 8 на четверикъ. Пшеницы вообще съется мало, и родится она всегда почти съ головней, а приносить отъ 4 до 5; посему только треть крестьянъ ее съеть. Вообще, относительно здѣшняго плодородія, должно сказать, что были годы, когда горохъ приносилъ 9, а пшеница 7; были и такіе, когда тотъ и другая едва приносили сѣмена. Зерно яровыхъ хлѣбовъ не крупно, но сухо, сжато, полно: четверикъ овса вѣситъ отъ 28 до 30 ф., ячменя — отъ 35 до 41 ф., пшеницы — отъ 40 до 47 ф. Весна 1848 года стояла довольно холодная; былъ снѣгъ и довольно сильныя морозы около 1 мая, когда ростокъ ранняго гороха былъ уже въ зерночекъ и болѣе; всѣ полагали, что ранніе посѣвы гороха пропадутъ, но оказалось противное: они и созрѣли, и принесли хорошій урожай. Посѣвъ яроваго былъ конченъ около 10 мая; по такому раннему посѣву думали, что овесъ поспѣетъ вмѣстѣ съ рожью, и опять ошиблись; послѣ холодной весны, лѣто было не жаркое, часто перепадали теплые дожди, и потому овесъ протѣхнулъ долго; его начали жать около 15 августа, а убрали съ полей по берегамъ Сити—въ послѣднихъ числахъ мѣсяца; дальше къ лѣсу — позднѣе, а въ самыхъ заднихъ деревняхъ — около 20 сентября. Цѣна овса была отъ 25 до 28 к. сер., ячменя—не выше 30 к. сер. за пудъ.

Паровая пашня обыкновенно начинается тотчасъ по вывозкѣ навозу; безнавозная земля прежде парится. Вывозка навозу начинается не вездѣ равно: въ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, или гдѣ есть хорошіе выгоны для скота—раньше, а гдѣ не куда дѣвать скота—разумѣется, позднѣе; обыкновенно же—около 9 іюля. Крестьяне возятъ навозъ, каждый своимъ семействомъ; иногда, если семейство мало, срѣди пособляютъ другъ-другу: за работника, съ лошадыю и съ водокомъ, платится отъ 40 до 50 к. сер. въ день, кромѣ корму людямъ и лошади. Для наметыванія навозу употребляются деревянныя вилы съ желѣзными парожниками, которые очень тупы и въ плотный навозъ идутъ съ трудомъ: увидя у меня желѣзныя кованыя вилы, нѣкоторые крестьяне ихъ попробовали, полюбили, и сковали себѣ такіеже. Крестьянинъ не начинаетъ орать, пока не вывезетъ навозу начисто; а до того

времени, навозъ лежитъ на полѣ въ колышкахъ. Пашню производятъ сохою, къ одной межѣ, по одной бороздѣ, перекладывая полицу, и мелко, не глубже полутора вершка; у хорошей пашни ломоть ложится крестъ-на-крестъ и хорошо закрывается навозъ. Черезъ недѣлю, начинаютъ боронить, и забораниваютъ намелко. Въ 1848 году, пашня продолжалась до 1 іюля; крестьяне, напуганные червемъ предшествовавшего года, не торопились паровою: сѣять рожь, и думали, и вѣтъ.

Подъ озимовый посѣвъ земля орется тоюже сохою, только глубже, около 3 вершковъ и болѣе. Полицу перекладываютъ, и отваливаютъ отъ межей на средину; отчего небольшая подорванная полоса представляетъ невысокую гряду. Пашня до посѣва не скородится, а послѣ посѣва выборанивается не очень мелко: кто мелко заборонитъ, у того будетъ рожь мелка, говорятъ крестьяне. Проганивать борозды послѣ посѣва, здѣсь и обыкновеніе вѣтъ. Въ 1847 году, посѣвъ начался поздно, не ранѣе 12 августа, и кончился около 5 сентября: крестьяне были напуганы червемъ, который, въ предшествовавшемъ 1846 году, въ деревняхъ, лежащихъ по берегамъ рѣки Сити, выѣлъ озимь почти начисто, такъ-что кое-гдѣ уцѣлѣлъ лоскутокъ на полосѣ; нѣкоторые пересѣвали дважды, но послѣднимъ посѣвамъ червь не далъ показать и зелени. И на сей разъ, червь также появлялся, но уже вѣтъ не сплошь, начиная съ боку или съ конца, какъ прежде, а — выюнами, разрывая посѣвъ по всей полосѣ, особливо отъ межей и бороздъ. Замѣчено притомъ, что онъ вѣтъ сильнее на полосахъ мягкихъ, рыхлыхъ, хорошо увавоженныхъ и выпаванныхъ; гораздо-же меньше вредилъ, или даже и совсѣмъ не показывался на полосахъ глинистыхъ, или первыхъ отъ дворовъ, гдѣ скотъ мнетъ землю, и она, какъ дорѣга, не разборонивается, а таскается крупнымъ комъемъ; также на поднятыхъ перелогахъ, на оборотахъ, то-есть не совсѣмъ перепрѣвшемъ деревъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ деревняхъ по берегамъ Сити (такихъ, впрочемъ, было не много), сѣяли ржи очень мало, опасаясь потерять и труды и сѣмена; а въ нѣкоторыхъ (этихъ было болѣе), сѣяли поздно, даже около 5 сентября. Не знаю кто по цѣнности хлеба считалъ болѣе выгоды; знаю только, что кто сѣялъ раннею весной на паревую увавоженную землю, тотъ получалъ

тый урожай, а поздний посѣвъ ржи принесъ мелкую солому, мелкое зерно и скудный приплодъ. Осень 1847 года была продолжительная и теплая, такъ-что озимовые посѣвы, уцѣлѣвшіе отъ червяч; поправились и укрѣпились; потомъ наступила зима безснѣжная, опасались что на горахъ посѣвы выдуетъ вѣтрами, но Богъ сохранилъ; ранняя, не очень теплая весна, тоже не сдѣлала вреда, потому-что земля была суха. Окончательно исправило все лѣто: рожь быстро поднималась отъ теплыхъ дождей; выцвѣла, не смотря на бывшіе во время цвѣту вѣтры и дожди, хорошо; налилась еще лучше, и принесла обильный урожай — отъ 7 до 8: жать начали ее съ 6, а убирать съ поля съ 15 августа. Замѣтить надобно, что здѣсь никогда не съется овесъ въ ржаномъ полѣ; а безпасовная земля обыкновенно парится и засывается также рожью; поэтому приплодъ ржи, съ уваженіемъ и съ безпасовною землей, никогда не превышаетъ 5, ибо почти половина ея у каждаго крестьянина остается неуваженною. Въ новыхъ деревняхъ, на земляхъ новыхъ, изъ-подъ лѣсу или кустарнику, рожь и овесъ иногда имѣтъ двадцать родится порядочно, не зная пасову; зато, ленъ и ячмень, на грубомъ пластвѣ, даже уваженномъ, родится плохо. Крестьянинъ, на ревизскую дуну, высѣваетъ не болѣе одной четверти ржи, а съестъ ее часто. Рожь вообще родится мелковатая зерномъ, но сухая, бѣлая и полная; въ хлѣбъ спора, и выпекается хорошо. Четверикъ подсыянной ржи вѣситъ 45 фунтовъ; не знаю, будетъ-ли вѣсить столькоже выросшая на поляхъ и оборотяхъ. Въ 1848 году, озимовый посѣвъ начался тоже не рано, именно около 10 августа, а къ 20 былъ уже конченъ; губительный червякъ не показывался; озими шли хорошо; не смотря на то цѣна ржаной муки возвысилась: осенью она была ниже 40 к., а потомъ поднялась до 50 к. сер. за пудъ.

Земли сѣнокосныя, какъ уже было замѣчено, вообще здѣсь плохи. По берегамъ Сити онѣ болѣею-частью солотны, кочковаты, или по-крайней-мѣрѣ потны; исключеній очень мало. Само-собою разумеется, что, въ слѣдствіе того, травы не съдобны для скота, и не питательны, хотя скотъ и ѣстъ ихъ по нуждѣ и привычкѣ. Посеянныхъ луговъ почти вовсе нѣтъ. По берегамъ Сити, и попадающихъ въ нее рѣчекъ, есть травяныя мѣста, но онѣ болѣею-частью такъ завалены камнями, что не понимаешь воз-

возможности косить их; по скатамъ горъ и овраговъ, трава такъ тонка, что тоже не стоить косьбы. Въ новыхъ деревняхъ, на низяхъ изъ-подъ лѣсу, травы высоки, метлисты, ломовиты, и также нецѣлительны: рано скошенную траву скотина ѣсть еще кое-какъ, а поводя тоже что солома. Сѣнокосъ, въ новыхъ деревняхъ, начинается съ 1, а по берегамъ рѣки Сити около 8 июля; продолжается у нихъ до уборки полей. Количество сѣна, собираемого на ревижскую душу, неравно; въ некоторыхъ деревняхъ не болѣе трехъ возовъ, а въ другихъ селеніяхъ, изъ новыхъ, простирается до осьми. Вообще сѣнокосы недостаточны въ сравненіи съ количествомъ пашни, и крестьянинъ всегда бѣдетъ изъ корму. Зажиточные покупаютъ десятину и больше травы въ такъ-называемомъ «порѣчьѣ» (поемный лугъ за рѣкой Мологой, у Графа Мусина-Пушкина), р. на 100 и болѣе ас., въ разстояніи отъ мѣста жительства отъ 15 до 25 верстъ; скашиваютъ сѣною семей, и мечутъ тамъ же въ стога до зимы: хорошая десятина платится до 30 р. сер., и приноситъ до 16 возовъ поемнаго сѣна; разумѣется, какъ количество, такъ и цѣна травъ измѣняется, смотря по обстоятельствамъ. Средній крестьянинъ наводитъ нанять гдѣ-нибудь въ околоткѣ подешевле, спорить кормъ бережливостію, мѣскою мякины и т. п.; плохой-же крестьянинъ бѣдетъ кое-какъ.

При недостаткѣ сѣнокосовъ, разумѣется, не можетъ быть и хорошаго скотоводства. Только въ новыхъ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, оно идетъ порядочно; тутъ скотъ лѣтомъ не нуждается въ подножномъ корму, и зимой кормится по-крестьянски достаточно: лошадь и овца — сѣномъ, а крупный рогатый скотъ — соломою и мякиной, которыхъ достасть, потому что хлѣбъ родится порядочно. Напротивъ, въ деревняхъ по берегу рѣки, лѣтомъ скотина мретъ сильно на тощихъ выгонахъ, весной и осенью взять ей также нечего, а зимой и того хуже; посему нисколько не удивительно, что окота здѣсь вообще держать мало, да и тотъ тонкъ и мелокъ. Лучшій крестьянинъ, на ревижскую душу, держитъ одну лошадь, двѣ моровы, да овцу, болѣе имѣть возможности прокормить; есть крестьяне, имѣющіе, на четыре души, одну лошадь. Лучшую во всей волости лошадь можно купить не выше 50 р. сер., и такихъ очень не много; лучшая корова стдѣтъ 40 или 44 р. сер., ов-

ца — отъ 1 р. 50 к. до 2 р. сер. Обыкновенный въсь убитой коровы — отъ 5 до 6 п., ягненокъ — отъ 25 до 30 е. (выше — мало); пудъ говядины стоилъ; въ 1848 году, отъ 1 р. до 1 р. 30 к. сер., баранины — отъ 80 к. до 1 р. сер. Свиной держать крестьяне довольно, потому что мясо ихъ предпочитаютъ всякому другому; кормятъ чѣмъ попадетъ; въсю изъ нихъ бываетъ отъ 5 до 8 п. Цѣна свиной туши: съ зубомъ — отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 60 к. сер., по лопатки — 2 р. 10 к. сер. за пудъ; ниже въсь туши, ниже и цѣна. Сверхъ того: щетины хребтовой сунуть — около 1 р. 70 к. сер., боковой — не выше 20 к. сер. Не смотря на особенную любовь къ свиньямъ, крестьяне, однако, ни свиней, ни борововъ, для развѣду не держатъ, а покупаютъ ихъ маленькихъ, или пожалуй и взрослыхъ, и откармливаютъ на убой, рѣдко кормя долѣе году; при этомъ они не знаютъ какъ продвѣвать свиньямъ проволоку, отчего эти прожорливыя животныя все, куда ни залѣзутъ — гумно, загоры, луга — взрываютъ какъ пашню.

Правительство оказало величайшее благодѣяніе. Сипкаремъ, позволивъ имъ селиться на заднихъ своихъ полосахъ. Было уже замѣчено, что, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, всездѣшнее народонаселеніе сжато было въ кругу не болѣе семи верстъ поперечника, на самомъ берегу рѣки Сити, около трехъ главныхъ селъ. Земля, на прибывавшія ревижскія души, наръзывалась, позади полевой земли заднихъ деревень, къ казенному лѣсу; такимъ-образомъ, у cadaго селенія, не болѣе половины земли было въ полѣ, а другая часть за семь, восемь и болѣе верстъ. Можно судить, какая была оттого невыгода для земледѣлія: крестьяне рѣзали мелкими полосами полевую землю, а задняя пропадала почти даромъ; кое-гдѣ былъ пашъ, засѣянный ячменемъ, или ручеекъ, расчищенный подъ покось — метъ и все: гонять туда скотъ на пастбище, черезъ чужія поля, а иногда еще и изъ-за рѣки, не было возможности; ближайшія деревни не брали ничего въ кортому у дальнихъ, потому что и своей земли дѣвать было не куда. При такой совершенной безполезности задней земли, дальній крестьянинъ, когда приходила нужда платить подать и кормить семейство, весь участокъ свой въ ней, на три ревижскія души, отдавалъ ближайшему — за одинъ березовый лапти! — Наконецъ крестьяне

одумались; бѣдѣйшіе изъ нихъ, при пособіи зажиточныхъ, стали выѣзжать съ позволенія Правительства; и, такимъ образомъ, изъ 20 селеній, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, сдѣлалось 45. Теперь эти выселившіеся крестьяне изъ бѣдняковъ стали зажиточными, и новыя деревни суть самыя лучшія, и скотомъ, и хлѣбомъ. Впрочемъ, народонаселеніе, по обоимъ берегамъ рѣки Сити, все еще слишкомъ тѣсно. На трехъ верстахъ часто живетъ до трехъ сотъ ревижскихъ душъ и болѣе, съ домами, сараями, житницами, гумнами, огородами, и т. д. Село, на-примѣръ, *Покровское*, и деревни: *Минюшино*, *Григорово*, *Рысье*, *Копань*, *Михлево*, *Ревятино*, *Игнатово*, *Глинникъ* (до 500 ревижскихъ душъ) — составляютъ кругъ не болѣе двухъ верстъ длины и поперечины! Гдѣ же земля для пашни? Она вся наръзана длинною полосою взадъ, протягиваясь отъ 5 до 7 верстъ. Плохо. Станетъ крестьянинъ возить навозъ, навозить не болѣе 4 или 5 телегъ въ день; съ сохою, бороною, стѣнами, ѣдетъ за 5 и болѣе верстъ; возъ сѣна, сноповъ, везетъ 7 верстъ: задняя земля дика, худа, выпахана, не унавожена; скоту плохой выгонъ, когда онъ долженъ идти около 10 верстъ и болѣе, взадъ и впередъ, на тощую траву. Нѣтъ сомнѣнія, что когда крестьяне подвинутся еще далѣе на заднія полосы, такъ-что земля будетъ у каждого подъ руками, польза выдетъ для нихъ большая. Нѣсколько сотъ трудолюбивыхъ, здоровыхъ и привычныхъ рукъ, вмѣсто того чтобы въ плохіе годы шататься для насущнаго пропитанія по сторонамъ съ топоромъ и пилою, обратятся, для собственнаго своего блага, къ улучшенію земледѣлія и скотоводства, и такими существенными произведеніями, какъ скотъ и хлѣбъ, будутъ обезпечивать себя вплоть на неурожайныя годы, какъ уже не разъ случалось съ новыми деревнями. Тогда можно будетъ ввести у нихъ со-временемъ и многопольное хозяйство, что при настоящемъ расположеніи селеній рѣшительно невозможно. Населенность отъ такого домохозяйства вѣрно ничего не потеряетъ; да и нравственность, конечно, не останется въ накладе: крестьяне будутъ приносить менѣе, и пороковъ, и болѣзней, въ свои семейства.

Изъ прочихъ домашнихъ хозяйственныхъ промысловъ, огородничество маловажно, и едва-едва удовлетворяетъ небольшимъ потребностямъ крестьянина. Рѣдка, морковь, свекла,

березу: гладка, такъ онъ тутъже срубаеъ ее и обдираеъ год- ния мѣста; но часто случается, что береза оказывается не- годною (ибо не всякая береста годна для лаптей, иная двоится и троеится), тогда онъ бросаетъ ее и ищетъ другой: бываетъ, такимъ-образомъ, что, прохотивъ цѣлый день и срубивъ деся- токъ березъ, онъ возвращается домой по-вечеру съ запасомъ — на одинъ лапти! — Лѣсъ гибнетъ даромъ, и мужикъ не въ выгоду!

Вообще должно сказать о Сицкарѣ, что онъ, родясь и вырос- ши въ лѣсу, свикся съ топоромъ, какъ казакъ съ своимъ копъ- емъ: его любимое занятіе — возиться всячески съ лѣсомъ. Та- кимъ образомъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, крестьяне здѣш- ніе, не имѣя за собой надзора, сильно губили волостной свой лѣсъ: они рубили его на барки, на избы, на сараи, на крышечный тесъ; и чтѣжь изъ того выходило? Двѣ конани, свезенныя въ село Лопкое (около 25 верстъ), продавались не болѣе 20 к. сер.; стало-быть, крестьянинъ съ лошадыю, на сво- емъ хлѣбѣ, выработывалъ въ день не болѣе 40 к. асс., ибо не менѣе 30 к. стоило свалить конанъ и вытесать. На мѣстѣ стѣновое бревно продавалось не выше 15 к. сер., сотня кры- шечнаго тесу доходила до 2 р. сер.: такимъ образомъ лѣсъ гибъ понапрасну, скорѣе разоряя, чѣмъ обогащая крестьянъ; немного десятины уцѣлѣло отъ топора, а множество костровъ сгнило въ лѣсу, за недостаткомъ сбыта. Къ счастью, такое без- разумное злоупотребленіе лѣсныхъ богатствъ нынѣ прекра- щено попечительными распоряженіями Правительства; и это по- служило къ явной выгодѣ самихъ крестьянъ. Теперь сами они, по собственному расчету, не пользуются даже и дровяникомъ казеннымъ; условія, на коихъ отводится имъ лѣсъ для отопленія, превышаютъ выгоду получать его безденежно: лошадь съ маль- чикомъ подъ кладъ стѣдить отъ 25 до 50 к. сер. въ день, крестья- нинъ съ однимъ топоромъ — отъ 20 до 30 к. сер.; дороги придуть дрова, когда надобно еще очистить сукъ и щепу въ порубкѣ. Отто- го, въ настоящее время, крестьяне, покупая у околныхъ помѣщи- ковъ лѣсъ для строенія барокъ десятинами, вершины отъ конаней и вальковъ, также иву, березу, осину, ольху и прочее негодное для барочнаго промысла, употребляютъ на отопку; присемъ, такъ- называемый здѣсь «обработокъ», то-есть десятина, изъ которой годный для барокъ лѣсъ вывезенъ, продается отъ 5 до 8 р. сер. и

дасть дровянику до 300 воевъ. Такимъ образомъ, казенный лѣсъ при волости значительно поправляется, и есть уже порядочный стросвой; можно надѣяться, что, при продолженіи подобной бережливости, лѣтъ черезъ сорокъ достигнетъ онъ и совершенной полноты, что на случай очень важно.

Нынѣ, главный и почти единственный прибыточный для крестьянъ лѣсный промыселъ есть строеніе барокъ; потому что каждый въ немъ находитъ себѣ работу, а слѣдовательно и средство добывать деньги. Конечно, по переизбыточности обстоятельствъ, промыселъ этотъ не всегда надеженъ; но вотъ уже около десяти годовъ, какъ идетъ порядочно, въ слѣдствіе чего и цѣны на все поднялись, на копани, на днища, за работу, и т. д.; прежде, на-примѣръ: барка продавалась отъ 250 р. до 300 р. асс., нынѣ — отъ 450 до 545 р. Крестьянинъ обыкновенно рядится съ какимъ-либо купцемъ, заключаетъ контрактъ, или просто, по одной запискѣ, получаетъ половину денегъ въ задатокъ, и начинаетъ строить. На волю вообще строить мало, опасаясь упадка цѣнъ: только нѣкоторые работаютъ по баркѣ или много по двѣ. Впрочемъ, и по подряду, жилищный и семейный крестьянинъ работаетъ не болѣе какъ до пяти барокъ, средний — двѣ или три; много работать нѣтъ выгоды. Въ 1817. году, если лѣсъ былъ весь покупной, барка обыкновенно приходилась въ 450 р. асс. (именно: за мѣсто — отъ 5 до 6 р.; днище съ пыжами и порубьями — отъ 115 р. до 125 р.; лѣсъ на бока — 10 р.; сосна — 10 р.; дилка боковъ — до 18 р.; стойки — 6 р. за сотню; копани — отъ 125 р. до 140 р. за сотню; сдѣлать барку — отъ 90 до 400 р.; пакля, скобы, гвоздь — 25 р.; стонщику до Рыбинска — 20 р.). Затѣмъ: продажная цѣна для нѣкоторыхъ выпадала до 515 р. за барку, а въ казну ставили не выше 450 р. ассигн.: барышъ пустой! — Но дѣло въ томъ, что крестьянинъ, покупая лѣсъ десятиною, копань валить и тешетъ самъ, еловое дерево для днища тоже самъ валить и тешетъ, возить его самъ, работаетъ барку самъ, стойка своя, лѣсъ для боковъ также весь свой, кромѣ сосны, да и гонить въ Рыбинскъ барку самъ-же. Платить — да и то не каждому — приходится только за вывозку сотни копаней изъ лѣсу на берегъ — до 25 р., за пилку на барку — отъ 45 до 55 р. съ барки, да работнику, если собствен-

ное семейство мало — отъ 50 до 60 р. асс. Покрывъ эти расходы, и заплативъ за десятину лѣсу (въ 1847 году — отъ 40 до 70 р. асс.) — крестьянинъ остальное считаетъ барышемъ! — Бываютъ, впрочемъ, особенные случаи, увеличивающіе цѣнность расходовъ, а потому уменьшающіе барышъ. Въ 1847 году, Сицкарями сработано было до 250 барокъ, но по мелководію нѣкоторыя не были спихнуты съ берегу. Крестьяне не понимаютъ такой мелкой воды, даже старики; водяныя вѣтряныя мельницы, до Панкратовской, стояли всю зиму даромъ, за недостаткомъ воды; Панкратовская молола только въ два жернова, а иногда и въ одинъ; затѣмъ, весною, всѣ, кромѣ Панкратовской, не выбирали даже вѣхъ и начали прямо молоть; спущенная нижними заводами вода, не болѣе какъ въ три сутки, стекла вся въ рѣку Мологу, а потому въ иныхъ мѣстахъ глубина Сити не превышала четверти аршина. Гнать барокъ не было возможности по множеству камней; посему иные крестьяне не спихивали ихъ, а оставили на берегу до слѣдующаго года, и такихъ осталось до 40. Между-тѣмъ, для тѣхъ, которыя были спихнуты, крестьяне должны были, собираясь, разбирать камни вѣртами: работа трудная, и по холодной и дождливой веснѣ опасная для здоровья, ибо въ дождь и хизъ надо было непрестанно быть въ водѣ. Наконецъ, согласясь, купили они воду у верхнихъ заводчиковъ, заплативъ, какъ я слышалъ, около 2,000 р. ассигн., и кое-какъ вышли въ самомъ началѣ Петрова-Поста. Плачено было неравно, съ верхнихъ барокъ — болѣе, съ нижнихъ — менѣе: средняя платила отъ 13 до 15 к. асс.; всего-жъ расходу пало, такимъ образомъ, кромѣ своихъ трудовъ, около 25 р. асс. на барку! — Знатоки вообще хвалятъ Сицкую барку; она не такъ чиста, какъ работаютъ на Мологѣ и Волгѣ, но плотна и не водяниста, а потому легка на ходу и подъемиста: между-тѣмъ Сицкари говорятъ, что если бы давали имъ до 150 р. сер. за барку (цѣна вполтора и вдвое дешевле той, за которую барки покупаются въ Рыбинскѣ), то волость, собственными работниками, ежегодно сработала-бы и доставила въ Рыбинскъ до 300 такихъ барокъ. Замѣчу, въ заключеніе, что строеніе барокъ важно для здѣшнихъ крестьянъ и по тому, что въ прочихъ работахъ крестьянинъ занятъ одинъ, а тутъ все его семейство, и даже

лошадь. Мальчикъ отъ 10 до 12 лѣтъ возить жопами или вальки; старый и малый тешетъ и строгаетъ деревянный барочный гвоздь: между-тѣмъ цѣна подѣ кладъ на одну лошадь бываетъ отъ 15 до 25 к. сер.; тысяча гвоздей стесанныхъ изъ хояйскаго лѣсу стоитъ 50 к. сер., а строганныхъ—до 70 к. сер. Такимъ образомъ, лица, при прочихъ работахъ бесполезныя крестьянину, здѣсь, когда барочныя работы идутъ хорошо, добываютъ на свѣчку Богу, на соль, на табакъ, на деготь, на штофъ вина о праздникъ, на мошь валеную и судачину обѣ масляницѣ, на онучи, рукавицы, вареги и другіе мелкіе домашніе расходы, а иногда по нуждѣ и на куль муки, даже и на часть оброка; а между-тѣмъ самъ крестьянинъ свободенъ, идетъ на работу въ лѣсъ, или на сторону, и часто въ зиму, одинъ, на чужомъ хлѣбѣ, зарабатываетъ отъ 20 до 30 р. сер. и болѣе.

Прочіе здѣшніе промыслы, въ сравненіи съ стройкой барокъ, почти ничтожны; въ томъ числѣ и тѣ, которые можно-бы было извлекать изъ лѣсу.

Есть человекъ съ десятокъ, которые въ помѣщичьихъ лѣсахъ, съ позволенія владѣльцевъ, ломаютъ сосновый пенъ, возятъ его зимою домой, а весной и осенью гонятъ изъ него, съ прибавкой бересты, деготь. Впрочемъ этотъ деготь не болѣе, какъ простая коломазь; чистаго-же, для мазанья сапоговъ, не гонятъ. При этомъ не умѣютъ сами работать горшковъ для гонки дегтя, а вѣзятъ за ними ежегодно верстъ около полутора, Вологодской губерніи въ Домнинскую волость, гдѣ платятъ на мѣстѣ отъ 10 до 15 к. сер. горшковъ; не умѣютъ также гнать деготь ямами. Все количество добываемаго такимъ образомъ дегтя не превышаетъ 500 пудовъ въ годъ. Цѣна ему отъ 70 до 80 к. сер. за пудъ.

Жженіемъ угля занимается также немного рукъ. Обыкновенно для этого покупается лѣсной обработокъ, гдѣ выкапывается угольная яма и производится жженіе дровяника. При этомъ вершинникъ отъ копаней продается на стройку и на стойки къ баркамъ; осинникъ годный идетъ на комоды, лонаты, лукошка, дупелки, въ стѣну сарая, въ ящикъ къ овину, и т.п., а негодный на дрова и осинники; береза употребляется на лучину и дрова; только ельникъ весь безъ остатка сожигается на уголь, иногда съ прибавкой здороваго осинового вершиннику. Куль

добытого такимъ образомъ еловаго угля, съ доставкой на домъ отъ 10 до 15 верстъ, продается отъ 10 до 15 к. сер., смотря по разстоянію; на мѣстѣ-же можно купить его отъ 8 до 9 к. сер. за куль.

Звѣроловствомъ постоянно занимаются немногіе, и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Ловятся зайцы (русакъ и бѣлякъ), немного кунницы, бѣлка, нѣсколько хорьковъ, иногда волкъ; медвѣдей третій годъ уже вовсе нѣтъ, въ 1848 году видѣли только слѣды ихъ; лисицу убили одну, десять лѣтъ тому назадъ; прежде, говорятъ, охотники бивали около рѣки выдру и норку, а въ лѣсахъ барсука, и разъ какъ-то (впрочемъ очень уже давно) поймали тройку оленей. Изъ птицъ, осенью бьютъ большіе тетерева и рябчика; голубь и куропатка (послѣдней очень довольно) не стоить охоты, ихъ никто не покупаетъ; дикую утку, гуся, журавля, бьютъ рѣдко, и только послѣднихъ на перелетѣ, а изводомъ вовсе здѣсь нѣтъ; лебедь перелетаетъ очень рѣдко; куликовъ большихъ и среднихъ, бекаса, песчанника, сорогая, не бьютъ; кербника и луговку, не бьютъ и не ѣдятъ. Весь промыселъ не приноситъ болѣе 150 р. сер. въ годъ.

Рыболовство еще ничтожнѣе. Не болѣе трехъ человѣкъ занимаются имъ постоянно, и ловятъ въ Сити двойною сѣтью безъ рукава, длиною отъ 30 до 40 сажень, которая выбирается прямо въ лодку, или на плотъ; ловить-же неводомъ, по чрезвычайному множеству камней, нѣтъ возможности. Впрочемъ, у каждаго крестьянина есть про себя плотный наметъ, которымъ онъ хватаетъ рыбу, когда идетъ ледъ и въ мутную (по здѣшнему—въ мульную) воду; есть также холщевая недотка, которой ловятъ, когда вода, при спускѣ мельницъ, обмелѣетъ. Ловится: щука—до 30 ф., окунь—до 5 ф., ершъ, пискаръ, налимъ—до 40 ф. изъ бѣлой-рыбы (по здѣшнему—«бѣли») леща не бываетъ выше 4 ф., сорокъ—до 3 ф., голавль и язь—до 6 ф., подлѣзокъ—до 3 ф., жерехъ—до 2 ф.; линя и карася вовсе нѣтъ. Зимой въ язы идетъ довольно налива—отъ 4 до 5 ф., а весной—плоты. Вообще, въ верховьѣ рѣки рыбы болѣе, нежели при впаденіи. Все количество улавливаемой въ годъ рыбы не доходитъ и до 100 пудовъ. Рыба продается отъ 3 до 4 к. сер. за фунтъ. Щука всякой другой рыбѣ предпочитается. Раковъ множество, но ихъ не ѣдятъ и не ловятъ.

Не больше можно сказать и о пчелиномъ промысли. Имъ почти вовсе не занимаются. По всей волости не насчитается болѣе полусотни порядочныхъ ульевъ.

Самое обыкновенное ремесло здѣшнихъ крестьянъ есть плотничество. Нѣкоторые дѣлаютъ осиновыя лопаты и кободы: сотня лопатъ продается отъ 2 р. до 2 р. 50 к. сер.; а осиновая колода въ 3 четверти аршина глубины и въ 3 аршина длины—отъ 30 до 50 к. сер., смотря по прочности дерева и чистотѣ отделки. Лукошекъ и дупелекъ осиновыхъ дѣлатъ не умѣютъ; дровней гнуть также. Столяровъ корѣшнихъ нѣтъ, но кровельщики есть порядочные; здѣшніе крестьяне сами ставили и обивали жестью деревянный крестъ, сшибенный вѣтромъ съ церковной главы. Стекольщиковъ тожко два. Каменьщиковъ, оныже и штукатуръ, одинъ, и тотъ плохой. Выдѣлкой кирпича-сырцу занимаются болѣе ребята, и то не многіе, и выдѣлываютъ въ маломъ количествѣ; не было ни одного опыта обжигать кирпичъ. Печниковъ также нѣтъ; трубы кладетъ всякой самъ для себя. Кузнечцовъ не болѣе трехъ; сапожниковъ порядочныхъ также трое. Портныхъ, и то для строй крестьянской одежды, не насчитаны и десятка. Сапожныхъ катальщиковъ довольно, но они плохіе мастера своего дѣла: нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ только бить шерсть. Мастеровъ выдѣлывать овчины не болѣе трехъ; одинъ изъ нихъ учится и дубить; за квашенье овчины берется отъ 5 до 6 к. сер. за работу, за дубленье—10 к. сер.; овчинъ въ три мастера выдѣлываютъ отъ 3 до 4,000; выдранная изъ овчинъ кислая сырая шерсть стоитъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. сер. за пудъ, вычесывается же ея со 400 овчинъ не болѣе пуда, по сказу овчинниковъ; стружку, лапну и т. п., берутъ красильники за безценокъ. Крапшеньемъ холста и пряхи и набиваньемъ холста цвѣтками занимаются тоже трое: одинъ и красить и набиваетъ, двое только красятъ; кромѣ синей краски, другихъ не знаютъ; матеріалу въ годъ переводятъ почти на 1,500 р. сер.; вунтъ пряхи выкрасить стоитъ отъ 15 до 25 к. сер.; за набивку своей холстины крестьяне платятъ съ аршина по 3 к. сер.; узоровъ, ризать не умѣютъ, а получаютъ ихъ съ ситцевыхъ фабрикъ изъ Костромской губерніи; на масле не набиваютъ; сандалу идетъ мало. Женщины прядутъ и ткутъ домашній грубый холстъ и домашнее строе сукно; шьютъ для себя и семейства рубашки;

не всякая однако можетъ сшить себѣ ситцевый сарафанъ. Вотъ, кажется, и всѣ здѣшнія ремесла.

Нѣкоторые изъ крестьянъ занимаются и торговлей, но она вообщѣ маловажна; развѣ исключить торговлю рукавицами, варегами и онучами, которыхъ продается иногда на сумму до 3,000 р. сер. въ годъ? Хлѣбныхъ торговцевъ, по незначительности капиталовъ, нѣтъ ни одного; да и всѣхъ торгующихъ крестьянъ не болѣе двадцати. Въ Петербургѣ, на заработкахъ, живеть не болѣе десяти человекъ изъ всей волости; весь прібытокъ отъ нихъ не доходить до 4,000 р. сер.

Трудно опредѣлить количество денегъ, добываемыхъ крестьяниномъ въ годъ; это зависитъ отъ его промысла болѣе или менѣе прибыльнаго, также отъ лѣтности или прилежанія, ловкости или вѣлости, и т. д. Барочникъ, на-примѣръ, красильникъ, кузнецъ, торговецъ, вырабатываетъ болѣе нежели — пильщикъ, плотникъ, работникъ на баркѣ. Впрочемъ, и тутъ человекъ въ человека не приходитъ. Въ 1847 году, хорошій барочный работникъ въ зиму, отъ Никола до Никола, то-есть отъ 6 декабря до 9 мая, получалъ, на готовомъ хлѣбѣ, отъ 25 до 35 р. сер.; ловкій пильщикъ зарабатывалъ столько-же; въ остальную половину года крестьянинъ стоялъ не мѣсяе, и получалъ не мѣняе, если, имѣя дома лишняго человека, уходилъ въ работу: посему количество денегъ, выработанныхъ, въ этомъ году, хорошимъ и прилежнымъ крестьяниномъ, можно положить отъ 50 до 70 р. сер. Конечно, были которые не заработали и половины этой суммы; были зато и такіе, на-примѣръ овчинники, кузнецы, красильники, которые добыли около 400 р. сер., а можетъ-быть и болѣе.

Еще труднѣе опредѣлить количество крестьянскихъ расходовъ. Крестьянинъ, какъ говоритъ пословица, «по одежкѣ тянетъ ножки»: кто мѣняе зарабатываетъ, тотъ мѣняе и издерживаетъ. Съ ревизской души, съ прочими расходами, сходитъ съ него обыкновенно до 20 р. асс. въ годъ; столько-же должно положить на его житейскія необходимыя нужды, какъ-то: онучи, вареги, рукавицы, соль, деготь, табакъ, иногда кусокъ говядины для семейства, также на починки по дому, поправку сбруи, и т. п. Одинокій крестьянинъ, который имѣетъ земли на три ревизскія души, для содержанія семейства, состоящаго изъ жесколько малолѣтнихъ дѣтей, необходимо долженъ!

до 120 р. асс. въ годъ; около 40 р. сер. въ годъ надо прибавить къ тому на солодъ, хмѣль, вино и еще кое-что на праздничные расходы; сверхъ-того, такъ-какъ нѣтъ возможности ему одному съ малолѣтними дѣтьми сжать и смолотить хлѣбъ, то еще до 40 р. сер. нужно на работницу, молотильщиковъ и т. п.: такимъ образомъ весь расходъ его будетъ доходить до 200 р. асс.

Когда бываетъ хорошій урожай хлѣба, и крестьянину, за пропитаніемъ семейства, достанется продать сколько-нибудь овса, или ячменя (ржи у него никогда не остается), да еще задокъ свининки, или овечку, или шерсти, или еще чего-нибудь, рублей хоть на полсотни; то остальное количество хорошій работникъ добудетъ работою, и такимъ образомъ живетъ годъ хоть не богато, но безбѣдно. Но выше было замѣчено, что въ нашей волости недостатокъ сѣнокосовъ бываетъ причиной недостатка скота, отъ недостатка скота происходитъ недостатокъ навоза, а отсюда недостатокъ и самаго хлѣба. Маломощному и одинокому крестьянину не на что купить сѣнокошу въ порѣчьѣ, и нѣтъ возможности обработать его тамъ по причинѣ отдаленности, а вблизи, и на малую сумму, нѣтъ его вовсе; поэтому онъ бьется со скотомъ кое-какъ, кормя его мякиной, тертовкой и т. п. Зажиточный крестьянинъ, имѣя въ семействѣ двухъ взрослыхъ сыновей, невестокъ, дочерей и т. д., покупаетъ ежегодно корму для скота, травой, на сумму отъ 5 до 40 р. сер. на ревнижскую душу; этимъ содержитъ онъ довольно скота, а потому, въ сравненіи съ маломощнымъ, снимаетъ хлѣба болѣе и не нуждается въ немъ. Впрочемъ когда бываетъ неурожай сѣна и яровой соломы, то цѣна корму быстро возвышается: возъ поемнаго сѣна, отъ 10 до 15 п. вѣсомъ, доходить до 3 р. сер. на-мѣстѣ, за 15, 20 и болѣе верстъ разстоянія, откуда за доставку надо платить на лошадь отъ 25 до 50 к. сер., смотря по качеству дороги и количеству верстъ, да еще корму ей и хозяину на сутки; возъ яровой соломы, тогоже вѣсу, доходить отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. сер.: а такихъ возовъ сѣна мало шести для прокормленія лошади въ зиму, соломы — четырехъ недостаточно для коровы безъ мякины! Бѣда, если къ этому присоединится еще и недостатокъ хлѣба: тогда крестьянинъ уменьшаетъ даже необходимые свои расходы, вовсе оставляетъ расходы на праздники и щегольство, и все-таки неминуемо

долженъ продать за безцѣнокъ величиную для него скотину, чтобы не кормить ее и добыть денегъ на хлѣбъ семейству. Бывали годы, когда крестьянинъ, имѣя семейство въ 15 и 16 душъ, покупалъ хлѣба на сумму до 300 р. асс. въ годъ; когда, покупая травы р. на 100, прикупалъ еще хлѣба на 100 р. асс.: два-три такихъ года сряду, и половина крестьянъ совершенно нищаетъ. Въ 1846 году, по берегамъ Сити червь выѣлъ дачисто озимые посѣвы; въ 1847 году, повѣлъ онъ также довольно; но зато, въ 1848 году, ячмень и овесъ на паровыхъ пашняхъ уродился, по-здѣшнему, прекрасно; уцѣлѣвшая отъ червя рожь была умолотна: поэтому крестьяне спорили ржи овсяными блинами, ячменными прѣснушками, кулыбышами, индѣ пекли пироги изъ ячменной муки и ту же муку на-половину и болѣе клали въ хлѣбъ; такимъ образомъ, бѣда отъ червяка, по милости Божіей, обошлась еще благополучно.

Къ всегдашнимъ необходимымъ расходамъ крестьянина времени присоединяется равно-необходимый расходъ на стройку. Если это бываетъ въ слѣдствіе пожарнаго несчастія, то является на помощь благотворное Правительство, которое даетъ нужный лѣсъ, и крестьянинъ вывозитъ его самъ, съ помощью добрыхъ людей. При добровольной постройкѣ, онъ старается заблаговременно, посредствомъ сбереженій отъ всегдашнихъ расходовъ, заготовить нужную на издержки сумму, и идетъ дѣло очень расчетливо. Хорошая изба покупается дорого, не по цѣнѣ лѣсу, а по цѣнѣ, какую можно выручить употребивъ лѣсъ на барки; также по цѣнности времени и лошадей, необходимыхъ на свалку лѣса, вывозку его и самую срубку избы. Изба изъ комельнаго еловаго лѣсу, въ 3 сажня длины, 3 поперечныя, и до 15 — 17 рядовъ вышины, съ переводами и потолкомъ, но безъ верху, цѣнится отъ 40 до 50 р. сер.; затѣмъ нужны еще: еловое ступье подъ избу, поставка или сборка избы, мохъ, самцы, солома или тесъ на крышу, тесъ на полъ и двери, косяки, желѣзо, печь, рамы и прочія мелочи; наконецъ работа, если самъ хозяинъ не станетъ работать, будетъ стоить отъ 30 до 40 р. сер. Поэтому, изъ комельнаго лѣсу, крестьянская изба рубится рѣдко; а если рубится, то хозяинъ покупаетъ лѣсъ десятиною, такъ-что сосновое дерево обойдется на корню не дороже 30 к. сер.: изъ лучшаго дерева идутъ два бревна въ стѣ-

ну, изъ худшаго — одно; лучшіе комли употребляются на косяки и нарядъ, вершинникъ — на потолки, заборы, чуланы, кле-вы, самцы и т. п.; прочій мелкій лѣсъ, который приходится даромъ; идетъ на верхи, отопку, лучину, и т. д. Такъ строятся зажиточные, и потому весьма немногіе. Обыкновеннѣе-же, и почти всегда, крестьянинъ за безцѣнокъ беретъ вершины отъ лодочныхъ копаней и нѣсколько комельковъ для наряду, вывозить ихъ, рубить срубы между-дѣломъ, собираетъ и мшитъ или своей ветагой, или при помощи родныхъ и сосѣдей, потомъ кроетъ и съетъ печку — все самъ. Только за чистенькую работу, за окно, полъ, дверь, наличникъ, переборку и т. п., платитъ онъ отъ 5 до 8 р. сер. въ глухую пору; а часто и это исправляетъ самъ-же, нанималъ въ помощь работника, или понедѣльно, или на всю работу. Такимъ образомъ стройка самой избы стѣитъ ему очень не дорого; а о сараѣ, овинѣ и т. п., и говорить нечего.

Есть еще одинъ очень важный временный расходъ, который, по здѣшнимъ обычаямъ, считается тоже необходимымъ: это при выходѣ изъ семьи рекрута. Какъ-скоро сынъ или братъ поступитъ отъ семьи на очередь (по нынѣшнему порядку, недѣля за десять еще до настоящей отдачи), то онъ совершенно перестаетъ работать, ходить и ѣздить въ гости къ себѣ подобнымъ, и зоветъ ихъ къ себѣ: во все это время, пиво и вино, въ семействѣ, не выходитъ; рекрутъ катается на лошади, одну замучилъ, давай другую; мыкаетъ и рветъ на себѣ хорошую одежду; поитъ, кормитъ его, и лошадь, и гостей, береги ихъ, давай имъ проводника, сторожа, и т. д. Все это такъ уже заведено истари, и перемѣнить нельзя, а семья стѣитъ очень дорого, и притомъ безъ всякой существенной пользы. Иное, вполнѣ похвальное дѣло, когда семейство посылаетъ деньги уже находящемуся въ полку, или угощаетъ прибывшаго на побывку: это дань родительской любви, или долгъ благодарности со стороны братьевъ, за которыхъ отданный служить (особенно если это еще по охотѣ, что здѣсь совсѣмъ не рѣдкость). И это дѣлается здѣсь тоже на широкую руку: въ хорошемъ домѣ солдатъ стѣитъ въ годъ семейству отъ 15 до 25 р. сер.; издержки для него въ побывкѣ составляютъ отъ 20 до 40 р. сер.: родственники должны, каждый, ставить пиво и покупать вино, чтобъ было гдѣ гостю погостить и повеселиться.

Издержки на щегольство существуют только для молодежи, и притом весьма незначительны и для семейства неощутительны. Сына или брата - жениха, когда ему хочется прилично, по его желанию, одеться, идетъ въ Рыбинскъ на барки, и тамъ, работою и бережливостію, самъ приобретаетъ себѣ красную рубашку, ермолку съ кисточкой, плисовые штаны, вытѣжные сапоги, синюю поддѣвку и т. д., а иногда добываетъ денегъ и на самую свадьбу; тутъ у семейства въ потерю одно время. При недостаткѣ, довольствуются и меньшимъ; а изъ семейства, очень рѣдко, и то развѣ у весьма зажиточныхъ, шьютъ парню какой-бы то ни было нарядъ. Дѣвица одѣвается тоже сама, своимъ веретенемъ, при пособіи матери: отецъ и братья пособляютъ ей мало и рѣдко; притомъ лучшій нарядъ невесты не превышаетъ 30 р. сер., а часто бываетъ ниже 10 р. Что касается до стариковъ и отцевъ семействъ, то они вовсе и не знаютъ, что такое щегольство.

Расходы праздничные очень не велики, если исключить хлѣбъ, солодъ, хмѣль, говядину и прочее, что есть дома, не купленное. Даже въ богатомъ домѣ, гдѣ земли пахутъ на пять, на шесть и болѣе душъ, эти расходы не превышаютъ 30 р. сер. въ годъ, а у одинокого не доходятъ и до 10 р. сер. И тутъ, при каждой неезгодѣ, или другой неминуемой издержкѣ, богатый старается уменьшать ихъ, а бѣдный и вовсе уничтожаетъ.

Здѣсь не мѣшаетъ сказать, какіе у нашихъ крестьянъ наиболѣе чествуются праздники.

Храмовый-День есть праздникъ для всего прихода. Онъ бываетъ: въ селѣ *Покровскомъ-на-Сити* — 1 октября, въ день Покрова Пресв. Богородицы; въ селѣ *Семшовскомъ*, 8 ноября, въ день Св. Архистратига Михаила; въ селѣ *Байловскомъ* — 21 ноября, въ день Введенія во Храмъ Пресв. Богородицы. Празднованіе обыкновенно начинается въ селахъ, по окончаніи службы, и оттуда гости постепенно переходятъ въ ближайшія деревни, доколь не дойдутъ до самыхъ отдаленныхъ: это вообще продолжается отъ трехъ до четырехъ сутокъ, а въ приходѣ *Покровскомъ*, по количеству и отдаленности деревень, отъ семи до осьми-сутокъ. Крестьянинъ самой отдаленной деревни гоститъ поочереды у родственниковъ живущихъ въ селѣ и ближайшихъ деревняхъ, постѣи
съ себѣ домой; между-тѣмъ,

хозяева ближайших деревень, отправивъ у себя угощеніе, идутъ сами въ гости въ дальнія деревни. Обыкновенное крестьянское угощеніе изъ питей: простой полугаръ, и пива вдоволь; настойки, наливки, виноградное вино и водка, большая рѣдкость; самоваровъ также немного, особенно на лѣвомъ берегу Сити. Вина покупается отъ полу-до полутора-ведра, смотря по достатку хозяина и количеству гостей. Пиво варится котломъ; маломощные варятъ, двое и трое, въ одномъ котлѣ, и дѣлятъ свареннымъ уже пивомъ: за котель въ сутки платится 15 к. сер.; хорошій крестьянинъ варитъ солоду отъ 15 до 20 четвериковъ, иногда ячменнаго, иногда овсянаго, съ прибавкой ржаного, который покупается въ городѣ Мологѣ кулками. Съдобныхъ припасовъ выходитъ также значительное количество: говядина, баранина, свинина, блины, пряженцы, пироги (изъ своей пшеницы, рѣдко — изъ бѣлой купленной), салники; въ пѣстный день — какая-нибудь рыба. Гости собирается отъ 15 иногда до 30 человекъ въ домъ, и все любятъ попить и поѣсть до свиту. Молодые люди, между-тѣмъ, веселятся на улицѣ, поютъ пѣсни, ходятъ въ кругахъ, пляшутъ, играютъ на бала-лаjkъ, или въ гармонию; другихъ инструментовъ никакихъ нѣтъ.

Сверхъ общаго Храмоваго-Праздника, почти каждая деревня въ Покровско-Сидкомъ приходѣ имѣетъ лѣтомъ еще свой собственный праздничный день: какой-либо изъ Господскихъ, на-пр. Троицынъ-День, Преображенъе; или изъ Богородичныхъ, на-пр. Владимірской, Казанской Божіей Матери; или Святыхъ Угодниковъ, на-пр. Николинъ-День, Петровъ-День, Ильинъ-День, и т. п. Угощеніе бываетъ и тутъ такоеже; но какъ праздники эти частные, а не общіе во всей волости, и гости сходятся въ одну лишь деревню, то празднованье не продолжается болѣе двухъ сутокъ.

Особо празднуется такъ-называемое «Крапивное-Заговенье» (последній Воскресный-День передъ Петровымъ-Постомъ): въ этотъ день, послѣ обѣдни, не дѣла, а въ селѣ, святъ угощаетъ свата, мужъ жесу, теща зятя и т. д., покупая вина, иногда пива, а женщины приносятъ изъ дому пряженцовъ, личинцу, яицъ вареныхъ и т. п. Затымъ, въ день Святыхъ Космы и Даміана (по-просту — Кузьма-Демьянъ), зять непременно гоститъ у своего тестя, иногда и отецъ зятинъ съ матерью тутъже; только болѣе

гостей не бываетъ, и оттого издержки малы, хотя праздникъ продолжается отъ однихъ до двухъ сутокъ. Равнымъ-образомъ, въ послѣдніе дни Масляницы, каждый зять непременно долженъ побывать въ гостяхъ у тестя; тутъ корчаги двѣ-три пива, четверть вина, и всѣ издержки.

Вообще на Масляницѣ работы прекращаются въ четвергъ; въ пятницу работникъ уже нейдетъ на барку, пильщикъ вътащаетъ свою пилу, работающій въ лѣсу приходитъ домой: не всякой однако крестьянинъ беретъ вино и ставитъ пиво; катанья также мало; только въ субботу и воскресенье, подъ вечеръ, съѣзжаются женихи въ одну какую-нибудь деревню, и тудаже сходятся дѣвицы и молодыя женщины повеселиться, себя показать и другихъ посмотреть. Въ прочіе нарочитые праздники, крестьяне не работаютъ, но и не гуляютъ; на самой Свѣтлой-Недѣлѣ, иногда съ среды, или съ четверга, рабочіе выходятъ уже на барку, особенно когда рѣка прошла и пора валить барки въ воду.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать къ похвалѣ Сицкарей, что какъ всякой изъ нихъ питается трудами своихъ рукъ и тунеядцевъ между ними очень мало, то нѣтъ между ними и нищихъ. Вообще тунеядство такъ здѣсь презрительно, что какъ-бы ни была велика нужда крестьянина, онъ не пошлетъ дѣтей своихъ по міру: ему стыдно будетъ тогда выйти на улицу, сойтись съ людьми. Были и бываютъ примѣры, что, при недостаткѣ и дороговизнѣ хлѣба, когда крестьянину не на что купить куля муки, половина семейства отправляется на всю зиму въ работу, чтобы не тѣть своего хлѣба и заработками прокормить другую половину; но это не нищенство. Нять, шесть, или около десятка бобылокъ и старухъ, которыя времяемъ собираютъ такъ-называемую здѣсь «лостину», или новъ зернами по гумнамъ, или «петровщину», не стоятъ чтобы по поводу ихъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила. Довольно, что изъ двухъ слишкомъ тысячъ дуинъ мужеска пола въ моемъ приходѣ, я знаю только двухъ просящихъ милостыню, и то оба слѣпые: одинъ изъ нихъ холостъ, а другой женатъ и имѣетъ одного маленькаго сына; люди эти, свѣдѣвшіе съ подобными себѣ слѣпцами изъ другихъ мѣстъ, научились у нихъ питаться подаваніемъ.

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА.

СЫМПЛЕНОСТЬ И ПОНЯТЛИВОСТЬ. НАБОЖНОСТЬ. КАЧЕСТВА ОБЩЕ-
ЖИТЕЛЬНЫЯ. ГОСПОДСТВУЮЩІЕ ПОРОКИ. БЫТЬ СЕМЕЙНЫИ. ОБЫЧАИ
ПРИ РАЗНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. ОБРАЗОВАНИЕ.

Въ окрестностяхъ есть привычка говорить о томъ, кто не ловокъ въ обращеніи, не развязенъ, не умѣетъ щегольно одѣться: «экой ты Сицкаръ!» или просто: «кокофа Сицка!» Эта поговорка конечно взята была съ дѣйствительности, когда Сицкари, лѣсные домостѣи, впервые начали ходить въ околотоки съ топоромъ, и разумѣлся были не ловки, не развязны и очень бѣдно одѣты. Впрочемъ, нынѣшній Ситскій крестьянинъ вовсе не глупъ, напротивъ очень смѣтливъ; это человекъ, «его же не оплетиши». Онъ знаетъ свое дѣло или работу вѣрно, и если берется за нее, то вѣрно сдѣлаетъ, и найдетъ тутъ свои выгоды: этому способствуетъ много и то его свойство, что онъ ни на что не кидается вдругъ, опрометью, сколько-бы дѣло съ перваго взгляда ни представляло выгоды, но всегда обдумавши и тщательно сообразивши ходъ дѣла или работы. При томъ онъ и понятливъ: поработавъ топоромъ годъ, становится порядочнымъ плотникомъ, а поработавъ года два на баркахъ, прилежный самъ дѣлается мастеромъ. Ковать, катать сапоги, дѣлать сырецъ, класть трубу и т. п., а часто и грамотъ выучивается онъ самоучкой.

Говоря о нравственныхъ качествахъ Сицкарей, во-первыхъ должно сказать, что они набожны и къ храму Божию усердны. Въ воскресный или праздничный день, церковь всегда полна: есть старички, которые, въ эти дни, зимою и лѣтомъ, приходятъ за восемь и болѣе верстъ, всегда пѣшкомъ, до утренняго пѣнія, какова-бы ни была погода; есть которые рѣшительно не пропускаютъ ни одной воскресной и праздничной службы. Къ исповѣди и св. причастію каждый приходитъ ежегодно, а старички и старушки, два, три и болѣе разъ, въ годъ: опущеніе бываетъ рѣдко, и то развѣ за отлучкою, или по другой уважительной причинѣ. Въ 1848 году, когда появилась холера, они ходили въ церковь,

наряжали обѣдни, молебны, брали иконы въ домъ, говѣли и цѣлыми селеніями исповѣдывались и пріобщались св. таинъ, такъ-что иногда число причастниковъ въ одинъ день доходило до трехъ-сотъ. Когда храмъ Божій требовалъ пособій, то недостатки восполнялись ихъ усердіемъ, и часто тайною, но щедрою рукою. Раскола между ними вовсе нѣтъ, да и вообщѣ раскольниковъ они не любятъ.

Въ быту общественномъ, Сицкаръ покоренъ и послушенъ; никогда не увидишь въ немъ упорства, не услышишь нималѣйшаго ропота на распоряженія Начальства. Они хорошіе крестьяне, тихіе сосѣди. Воровство у нихъ рѣдкость: Сицкаръ круглый годъ не запираетъ своихъ колесъ, сбруи, топора, возжей, савей и т. п.; конечно все это не богато, но гдѣ есть воры, тамъ не спускають ничему. Нельзя не упомянуть еще объ ихъ чрезвычайной бережливости, которая простирается до самыхъ маловажныхъ вещей, на-примѣръ: лаптей, олуцъ и т. п. Не знаю, слѣдствіе-ли это ихъ природнаго расположенія, или потому они крайне бережливы, что имъ каждая денъга достается тяжелою работою, или наконецъ прежнія тяжкія времена, когда работъ не было, хлѣбъ родился плохо, а расходы были необходимы для платы податей и прокормленія семействъ, научили ихъ беречь денежку на черный день: только чувство это развито въ нихъ такъ, что, на-примѣръ, сколько положено подать съ души, Сицкаръ платитъ безъ всякаго спору и ропота, а пусть сборщикъ возьметъ, къ пятидесяти рублямъ, лишншихъ двѣ копейки, спору и жалобъ не оберется. По тойже чрезвычайной бережливости, Сицкаръ валокъ и на деньгу: дайте хорошую плату, и вы всегда найдете много работниковъ; ихъ пословица: «время денежку беретъ!»

... Теперь слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что не относится къ похвалѣ Сицкарей: это склонность ихъ къ пьянству, а въ пьянствѣ — и къ самоуправству. Сицкаръ, и кромѣ праздника, не опуститъ случая выпить: порядился-ли онъ на барку, или пилить, надо непременно выпить — какъ онъ говоритъ — «*литочки*»; порядилъ-ли кого — опять *литочки*; взялъ подряды — *литочки*; купилъ дщище, или копаней — *литочки*, продалъ — *литочки*, и т. д.: словомъ — безъ *литочки* не бываетъ ничего. Поэтому, когда работы идутъ хорошо, въ воскресный день, послѣ обѣдни, народъ

пѣть, что называется — «на пропалую»; и тутъ, во хмѣлю, одинъ толкнулъ другаго, сдана тотчасъ летѣть въ ухо. Сидкарь не любитъ искать суда и жаловаться; зато ни одна попойка не пройдетъ безъ драки. Впрочемъ, если и поколотятъ кого порядочно, онъ тоже не жѣдетъ; дѣло кончено — только обидчикъ не попадайся вскорѣ на глаза обиженному, и еще пьяному, а то сердце закипитъ. Иногда бываетъ, что соперники, послѣ разбитія нѣсколькихъ полновѣсныхъ опляхъ, не понимая сами причины драки, спрашиваютъ кротко другъ-друга: — «Ты брать за что дерешься?» — «А ты за что?» — и въ полуминуту общаго полугару товать вражду. Впрочемъ и то сказать: при склонности напиваться, совершенныхъ пьяницъ между Сидкарями мало, или даже и совсѣмъ нѣтъ; самый склонный къ вину — въ полночь, рѣдко — на утро, приходитъ домой, высыпается, охмѣляется квасомъ — и работаетъ прилежно до новаго воскресенья. О женщинъ здѣшней надо замѣтить, что она сама ни за что не пойдетъ въ кабзкъ, а дома, о праздники, пожалуй, тоже не опуститъ случая подпиться. Но это еще не все: пусть-бы крестьяне вили сами, а то и малолѣтнихъ дѣтей своихъ приучаютъ къ вину. Нельзя безъ удивленія видѣть, когда младенецъ, не умѣющій ни ходить, ни говорить, видя вино, тянется къ нему, проситъ знаками, и, получивъ, съ удовольствіемъ пьетъ; четырехъ или пяти-лѣтній ребенокъ выпиваетъ уже порядочный стаканъ: чтожъ будетъ далѣе? Даже двѣдушка - невеста не ставитъ себя въ стыдъ, при случаѣ, наприхвѣръ на помочахъ, выпить добрый стаканъ вина и ставецъ пива.

Объ отношеніяхъ семейныхъ, должно сказать, что здѣсь замужняя женщина не госпожа дому, но и не раба, а такъ-сказать — середка о половинѣ; индѣ болѣеусть хозяинъ, а индѣ и хозяйка, по пословицѣ: «ночная покушка денную перекокуетъ». Дѣти къ родителямъ послушны и почтительны. При раздѣлѣ семейнаго имѣнія, они зависятъ совершенно отъ отца, если онъ живъ; тутъ воля его законъ. По смерти отца, два брата. (это называется — «ровной - бой») берутъ, каждый свою половину, или по жеребью, или по согласію, предоставляя матери, если она жива, брать изъ общаго имѣнія на пропитаніе, сколько ей угодно. Братняя жена, оставшаяся послѣ мужа вдовой безъ дѣтей мужескаго пола, зависитъ отъ воли брата, и если до-

четь, живетъ съ нимъ, а иттъ, такъ возвращается къ своему отцу съ тѣмъ, что дастъ деверь; сынъ умершаго брата беретъ половину при раздѣлѣ съ дядей. Приданое дѣвицы записитъ отъ воли отца, брата, или дяди, которые ее пристроиваютъ.

Особыхъ обычаевъ у Сипкарей, кромѣ тѣхъ, которые свойственны итѣмъ вообще Великороссійскимъ крестьянамъ, я не замѣтилъ. Вотъ порядокъ ихъ свадебъ: разсужденіе жениха, дума родственниковъ; потомъ сватанье, отсрочка со стороны невесты, дума у ней, согласіе (запиванье); въ назначенный день рукобитье и богомолье (помолвка); дары отъ невесты жениху, угощеніе жениховой родней родныхъ невесты (пропиванье); наканунѣ свадьбы дѣйшникъ; въ назначенный день свадьба; послѣ свадьбы крученіе невесты (голову у ней повивываютъ какъ у женщины, то-есть надѣваютъ кокошникъ и заплетаютъ двѣ косы); свадебный пиръ, по достатку; и — конецъ! Одно бросилось мнѣ въ глаза, при дѣйшнихъ обрядахъ, весьма забавное: когда потѣжане передъ бракомъ прѣдутъ за невестою, то отецъ невесты, сажая ихъ вдоль стола, дѣлаетъ имъ прежде объѣда угощеніе, поить виномъ большими стаканами, не подавая однако закуски, чтобы скорѣе напоятъ; расчетъ экономическій — пѣише дѣйствительно меньше съѣдать, и притомъ меньше видятъ недостатки, а потому меньше взыскиваютъ; но и потѣжане, съ своей стороны, ловки — у нихъ у каждаго въ пазухѣ есть свой кусокъ пирога: равномерно, когда и невестина родня прѣдетъ потомъ къ жениху на свадебный пиръ, ей отвѣчаютъ тѣмъ же; то-есть коли у невесты поили и кормили — такъ пей и ѣшь, а коли поили да не кормили — такъ ищи закуски у себя въ пазухѣ. При поминкахъ бываетъ нѣчто подобное: послѣ панихиды по умершемъ — со-стороны хозяина дома, и нѣсколькихъ литій — со-стороны родственниковъ, когда всѣ собравшіеся усядутся по мѣстамъ, хозяинъ дома ставитъ вино и пиво на столъ, а повариха закуски, и начинаютъ подчивать гостей; но какъ? всю порцію вина, которую думаютъ выпить гостямъ, ставятъ сразу на столъ, на-примѣръ штофа три и болѣе — сидите и пейте до объѣда, сколько угодно; зато ужъ во время объѣда — ни капли вина, одно пиво. Поминки зажиточные дѣлаютъ въ сорочины и въ годовины: у хорошихъ дѣтей, по отцѣ и по матери, исправляется по три годовины, что впрочемъ бываетъ очень редко.

Образованность Сидкарей вся пока ограничивается умѣньемъ читать, писать, рѣдко пѣть наслышкою (вотъ никто не знаетъ) и знаніемъ нѣкоторыхъ молитвъ и десятословія. Число умѣющихъ читать можно положить примѣрно 10 на 100, читать и писать—5 на 100, пѣть наслышкою и знающихъ десятословіе и еще кое-что—1 на 100. Женацнѣ и дѣвицѣ, знающихъ грамотѣ, почти нѣтъ вовсе. Мастеровъ, которые-бы учили читать и писать, также нѣтъ, потому что эта должность невыгодна; Сидкарь дорого не дастъ. Обыкновенно мальчикъ учится у мальчика, иногда у какого-нибудь ближайшаго дѣлчѣ или пономаря, а иногда и вовсе самоучкой; точно также учится онъ и писать въ свободное время, и нѣкоторые пишутъ довольно порядочно. Научась писать получше, мальчикъ ходитъ въ церкви на крѣсось, читаетъ часы, шестосаміе, канонъ и т. д., привыкаетъ пѣть наслышкой, вытверживаетъ молитвы и десятословіе по азбукѣ: вотъ и весь ходъ ученія. Азбука, часовникъ, псалтирь: вотъ всѣ учебныя книги. Читающіе получше берутъ иногда изъ церкви Четы-Миней и другія церковныя книги, изъ которыхъ, однако, Прологъ—на-примѣръ, понимаютъ плохо. Книгъ гражданской печати вовсе не читаютъ, потому что и грамоту гражданскую худо знаютъ, да и вообще довѣрія къ пей не имѣютъ. Арифметики не знаетъ никто, но многіе хорошо кладутъ на счетахъ. Еслибы въ самой волости была школа, то крестьяне, я увѣренъ, не задумались-бы отдать въ нее своихъ дѣтей, потому что грамоту они любятъ; училище-же, открытое недавно въ селѣ Веретѣ, хотя не очень далеко, въ 20 или 25 верстахъ, но все не подъ руками.

ПАМЯТНИКИ И ПРЕДАНІЯ.

СЛѢДЫ СТАРЫХЪ СЕЛѢНИЩЪ. РАСКАЗЫ О КЛАДАХЪ. ПРЕДАНІЕ ОБЪ
УСАХЪ. ПАМЯТЬ И ПРИЗНАКИ ДРЕВНЕЙ БИТВЫ НА СИТИ.

Дикіе, пустынные берега рѣки Сити, до-сихъ-поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не обработанные, близость отъ селеній, дремучихъ лѣсовъ (крестьяне помнятъ, что на прежнюю деревянную церковь села Покровскаго рубили лѣсъ въ нынѣшнемъ полѣ того села), сжатое положеніе нынѣшнихъ усадебъ:

все это дает повод думать, что теперешняя населенность волости не очень древняя, или, по крайней мере, прежде была очень не велика, какъ свидетельствуютъ и народная память. Въ околоткѣ нѣтъ признаковъ большихъ селѣннцъ. Указываютъ только на одно — въ разстояніи отъ села Покровскаго не далѣе трехъ верстъ, въ дачахъ гг. Зиновьевыхъ — небольшое гладкое мѣсто при маленькой рѣчкѣ, которое называется понынѣ *Мелкое Село*. Крестьяне говорятъ, что тутъ было то самое село *Великое*, которое нынѣ находится подъ Ярославлемъ; или кажется, что они говорятъ это только по тождественности названій. Осматривая мѣстоположеніе, можно видѣть точно признаки двухъ или трехъ жилищъ, борозды послѣ пшени, и нѣсколько свай по берегамъ рѣчки: но гдѣ-же признаки большаго селенія? Говорятъ даже, будто тутъ была бумажный заводъ: но рѣчка, отъ одного до двухъ аршинъ ширины и менѣе аршина глубины, не могла пустить въ ходъ бумажнаго завода; да и нѣтъ никакихъ признаковъ бассейна, или омета, который вода непременно выбиваетъ ниже плотины. Впрочемъ, тутъ была какая-нибудь обширная упашка: «село» — древнее славянское слово — значитъ именно «поле, упашку», а «ходить на село» — и теперь у крестьянъ — значитъ «ходить на барщину, или на барскую пашню». Видимыя здѣсь печины могутъ быть слѣдами скотныхъ дворовъ; а свая — остатокъ плотины, устроенной, чтобы, въ зимнее время, при такой малой рѣчкѣ, ни люди, ни скотъ не нуждались въ водопой.

Рассказовъ о кладахъ здѣсь множество. Всѣ они сопровождаются общимъ повѣрьемъ, что клады зарыты въ землю съ злымъ намѣреніемъ, злыми людьми, подъ вліяніемъ и охраненіемъ злой, печистой силы. Вотъ одинъ изъ такихъ рассказовъ, весьма у насъ извѣстный. Мужичокъ, притѣхавши въ лѣсъ нарубить кольевъ, случайно увидѣлъ человека, зарывающаго кладъ; онъ притаился, глядитъ, слушаетъ. Зарывающій, положивъ въ глубокую яму деньги, замечиваетъ ихъ землею и приговариваетъ: «На сто головъ!» — «Нѣтъ!» отвѣчаетъ притѣхавшійся, тихо, но такъ что зарывающій слышалъ: «На сто колозъ!» — Эими словами оба они переговаривались долго; наконецъ зарывающій, не видя отѣчающаго ему, подумалъ, что отвѣчать тотъ, кому повѣряетъ онъ беречь свое сокровище, и слѣдовательно такова его воля.

согласился съ нимъ, и сказалъ: — «Ну, на сто коловъ!» — Мужичокъ замолчалъ; но когда зарывающій, кончивъ свою работу, ушелъ, то онъ тотчасъ срубилъ «сто коловъ» по условію, положилъ ихъ на кладъ, и потомъ совершенно безвредно и безнаказанно вырылъ и увезъ домой сокровище. Сидкари говорятъ, что, и въ нашемъ лѣсу, гдѣ-то (о мѣстѣ говорятъ не одинаково), есть большой кладъ, положенный на цѣну вдвое дороже вышесказанной, и при зарываніи его не было такого мужичка, который-бы цѣну эту переговорилъ на «колья»: старики говаривали, что были и удалцы, которые хотѣли вырыть кладъ этотъ даромъ, но такъ были испуганы на мѣстѣ, что едва живые прибѣгли домой. Сказки эти вѣроятно порождены дѣйствительнымъ обычаемъ зарывать въ землю деньги и другія драгоценности при бывшихъ въ старину вражескихъ набѣгахъ.

Слыхалъ я еще расказъ о какихъ-то «Усахъ», которые будто жили когда-то въ нашихъ мѣстахъ. Чтѣ это были за Усы? — Шайка-ли удалыхъ разбойниковъ, имѣвшая пріютъ въ дремучихъ лѣсахъ Ситскихъ? — Но крестьяне не упоминаютъ о разбояхъ. Или не временное-ли стойбище Казаковъ, въ смутныя времена Самозванцевъ? — Не умѣю рѣшить.

Изъ исторіи извѣстно, что была кровопролитная битва у Русскихъ съ Татарами при рѣкѣ Сити; но въ какомъ именно мѣстѣ, ни исторія, ни преданіе, намъ этого не указали. Впрочемъ, съ достовѣрностью можно положить, что битва эта была здѣсь, хотя время всѣ почти признаки стерло. Уцѣлѣло лишь нѣсколько невысокихъ насыпей, на разстояніи верстъ осьми расположенныхъ на лѣвомъ берегу Сити: это родъ невысокихъ круглыхъ кургановъ, не болѣе десяти сажень въ окружности при подошвѣ, съ ямой въ срединѣ до двухъ аршинъ глубины. Замѣчательно, что всѣ эти курганы расположены не на высотахъ, а на склонахъ горъ, и именно тамъ, гдѣ правый противоположный берегъ представляетъ не крутизнау, не оврагъ, а ровный скатъ къ рѣкѣ. Не знаю, для какого служили они въ то время употребленія; ужели все это мотивы умершихъ, разрытыя въ послѣдствіи жадною рукою? Одна изъ такихъ насыпей находится въ нашемъ полѣ, саженьхъ въ 50 отъ рѣки Сити. Мнѣ самому случилось видѣть еще такуюже насыпь верстахъ въ 42 отъ села *Покровскаго*, а въ прямомъ на-

правленіи отъ рѣки Сити верстахъ въ 8, когда я пріѣзжалъ туда съ рабочими за сѣномъ; взойдя на нее и осмотрѣвъ, я увидѣлъ, что она точно такаяже, и фигурую, и величиною, какъ въ нашемъ полѣ. На мои распросы, крестьяне сказали, что такихъ насыпей здѣсь не одна, и что прежде, отъ насыпи до насыпи, примѣтна была небольшая канава, такъ-что насыпи съ канавой образовали продолговатый четвероугольникъ; впрочемъ какъ тогда была зима и земля покрыта сѣномъ, то я не могъ повѣрить этого собственными глазами. Указывая также на одинъ земляной валъ, длиною болѣе пятнадцати сажень, вышиною до трехъ и около семи сажень въ подошвѣ, крестьяне говорятъ, что онъ полонъ человѣческихъ костей, такъ-что до него нельзя дотронуться: этотъ валъ находится также на лѣвомъ берегу рѣки Сити, верстахъ въ 2 отъ села *Покровскаго*, на самомъ берегу рѣки Сити, противъ церкви села *Семеновскаго*, стоящей на крутомъ берегу противоположной стороны; прибавляютъ еще, что кости тѣ осыпаны землею съ берега, отчего этотъ послѣдній понизился и сдѣлался поемнымъ. Нѣчто подобное есть опять и въ нашемъ полѣ; это небольшой валъ, или продолговатый курганъ, поросшій кустарникомъ на самомъ берегу небольшой рѣчки *Каменки*, подъ крутымъ берегомъ; возлѣ него есть небольшое болото, какъ будто земля взята изъ него и ссыпана въ валъ: играли это природы, или дѣло рукъ человѣческихъ, признаюсь я не изслѣдовалъ. При тщательнѣйшемъ обзорѣ береговъ, можетъ-быть найдутся и еще подобные курганы. Крестьяне говорятъ еще, что возлѣ деревни *Игнатовой*, верстахъ въ 2 отъ села *Покровскаго*, на склонѣ горы, идущей къ упомянутому валу, была прежде церковь и кладбище; теперь тамъ не примѣтно слѣдовъ никакого фундамента (да его конечно и быть не можетъ, ибо въ старину церкви, даже въ городахъ, строились изъ дерева): лежитъ лишь нѣсколько дикихъ камней порядочной величины, но и на нихъ ни надписей, ни даже знаковъ никакихъ нѣтъ. Случалось мнѣ слышать, будто *Свицкій Князь Егорій*, здѣсь убитъ, *Евдокимъ*, бывшій возлѣ деревни *Игнатовой*, *Князь* убитъ, они не знаютъ. Если *Свицкаго*, разумѣть *Григорія* *Великаго*

шаго на Сити въ битвѣ съ Батыемъ, то мощи его погребены не здѣсь. Не былъ-ли этотъ *Georgij* изъ несчастной фамиліи *Князеи Сицкіе*, во время истребленія ея (не помню — когда) убитый и погребенный здѣсь? Все это требуетъ разработки людьми болѣе меня опытными и просвѣщенными. Пытливѣе три каменные церкви въ волости построены въ началѣ настоящаго столѣтія, а прежде ихъ существовали на тѣхъже мѣстахъ деревянные: это не подлежитъ сомнѣнію; но когда онѣ были первоначально построены, которая прежде, которая послѣ, и по какому случаю, существовала-ли какая изъ нихъ до несчастной битвы съ Татарами: объ этомъ нѣтъ ничего ни въ церковныхъ архивахъ, ни въ рассказахъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ должно полагать, что, послѣ знаменитой битвы, благочестивые предки наши не могли оставить безъ храма Божія мѣста, гдѣ палъ Великій Князь, гдѣ пролили кровь свою много другихъ витязей, гдѣ лежали кости столькихъ мучениковъ за Вѣру и Отечество. Во грѣсна Селѣ къ палѣ близкія, Покровско-Сицкая Волость принадлежала Московскому Новоспаскому Монастырю; крестьяне и теперь еще показываютъ, гдѣ было монастырское подворье, скотные дворы и т. п.; но съ которыхъ временъ и долго-ли это продолжалось, опять мнѣ неизвѣстно. Не осталось-ли чего обо всемъ этомъ въ монастырскомъ архивѣ? Монахи Московскіе безъ сомнѣнія были и любознательнѣе и просвѣщеннѣе, нежели Сицкіе деревенскіе священники.

— ОТЪ РЕДАКЦІИ —

Предложенный здѣсь очеркъ, своими послѣдними замѣтками, обращаетъ вниманіе на весьма любопытный географическо-историческій вопросъ: «о мѣстѣ злополучнаго побоища на рѣкѣ Сити, бывшаго при первомъ нашествіи Батыя на Русь, въ 1238 году». Вопросъ этотъ, до-сихъ-поръ, не только не рѣшенъ удовлетворительно, но и не былъ рѣшаемъ ученымъ образомъ; и это очевидно оттого, что у насъ историческая дѣятельность весьма мало, или почти и вовсе не прибѣгаетъ.

къ помощи географин, а эта послѣдняя, въ свою очередь, находится сама не въ такомъ еще положеніи, чтобы служить съ пользою исторіи.

Не далше какъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ, первый изъ современнѣхъ дѣятелей по части отечественной исторіи, г. Профессоръ *Погодинъ*, изѣздилъ весь восточный край Тверской губерніи, чтобы найти рѣку Сить въ натурѣ. Послѣ долгихъ поисковъ, спросовъ и распросовъ, ему удалось наконецъ въ городѣ Бѣжецкѣ узнать отъ одного тамошняго купца, гдѣ находится не только рѣка Сить, но и мѣсто бывшей на ней битвы Русскихъ съ Татарами, куда онъ тотчасъ и отправился самъ лично. Это вышло село *Боженики*, лежащее въ верховьяхъ рѣки Сити — по расчисленію г. Погодина — верстѣхъ въ 50 отъ Бѣжецка, въ 40 отъ Калинина, въ 30 отъ Краснаго-Холма (защитнаго города въ пылнѣшнѣхъ Всеселонскомъ уѣздѣ Тверской губерніи). На «Картѣ Шуберта», село это значится точно въ такомъ положеніи, и это положеніе тѣмъ замѣчательно, что тутъ, въ настоящее время, сходятся границы пяти уѣздовъ двухъ губерній, а именно: Кашинскаго, Бѣжецкаго и Всеселонскаго — Тверской, и Мышкинскаго и Моложскаго — Ярославской; само-же село находится въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, то-есть въ Кашинскомъ. Къ сожалѣнію, г. Погодинъ повѣстивъ объ этой своей находкѣ очень коротко и бѣгло, вотъ въ какихъ буквально выписываемыхъ здѣсь словахъ: «Земля» (въ окрестностяхъ Боженинокъ) «усажена буграми, какъ хлѣбами. Подѣзжая къ селу, увидѣли на берегу рѣки» (Сити) «нѣсколько кургановъ. . . У самой церкви возвышается огромный курганъ сажень въ пять вышиною. . . Мы тотчасъ-же вступили въ разговоръ съ Священникомъ. Точно, по всеобщему преданію, здѣсь было сраженіе. — Не знаете-ли мѣста, гдѣ погибъ Великій Князь? — Какъ-же, у Сидоровскаго-Ручья. Онъ, видно, хотѣлъ спастись по этой дорогѣ, самая узкая, но его настигли Татары и убили. (А другой старикъ сказалъ, что у Калинина-Ручья). Кругомъ насъ вездѣ болота, и далше проѣхать нигуда нельзя. А ворота къ намъ одни; эта дорога, по которой мы прѣѣхали» (изъ Бѣжецка). . . «Слѣдовательно» — разсуждаетъ, продолжая расказъ свой, г. Погодинъ — «Георгій Всеволодовичъ

« попалъ сюда отъ Углича, а въ Угличъ отъ Ростова; или такъ
« Татары, а онъ прежде могъ отъ стороны Суздаля, Колязина
« и Кашина. Лѣтописцы говорятъ глухо о ихъ пути. Село Бо-
« женки... гдѣ-то называется Божиимъ-Городкомъ. Не вдалекѣ,
« также на берегу Сити, есть село *Могилы* съ курганами...
« Одинъ берегъ Сити повыше другаго, но она здѣсь еще очень
« не широка, а весною разливается широко. Мы обошли ров-
« ное поле, простирающееся по другому берегу. Церковь бѣд-
« ная, деревянная, коей одинъ придѣлъ посвященъ Великому
« Князю Георгію, впрочемъ не въ древности. Какой-то старикъ
« являлся въ лѣсу ихъ одному крестьянину во время голода, и
« упрекнулъ ему: зачѣмъ-де вы не молитесь вашему угоднику,
« Князю Георгію, отъ того у васъ и хлѣба мало! Крестьянинъ
« воротясь сказалъ своимъ товарищамъ, и они сообща посвя-
« тили одинъ придѣлъ, вмѣсто (кажется) Николая Чудотворца,
« Князю Георгію, которому съ-тѣхъ-поръ празднуютъ и слу-
« жать молебны »... Засимъ слѣдуетъ нѣсколько отрывчатыхъ
словъ о тамошнихъ находкахъ въ землѣ, которыхъ, впрочемъ,
прибавляетъ изслѣдователь, «очень мало, кромѣ крестовъ»; и
послѣ того, заключаетъ онъ, «я какъ будто легъ на лавры, и
« не могъ удѣлять ничему вниманія.» (Москвит. 1848, № 12,
стр. 114 — 116).

Между-тѣмъ, прежде-нежели г. Погодинъ обнародовалъ
эти свѣдѣнія, одинъ изъ теперешнихъ нашихъ Сочленовъ, г.
Подполковникъ Генеральнаго Штаба *Иванниъ*, въ статьѣ своей
« О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ Монголовъ » (напеча-
танной въ « Военномъ Журналѣ », а потомъ вышедшей въ
свѣтъ особой брошюрой, СПБ. 1846), коснувшись этого
предмета, указалъ мѣсто знаменитому сраженію на Сити
не въ *Боженкахъ*, а въ селѣ *Могилцахъ*: томъ самомъ, о
которомъ и г. Погодинъ упоминаетъ мимоходомъ, и кото-
рое, по « Картѣ Шубарта », находится на Сити ниже Бо-
женокъ верстахъ въ 40, на самомъ сопрیکосновеніи Кашин-
скаго уѣзда съ Мышкинскимъ и Моложскимъ. При этомъ г.
Иванниъ не говоритъ, почему онъ мѣсто это приурочиваетъ
именно къ *Могилцамъ*; но, зато, съ своей стратегической
точки зрѣнія, онъ означаетъ и разъясняетъ движенія против-
ныхъ войскъ, предшествовавшее сраженію, слѣдующимъ обра-

зомъ (стр. 38—42): «По взятіи Владиміра штурмомъ 7 февраля, Батый разослалъ отряды для разоренія Владимірскаго Велико-княженія, побралъ всѣ его города и посады, и между-тѣмъ узнавъ, что Великій-Князь Георгій стоитъ съ войсками близъ рѣки Сити, онъ 4 марта напалъ на него съ фланга такъ неожиданно, что Георгій не успѣлъ даже попасть на путь отступленія къ Новгороду и былъ истребленъ почти со всѣми войсками при селѣ Моггицахъ . . . Онъ (Батый) имѣлъ въ виду и сумѣлъ выполнить главное правило стратегіи: раздѣлять силы неприятеля и разбивать ихъ по частямъ . . . Для отрѣзанія Георгію прямого пути на Новгородъ, онъ послалъ заблаговременно отрядъ къ Торжку; взятіемъ этого города 5 марта, после двухнедѣльной осады, и разбитіемъ тамъ Новгородцевъ, а 4 марта Георгія на Сити, онъ достигъ своей цѣли. По разбитіи Георгія на рѣкѣ Сити, Монголы двинулись на Торжокъ и оттуда . . . на Новгородъ.» Тутъже прибавлено еще въ примѣчаніи (стр. 42), что «соображая лѣтописи, время и обстояательства, надобно полагать, что противъ Георгія, на рѣкѣ Сити, былъ отрядъ Монголовъ съ Бурундаемъ, полководцемъ Батыя, а самый Батый вѣроятно шелъ прямымъ путемъ на Тверь и Торжокъ.»

Вотъ все, что, доселѣ, есть у насъ мнѣній о мѣстѣ роковаго побоища на Сити; другихъ, по-крайней-мѣрѣ, мы не знаемъ. *Боженики-ли*, или *Моггицы*—только въ обоихъ случаяхъ выходитъ, что мѣсто это было не въ предѣлахъ Покровско-Сицкой волости, обозрѣваемой въ предложенномъ здѣсь очеркѣ, а верстѣ по-крайней-мѣрѣ за пятьдесятъ, если не дальше, къ западу, или вѣрнѣе къ юго-западу. Чтожъ значать тогда насыпи и валы, такъ добросовѣстно, хотя и неполно, описанные достопочтеннымъ наблюдателемъ въ подлежащемъ очеркѣ? Они тѣмъ болѣе примѣчательны въ настоящемъ вопросѣ, что и къ нимъ тоже, какъ видно, привязано мѣстное преданіе «о убитомъ тутъ Князь Егоріи».

Чтобы разъяснить это, надо дознаться обстоятельно: какъ и зачѣмъ могъ попасть на Сить Великій-Князь Георгій въ столь злополучную для него и для всей тогдашней Руси годину? . . Правъ совершенно г. Погодинъ, говоря, что лѣтописцы обо всемъ этомъ говорятъ «глухо»: глухо точно, но

все однакожъ не такъ, чтобы, вслушиваясь внимательно въ ихъ рассказы, нельзя было ничего разслушать....

Лѣтописцы всѣ единогласно говорятъ, что Георгій оставилъ Владиміръ, прежде-нежели подступилъ къ нему Батый, который шелъ туда, изъ Рязани, чрезъ Коломну и Москву... Кудажъ онъ пошелъ изъ Владиміра? — Въ большей-части лѣтописей говорится общимъ выраженіемъ: «на Волгу»; но одна лѣтопись (Новг. I.) говоритъ прямо и опредѣлительно: «бѣжа на *Ярославль*». Это единственное опредѣлительное указаніе направленія, принятаго Великимъ-Княземъ при уклоненіи изъ своей столицы, должно принять за самое вѣрное; ибо оно совершенно согласно какъ съ историческимъ развитіемъ событій, такъ и съ географическими ихъ условіями.

Въ эпоху нашествія Татаръ, Великое-Княжество Суздальско-Владимірское прикасалось къ Волгѣ на довольно значительномъ пространствѣ ея теченія: въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тверской, Ярославской, Костромской, и отчасти Нижегородской. Трудно съ точностью опредѣлить крайніе предѣлы тогдашняго протяженія его по этой рѣкѣ; особенно въ направленіи верховомъ, къ западу, гдѣ предѣлъ этотъ былъ весьма непостояненъ, передвигаемый съ мѣста на мѣсто случайностями непрерывныхъ столкновеній, извѣстныхъ въ нашей исторіи подъ именемъ «удѣльныхъ междоусобій». Видно однако изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ намековъ, что, не задолго передъ тѣмъ (въ 1216 году), Суздальское Поволжье, притязаніями Князей распространяемое до рѣки Вазузы, впадающей въ Волгу при существовавшимъ уже тогда городѣ Зубцовѣ нынѣшней Тверской губерніи, въ своихъ безспорныхъ границахъ простиралось не дальше рѣки Шоши, составляющей нынѣ границу Тверской губерніи съ Московской (И. Г. Р. III, пр. 164). Дальше вверхъ отсюда, по обѣимъ сторонамъ Волги, господствовалъ Новгородъ, уступавшій иногда въ подручное владѣніе Князьямъ Суздальскаго-Дома, но никогда не отчуждавшій отъ себя волостей Торжка и Волока-Ламскаго. Засимъ, внизъ по Волгѣ, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы, со времени образованія Суздальскаго Великаго-Княжества, владѣнія Новгородскія переходили за Волгу, на правый ея берегъ; но, съ другой стороны, нѣтъ также признаковъ и тому, чтобы, въ періодъ до Татарскаго, владѣнія Суздальскія переходили на лѣвый бе-

режъ Волги ближе, какъ развѣ по впаденіи въ нее рѣки Мологи (И. Г. Р. II, пр. 346). Въ этомъ промежуткѣ, между устьями Мологи и Шоши, Волга, кажется, составляла тогда живой граничный рубежъ Великаго-Княжества; почему и лежавшіе тутъ при ней города, коренные Суздальскіе, на-примѣръ Угличъ и Скиятинъ (нынѣ село въ Колязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи), стояли вѣсь по правую ея сторону, ни-одина — по лѣвую, Новгородскую. Но затѣмъ далѣе, внизъ послѣ устья Мологи, видно по всему, что Великое-Княжество не стѣснялось уже Волгою, а распространялось безпрепятственно и за нее, въ глубь Чудскаго Сѣверо-Востока, главнѣйше по рѣкамъ Шексы и Костромѣ (ср. И. Г. Р. II, пр. 141. III, пр. 151). Выходитъ, что, въ движеніи своемъ изъ Владиміра «на Волгу», Великому-Князю Георгію не было приличіе направленія, какъ «на Ярославль», гдѣ онъ, властвуя по обоимъ берегамъ Волги, оставался дома, внутри земли своей, а не на порогѣ такого неблагонадежнаго сосѣда, какъ Новгородъ, отъ котораго, при тогдашнихъ отношеніяхъ, стольже мало могъ ожидать себѣ пріязни и помощи, сколь мало самъ онъ оказалъ ихъ передѣлѣ Рязани. Ярославль притомъ былъ и самый ближайшій пунктъ Волги отъ Владиміра, дорогой лежащей черезъ Суздаль и Ростовъ. Другой, ближайшій затѣмъ, пунктъ Волги находился у Скиятина, и путь туда изъ Владиміра шелъ на города Юрьевъ (Польскій) и Переяславль (Залесскій): но Георгій очевидно двигался первымъ путемъ. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, выступивъ изъ Владиміра, онъ взялъ съ собою сыновцевъ своихъ Константиновичей, Князей Ростовскихъ, и не взялъ, а только ожидалъ къ себѣ дружины братьевъ своихъ Святослава и Ярослава, изъ которыхъ первый княжилъ удѣльно въ Юрьевѣ, а второй въ Переяславлѣ; стало-быть, ни Юрьевъ, ни Переяславль, не были у него на дорогѣ. Да и трудно вообразить, чтобы Георгій, избѣгая Батыя, выбралъ путь отступленія своего на Волгу близъ пути, которымъ самъ Батый двигался отъ Москвы къ Владиміру: на Суздаль было совсѣмъ въ противную сторону отъ враговъ, и потому безопаснѣе. Присовокупимъ здѣсь наконецъ и то единогласно въ лѣтописяхъ разсказываемое обстоятельство, что Батый, расположивъ «станы свои» у Владиміра, счелъ нужнымъ, прежде приступа къ городу, сдѣ-

дать особую вылазку на *Суздаль*, который и былъ тогдаже взять и разрушенъ: чѣмъ это лучше объяснить, какъ не погоней по свѣжимъ слѣдамъ за Великимъ-Княземъ? — Итакъ, все наклоняетъ къ полному убѣжденію, что Великій-Князь Георгій отправился изъ Владиміра «на Волгу» — не въ иное мѣсто, какъ — «на *Ярославль*!» —

Теперь, какъ же могъ онъ очутиться на рѣкѣ *Сити*, которая отъ Ярославля — гдѣ ни возьми — не ближе, какъ Ярославль отъ Владиміра? — На верхъ *Сити*, туда гдѣ находятся *Божени* и *Могилицы*, прямой путь отъ Ярославля лежитъ на Угличъ, противъ котораго впадаетъ въ Волгу рѣка Корожична, верховьемъ своимъ вяжущаяся съ верховьемъ Сити; тутъ дѣйствительно и было изстари одно изъ сообщеній Новгорода съ Ростовской половиной Суздальской Великокняжеской области, а потому и съ Ярославлемъ: сообщеніе чрезъ такъ-называвшійся *Бѣжецкій-Верхъ*, въ послѣдствіи давшій названіе одной изъ Пятина-Новгородскихъ (ср. Соф. Врем. подъ г. 1148). Но Георгію итти такимъ образомъ изъ Ярославля на Угличъ, хотябы даже и для того чтобъ искать наконецъ прибѣжища во владѣніяхъ Новгородскихъ, значило вернуться назадъ; и — въ какихъ-же обстоятельствахъ? — По единогласному свидѣтельству лѣтописей, Татары, взявши Владиміръ, тотчасъ разсыпались по всему пространству Великаго-Княжества: «ови идоша къ Ростову, а ини къ Ярославлю, а ини на Волгу «на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерскаго; а ини идоша на Переяславль, и тѣ взяли, и оттолѣ всю ту страну и грады многы плѣниша, «даже и до Торжку, и нѣсть мѣста, ни вси, ни сель «тацѣхъ рѣдко, идѣже не воеваша на Суждальской земли; и «взяша городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяцъ февраль» (Лавр. Спис. въ П. С. Л. I. 198; ср. Соф. Врем. I. 242, Воскр. Лѣт. II. 195, Новг. IV. въ П. С. Л. IV. 32). Какъ тутъ было и думать Великому-Князю, принявшему съ самаго начала систему отступательную, взять путь прямо въ-лицо остревѣлому непріятелю! — Съ другой стороны, однако, кудажь было и дѣваться ему, когда Татары, по прямому свидѣтельству одной изъ лѣтописей, погнались — именно за нимъ — «къ *Ярославлю*» (Новг. I. въ П. С. Л. III. 51) — ? Продолжать отступленіе свое

внизъ по Волгѣ отъ Ярославля, значило-бы наткнуться на тѣ полчища Татаръ, которыя въ то же время, по сказанію летописей, устремяся въ нынѣшнюю Костромскую губернію, губили ее отъ Городца-на-Волгѣ до Галича. Оставался только одинъ еще путь, путь совершенно свободный и безопасный: это вверхъ отъ Ярославля по Волгѣ. Въ этомъ направленіи, глядя на карту, невольно отличаешь глубокій уголъ, дѣлаемый почти прямымъ устремленіемъ Волги на сѣверъ отъ Углича, а потомъ, при нынѣшнемъ городѣ Мологѣ, внезапнымъ почти отвѣснымъ изломомъ ея на югъ, съ постепеннымъ затѣмъ наклоненіемъ къ востоку. Въ вершинѣ этого угла, самой сѣверной точкѣ, до какой достигаетъ Волга въ своемъ теченіи, впадаетъ въ нее рѣка Молога; и тутъ же возлѣ вливается въ нее протокъ Шексны, извѣстный подъ именемъ Тушмы или Пущмы, а потомъ и сама Шексна, нѣсколько пониже, при нынѣшнемъ Рыбинскѣ. Такимъ образомъ, по этимъ двумъ рѣкамъ, открывается тутъ двойное сообщеніе съ глубиной тогдашняго Русскаго Сѣвера, гдѣ находилась древняя область Бѣлозерская, въ то время зависимая отъ Великаго-Княжества. Лучше нельзя было выбрать убѣжища Георгію, который, слѣдуя этимъ путемъ, самымъ естественнымъ образомъ долженъ былъ попасть — на низъ *Сити*, при ея впаденіи въ *Мологу*, не вдалекѣ отъ впаденія самой Мологи въ Волгу! —

Утвердивъ это направленіе приходу Великаго-Князя на Сить, можно и послѣдующія событія разъяснить согласно съ указаніями летописей. По свидѣтельству ихъ, Георгій, ставши «становъ на *Сити*», послалъ какого-то находившагося при немъ Дорожа (въ нѣкоторыхъ летописяхъ — Дороея Семеновича, должно-быть одного изъ своихъ воеводъ), съ тремя тысячами войска — «въ *Просоки*» (такъ это последнее слово пишется во всѣхъ летописяхъ, въ которыхъ пишется). Чтѣ могли-бы значить эти *Просоки*, до-сихъ-поръ не только не объясненные, но и не подвергавшіяся объясненію? — По этимологіи можно-бы разумѣть здѣсь такого-рода мѣстность, которая — какъ говорится въ простонародіи — «прос осана» водяными протоками; и въ этомъ смыслѣ такъ могла очень легко называться окрестность устья рѣки Мологи, гдѣ, какъ выше было замѣчено, проходитъ въ Ролгу одинъ изъ «протоковъ» Шексны,

подобный которому, у тойже Шексны, нѣсколько повыше, называется и повинъ *Иросса* (Штукенб. Hydrogr. V. 379). Дѣйствительно, тутъ былъ ключъ въ ту сторону Заволжья, а потому занять пунктъ этотъ крѣпкою охранительною стражею было бы весьма расчетливо: мѣстные преданія говорятъ, что такъ и бывало въ старину, что находящіеся здѣсь при Мологѣ селенія *Боронишино* и *Станово* оттого будто и получили свои нынѣшнія названія, что въ первомъ изъ нихъ въ старыя времена «боронились» а во второмъ «отстаивались» отъ непріятелей. Но у Георгія, по всему видно, не то было въ мысляхъ: въ одной изъ лѣтописей говорится, что онъ послалъ Дорожа не стеречь, а «пытать Татаръ» (И. Г. Р. III, пр. 365); и затѣмъ всѣ лѣтописи говорятъ, что Дорожъ прибѣжалъ назадъ съ печальною вѣстью: «а уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» То-есть: Татары появились, откуда ихъ вовсе не ожидали, гдѣ ихъ нисколько не стереглись, и Великій-Князь, совершенно нечаянно, увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятельскими силами.

Перенесемъ теперь на рѣку *Сить*, и осмотримъ ея положеніе по нынѣшнимъ даннымъ. Рѣка *Сить*, какъ объяснено и въ настоящемъ очеркѣ, начинается въ Бѣжецкомъ уездѣ Тверской губерніи, не вдалекѣ отъ нынѣшняго города *Бѣжецка* (по утврѣнію г. Погодина, бывшаго лично на-мѣстѣ, верстъ около 42, близъ нынѣшняго села *Сабурова*, *Тараканово* тожъ). Длина теченія ея, тѣмъ не менѣе, остается до-сихъ-поръ проблематическою: въ настоящемъ очеркѣ она показана простирающеюся до 90 верстъ, съ чѣмъ согласна и показаніе «Словаря Щекатова» (IV. 317); но у г. Штукенберга она полагается, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній, во 160 верстъ, изъ которыхъ 100 судоходныхъ (Hydrogr. V. 353). Чтобы согласить эти противорѣчія, не остается ничего, какъ предположить, что въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ вычислена длина дѣйствительнаго теченія рѣки со всѣми извилинами, а мѣрой 90 верстъ, какъ видно господствующей въ народномъ мнѣніи, опредѣляется прямое сухопутное разстояніе отъ истока рѣки до устья, которое близко къ тому выходитъ и по картамъ. Между-тѣмъ, *Бѣжецкъ*, близъ котораго начинается *Сить*, самъ находится при Мологѣ-же, въ верхней части ея теченія; выходитъ, что *Ситью* называется

поперечное разстояніе, отъ *Мологи* до *Мологи*, не больше какъ верстъ во 100, тогда-какъ рѣка эта, своимъ дѣйствительнымъ теченіемъ, отъ *Бѣжецка* до устья *Сити*, дѣлаетъ дугу не менѣе какъ въ 400 верстъ. Зная условія стариннаго быта, когда дорѣги всѣ пролагались не иначе какъ по рѣкамъ, можно съ достовѣрностью полагать, что тутъ шелъ издревле кратчайшій путь съ низу *Мологи* на верхъ, которымъ Ярославскій предѣлъ Ростовской области соединялся съ Бѣжецкимъ краемъ Новгородскихъ владѣній. Но путь этотъ не былъ путь удобный: изъ современныхъ оффиціально собранныхъ мѣстныхъ свѣдѣній извѣстно, что, въ верхней части теченія *Сити*, тамъ гдѣ она нынѣ разграничиваетъ Кашиинскій уѣздъ отъ Моложскаго, именно въ окрестностяхъ селъ *Боженокъ* и *Могилицъ*, находится, по обоимъ берегамъ рѣки, обширное непроходимое болото, покрытое мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, которое въ одномъ Кашиинскомъ уѣздѣ занимаетъ до 30 кв. верстъ, и потомъ далеко продолжается въ уѣздъ Моложскій, по лѣвому берегу рѣки; такъ говорилъ и Священникъ Боженскій г. Погодину: «кругомъ насъ вездѣ болота, и дальше проѣхать нигде нельзя!» Въ этихъ-то мѣстахъ впадаетъ въ *Сить* съ лѣвой стороны, упоминаемая и въ настоящемъ очеркѣ, рѣка *Болотель*, которой самое имя слишкомъ краснорѣчиво изображаетъ ея топографическія свойства. Эта послѣдняя рѣка въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ примѣчаніе тѣмъ, что, во-первыхъ, ею и донынѣ разграничивается Весьеговскій уѣздъ отъ Моложскаго, а потомъ, между ней и *Ситью*, внутри Моложскаго уѣзда, находится до-сихъ-поръ совершенно пустое необитаемое пространство, которое расширяется еще болѣе къ стверу, по зачинающейся близъ верховьевъ *Болотеи* рѣкѣ *Себлѣ*, служащей также въ свою очередь границей между упомянутыми уѣздами. Отсюда болѣе чѣмъ вѣроподобно можно заключить, что, и въ прежнія времена, здѣсь, по этимъ рѣкамъ, проходилъ если не оффиціально зашежеванный рубежъ, то живой природный раздѣлъ владѣній Новгородскихъ и Ярославско-Ростовско-Суздальскихъ. Выходить, Георгій, располагая «станомъ на *Сити*», въ нижней части ея теченія, сталъ въ одномъ изъ крайнихъ захолустьевъ своей Велико-Княжеской области, въ то время конечно мало еще и заселенномъ. Онъ уклонился такимъ образомъ, и чинное разстояніе

отъ прямого пути къ Бѣлу-Озеру по рѣкѣ Шекснѣ; уклонился даже нѣсколько и отъ обычнаго пути къ Новгороду по Мологѣ (черезъ Весьегонскъ и Устюжну): безъ-сомнѣнїя, потому-что, по обоимъ этимъ путямъ, ожидалъ неминуемаго преслѣдованїя за собой отъ Татаръ. Но у него былъ и тутъ, на случай крайности, вѣрный исходъ — вверху по *Сити*, къ *Бѣжецкѣ*! Современные официальные свѣдѣнїя говорятъ, что и нынѣ болота, окружающїя *Сить* при впаденїи въ нее рѣки *Болотеи*, непроходимыя лѣтомъ, зимою замерзаютъ, и тогда прокладываются черезъ нихъ дороги; а событїя, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, происходили именно зимою, въ теченїе февраля мѣсяца. Въ такихъ обстоятельствахъ, не естественнѣ-ли всего было Великому-Князю, при слухѣ, что Татары гонятся за нимъ «къ *Ярославлѣ*» — послать Дорожа, для развѣдокъ, по этому, единственно остававшемуся у него въ запасъ, направленїю? — Еслижъ такъ, то вблизи *Бѣжецка*, на рѣкѣ *Мологѣ*, верстахъ въ 40 выше нынѣшняго города, находится и теперь село *Проспки* (такъ по «Картѣ Шуберта», а по другимъ показанїямъ — *Приспки*). Село это имѣетъ положенїе въ весьма характерическомъ пунктѣ теченїя *Мологи*: тамъ, гдѣ рѣка эта, сначала имѣя почти прямое направленїе къ востоку, вдругъ почти прямоугольнымъ изломомъ поворачиваетъ на сѣверъ. Между-тѣмъ, *Бѣжецкѣ* — главное мѣсто края, прозывавшагося по его имени — въ старину былъ не тутъ, гдѣ нынѣ, а нѣсколько ниже по *Мологѣ*, гдѣ теперь село *Бѣжицы*; стало-быть, выходъ на *Мологу* въ Бѣжецкомъ-Краѣ, со стороны Великаго-Княжества, могъ быть тогда именно въ нынѣшнемъ селѣ *Проспкахъ*! Это, между-прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что, и въ настоящее время, тутъ сходятся всѣ пути внутренняго туземнаго сообщенїя (дороги изъ Углича, Переяславля, Дмитрова, и изъ самой Твери), немного только уклоненные перенесенїемъ города *Бѣжецка* на нынѣшнее мѣсто. Итакъ, лѣтописные *Проспки* очень могутъ быть одно и тоже съ нынѣшнимъ селомъ *Проспками*, куда Георгїй послалъ передовой отрядъ разузнать и приготовить себѣ путь новаго, скрытнаго отступленїя, передъ бѣдой, грозившей убѣжищу его со стороны *Ярославля*.

Но уже было поздно. Пока Великій-Князь стоялъ становъ, Татары, какъ видно, не стояли. На верхъ *Сити*, въ окрестно-

сти *Блжецка*, они могли достигнуть, двигаясь отъ Владиміра на сѣверъ, *Переяславско-Скнятинской* дорогой, черезъ *Кашинъ*: это находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописяхъ, считающихъ между городами, опустошенными отъ Татаръ вслѣдъ за взятіемъ Владиміра, при общемъ погромѣ земли Суздальской: и *Переяславъ*, и *Скнятинъ*, и *Кашинъ* (И. Г. Р. III, прим. 364). Тутъ конечно наткнулся на нихъ и Дорожъ; и—какъ видно по всему—наткнулся совершенно неожиданно. Въ большей-части лѣтописей говорится, что Татары напали на Великаго-Князя «внезапу» (Новг. I, Соф. Врем., Воскр. Лѣт.); а одна говоритъ еще опредѣлительнѣе, что Георгій, за неимѣніемъ сторожей, былъ «изъѣханъ» (то есть—застигнутъ въ расплохъ) «безаконнымъ Бурундаемъ» (Ипат. Спис. въ П. С. Л. II. 476). Это послѣднее извѣстіе, принятое и г. Иванинымъ въ основаніе своихъ стратегическихъ соображеній, склоняетъ къ убѣжденію, что гибельный натискъ Татаръ на Великаго-Князя могъ быть сдѣланъ точно съ верховья *Сити*, полководцемъ отдѣльнаго отряда Батыева; только этотъ отрядъ едва-ли имѣлъ въ виду отыскивать тутъ Великаго-Князя, а просто шелъ опустошительной тучей по направленію къ *Блжецкому-Верху*, тогда-какъ главная туча, предводительствуемая самимъ Батиемъ, двигалась, черезъ Волокъ и Тверь, на Торжокъ, съ одной цѣлью пробраться съ разныхъ концовъ въ предѣлы Новгородскіе. Найдя здѣсь враговъ, которые, въ то же время, другимъ отрядомъ, двигались къ устью *Сити* изъ *Ярославля*, Дорожъ имѣлъ полный поводъ сказать Великому-Князю роковыя слова, сохраненныя въ большей-части лѣтописей: «а уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» При этомъ, первая схватка Татаръ съ отрядомъ Дорожа могла точно произойти въ окрестностяхъ села *Боженокъ*, и всего вѣроятнѣе при нынѣшнихъ *Могилицахъ*, судя по имени урочища, которому всего естественнѣе прозваться такъ отъ изобилія «могилъ» павшихъ въ бою воиновъ. Но «станъ», которымъ Георгій «стоялъ на *Сити*», и гдѣ застigli его, въ расплохъ, безъ сторожей, Татары, гнавшіеся по пятамъ за разбитымъ Дорожемъ—по всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ—долженъ былъ находиться гораздо ниже, внутри нынѣшняго Моложскаго уѣзда; и если судить тоже по имени, то не его-ли память сохранилась въ на-

званіи нынѣшняго села *Станилова-на-Сити*, находящагося выше описываемой здѣсь *Покровско-Сицкой* волости, верстахъ въ десяти, не болѣе?— Вотъ и объясненіе, самое удовлетворительное, тѣхъ валовъ и насыпей, соединенныхъ между собою канавами, о которыхъ говорится въ настоящемъ очеркѣ: это остатки Георгіева «стана», можетъ-быть отчасти перемѣшанные также и съ «могилами» погибшихъ въ бѣгствѣ послѣ сраженія. Самое подробное извѣстіе, какое осталось въ лѣтописяхъ о концѣ злополучнаго дѣла на Сити, есть слѣдующее: «И сступишася «обои полки, и бысть стѣча зла, и побѣдоша предъ иноплеменики, и ту убьенъ бысть Великій-Князь Юрій Всеволодичъ на «рѣцѣ на Сити, и вои его мнози погубоша» (Троиц. Спис. въ П. С. Л. I. 224; ср. Соф. Врем. I. 243).

Гдѣ именно «на *Сити*» палъ самъ Великій-Князь, опредѣлительныхъ указаній въ лѣтописяхъ нѣтъ; одна изъ нихъ выражается даже объ этомъ такъ: «Богъ-же вѣсть како скончася, «много бо глаголють о немъ иныи» (Новг. I въ П. С. Л. III, 51—52). Во всякомъ случаѣ, это не могло быть очень далеко отъ слиянія *Сити* съ *Мологой*. По единогласному всѣхъ лѣтописей свидѣтельству, тѣло Великаго-Князя нашелъ Епископъ Ростовскій Кирилль, возвращаясь обратно въ Ростовъ съ Бѣла-Озера, гдѣ онъ укрывался и благополучно укрылся отъ Татаръ. Но съ Бѣла-Озера къ Ростову естественная дорога лежитъ по Шекснѣ, которая къ мѣсту, гдѣ *Сить* впадаетъ въ *Мологу*, приближается въ теченіи своемъ верстъ на 20 или на 30, не болѣе: тутъ могъ онъ легко по-пути найти тѣло святаго страдальца за Вѣру и Отечество. Можно, пожалуй, предположить и такъ, что Кирилль возвращался не здѣсь, а Верхне-Моложскимъ путемъ, чрезъ нынѣшніе Череповецъ, Весьегонскъ, Бѣжецкъ и Кашинъ, и тогда онъ могъ-бы проходить близъ верховья *Сити*, не подалеку отъ *Боженокъ* и *Могилицъ*: но путь этотъ во-первыхъ далѣе, и шелъ не по области древней Ростовской Епископін, а въ предѣлахъ Новгородскаго Владыки; потомъ, если-бы Кирилль почему-нибудь и предпочелъ такой дальній обходъ для своего возвращенія, то, идучи здѣсь, онъ-бы непремѣнно нашелъ также и тѣло Василька Константиновича, племянника Георгіева, котораго Татары, взявъ въ плѣнъ живаго на *Сити*, довели съ собой до *Рыльскаго-Леса*, и тамъ злодѣйски

замучили. Объ этомъ лѣсъ, до-сихъ-поръ, существуютъ у насъ тоже самыя неудовлетворительныя толкованія, запутываемыя въ особенности тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей пишется онъ не *Рѣпскій*, а *Шерпскій*, или *Шерепскій*, или *Шерпескій* (Лавр., Троиц., Новг. IV); въ слѣдствіе чего, и ищутъ его обыкновенно на рѣкѣ *Шерпѣ*, которая, протекая мимо города Александрова въ нынѣшней Владимірской губерніи, впадаетъ въ рѣку Клязьму въ Богородскомъ уѣздѣ губерніи Московской. Но это значило-бы заставлятъ Татаръ идти съ Василькомъ, назадъ къ Владимиру, по опустошеннымъ уже ими мѣстамъ: чтò несомнѣнно ни съ правилами военнаго благоразумія, котораго, какъ доказано г. Иванинымъ, никакъ нельзя у нихъ отрицать, ни съ топографическими условіями ихъ движеній, ни даже наконецъ съ историческими преданіями, которыя всѣ единогласно свидѣлствуютъ, что туча нашествія ихъ, устремленная окончательно на Новгородъ, встрѣтивъ тамъ физическія себѣ препятствія, уклонилась и свалила въ Южно-Русскія степи, путемъ совершенно особымъ, черезъ Козельскъ въ нынѣшней Калужской губерніи. Всего естественнѣе лѣсъ *Рѣпскій* находился на рѣкѣ, которая, и донынѣ называея *Рѣпнею*, впадаетъ въ *Мологу* при *Весьегожкѣ*, на дорогѣ оттуда къ *Бѣжецку*; а если такъ, то проходя тутъ, Кирилль непременно узналъ-бы о мѣстѣ умерщвленія Василька, и какъ это былъ Удѣльный-Князь Ростова, гдѣ Кирилль имѣлъ свою святительскую кафедру, то благочестивый Пастырь приложилъ-бы сугубое рвеніе къ отысканію его тѣла, въ чемъ не трудно-бы было ему и успѣть, такъ-какъ оно, по свидѣтельству лѣтописей, тотчасъ же было прибрано добрыми людьми изъ окрестностей. Между-тѣмъ, это все узнано было въ Ростовѣ уже по возвращеніи туда Епископа, и за мощами Князя посылаемы были оттуда нарочвые (П. С. Л. I. 199, 224; ср. Соф. Вр. I. 244, Воскр. Лѣт. II. 200). Выходить, и тутъ все побуждаетъ вѣрить, что *Князь Егорій*, объ убіеніи котораго хранится память въ предѣлахъ *Покровско - Сицкой* Волости, недалеко отъ устья *Сити*, былъ не иной кто, какъ *Великій-Князь Георгій*, тѣло котораго можетъ - быть временно, до прибытія Епископа, покоилось на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ народное преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

Что касается до *Князей Сицкихъ*, потомковъ владѣтельныхъ *Князей Ярославскихъ*, имѣвшихъ сначала удѣль, а потомъ вотчины свои на этой самой рѣкѣ *Сити*, отъ которой и пошло прозвище ихъ *Сицкими*; то, по печатной «Родословной Книгѣ» (СПБ. 1787. ч. I, стр. 169—171), значатся между ними трое съ именемъ *Юрія* (тоже что *Георгій*), и всѣ трое около того времени, какъ родъ ихъ находился въ страшной опалѣ у Царя Бориса Годунова, вмѣстѣ съ Романовыми, которымъ Сицкіе были въ сродствѣ. Но, во-первыхъ, тотъ изъ *Князей Сицкихъ*, о которомъ есть современное извѣстіе, что онъ въ это время былъ задушенъ въ заточеніи, назывался не *Юріемъ*, а *Иваномъ* (И. Г. Р. т. XI, гл. II); а затѣмъ, еслибы кого изъ погибшихъ тогда Сицкихъ и звали *Юріемъ*, то народная молва никакъ не переименовала-бы его въ *Егоріа*, а развѣ въ *Егора*, всегожь скорѣе запомнила-бы его подъ тѣмъже именемъ *Юрія*. У насъ, въ народной рѣчи, «*Егорій*» есть имя священное, придаваемое по-преимуществу чтимымъ Церковью угодникамъ Божиимъ, каковъ дѣйствительно и есть «Св. Благочестивый Князь Георгій Всеволодовичъ, убіенный отъ Татаръ на Сити», память котораго празднуется, по православному мѣсяцеслову, въ 4 день февраля мѣсяца.

ПРИХОДЪ СТАНИЛОВСКІЙ НА СИТИ.

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ
МОЛОЖСКАГО УѢЗДА.

(Воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго.)

— О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И —

Приступая къ предлагаемому здѣсь очерку, авторъ вкратчѣ замѣтилъ, что описываемый имъ приходъ составляетъ часть обширнаго околотка, который, по положенію своему на рѣкѣ *Сити*, весь вообще называется *Ситчиной*. По его вычисленію, въ этомъ околоткѣ заключаются села: *Покровское, Семеновское, Байловское, Красное, Станилово, Правдино, Колегаево и Новое*, съ принадлежащими къ приходамъ ихъ деревнями. Это значитъ: все теченіе рѣки *Сити*, въ предѣлахъ Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи. Авторъ прибавляетъ къ тому, что жители этой *Ситчины* всѣ вообще называются *Сицкарями*; въ-частности-же прозываются они еще отъ своихъ селъ или приходовъ, на-примѣръ: прихожане села Покровскаго — *Покровщина*, Семеновскаго — *Семеновщина*, Байловскаго — *Байловщина*, Краснаго — *Красноселищина*, Станилова — *Станиловщина*, и т. д.

Окрестные жители обыкновенно говорятъ: «я былъ въ *Ситчи*», и: «вонъ ѣдетъ *Сташиловица*»!

Замѣчаніе это свидѣтельствуеетъ, что рѣка *Сить* и ея населеніе, въ предѣлахъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда, до-сихъ-поръ считаются какимъ-то «особнякомъ». Основаніе этому безъ-сомнѣнія должно быть этнографическое, какъ можно заключить и по нѣкоторымъ слѣдамъ старинной исторіи края. Слѣды эти укажемъ мы здѣсь, сколько знаемъ, для руководства будущимъ мѣстнымъ наблюдателямъ.

То, что теперь называется *Ситчиной*, составляло нѣкогда часть особаго удѣла *Ярославскаго* Княжества, которое, въ началѣ XIII вѣка, выдѣлено было изъ области *Ростовской*, Великимъ-Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, въ пользу одного изъ сыновей своихъ, Всеволода Константиновича, который потомъ, вмѣстѣ съ дядей, Великимъ-Княземъ Георгіемъ, погибъ на роковомъ побоищѣ Ситскомъ. Неизвѣстно въ точности, какъ далеко простиралось тогда это Княжество: вообще оно оставалось въ тѣни при сынѣ и преемникѣ Всеволода, Князѣ Васи́лѣ, который умеръ въ молодости (р. ок. 1229, + 1249), оставя по себѣ одну малолѣтнюю дочь, во имя которой правила мать ея, вдовствующая Княгиня Ксепія; въ этотъ періодъ времени, оно могло быть очень стѣсняемо соудѣльными Князьями, въ особенности при господствовавшемъ стремленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ владычествовать вмѣстѣ въ Ростовъ и на Бѣль-Озерѣ. Лучшая эпоха для *Ярославскаго* Княжества началась съ супружества Княжны Маріи съ Княземъ Θεодоромъ Ростиславичемъ-Чернымъ, по рожденію—Смоленскимъ, по родовому удѣлу—Можайскимъ: онъ стоялъ тѣмъ крѣпче за наслѣдіе жены своей, что, оно въ послѣдствіи, по изгнаніи его изъ родовой области (ок. 1284), сдѣлалось единственнѣйшимъ его достояніемъ. По смерти Θεодора (+ 1299), сынъ и преемникъ его, Князь Давидъ, былъ единовластителемъ *Ярославскаго* Княжества; но его сыновья, которыхъ было двое, раздѣлились, и изъ нихъ, старшій Васи́лѣй, прозваніемъ Грозныя-Очи, остался «на большомъ княженіи на *Ярославѣ*» (съ 1324), а младшій Михаилъ — «сѣлъ на удѣлѣ въ *Мологѣ*», и такимъ образомъ положилъ начало отдѣльному существованію особаго Удѣльнаго-Княжества *Моложскаго* (или — какъ писали

къ старину — *Моложскаго*). Объ этомъ Князь Михаилъ упоминается въ лѣтописяхъ, что онъ, въ 1352 году, ѣздилъ въ Орду; а это въ тѣ времена было признакомъ нѣкоторой самостоятельности Князей относительно другъ-друга: въ слѣдствіе чего удѣлу *Моложскому* должно приписать нѣкоторую, по тогдашнимъ понятіямъ, степень особности въ общемъ родовомъ достоинствѣ Князей Ярославскихъ.

Какъ велико было Княжество *Моложское*, можно видѣть изъ титуловъ, принятыхъ въ послѣдствіи потомками Князя Михаила, очевидно по доставшимся имъ наследственно владѣніямъ. У Князя Михаила было три сына: Князь Оедоръ, Князь Иванъ и Князь Лсвъ. О послѣднемъ изъ нихъ, то-есть Львѣ, родоначальникѣ Князей Дуловыхъ, сохранилось свидѣніе, что сынъ его, Князь Андрей Дуловъ, «отъѣхалъ во Тверь, потому и вотчины отсталъ», то-есть лишился доли въ родовомъ удѣлѣ *Моложскомъ*. Затѣмъ, второй сынъ Михаила, Князь Иванъ, является родоначальникомъ Князей *Шуморовскихъ*, названныхъ такъ очевидно по рѣчкѣ *Шумортъ*, впадающей въ Волгу, въ предѣлахъ нынѣшняго *Моложскаго* уѣзда, нѣсколько выше устья рѣки *Мологи*; тутъ и нынѣ находится при Волгѣ село *Шуморово* (по «Картѣ Шуберта» — *Шумарово*), очевидный памятникъ древней вотчины Князей *Шуморовскихъ*, которые потомъ частію изгаслись бездѣтно, а нѣкоторые потеряли свой вотчинный титулъ (значить и самую вотчину), прозванные одни — Унатыми, другіе — Шампыми, третьи — Голыгинными (прозвища очевидно уже не вотчинныя, а личныя). Главная часть всего удѣла, какъ видно, досталась старшему сыну Михаила, Князю Оедору, который удержалъ за собой и титулъ *Моложскаго*. Этотъ Князь *Моложскій*, равно-какъ и прочіе современныя Князья *Ярославскіе*, былъ уже — какъ говорилось тогда — «одинъ человекъ» съ Великимъ-Княземъ *Московскимъ* *Димитріемъ-Донскимъ*, которому дѣлательно помогалъ и въ борьбѣ съ Тверью (1375), и въ славной битвѣ Куликовской (1380). Послѣ него (+ 1408), удѣлъ *Моложскій* раздѣлился, по числу дѣтей его, на трое. Титулъ *Моложскаго* Князя перешелъ къ сыну Оедора, *Димитрію-Перня*, вѣтъ котораго въ четвертомъ затѣмъ поколѣніи пресѣклась. Другой сынъ Оедора, Иванъ, является съ титуломъ Князя *Прозоровскаго* и, что навѣрно долж-

но искать въ нынѣшнемъ селѣ *Прозоровъ*, въ Моложскомъ уѣздѣ, въ сѣверо-западномъ его углу, на рѣкѣ *Редьмѣ*, впадающей въ рѣку *Мологу* верстъ 30 ниже впаденія *Сити*. Отъ этой вѣтви отдѣлялась-было еще новая отрасль *Князей Судичихъ*, въ лицѣ внука перваго Князя Прозоровскаго, которая впрочемъ во второмъ поколѣннѣ изсякла. Гдѣ была вотчина этой отрасли, можно гадать на-двое: и возлѣ села Прозорова, въ предѣлахъ Моложскаго-же уѣзда, есть нынѣ село *Сутки*, лежащее при рѣкѣ *Себлѣ*, которая впадаетъ въ *Мологу* нѣсколько повыше *Редьмы*, составляя границу нынѣшняго Моложскаго уѣзда съ Весьеговскимъ; но есть еще рѣка *Супика*, довольно значительная, въ томъ-же Моложскомъ уѣздѣ, только въ противоположной его сторонѣ, служащая нынѣ границей между нимъ и уѣздомъ Мышкинскимъ, гдѣ и впадаетъ она прямо въ Волгу, нѣсколько выше упомянутой прежде рѣки *Шуморы*. Тутъ-ли, или тамъ—ясно одно: что вотчинныя доли, выделяемые очевидно младшимъ въ роду братьямъ, всѣ отводились по краямъ общаго родоваго удѣла. Между-тѣмъ, середина нынѣшняго Моложскаго уѣзда, и должно-быть сердцевина стариннаго удѣла Моложскаго, теперешняя *Ситчина*, досталась старшему изъ сыновей Князя Оедора Михайловича *Молозскаго*, Князю Семену, который такимъ образомъ и сдѣлался родоначальникомъ особой вѣтви *Князей Сицкихъ* (по старинному правописанію -- *Ситцкихъ*), всегда потомъ старѣйшинствовавшихъ надъ прочими отраслями Моложской линіи Ярославскаго Княжескаго Дома.

Князья Сицкіе, подобно всѣмъ своимъ сродичамъ, были вѣрными слугами Великихъ-Князей Московскихъ, въ то время уже дѣятельно сбиравшихъ подъ себя всю Русскую Землю. Сынъ перваго изъ нихъ, Князь Борисъ Семеновичъ, погибъ въ несчастномъ бою съ Татарами при Суздаля, гдѣ былъ подъ знаменами Великаго-Князя Василья-Гемнаго, который и самъ попался тогда въ полонъ Татарамъ (1445). Затѣмъ, сынъ брата Борисова Петра, Князь Оедоръ-Кривой, является однимъ изъ главныхъ Воеводъ Великаго-Князя Василья Ивановича въ битвахъ съ Татарами (1506) и съ Литвою (1508), заключивъ свое воинское поприще, должно-быть въ глубоко преклонныхъ уже лѣтахъ, тѣмъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Литовцами при не-

счастной осадѣ Стародуба, въ началѣ царствованія Грознаго (1536). Знаменитость этой фамиліи, поддерживаемая личными заслугами ея членовъ, должна-была возвыситься еще болѣе, когда внукъ Криваго, Князь Василій Андреевичъ, породнился съ Царемъ Грознымъ, женись на своячинѣ его, дочери Романа Юрьевича Захарыина, сестрѣ добродѣтельной Царицы Анастасіи. Но это высокое счастье, въ послѣдствіи, обратилось на гибель всему роду Сицкихъ: при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, за свойство ихъ съ Романовыми, они подверглись страшной опалѣ, были раскиданы по разнымъ мѣстамъ въ ссылку и въ заточеніе, гдѣ тогдашній глава рода, Бояринъ и Воевода Князь Иванъ Васильевичъ, былъ даже, по увѣренію современниковъ, задушенъ насильственно. Съ-тѣхъ-поръ, родъ этотъ, кажется, не возстановлялся уже въ прежнемъ блескѣ и могуществѣ, пока наконецъ угасъ безслѣдно.

Изъ всего изложеннаго здѣсь открывается, что *Ситчина*, въ старыя времена, имѣла свой періодъ «исторической особености»; а это если не было послѣдствіемъ, то непременно должно было обусловить для ней и нѣкоторую «этнографическую особеность». Вотъ почему съ особливимъ участіемъ помѣщаемъ мы здѣсь очеркъ принадлежащаго къ ней прихода *Станиловскаго*, который есть чисто этнографическій, тогда-какъ предшествовавшій очеркъ сосѣдней *Покровско-Сицкой* волости есть преимущественно топографическій и статистическій. Помѣщая рядомъ эти два очерка, взаимно дополняющіе другъ-друга, мы имѣемъ въ виду доставить полную картину края, занимательнаго, какъ видно, во многихъ отношеніяхъ для просвѣщенной любознательности.

Весьма желательно-бы имѣть подобныя свѣдѣнія и о верховъ рѣки *Сити*, въ предѣлахъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи, куда оба предлагаемые теперь очерка не простираются; желательно, по-крайней-мѣрѣ, на столько, чтобы видѣть, какъ относится этнографически эта часть теченія рѣки къ Моложской *Ситчинѣ*. По «Картѣ Шуберта», *Сить*, передъ селомъ *Новымъ*, входитъ въ Моложскій уѣздъ изъ Мышкинскаго, гдѣ, впрочемъ, проходитъ самое небольшое пространство, а гораздо длиннѣе течетъ, передъ-тѣмъ, по границѣ обонихъ этихъ уѣздовъ, принадлежащихъ къ губерніи Ярославской. Тутъ, если идти съ низу въ верхъ, значатся при ней

села: *Сасыево* — въ уѣздѣ сще Моложскомъ, потомъ *Кузьясо-Никольское* и *Воскресенсксе-Баулово* — оба въ Мышкинскомъ; съ послѣдняго, по показанію г. Штукенберга, начинается по рѣкѣ судоходство (*Hydrogr. V, 353*). Затѣмъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, слѣдуя тому же порядку снизу на верхъ, значатся на *Сити* селенія: *Могилыцы* (на *Картѣ — Могилыцѣ*), *Боженки*, *Богоявленсксе* и *Прилуки-Введеніе*; въ послѣднемъ, по имяющемуся съ-мѣста описанію, живутъ нынѣ Корелы. Тутъ же, въ Кашинскомъ уѣздѣ, проходитъ черезъ *Сить* большая дорога изъ Кашина въ Бѣжецкѣ, при деревнѣ *Личининой*; по официальнымъ свѣдѣніямъ, рѣка здѣсь, въ полную воду, разливается очень широко, впрочемъ не представляя тѣмъ большихъ затрудненій сообщенію. Наконецъ, въ уѣздѣ Бѣжецкомъ, гдѣ находится начало рѣки, видимъ мы при ней, на *Картѣ*, одно только село *Богородсксе*; и тутъ, возлѣ, значитъ деревня *Сасурова*, вѣроятно та самая, при которой г. Погодинъ, лично бывшій на мѣстѣ, нашелъ источникъ *Сити*, и «выпилъ изъ него воды въ память Великаго-Князя Георгія Всеволодовича и во-евъ его, отъ Татаръ побѣжденныхъ» (*Москв. 1848, № 12, стр. 143*).

Въ заключеніе, чтобы покончить все, относящееся къ рѣкѣ *Сити*, намъ извѣстное, скажемъ, въ предотвращеніе смѣшеній, что есть у насъ еще другая рѣка *Сить*. Она находится хотя и въ томъ же краю Сѣверной-Россіи, но на довольно значительномъ разстояніи отъ разсматриваемой здѣсь *Сити*, и притомъ принадлежитъ совсѣмъ къ другой гидрографической области, именно: къ *Спсерно-Двинской*. Начинается эта другая *Сить* въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, и потомъ входитъ въ Кадниковскій уѣздъ, гдѣ впадаетъ въ рѣку *Кушину*, поглощаемую извѣстнымъ *Кубенскимъ-Озеромъ*. Теченія этой *Сити*, по г. Штукенбергу, около 400 верстъ, и она, на нѣсколько верстъ разстоянія, середѣ устьемъ, годна и употребляется для сплава (*Hydrogr. II, 149*). По «*Картѣ Шуберта*», въ *Сить* эту впадаютъ рѣки: *Вондашь*, *Кезьма*, *Ягренга*, *Восма* (все — съ названіями очевидно не-Русскими). Замѣчаемъ это для того, что номенклатура эта можетъ служить къ соображеніямъ о первоначальномъ этнографическомъ значеніи и *Моложской-Сити*, на которой лежитъ описываемая теперь *Ситчина*.

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

Станиловскіе прихожане лицомъ бѣлы; росту средняго; голову, руки и ноги имѣютъ соразмѣрной величины; волосомъ русы и темно-русы; господствующіе цвѣта глазъ карій и сѣрый; тѣлосложеніемъ крѣпки; подвергаются болѣзнямъ, болѣею-частью, лихорадкѣ, весенней и осенней, и горячкѣ, отъ усиленной работы и простуды; сильны, но не такъ ловки и проворны; къ физическимъ трудамъ вообще очень прилежны.

ЯЗЫКЪ.

Нарѣчіе, употребляемое здѣсь крестьянами въ обыкновенныхъ разговорахъ, нельзя назвать чисто Русскимъ. Можно замѣтить въ немъ слѣдующія главные отличія:

а. Выговоръ словъ вообще крайне протяжный, болѣе похожій на потный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Особенно бываетъ это, когда выражается превосходство одной вещи передъ другою: гдѣ, по общепринятому употребленію, слѣдовало бы къ прилагательному имени, для выраженія его въ превосходной степени, прибавить нарѣчія *весьма* или *очень*, предлогъ *пре* или мѣстоименіе *самый*, слово это тянется дольше потнаго такта; на-примѣръ: *хоро — шая, далѣ — ко, высо — ко*, и т. п. Да и вообще спросите здѣшняго мужичка о чемъ-нибудь, онъ вамъ не скоро отвѣтитъ; на-примѣръ: — Какъ тебя зовутъ? — *Ко — го?* — Тебя, я спрашиваю. — *Ме — ня — то?* — Тебя-то. — *Да — ме — ня — меня — то — зовутъ — Сце — на — номъ!* —

б. Букву *а* выговариваютъ какъ букву *я*, когда передъ ней стоитъ буква *к*; на-примѣръ: *рѣдка, сайка, скамейка, линейка*, и т. п.

в. Букву *б* не выговариваютъ передъ буквами *я*, *ь* и другими; на-примѣръ: *тея, тея* (тебя, тебѣ), *сея, сея* (себя, себѣ).

г. Букву *з* выговариваютъ иногда какъ букву *к*; на-примѣръ: *лѣкко, мякко* (леско, мяско), и т. п.

д. Къ буквѣ *д* прибавляютъ букву *з* передъ буквами: *е*, *и*, *ь*, *я*; на-примѣръ: *дзеревня, дзери, дзергать, поди, иди, дзати, дзядзя*; иногда и совсѣмъ опускаютъ *д* въ выговорѣ передъ

буквою *и*; на-примѣръ: *иди*, *пой*, *правой* (*иди*, *поди*, *проводи*); передъ *и* выговариваютъ какъ двойное *и*; на-примѣръ: *ланино*, *смороннякъ*, *тио*, *инемъ*, *сегоння*, *вино* (*ладно*, *смороднякъ*, *дно*, *днемъ*, *сего дня*, *видно*) и т. п.

е. Букву *е* перемѣняютъ на букву *и*, особенно въ словахъ сложенныхъ съ предлогами *предъ* и *пре*; на-примѣръ: *приподобный*, *прикрасно*, *придъ* *пристоломъ*, и т. д.

ж. Букву *к* иногда выговариваютъ какъ букву *з*; ва-примѣръ: *зергало* (*зеркало*).

з. Букву *о* перемѣняютъ на *ё* или *ю*; какъ-то: *юнъ*, *юна*, *юно* (*онъ*, *она*, *оно*), или: *манинькёй*, *сининькёй* (*маленькой*, *синенькой*), и т. п.

и. Букву *т*, передъ буквами: *е*, *и*, *ь*, *ъ*, *я*, *ю*, выговариваютъ какъ *ц*; на-примѣръ: *цесць* (*тестъ*), *цёска* (*теска*), *цёмно* (*темно*), *иццй* (*итти*), *дэплаць* (*дѣлать*), *зяць* (*зять*) и т. п.

і. Букву *х* перемѣняютъ на букву *ф*; на-примѣръ: въ *прикраснефъ* *долинафъ*, въ *пригѣжіефъ* *равнинафъ*, и т. д.

к. Букву *ц* выговариваютъ какъ букву *ч*; на-примѣръ: *челковой*, *курича*, *кольчо*, *братечъ*, *сестрича*, *умнича*; а иногда и какъ букву *т*; на-примѣръ: *типтъ* (*цать*).

л. Букву *ч* всѣ, кромѣ грамотныхъ, выговариваютъ какъ букву *ц*; на-примѣръ: *целѡ* (*чело*), *целовѣкъ* (*человѣкъ*); иногда какъ букву *т*, на-примѣръ: *состытѣць* (*сосчитать*).

м. Букву *ш* замѣняютъ двойнымъ *ши*; на-примѣръ: *дурацѣшишо* (*дурачище*), *домнишишо* (*домнище*), *шини* (*щи*), и т. п.

Вотъ краткій опытъ мѣстнаго словаря, изъ котораго отчасти можно узнать нарѣчіе Станиловщины:

Адиць — копить что-нибудь, неумѣренно употреблять что-нибудь; также завидовать чему-нибудь.

Арапа — толпа.

Бѣкаць — лаять.

Бажію — неоступно пропѣивъ.

Балѣцки — грибы отваренные.

Балтрѣкъ — работникъ.

Бѣгиръ — краснобай.

Билѣмѣць — щеголять.

Бѣцѣтъ — яма вырытая водою въ ручьѣ.

Барѣхтаца — бороться.

Баюнь — краснобай.

Баця старинькѣй — дѣдушка.

Бѣляць — говорить. *Бѣляць по-городскіѣ* — говорить хорошо.

Бзырѣць — поспѣшно бѣжать, скакать.

Бобѣль — вдовый, одинокій.

Бобѣлка — вдова.

Богъ знамѡ — Богъ знаетъ.

Богъ далѡ — Богъ далъ.

Богѡдѣнной бацюшко — тестъ.

Брюжждцъ — ворчать.
Будоррижицъ — кружить, опьянять.
Бутѣсъ — надутый.
Бѣхаць — ударять шибко.
Бѣхнуща — падать, удариться.
Бынто — будто.
Вагднъ — мужикъ.
Вагднка — мужичка, крестьянка.
Валкѣй — алчный, завистливый.
Валѣса — необоротливый.
Вамѣга — семья.
Ванрухи — прѣсные пироги съ творо-
гомъ.
Вахлѣй — дуракъ.
Взбущеницъ — выстѣ, прибить.
Взѣмши — взявъ.
Возгрівъ — сопливъ.
Воздырѣцъ — безъ отдыха хлебать.
Воложицъ — тащить что-нибудь черезъ
силу, везти что-нибудь.
Вредѣ — вредъ.
Въ та порѣ и *въ ту порѣ* — въ тѣ
поры, въ то время.
Втрѣкацѣ — вѣстѣсь, вѣнѣсь.
Вынѣй и *вынѣй* — вынимай.
Галавѣсцѣ — калѣкать пустяки.
Гѣмицѣ — дымѣться.
Гадѣ и *гидкѣй* — ловко угадывающій.
Гамѣцъ — кричать.
Глумѣнон — непонятно.
Глумицѣ — чудится.
Глубѣко — глубоко.
Гожѣ — ладно.
Гонѣицѣ — готовить, суетливо дѣлать;
также присвоивать.
Гѣсѣйскѣ — гостѣя.
Дѣрома — порядочно, кое-что. *Дѣрома*
што — несмотря на то что.
Дѣнѣ — день. *Дѣнѣ* — дней (род. пад.
мн.ж. числа).
Дѣнегѣ не *мѣ* — денегъ нѣтъ.
Добрѣ — имѣіе.
Домскѣй — свой, собственнѣй.
Дорждѣ — держать.
Дотрѣнѣ — дотронѣсь.

Дослѣдѣй — бери, кушай: такъ подчу-
ють гостѣ за столомъ.
Дрѣмицѣ — надувать губы передъ пла-
чемъ.
Дрѣблѣй — гнилой.
Дрѣздѣ — забѣлка.
Дзѣрѣ — дверь.
Евопки — вотъ.
Емстрѣнѣ — Каллистрѣтъ.
Ерѣпеницѣ — зазнаваться.
Ерѣспѣрѣ — Аристархъ.
Етѣ — дѣсь.
Жѣвѣль — чавкать, жевать.
Жировѣка — клюква.
Жердзію — высокій ростомъ.
Жолуницѣ — самая малость.
Журасѣ — журавль.
Загомѣздовѣ — затѣсь, замъ словѣть.
Загрѣбѣдѣ — захватить пашелью.
Зѣдорѣжѣ — поверхность печи, вѣхо-
дѣвшаяся около гольца.
Закадѣга — повѣса.
Заутрѣ — завтра.
Зацѣй — зачѣй.
Зѣ — очень, весьма.
Зѣкъ къ работѣ — прилежный, трудо-
любивый.
Зѣнѣль — кричать.
Издѣбѣ — позаботиться, пригото-
виться.
Игрѣицѣ — пирѣгъ, колобочекъ прѣ-
сной, лепешечка.
Издѣбѣ — поручаться, заботаться.
Имѣицѣ — общѣваться.
Имѣой — имѣой.
Имѣо, имѣ — когда такъ.
Имѣи на попадѣйскѣ — имѣи что
будетъ впередѣ или что попадетъ
(собств. имѣи на попадѣяхъ).
Идѣро — ребро.
Ионѣрѣ — олтѣрь.
Кадѣицѣ — во все время кричать.
Кажѣицѣ —
Калѣдѣ —
бѣ —

Калѣй — ударять шаромъ въ палку
(при игрѣ).

Карѣбканица — лѣзть на что-нибудь.

Каранѣзникъ — маленький ростомъ.

Карѣхциръ — характеръ.

Кѣл — влокея.

Киѣхъ — два столбика, на которыхъ
утверждается голбецъ въ избахъ.

Клѣвишицъ — неумѣренно пить.

Клѣпѣшникъ — пуговица.

Клѣпина — молодое дерево способное
путься.

Колѣушка — небольшой ковшичекъ.

Кнѣжица — силаться.

Кожѣлица — черезъ силу поднимать
что-нибудь.

Корѣга — трудолюбивый земледелецъ.

Корѣшицъ — трудиться до поту лица
въ земледѣлчествѣ.

Корѣшицъ дзерѣвъ — ломать, выдер-
гивать деревья изъ корня.

Крѣхотка — крошка.

Кстѣцъ — кстѣн.

Кцици — креститься.

Кувѣрѣдицъ — бросать палку такъ, что-
бы она обоими концами скакала
по землѣ (въ игрѣ).

Кѣксница — хлопотать, стонать.

Кула-га — простокваша, или солодъ
ржаной, смѣшанный съ ржаной
мукою и сваренный въ печь.

Куликицъ — мотать, пьянствовать, ку-
тить.

Кѣсъ — кусъ.

Кѣшѣицъ — кушать.

Лѣва — тучный, толстой.

Лѣгуицъ — бочка изъ-подъ дегтю.

Лѣза — коварный человекъ, имѣющий
способность выманивать у кого-ни-
будь что-нибудь.

Лѣженицъ, лѣнь — валянь.

Обикниций — опрятный.

Лѣтуцѣл тѣлѣл — крылатый муравей.

Лѣпѣицъ — неумѣренно пить и ѣсть.

Лѣпухѣ — оспа.

Лѣпѣицъ — бѣдно одѣтый.

Лѣзѣл — вздорный человекъ.

Лѣдѣ и *лѣдѣицъ* — человекъ часто
болящій.

Лѣдѣицъ — чахнуть.

Лѣжѣицъ — взлорить, ссориться.

Мѣло мѣлѣицъ, мѣленѣицъ — лѣнь бы
только.

Мѣлкѣ стѣрѣицѣлѣ — бабушка.

Мѣрѣи — Марко.

Мѣлѣдѣ — медленіе.

Мѣлѣдѣ — медленіе.

Мѣлѣдѣицъ — медлѣть.

Мѣжѣицъ — прицѣлѣваться.

Мѣицѣицъ — дорогое.

Мѣицѣицъ — бабочка.

Мѣицѣицъ — пить медленно.

Мѣицѣицъ — сосать.

Мѣицѣицъ — жевать жвачку.

Мѣицѣицѣицъ — переполнивать.

Мѣицѣицѣицъ — наугадъ, наизусть.

Мѣицѣицѣицъ — яблѣнникъ.

Мѣицѣицѣицъ — неоступный.

Мѣицѣицѣицъ — предъ сномъ.

Мѣицѣицѣицъ — наморщивъ лобъ.

Мѣицѣицѣицъ — наморщивъ лобъ.

Мѣицѣицѣицъ — наговорить, клеветать.

Мѣицѣицѣицъ, мѣицѣицѣицъ — безстыдный, без-
совѣстный.

Мѣицѣицѣицъ — правъ.

Мѣицѣицѣицъ — невидимо.

Мѣицѣицѣицъ — рекрутъ.

Мѣицѣицѣицъ — чуждающійся, собравшій.

Мѣицѣицѣицъ — молчать.

Мѣицѣицѣицъ — не только.

Мѣицѣицѣицъ — ночь.

*Ну, добръ! Ну инѣ, кола инѣ, спасѣ-
бо!* такъ благодарять за подарокъ.

Обицѣицъ — всякаго рода сѣмена: рожь,
овесъ, ячмень и т. п.

Обицѣицъ — сани простые.

Оверѣицъ — Аверкій.

Огорѣицъ — опозорить.

Одѣицъ — дроги, на коихъ возятъ сво-
и съ полѣй въ лѣтнее время.

- Озляці* — озлбуть.
Окълываць — обманывать.
Осиби́ншица — раздражиться, разгаваться.
Осои́шница — остановиться, притти въ смятеніе.
Оспожі́нка — Успенскій-Постъ.
Остри́мокъ — небольшой возъ сѣна.
Острозъ — пространство земли, на которомъ растеть строевой лѣсъ.
Отпори́ць — выжить, выхолить, откормить.
Охроби́ще — плевель.
Пелѣдзи́ць — кормить хорошо.
Перебу́рдзиць — переполнить.
Пйгорной — маленькій.
По-глазми́ — по-глазамъ.
Подземѣсценекъ — низкій ростомъ.
Побирѣй — берн, кушай: такъ подчуютъ гостя за столомъ.
Попроди́й — пищій.
Поотхроби́ць — порастаять.
Поотхля́нцъ — сдѣлаться полегче.
Пору́вотки нйму — право вѣть.
Поцѣсь, поцки́ — почти.
Прайскѣй — настоящій, подлинный.
Прайовѣць — истиннѣе, пропадать.
Прайоркѣ — прикѣплено и приторпо.
Прайи́циць — прѣхать, притти.
Прайи́щениць — припорить.
Пропра́фиць — издержать, истратить.
Простой — глухой.
Проби́шый — локій.
Пузы́риць — ругать, позорить, безчестить.
Пѣвѣнь — пѣтухъ.
Раскоря́бина — кривое дерево.
Распо́йсная пра́вля — земляной муравей.
Робѣ — товарищи.
Робля́тко — дитячко.
Рука́ отсыць — руку отсыць.
Рѣньшкѣ — черпекъ.
Самати́шница — сволоць, толпа шулуновъ.
Святи́ць — свѣтять.
Святы́къ — цвѣтокъ.
Сдобѣ́иць — готовить.
Сельни́къ — чуланъ.
Середѣ — часть избы, которая находится противъ печи.
Сква́льга — скупецъ.
Скляно́ — полн. чѣлд.
Скорѣсь — торопливъ.
Слобѣ́да — свобода. *Слобѣ́дно* — свободно.
Смѣсѣ́иць обѣдъ — приготовить обѣдъ.
Совѣти́шница — советница.
Соло́шшой — жадный.
Сопанъ — хватать съ порывомъ, торопливо что-нибудь дѣлать. *Соповѣ́иць* — торопливъ.
Суйма — сумма.
Сѣнно — судно.
Си́уканѣць — муравей.
Сѣзмала — съ малѣйства.
Сѣтши — сочни.
Сѣ́иць — такъ называютъ скамеечку, на которой маленькіе ребята обмывають катаніе.
Скѣ́шшо — вкусно.
Талалѣ́иць — терпѣть.
Тарѣ́иць — большую тяжесть нести.
Тарѣ́ишница — очень тихо, медленно ѣхать и идти.
Таскѣй — берн, кушай: такъ угощаютъ гости за столомъ.
Торскі́нь — тараканъ.
Торохи́шница — торопиться.
Торопи́ра — говорятъ.
Трунѣ́й — худая одежда.
Тѣнь — огорода.
Ужесѣ́ — множество.
Удори́жачъ — разбивать.
Упѣ́товаць — обманывать.
Усудѣ́иць — дѣлать.
Уци́нь — предѣлъ, граница.
Уци́рѣ́ишкъ — полотенце.
Ха́лда — вѣтъ — *hadma* — на очень

Харѹм — хоругви.

Хѣнькацца — чваниться.

Хлопотникъ — полочка надъ домашними
жерновами.

Хомыльцъ — хромать.

Церезвой — трезвый.

Целепень — толстый.

Биць — бытъ.

Бздѣва — шалуныя.

Яблоки — кэртофель.

Язицца — общаться.

Язжичъ — вздорить.

Якидци — сообщаться, зватьсь, зна-
комиться.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

А. ЖИЛИЩА.

Каждый крестьянинъ имѣеть двѣ избы, изъ коихъ одна черная, необходимая для его рукодѣля, а другая бѣлая. У нѣкоторыхъ бываетъ одна черная изба, въ которой живутъ и лѣтомъ и зимою; другая-же изба служить вмѣсто чулана. Кроме-того, каждый крестьянинъ имѣеть : житницу, анбаръ стѣной, овинъ съ навѣсомъ и дворъ съ хлѣвами. Вся постройка покрывается ржанною соломою.

Убранство въ избѣ: кіота для иконъ; три или четыре окна, мѣрою не болѣе аршина, съ простыми косяками и рамами; столъ изъ досокъ; печь, въ черной избѣ — безъ трубы, а въ бѣлой — съ трубою; подлѣ устья печи, такъ-называемая суденка, необходимая для каждой стряпухи; въ переднемъ углу, противъ печи, домашніе жернова; подлѣ печи и двери, голбець; полати; лавки; полавочки надъ окнами; полочка надъ суденкою; грядка, или полочка, положенная на кичокъ и утвержденная въ переднюю стѣну.

Домашняя утварь: шайки, ушаты, лохани; рукомойникъ глиняный; деревянныя блюда, ложки, и солоница; ножи; горшки глиняные; кадки или квашни; свѣтець деревянный; чугуны; бочки для браги; чашки деревянныя, служащія вмѣсто блюдъ; ковши деревянные и жестяные; ставцы деревянные, служащіе вмѣсто ковшей; уполовники; плошки глиняныя; корчаги; кашнички; кринки; дойники; сковороды и сковородникъ; ступа; лотокъ; вочвы; сито; рѣшета; кубышка для постнаго масла; клюки деревянныя и желѣзныя; ухватъ; косарь; нѣсколько стеклянной посуды, какъ-то : штоты, полуштофы, бутылки, и т. п.

В. ОДЕЖДА.

Платье мужское. Зимнее обыкновенное: шуба овчинная, шапка теплая съ краковками, картузь теплый, длинный армякъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, штаны изъ тогоже сукна, тулупъ овчинный нагольщый, лапти лыковые и лыльные. Праздничное зимнее: картузь, платокъ александрійскій на шеѣ, тулупъ овчинный нагольщый или покрытый сукномъ, подѣвка суконная на овечьемъ мѣху, на которую надѣваютъ суконный армякъ, сапоги валеные, шаровары широкіе плисовые, жилетъ. Лѣтнее обыкновенное: рубашка холщевая или пестрядиной ткани, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти лыковые, картузь. Лѣтнее нарядное: картузь, рубашка бумажная и полубумажная краснаго цвѣта (у молодыхъ парней — александрійская), шаровары широкіе плисовые, сапоги кожаные съ длинными наморщенными голенищами, легкая суконная подѣвка съ наборчиками, сверхъ которой надѣвается суконный армякъ.

Платье женское. Зимнее обыкновенное: сарафанъ крашенинный, шуба овчинная нагольщная, лапти лыковые и лыльные, шубочка набойчатая. Зимнее нарядное: молодыя женщины и дѣвицы надѣваютъ платокъ, ситцевое платье, ситцевую шубочку, шубу суконную на зячьемъ мѣху; пожилыя — сарафанъ китайчатый, кумачницу, подѣвку суконную овчинную, сапоги валеные. Лѣтнее обыкновенное: платокъ набойчатый холщевый, повойникъ, сарафанъ крашенинный, шубочка набойчатая, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти. Лѣтнее нарядное: косынка алаго цвѣта, платье ситцевое, шубочка штофная, подѣвка суконная, башмаки, шубочка ситцевая, кумачница и сапоги кожаные.

В. ПИЩА.

Ежедневная скоромная: щи изъ сѣрой капусты, подбѣленные молокомъ, черныи хлѣбъ, блины овсяные, прѣсные пироги съ творогомъ, смету^ю де молоко, картофель вареный. Ежедневная и ой капусты, капуста

бѣлая съ квасомъ, картофель вареный, иногда и жареный въ постномъ льняномъ маслѣ, кашница изъ овсяной крупы и блины овсяные. Праздничная скоромная: щи съ мясомъ, пирогъ ржаной съ овсяной крупой, прѣсные пироги изъ ячной муки, называемые «житнухами», съ творогомъ и овсяною крупой, молоко прѣсное, картофель жареный въ салѣ, свиной жиръ съ овсянымъ блиномъ (это самый лакомый кусокъ), молочная овсяная каша, ячные оладьи. Праздничная постная: щи изъ бѣлой капусты, пирогъ ржаной съ овсяною крупой, блины овсяные, картофель жареный въ льняномъ маслѣ, соленая и вяленая рыба, больше судакъ и севрюжина, соковая каша.

Въ неурожайные годы, многіе, круглый годъ, питаются одними овсяными блинами.

ЗАНЯТІЯ.

Хлѣбопашество порядочно. Каждый однопольный крестьянинъ высѣваетъ двѣ четверти съ половиною ржи, пять четвертей овса, двѣ четверти ячменю, мѣру гороху, полторы мѣры льняного сѣмени и немного пшеницы.

Огородничествомъ занимаются только для домашняго продовольствія; садятъ картофель, лукъ, капусту, свеклу, рѣдьку, брюкву, и немного огурцовъ, моркови и рѣпы.

Изъ скота однопольный крестьянинъ держитъ: одну лошадь, двухъ коровъ, трехъ овецъ и одну свинью.

Нѣкоторая часть крестьянъ, особенно въ зимнее время, живутъ въ городахъ, гдѣ наживаютъ достаточное количество денегъ для уплаты оброка и податей и для домашнихъ потребностей. Но больше всего народъ здѣшній промышляетъ отъ своей рукодѣльности, а именно: отъ искусной отдѣлки деревянной посуды, которая развозится потомъ въ ближнія торговыя села и города. Иные промышляютъ отъ маслобойныхъ заводовъ, мельницъ и толчей. Изъ деревянной посуды дѣлаютъ преимущественно: чаны, шайки, ушаты, лохани, кадки, кубы, бочки и ведра. Есть которые дѣлаютъ рѣшета. Многіе занимаются плотничествомъ, ковкою желѣза и столярною работою. Очень немногіе выдѣлываютъ овчины, красятъ холстъ и пряжу, шьютъ сапоги.

БЫТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Приходъ Станиловскій состоитъ изъ трехъ вотчинъ, изъ которыхъ одна, состоящая изъ 406 душъ мужескаго пола, находится во владѣніи Килзи А. Н. Волконскаго; другая, состоящая изъ 393 душъ мужескаго пола—во владѣніи Статскаго Советника В. П. Зубкова; третья, состоящая изъ 73 душъ мужескаго пола—во владѣніи Генеральши А. И. Извъковой. Крестьяне всѣ находятся на оброчномъ положеніи. Тягловыхъ изъ нихъ: въ первой вотчинѣ — 200, во второй — 210, въ третьей — 40; во всѣхъ же трехъ вотчинахъ—до 450 душъ. Съ оброчныхъ, съ очисткою государственныхъ повинностей, годовой расходъ крестьянина, во всѣхъ трехъ вотчинахъ, можно положить отъ 145 до 155 р. асс.; въ томъ числѣ: на необходимыя прожитки (какъ-то: соль, деготь и т. п.) — 40 р., да на праздничное угощеніе (главнѣйше на водку) — около 20 р. асс. въ годъ.

Чины Сельскаго Управленія, по здѣшнему порядку, суть слѣдующіе: а) Бурмистръ: въ это званіе, съ дозволенія Господина, выбирается, всѣмъ міромъ, крестьянинъ честнаго поведенія, предпочтительно грамотный, смѣтливый, разсудительный, во всѣхъ отношеніяхъ ловкій; должность его, по довѣренности Господина, управлять вотчиною. б) Земскій: это вотчинный писарь. в) Выборный: вотчинный казначей, должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы собирать денежные повинности съ крестьянъ и представлять потомъ съ отчетомъ Бурмистру (онъ, только въ первой изъ сказанныхъ вотчинъ, выбирается). г) Старшины: выбираютъ въ каждой деревнѣ, всѣмъ міромъ, и начальствуютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живутъ; на сходкѣ имѣютъ предпочтительное право подавать голосъ. д) Десятскіе: выбираютъ тоже въ каждой деревнѣ; должность ихъ созывать крестьянъ, по приказу Бурмистра, на сходку; также отводить квартиры пріѣзжающимъ по должности Чиновникамъ. е) Городовой Десятскій или Пятидесятскій: избирается для того, чтобы, въ отсутствіи или за болѣзнью настоящаго Соцкаго, занимать его должность.

Для мірскихъ сходокъ, сдѣланы особенные дома, называемые Судными или Конторами. Сходка бываетъ очень рѣдко,

Калыц — ударять шаромъ въ палку
(при игрѣ).

Карбанацка — лѣзть на что-нибудь.

Каранѣцкѣ — маленькій ростомъ.

Карачицѣ — характеръ.

Кѣл — вълокся.

Кицѣкѣ — два столбика, на которыхъ
утверждается голбецъ въ избахъ.

Клѣишицѣ — неумѣренно пить.

Клѣпашокѣ — пуговица.

Клѣпина — молодое дерево способное
спустяся.

Колѣцкѣ — небольшой ковшичекъ.

Кнѣжица — силантись.

Кожѣлица — черезъ силу поднимать
что-нибудь.

Корѣга — трудолюбивый земледѣлецъ.

Корѣнцѣ — трудантись до поту лица
въ земледѣлчествѣ.

Корѣнцѣ дзеревѣ — ломать, выдер-
гивать деревья изъ корня.

Крѣхоткѣ — крошка.

Кстѣцѣ — кстѣти.

Кстици — креститься.

Кувѣдѣцѣ — бросать палку такъ, что-
бы она обоими концами скакала
по землѣ (въ игрѣ).

Кѣксѣца — хлопотать, стонать.

Кула-а — простокваша, или солодь
ржаной, смѣшанной съ ржаного
мукою и сваренной въ печѣ.

Кулкицѣ — мотать, паясничать, ку-
тить.

Кѣсѣ — кусъ.

Кѣшѣцѣ — кушать.

Лѣва — тучный, толстой.

Лѣгѣнѣ — бочка изъ-подъ дѣтлю.

Лѣза — коварный человекъ, имѣющій
способность выманивать у кого-ни-
будь что-нибудь.

Лѣжень, лѣнь — валить.

Обикѣнѣнѣ — опрятный.

Лѣтуцкѣ трапѣ — крылатый муравей.

Лѣпѣцѣ — неумѣренно пить и ѣсть.

Лѣпѣцѣ — оспа.

Лѣпѣнѣцѣ — бѣдно одѣтый.

Лѣзѣдѣ — вздорный человекъ.

Лѣдѣ и *лѣдѣишѣ* — человекъ часто
болящій.

Лѣдѣцѣ — чахнута.

Лѣзѣцѣ — взлорить, ссориться.

Мѣло мѣльски, мѣленски — лишь бы
только.

Мѣчкѣ старѣнѣкѣ — бабушка.

Марѣи — Марко.

Мѣмедкѣ — медленіе.

Мѣмедѣ — медленіе.

Мѣмедѣцѣ — медлить.

Мѣжѣцѣ — прищипываться.

Мѣцѣ — дорогое.

Мѣцѣ — бабонка.

Мѣцѣ — пить медленіе.

Мѣцѣ — сосать.

Мѣцѣ — жевать жвачку.

Мѣцѣ — переполнять.

Мѣцѣ — наугадъ, наугадъ.

Мѣцѣ — яблѣнникъ.

Мѣцѣ — неоступный.

Мѣцѣ — предъ сномъ.

Мѣцѣ — наморщивъ лобъ.

Мѣцѣ — намѣряться.

Мѣцѣ — наговорить, клеветать.

Мѣцѣ, мѣцѣ — безстыдный, без-
совѣстный.

Мѣцѣ — правъ.

Мѣцѣ — свидѣмо.

Мѣцѣ — рекрутъ.

Мѣцѣ — чуждающійся, собраній.

Мѣцѣ — молчать.

Мѣцѣ — не только.

Мѣцѣ — ночь.

*Ну, добродѣ! Ну инѣ, когда инѣ, спасѣ-
бо!* такъ благодарять за подарокъ.

Обѣцѣ — всякаго рода сѣмена: рожь,
овесъ, ячмень и т. п.

Обѣцѣ — сани простыя.

Обѣцѣ — Аверкій.

Обѣцѣ — опозорить.

Обѣцѣ — дроги, на коихъ возятъ сво-
и съ полѣй въ лѣтнее время.

- Озляці* — озлбуть.
Окѣлюваць — обманывать.
Осидѣнниця — раздражиться, разгаться.
Осидѣнниця — остановиться, притти въ смятеніе.
Оспожинка — Успенскій-Постъ.
Острѣмокъ — небольшой возъ сѣна.
Оспрозъ — пространство землѣ, на которомъ растеть строевой лѣсъ.
Отпориць — выжить, выхолить, откормить.
Охробѣць — плеветъ.
Пелѣдѣць — кормить хорошо.
Перебурѣть — переполнить.
Пѣгорной — маленькій.
По-глазми — по-глазамъ.
Подземѣщенекъ — низкій ростомъ.
Побирѣй — бери, купиай: такъ подчуютъ гостя за столомъ.
Попрошій — нищій.
Поотхробѣць — пораставать.
Поотхлѣнѣць — сдѣлаться полетче.
Порѣдѣтки нѣмѣу — право вѣть.
Поцѣсь, поцки — почти.
Прѣскѣй — настоящій, подлинный.
Прѣховѣць — истинать, пропадать.
Прѣпоркѣ — припѣть и припорно.
Прилѣцѣць — прѣхати, притти.
Прѣшѣщенѣць — припорить.
Протрѣщиць — издержать, истратить.
Простѣй — глупый.
Прѣшнѣй — лѣнкій.
Пузырѣць — ругать, позорить, безчестить.
Пѣвѣць — пѣтухъ.
Раскорѣбина — кривое дерево.
Распѣсна *пѣрѣвѣ* — земляной муравей.
Робѣ — товарищи.
Рѣбѣтко — дѣтѣтко.
Рѣка отсѣць — руку отсѣчь.
Рѣнѣшкѣ — черпенькій.
Самѣдѣшница — свѣдѣць, толпа ша-луновъ.
Сѣтѣць — свѣтѣть.
Сѣтѣць — цвѣтокъ.
Сѣдѣць — приготовить.
Сѣнѣць — чуланъ.
Сѣредѣ — часть избы, которая находится противъ печи.
Скѣдѣць — скупецъ.
Скѣдѣць — полный, цѣлый.
Скорѣць — торопѣть.
Слѣбѣда — слѣбѣда. *Слѣбѣдно* — свободно.
Смѣсѣць обѣдь — приготовить обѣдь.
Совѣдѣница — совѣтоватѣль.
Солѣдѣй — жадный.
Сѣнаць — хватѣть съ порывомъ, торопѣть что-нибудь дѣлѣть. *Сѣнаць* — торопѣть.
Сѣма — сумма.
Сѣнно — судно.
Сѣукаѣць — муравей.
Сѣзмѣла — съ мамѣлѣства.
Сѣтѣць — сочѣнь.
Сѣцѣ — такъ называютъ скамеечку, на которой маленькіе ребята обѣ маслѣнѣ катѣются.
Сѣуно — вкусно.
Тѣдѣнѣць — твердѣть.
Тѣрѣнѣць — большую тяжесть нести.
Тѣрѣнѣница — очень тихо, медленно ѣхать и итти.
Тѣскѣй — бери, купиай: такъ угощаютъ гостя за столомъ.
Тѣрѣнѣць — тараканъ.
Тѣрѣнѣница — торопѣться.
Тѣрѣнѣца — говорунъ.
Тѣрѣнѣць — худѣя одѣжда.
Тѣнѣць — огорождѣ.
Ужѣсѣць — множество.
Удѣрѣжѣць — разбивѣть.
Унѣтовѣць — обѣдѣнѣть.
Усѣдѣць — дѣлѣть.
Уцѣнь — предѣль, границѣ.
Уцѣрѣнѣць — полотенецѣ.
Хѣдѣ — свѣжда. *Хѣдѣць* — не очень учѣнь.

Хару́м — хоругви.

Хёнькаица — чванягся.

Хлопопичикъ — полочка надъ домашнимъ
жерновомъ.

Хомыляцъ — хромать.

Церёзвой — трезвый.

Целепень — толстый.

Бицъ — бытъ.

Бэдъа — шалуныя.

Ябюки — кэртофель.

Язица — общаться.

Язжичъ — взорить.

Якидица — сообщаться, зватьсь, зна-
комиться.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

А. ЖИЛИЩА.

Каждый крестьянинъ имѣтъ двѣ избы, изъ коихъ одна черная, необходимая для его рукодѣля, а другая бѣлая. У нѣкоторыхъ бываетъ одна черная изба, въ которой живутъ и лѣтомъ и зимою; другая-же изба служить вмѣсто чулана. Кроме-того, каждый крестьянинъ имѣтъ: житницу, анбаръ стѣнной, овинъ съ навѣсомъ и дворъ съ хлѣвами. Вся постройка покрывается ржанною соломою.

Убранство въ избѣ: кіота для иконъ; три или четыре окна, мѣрою не болѣе аршина, съ простыми косяками и рамами; столъ изъ досокъ; печь, въ черной избѣ — безъ трубы, а въ бѣлой — съ трубою; подлѣ устья печи, такъ-называемая суденка, необходимая для каждой стрлпухи; въ переднемъ углу, противъ печи, домашніе жернова; подлѣ печи и двери, голбецъ; полати; лавки; полавочники надъ окнами; полочка надъ суденкою; грядка, или полочка, положенная на кичокъ и утвержденная въ переднюю стѣну.

Домашняя утварь: шайки, ушаты, лохани; рукомойникъ глиняный; деревянныя блюда, ложки, и солоница; ножи; горшки глиняные; кадки или квашни; свѣтецъ деревянный; чугуны; бочки для браги; чашки деревянныя, служащія вмѣсто блюдъ; ковши деревянные и жестяные; ставцы деревянные, служащіе вмѣсто ковшей; уполовники; плоски глиняныя; корчаги; кашнички; кринки; дойники; сковороды и сковородникъ; ступа; лотокъ; ночвы; сито; рѣшета; кубышка для постнаго масла; клюки деревянныя и желѣзныя; ухватъ; косарь; нѣсколько стеклянной посуды, какъ-то: штоты, полуштофы, бутылки, и т. п.

Б. ОДЕЖДА.

Платье мужское. Зимнее обыкновенное: шуба овчинная, шапка теплая съ кряковками, картузь теплый, длинный армякъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, штаны изъ тогоже сукна, тулупъ овчинный нагольный, лапти лыковые и лыяные. Праздничное зимнее: картузь, платокъ александрійскій на шеѣ, тулупъ овчинный нагольный или покрытый сукномъ, подѣвка суконная на овечьемъ мѣху, на которую надѣваютъ суконный армякъ, сапоги валеные, шаровары широкіе плисовые, жилетъ. Лѣтнее обыкновенное: рубашка холщевая или пестрядиной ткаши, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти лыковые, картузь. Лѣтнее нарядное: картузь, рубашка бумажная и полубумажная краснаго цвѣта (у молодыхъ парней — александрійская), шаровары широкіе плисовые, сапоги кожаные съ длинными наморщенными голенищами, легкая суконная подѣвка съ наборчиками, сверхъ которой надѣвается суконный армякъ.

Платье женское. Зимнее обыкновенное: сарафанъ крапешинный, шуба овчинная нагольная, лапти лыковые и лыяные, шубочка набойчатая. Зимнее нарядное: молодая женщины и дѣвицы надѣваютъ платокъ, ситцевое платье, ситцевую шубочку, шубу суконную на заячьемъ мѣху; пожилыя — сарафанъ китайчатый, кумачницу, подѣвку суконную овчинную, сапоги валеные. Лѣтнее обыкновенное: платокъ набойчатый холщевый, повойникъ, сарафанъ крапешинный, шубочка набойчатая, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти. Лѣтнее нарядное: косынка алаго цвѣта, платье ситцевое, шубочка штофовая, подѣвка суконная, башмаки, шубочка ситцевая, кумачница и сапоги кожаные.

В. ПИЩА.

Ежедневная скоромная: щи изъ сѣрой капусты, подбѣленные молокомъ, черный хлѣбъ, блины овсяные, прѣсные пироги съ творогомъ, смету чолоко, картофель вареный. Ежедневная капуста, капуста

бѣлая съ квасомъ, картофель вареный, иногда и жареный въ постномъ льняномъ маслѣ, кашница изъ овсяной крупы и блины овсяные. Праздничная скоромная: щи съ мясомъ, пирогъ ржаной съ овсяной крупой, прѣсные пироги изъ ячной муки, называемые «житнухами», съ творогомъ и овсяною крупой, молоко прѣсное, картофель жареный въ салѣ, свиной жиръ съ овсянымъ блиномъ (это самый лакомый кусокъ), молочная овсяная каша, ячные оладьи. Праздничная постная: щи изъ бѣлой капусты, пирогъ ржаной съ овсяною крупой, блины овсяные, картофель жареный въ льняномъ маслѣ, соленая и вяленая рыба, больше судакъ и севрюжина, соковая каша.

Въ неурожайные годы, многіе, круглый годъ, питаются одними овсяными блинами.

ЗАНЯТІЯ.

Хлѣбопашество порядочно. Каждый однопольный крестьянинъ высѣваетъ двѣ четверти съ половиною ржи, пять четвертей овса, двѣ четверти ячменю, мѣру гороху, полторы мѣры льняного сѣмени и немного пшеницы.

Огородничествомъ занимаются только для домашняго продовольствія; садятъ картофель, лукъ, капусту, свеклу, рѣдьку, брюкву, и немного огурцовъ, моркови и рѣпы.

Изъ скота однопольный крестьянинъ держитъ: одну лошадь, двухъ коровъ, трехъ овецъ и одну свинью.

Нѣкоторая часть крестьянъ, особенно въ зимнее время, живутъ въ городахъ, гдѣ наживаютъ достаточное количество денегъ для уплаты оброка и податей и для домашнихъ потребностей. Но больше всего народъ здѣшній промышляетъ отъ своей рукодѣльности, а именно: отъ искусной отдѣлки деревянной посуды, которая развозится потомъ въ ближнія торговыя села и города. Иные промышляютъ отъ маслобойныхъ заводовъ, мельницъ и толчей. Изъ деревянной посуды дѣлаютъ преимущественно: чаны, шайки, ушаты, лохани, кадки, кубы, бочки и ведра. Есть которые дѣлаютъ рѣшета. Многіе занимаются плотничествомъ, ковкою желѣза и столярною работою. Очень немногіе выдѣлываютъ овчины, красятъ холстъ и пряжу, шьютъ сапоги.

БЫТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Приходъ Станіловскій состоитъ изъ трехъ вотчинъ, изъ которыхъ одна, состоящая изъ 406 душъ мужескаго пола, находится во владѣніи Килзя А. Н. Волконскаго; другая, состоящая изъ 393 душъ мужескаго пола—во владѣніи Статскаго Советника В. П. Зубкова; третья, состоящая изъ 73 душъ мужескаго пола—во владѣніи Генералши А. И. Извъковой. Крестьяне всѣ находятся на оброчномъ положеніи. Тягловыхъ изъ нихъ: въ первой вотчинѣ — 200, во второй — 210, въ третьей — 40; во всѣхъ же трехъ вотчинахъ—до 450 душъ. Съ оброчныхъ съ очисткою государственныхъ повинностей, годовой расходъ крестьянина, во всѣхъ трехъ вотчинахъ, можно положить отъ 145 до 155 р. асс.; въ томъ числѣ: на необходимыя прожитки (какъ-то: соль, деготь и т. п.)— 40 р., да на праздничное угощеніе (главнѣйше на водку) — около 20 р. асс. въ годъ.

Чины Сельскаго Управленія, по здѣшнему порядку, суть слѣдующіе: а) Бурмистръ: въ это званіе, съ дозволенія Господина, выбирается, всѣмъ міромъ, крестьянинъ честнаго поведенія, предпочтительно грамотный, смѣтливый, разсудительный, во всѣхъ отношеніяхъ ловкій; должность его, по довѣренности Господина, управлять вотчиною. б) Земскій: это вотчинный писарь. в) Выборный: вотчинный казначей, должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы собирать денежныя повинности съ крестьянъ и представлять потомъ съ отчетомъ Бурмистру (онъ, только въ первой изъ сказанныхъ вотчинъ, выбирается). г) Старшины: выбираютъ въ каждой деревнѣ, всѣмъ міромъ, и начальствуютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живутъ; на сходкѣ имѣютъ предпочтительное право подавать голосъ. д) Десятскіе: выбираютъ тоже въ каждой деревнѣ; должность ихъ созывать крестьянъ, по приказу Бурмистра, на сходку; также отводить квартиры пріѣзжающимъ по должности Чинovníкамъ. е) Городовой Десятскій или Пятидесятскій: избирается для того, чтобы, въ отсутствіи или за болѣзнью настоящаго Соцкаго, занимать его должность.

Для мірскихъ сходокъ, сдѣланы особенные дома, называемые Судными или Конторами. Сходка бываетъ очень рѣдко,

въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Когда необходимо нужно быть сходкѣ, Бурмистръ приказываетъ Десятскому созвать находящихся подъ вѣдомствомъ его крестьянъ той деревни, гдѣ онъ самъ живетъ, а Десятскимъ другихъ одновотчинныхъ деревень объявить приказъ, когда собираться на сходку и по какому случаю сходка назначена: такимъ образомъ всѣ крестьяне, согласно приказу Бурмистра, собираются безпрекословно въ надлежащее время. На сходкѣ, первое мѣсто занимаетъ Бурмистръ; подлѣ него садятся Выборный и Старшины по старшинству, а за ними прочіе почетные крестьяне. Разсужденіе бываетъ: о землѣ, сколько слѣдуетъ наложить для обработки на тѣхъ или другихъ крестьянъ, и сколько съ кого сложить; объ лѣсѣ, сколько кому слѣдуетъ внести денегъ за пользованіе лѣсомъ, и сколько дозволяется его срубить; о выборѣ крестьянъ въ должности по вотчинѣ; о денежныхъ сборахъ, оброкѣ и недоимкахъ по оброку; объ рекрутской очереди; о провинившихся въ чемъ-либо крестьянахъ; и т. п. Рѣшенія постановляются не иначе, какъ съ согласія всѣхъ присутствующихъ на сходкѣ, а потомъ препровождаются на разсмотрѣніе и утвержденіе Господина.

Выборъ крестьянъ въ должности по вотчинѣ бываетъ ежегодно. Если прежнія лица проходили свои должности хорошо, то ихъ оставляютъ еще на годъ; впрочемъ не иначе какъ съ ихъ на то согласія. Въ случаѣ же небрежнаго прохожденія должностей, состоявшіе въ нихъ отрѣшаются, и на мѣсто ихъ выбираются міромъ другіе благонадежные изъ крестьянъ. Выборъ или отрѣшеніе Бурмистра зависитъ предпочтительно отъ самихъ Господъ.

Земля и оброкъ распределяются такъ, что всякой молодой парень, пришедшій въ 16-лѣтній возрастъ, долженъ обработать земли на четверть тягла, и платить четверть оброка; 17-лѣтній получаетъ земли на полтягла, и обязывается платить половину оброка; 18-лѣтній вступаетъ въ полное тягло, и платить полный оброкъ.

Сборъ оброка бываетъ два раза въ годъ: одна половина уплачивается до 29 іюня, другая — до 1 января. За крестьянъ, недоплатившихъ оброкъ, вносятся общественныя деньги, которыя недоимщики обязываются въ послѣдствіи вре-

мѣни выплачивать исподоволь и посрочно въ Общество. Особенные денежные сборы бываютъ очень рѣдко, въ самыхъ только необходимыхъ нуждахъ по Обществу.

Рекрутская очередь ведется строго соблюдаемымъ порядкомъ. Семейство, изъ котораго уже кто-нибудь поступилъ въ военную службу, освобождается отъ рекрутства. Одинокіе, не имѣющіе сыновей или имѣющіе одного лишь сына, обязаны вносить денежный повытокъ за полрекрута.

По мірскому приговору присуждаются къ тѣлесному наказанію: за грубость и неповиновеніе Вотчинному Начальству, также за ссору и драку, пьянство, лѣность и другія подобныя вины. Въ вотчинѣ Князя Волконскаго положенъ за вины денежный штрафъ, простирающійся до 5 р. сер.: сумма, которая изъ того составляется, хранится въ Вотчинной Конторѣ для непредвидѣнныхъ надобностей.

МѢСТНЫЕ ОБЫЧАИ.

А. ПРИ БРАКАХЪ.

Приступая къ описанію обыкновеній, существующихъ между прихожанами села Станилова во время браковъ, прежде всего за нужное почитаю ознакомить съ тѣми «чиновными лицами», которыя на сей случай предварительно выбираются, со стороны жениха и невесты, изъ ближайшихъ ихъ родственниковъ, съ показаніемъ какая каждому изъ нихъ назначается должность при брачныхъ обрядахъ.

Со стороны жениха выбираются: а) Сватъ: онъ посылается жениховымъ отцемъ, не безъ согласія и самаго жениха, сватать выбранную по любви невесту. б) Тысяцкій: должность его состоитъ въ томъ, чтобы, предъ совершеніемъ брака, ввести жениха и невесту въ храмъ, поставить тамъ на извѣстное мѣсто и, во все продолженіе танцства, стоять по правую сторону жениха, а потомъ представить новобрачныхъ въ мѣсто брачнаго пиршества; тысяцкимъ называется онъ потому, что ему дается право управлять всѣмъ потѣздомъ. в) Дружка: онъ наканунѣ брака ѣздитъ отъ жениха къ невестѣ съ

подаркомъ, а по совершеніи таинства брака, при брачномъ пиршествѣ, бываетъ распорядителемъ всего, что готовится для брачнаго стола. г) Полудружье: помощникъ дружки. д) Прибесѣдный и Прибесѣдная: это крестные отецъ и мать жениха; оба они въ потѣзду не бываютъ, а только, во время брачнаго пиршества, болѣе прочихъ гостей наслаждаются яствами и напитками, какія готовятся для стола. е) Бояре: одинъ изъ нихъ называется главнымъ или большимъ, а всѣ прочіе, хотя бы ихъ было до двадцати и болѣе, называются меньшими; число ихъ назначается отцемъ жениха, смотря по кошельку; обязаны: быть въ брачномъ потѣзду, а, послѣ брака, при столѣ брачномъ. ж) Сваха: во время вѣнца всегда стоитъ позади жениха, а послѣ, за столомъ брачнымъ, сидитъ возлѣ него. з) Подвезиха: это кучеръ жениховъ, который обязывается свезти его къ вѣнцу и послѣ представить обратно домой.

Съ невѣстиной стороны бываютъ: а) Такъ-называемые коробейщики: они обязываются, тотчасъ по совершеніи таинства брака, при началіи брачнаго пиршества, представить всѣ дары, назначенные невѣстинымъ отцемъ жениху. б) Сваха: она, во время совершенія таинства брака, стоитъ позади невѣсты, а послѣ, во время пиршества, сидитъ подлѣ ней.

Теперь представлю подробно всѣ брачныя обряды въ ихъ постепенности.

СВАТОВСТВО.

Выбранный отъ женихова семейства свать, какъ должностный и притомъ главный чиновный человекъ, сумеречками, тайкомъ, пробирается въ деревню, гдѣ давнымъ-давно запримѣчена дѣвушка-суженая, по-любви жениху. Не бѣжить, а летитъ онъ стрѣлой къ мѣсту своего назначенія; и чего не придумаетъ, идучи потаенною дорогою: какъ и чѣмъ начать разговоръ, какъ позавлекательнѣе поговорить? и т. д. Вотъ подходитъ онъ къ дому, гдѣ живетъ заветный предметъ его посольства; вступаетъ тихимъ шагомъ на крыльцо; сто разъ отряхнется, причешется, пригладится; наконецъ идетъ къ двери избы, робко берется за скобку, открываетъ

дверь, манежно входитъ въ избу, молится Богу, и воздастъ, направо и налѣво, низкіе поклоны. Затѣмъ начинается разговоръ, который передается здѣсь буквально на мѣстномъ нарѣчій:

Сватъ. *Здорѣво-цѣ мои роннѣйо! Здорѣво-цѣ золотѣйо мои! — (Обращаясь къ невѣстину отцу): Здорѣво, задушєвнѣй мой прѣцєлишиш!* —

Отецъ. *А зацѣмъ вѣше прихожєство къ нашему убожєству? Зацѣмъ къ намъ пожалокали твоѣ милосцѣ?*

Сватъ. *Нишиу', пѣнт-ли гдѣ полѣцѣе лю-со ярсикѣ, лю-бо целѣшєцѣи на свой дворъ. Нѣтъ ли у цѣя, брацѣяша, євтакой для плємени? — Я слышалъ онодысь, шѣд у цѣя єсци євтакая пригѣд — жєя, рогхорѣ — шєя, да и продажєня єшиш — дакъ я къ цѣю по слухамъ-цѣ и заірѣлъ. Слугомъ єсмѣя полѣщѣя, братєчъ! ... (Тутъ отецъ невѣстинъ догадывается къ чему клонится дѣло, а сватъ продолжаетъ): Ну шѣд, голѣщѣкѣ мои, єсци шѣмѣи у цѣя?*

Отецъ. *Єсцѣ, дружєцѣкѣ, єсцѣ. Да самому нужна мѣпъ: кѣцѣя, не лишєня јѣна.*

Сватъ. *О родзи - мојѣ мојѣ! Ништо, вѣшъ, цѣп нєхѣцѣя єъ нєй расѣпѣщѣя. Пємєрекай кѣ хорошєчѣкѣ, да и по рукамъ скорѣјѣ: дзєнѣжѣнѣцѣи сєйцѣсѣ єжє на руцѣку! Нєцѣво мѣпѣкацѣ, покѣдѣ не јѣши годѣцѣи у нєјѣ; толѣда и радѣ бѣ пробѣцѣ, да јѣжѣ позѣдѣ јѣдѣтѣ. Спѣсѣя лѣпѣо по малѣцѣу єъ лѣсѣ не хѣдѣтѣ нѣкогда: слышалъ ли ты, мојѣ родзи-мѣјѣ, євѣу пословѣцѣу Рассєйскѣу? Мєрѣкай-кѣ! ...*

И, какъ мелкѣй бѣсѣ, всѣчески увѣвается онѣ вокругъ отца невѣсты, изливаетъ все свое краснѣрѣчѣе, расхваливаетъ предлагаємаго жєнѣхѣ на чємъ свѣтъ стоитѣ; а междутѣмъ и самъ искусно навѣдѣвается, сколько отецъ думаетъ взять «вывѣда» за невѣсту. Нѣдо сказать, что междѣ прихожѣнами сєла Стѣнилова издрєвлє сѣществѣуетъ обѣкновенѣє платѣть жєнѣхѣу за невѣсту такѣ-назѣваемѣй «вывѣдѣ», количество котораго назначаетъ отецъ невѣстинъ, смотря по достатку жєнѣхова отца; иныє платѣтъ такимѣ-образѣмъ 20, 30, 40 р. асс. и болѣе: єтѣи дєнѣги отецъ невѣстинъ получаетъ на другѣй дєнѣ послѣ свѣатовѣства, и на нѣхъ до брака собѣраетъ нѣрѣ для будѣущєй сѣвоей родѣни.

Удѣствѣряєсь о жєнѣхѣ, что онѣ чєловѣкѣ очєнѣ порядѣчѣнѣй, къ домѣшнѣмъ сѣмействєннѣмъ занѣтѣямъ способ-

ный и трудолюбивый, отецъ соглашается выдать дочь и тутъже назначаетъ количество вывода; а свать, если видить, что выводъ неотяготителенъ для женихова отца и для жениха, встаетъ съ лавки, даетъ руку невѣстину отцу въ знакъ согласія, прощается съ нимъ, и уходитъ. въ тотъже вечеръ въ домъ женихова отца, для увѣдомленія о благополучномъ успѣхѣ сватовства.

БОГОМОЛЬЕ.

На другой день послѣ сватовства, ветеркомъ, приходитъ въ домъ отца невѣсты тотъже свать, и съ нимъ жениховъ отецъ, съ виномъ и выводомъ за невѣсту. Тутъ происходитъ такъ - называемое «богомолье». Усердно помолясь Богу, будущая родня садится за столъ. Отецъ жениховъ угощаетъ принесеннымъ съ собою виномъ невѣстину семью, а также и всѣхъ ея сосѣдей и сосѣдокъ, приходящихъ въ это время нарочно въ домъ отца невѣстина; потомъ отдаетъ условленный выводъ, и, посидѣвъ довольное время, возвращается, вмѣстѣ съ сватомъ, домой.

По уходѣ ихъ изъ избы, невѣста, узнавъ, что ее помолвили выдать въ замужество, вбѣгаетъ съ горькими слезами въ избу, бросается опрومتью въ объятія отца и матери, и начинаетъ причитать имъ на распѣвъ:

Осуларь ты мой бацюшко!
Осудареня моя матушка!
Задавала за свои руки бѣлыя —
во цу—жп лю—дзі!
Запоручили мою бѣйну голову,
За поручице взяли за крякѣю —
вѣковъ—шны — жо.
Зпаць я все дзѣло-то придзѣла,
Всю работунку-ту приработала!
П'оложили на мня пѣць безъ милосці!
Безъ милосці — безъ жалыенца —
Безъ великова радзѣленца.
Ужъ какова-то пора!
Ужъ какова-то вѣснѣ!
Забъжить мнѣ безсцасцѣ великос,
Вперсази мѣч — во пужу людзи.
На когд мнѣ будзетъ класць судзі Богъ?
Ужъ на ця ли мой, кормилецъ бацюшко,

Ужъ-ли на цѣя ли, родима матушка?
Ужъ на своѣ-то ли безцѣсцѣ великоѣ?

Въ это время всѣ подружки невесты собираются въ домъ
ея отца. Невѣста встрѣчаетъ ихъ слѣдующимъ причетомъ:

Голубушки милыѣ, подруженьки мои!
Ужъ любезныѣ мои, советныѣ!
Не повѣшпуй-ко-цѣ на мнѣ горюшѣ горькою,
Што я васъ не повѣсцѣла и не встрѣцѣла.
Не по старому я живу, не по прежнему:
Подогнулѣся у мнѣ скоры ноги,
Опустилѣся былы руки,
Свалилѣся съ плѣцъ головушка,
Подорвало мое рецѣи сердце.
Ужъ голубушки, милыѣ подруженьки!
Отгулѣла я съ вамъ, отпрохлѣдѣла,
По полямъ-це по цытѣмъ,
По лугамъ-це зеленѣмъ,
По травамъ-це по шелковѣмъ;
Отпѣла я съ вамъ пѣсни веселыѣ.
Што возмѣтко-цѣ съ мнѣ дѣвѣю красоту,
Што возмѣтко-цѣ се на былы руки,
Ужъ возмѣтко-цѣ ее бережѣшь-цѣ да цеснѣхонѣцѣ,
Ужъ поди-цѣ вы гуля-цѣ во зелены-це луга!
Стѣпи-цѣ завива-цѣ золоты вѣнки —
Вы завѣй-ко-цѣ за мнѣ вѣнокъ,
Принесѣйтѣ-цѣ къ моему-то бацюнкѣ,
И къ моему-то родимому матушкѣ:
Ужъ не завянетъ-ли мой зеленой вѣнокъ,
Ужъ не погивѣтъ-ли моя-та повинна голова,
Во цужѣмъ-це лѣдѣмъ живу-цѣ? —

Этотъ самый причетъ повторяетъ невеста, и послѣ-того,
каждый день вечеромъ; потому-что подружки, каждый день, ве-
черомъ, навѣщаютъ ее до самаго дѣвичника.

дѣвичникъ.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ вечеромъ на ка-
нунъ свадьбы, сзываются всѣ подружки той деревни, въ кото-
рой невеста имѣетъ жительство. Нарядясь, какъ можно лучше,
онѣ собираются въ одно какое-нибудь мѣсто, и, составивъ хо-
роводъ, идутъ тихими стопами къ дому, гдѣ живетъ ихъ сто-

воренная подруга, съ самымъ томнымъ пѣніемъ. Приэтомъ каждая изъ нихъ несетъ подъ мышкой изготовленный предварительно ржаной пирогъ въ подарокъ невѣстѣ; а впереди всѣхъ идетъ одна изъ дѣвушекъ съ искусно убранною, разукрашенною цвѣтами и лентами, елкою, которая называется «дѣвьею красотою». Подойдя къ дому, онѣ становятся подлѣ крыльца, и до тѣхъ-поръ не входятъ въ избу, доколѣ отецъ или мать невѣсты не позоветъ ихъ; а между-тѣмъ продолжаютъ пѣть пѣсни. Вотъ, чрезъ нѣсколько минутъ, является на крыльцѣ отецъ или мать невѣсты, ласково привѣтствуетъ ихъ, и приглашаетъ навѣстить неутѣшно плачущую подругу. Лишь только дѣвицы переступятъ черезъ порогъ избы, какъ невѣста затягивается, какъ говорится — благимъ матомъ, изложенный выше горемычный причетъ: подруги, слушая, плачутъ, и, наплакавшись до-сыта, каждая отдаетъ свой пирогъ сговоренкѣ. Послѣ того спрашиваютъ онѣ невѣсту:

Голубушка былая, полюбовная!
Што ты рзпо вонъ выпархиваешь?

та отвѣчаетъ имъ:

Не сама я вонъ вылѣтываю,
Не сама я вонъ выпархиваю;
Отдзетъ миня бацюшко,
Соряжаетъ миня родзима матушка,
 во цужіе-це людзѣ,
За цужово-то ли цужанина! —
Ужъ ты, свѣтъ, руса коса!
Ужъ ты, свѣтъ, моя буйная головушка!
Разобыють мою головушку вѣрозна,
 на шесць прядзѣй;
Ззплетуть мою косыньку на двѣ когы;
Обовыють мою косыньку кругъ головы,
 кругъ маковки;
Надзѣвуть на мою головушку бабью красу:
А бабья-то краса — шлыкъ волосникъ! —

Если невѣста не имѣетъ въ живыхъ матери, то она обращается потомъ къ отцу съ слѣдующимъ причетомъ:

Осударь ты мой баццшко!
Погодзятко ты, помѣшкай-ко,

Хощь малой и едзиной цась,
Хощь малую-ту мину'тую . . .

и въ слѣдъ затѣмъ причитаеть брату:

Осударь ты мой, милой братъ!
Послушай ты моего глупова разуму,
Глупово моево, неразумново,
Што я цѣѣ скажу сирота горькая:
Выйди-ко ты во цыстѣ полѣ,
Огляди-тко ты всю сторонушку,
отъ востоку до запада;
Погляди-тко ты въ востопную сторовушку:
Не врсѣть ли красною солнышкѣ,
Ужъ не йдетъ ли ваша родзима матушка?
Ужъ скажи-тко ты сиротѣ горькею:
И выпли-бы мы во цыстѣ полѣ,
Стали-бы мы при пуди при дорожнѣ,
Увидѣли-бы мы свою родзиму матушку,
Взяли-бы мы ее подъ бѣлы руки,
Ввели-бы мы ее въ домъ родзипельскѣй,
Посадили-бы за столы-це за дубовыѣ,
за скацерци-це за браныѣ,
Становили-бы мы явству сахарную,
пицѣ-то бы медзипово,
пѣва-то бы пѣяново;
Спросили бы мы сироты горькѣ
Про евто жицѣѣ про вѣпноѣ,
безковешноѣ;
Росказали бы мы про свое жицѣѣ,
про сироткоѣ,
Про своѣ жицѣѣ сироткоѣ,
горемышнѣѣ:
Встаемъ мы съ утра-то равнымъ-равнѣ,
Не умываемся мы свѣждѣй водой,
Не уцираемся мы топкѣмъ полотномъ;
Умываемся мы горюцѣмъ слезамъ,
Уцираемся мы горемъ великѣмъ.
Выцери-ли матушка твоему речиву сердцу?
Не стоять у цѣя скорѣй ногѣ,
Не дзержица твоя буйная головушка! —

Тутъ отецъ беретъ ее за руку, и сажаетъ
ку, разостланную на лавкѣ. Подруги, же
на столъ елку, утверждая ее въ горщицѣ

ставять подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею. Послѣ того, всѣ садятся вокругъ стола, и поютъ разныя пѣсни всю ночь, почти до самаго разсвѣта. Невѣста отвѣчаетъ имъ :

Ужъ не пѣйко-цѣ вы пѣсни веселію!
Ужъ не круши-тко-цѣ мѣня горіху горькою!
Што не знаю горюща горькая,
Какъ расстаися съ дѣвѣей красотою
И съ своей-то волей вольною!
Што куды-то мнѣ дѣвѣю красоту дѣвѣецъ будзѣтъ :
Во дуга ли отпустиць — дакъ загуляецца ;
Во лѣса-це отпустиць — дакъ заблудзицца ;
Какъ въ рѣку-то бросиць — дакъ затоницца?—
Ужъ возмицѣ вы голубушки съ мѣня дѣвѣю красоту
И волюшко-ту вольною!
Отлучають ужъ мѣня отъ стада-то лебедзинова.
Привлцають ужъ мѣня ко стаду-то гусиному. . .

Кромѣ подругъ, на дѣвичникъ приглашаются и всѣ родственники невесты. При входѣ въ избу, родственныя женщины спрашиваютъ невесту, причитай :

Голубушки наша родзимая!
Што же ты насъ не встрѣчала, не привѣщала?
Знаць што не йдуть у ця скоры ногі,
Не поднимаюцца у ця бѣлы руки,
Не глядѣть у ця бѣлы аснѣжы.
Потупилися въ матушку сыру землю? . .
Спроси-тко ты насъ горькіефъ,
Какъ цѣъ жиць во цужіефъ людзѣхъ,
У цужом-то отца съ матерью :
Сукрѣпн свое речивѣ серцацѣ,
Крѣпце мамушка, крѣпце горюцова . . .
Ужъ такова пора, таково время!
Неудача твоя будзѣтъ великая.
Замужство твоё неудачно . . .
Выйди ты на чыстѣ поле,
Падзі-тко ты своей грудзью бвлюю
На маць-ту лѣ на сыру землю;
Возмоцн-ткѣ ты сыру землю,
Своемъ горючымъ слезамъ,
И раскажи про своё жицьё неудачно . .

Невеста отвѣчаетъ, протяжнымъ, унылымъ распѣвомъ :

Не раскѣлишица јона ужъ, не разговоршица,
 Во добры людзи не пропѣшица. . . .
 Суцѣрпѣть јона на своемъ сердцѣ,
 Процѣрпѣть јона на своей груди! . .
 Не выцѣрпѣ рецѣву сердцу,
 Выйди на Дунай рѣку:
 Ужъ плавають тутъ гуси-лебеди,
 Ужъ спрошу я горюша горькая,
 Ужъ спрошу я гусей-лебедзей:
 Каковъ вамъ гуси-лебеди,
 Каково вамъ плаваць супроти воды?
 Таково-то жиць въ цужіеѣ людзяхъ,
 Таково-то у пужово у цужанина,
 У цужово-то отца съ мѣцерию! . .
 Ужъ цужой-отъ отецъ съ мѣцерию
 Родились безъ жалѣньяца,
 Безъ великіѣ безъ милопи:
 Сувѣть-кручинѣ, безъ вѣтру, безъ вѣхорию,
 Псукуть лицѣ безъ краснаго сѣмѣшка,
 Зновѣть сердцѣ безъ морозу лютого. . .

Гости имѣють обыкновеніе дарить подругъ деньгами. При-
 этомъ невѣста причитаєть отцу и матери:

Осударь ты мой родзимою бацюшко!
 Осударона родзима матушка!
 Не прошу у васъ злата-сѣребра,
 Што прошу у васъ благословѣнія великова:
 Благослови-тко-цѣ мня—отъ цыста сердцѣ —
 у мѣста посѣдзѣца! —

ВЕЧЕРИНКА У ЖЕНИХА.

Когда, такимъ-образомъ, въ домѣ невѣсты происходитъ дѣ-
 вичникъ, въ домѣ къ жениху, по приглашенію отца его, соби-
 раются всѣ ближайшіе родственники на «вечеринку». Тутъ, на
 лавкѣ, гдѣ долженъ сидѣть женихъ, тоже разстилается овчи-
 на; отецъ и мать благословляютъ жениха иконою, и, помо-
 лясь усердно Богу, сажаютъ его троекратно на овчину. По
 совершеніи этой церемоніи, каждый изъ родственниковъ под-
 ходитъ къ жениху съ хлѣбомъ, на который кладутся соль и
 деньги, цѣлуется съ нимъ, и ставитъ этотъ подарокъ.
 Затѣмъ, отецъ — — — — — ютъ родственниковъ.

ПЕРЕДАРЬЕ.

Между-тѣмъ, отъ жениха къ невѣстѣ отправляются дружка и полудружье, съ коробкой, наполненной подарками. Подѣхавши къ двору невѣстину, дружка стучить кнутомъ въ окно, прося хозяевъ впустить дальнихъ затѣжихъ людей на скотный дворъ. Спустя нѣсколько времени, отецъ и мать невѣсты выходятъ на дворъ, отворяютъ ворота, и впускаютъ гостей. Оставя лошадей на дворѣ, они входятъ въ избу, справляютъ низкіе поклоны невѣстинымъ отцу и матери отъ отца и матери жениховыхъ и самой невѣсты отъ жениха. Невѣста въ это время причитаетъ отцу и матери:

Осударь кормилецъ бацюшко !
Осудароня родима матушка !
Стрѣдайце гостей нежданнефъ.
Нежданнефъ и незнаинефъ ;
Сажай-ко-це ифъ за столы за дубовиѣ,
За скацерпи за браниѣ ;
Становице яству сахарную,
Подносице вы пиво пьяноѣ,
Подносице вы вино зеленоѣ,
Цуѣемъ-це людзямъ-цужаинимъ . . .

Дружка вручаетъ невѣстѣ подарокъ ; присланный отъ жениха, обыкновенно состоящій изъ бѣлилъ, румянъ, серегъ и зеркала. Невѣста принимаетъ съ причетомъ :

Осударь ты мой любимой сватушко—
Незнаю я какъ цея назваѣи,
По имени и отеству велицаѣи ! —
Не гостинцы вы мнѣ подносице ,
Подносице горюцы слезы :
Такъ у меля льюцца горюцы слезы
Изъ моего-це ли оцей яспинефъ ;
Кацяцца горюцы слезы,
По моему-то лицу бѣлому,
На мои руки бѣлыѣ,
На мое-то ли тѣтѣи плацѣѣ,
На мое плацѣѣ на сироткоѣ . . .

Отецъ и мать невѣсты угощаютъ дружку и полудружье хлѣбомъ-солью, виномъ и домашнею брагою. Невѣста между-тѣмъ причитаетъ отцу и матери :

Осударь ты мой бацюшко!
Осударня родима матушка!
Поблудуй-ко-це вы госцей нежданнець,
Нежданнець и незваннець;
Пойце нѣ до пьянѣшенька:
Юни бы у васъ позѣпши ,
А мнѣ бы сироту позабыли
У цѣя ли , мой корминець-бацюшко ,
Во своей-то ли волѣ вольною ,
И во своей-то ли дзѣвѣй красотѣ! —
Осударь ты мой корминець бацюшко !
Ужъ сидѣла бы я у цѣя слишкомъ двѣдцець-пѣць,
И непривесла бы я безспѣсѣця не малова!
Не пала бы своею лицомъ бѣлымъ ,
Не пала бы я о сыру землю ,
Не покорила бы вашево роду племени . . .

Напоследокъ невеста вручаетъ прибывшимъ посламъ отъ себя подарокъ, который просить передать жениху.

УТРО ВЪ ДЕНЬ БРАКА.

Въ день, когда слѣдуетъ быть браку, невеста, какъ-скоро встанетъ поутру, причитаетъ отцу и матери :

Осударь ты мой родимой бацюшко!
Осударня родима матушка!
Спалася ли вамъ цѣмная вѣтъ , лежалася?
А мнѣ-то ли горюхъ горькою
Не спалася и не лежалася! . .
На зарѣ-то ли на утренней ,
На восходѣ-то ли красново солнышка ,
На заката-то ли свѣтлова мѣсеца ,
На малой цасѣ ужъ я и призадумалася ,
Приснился мнѣ сонъ не радощень:
Не въ лѣсаѣ-це ли я цѣмнею блудзилася ,
Не въ росахъ ли я замоцмалася;
Заблудзилася я во цужіею людзѣю ,
Замоцмалася я въ горюцѣю слезаю . . .
Осударь ты мой корминець бацюшко ,
Не унимайце и не уговаривайце! —
Осударня родима матушка ,
Дайце вы мнѣ наплакацца ,
Мою-то ли . . .

Ужъ нагромлю я вашу свѣтлицу :
Ужъ во снѣ-то бы я вѣмъ снилася ,
Въ просонь-то бы я вѣмъ видѣлася ,
Въ просонь-то бы мой голосъ слышалася ,
Ужъ вѣмъ ли, мой кормилицъ бацюшко ,
Ужъ вѣмъ ли, кормилицъ матушка ! —

Слѣдуетъ затѣмъ причетъ братьямъ :

Осудари мои, милы брацѣя :
Ужъ такова пора, таково время ,
Замужство мое неудачное !
Не насажуса-то ли я по конецъ стола ,
Не пагляжуса ли то я кусу подавно ,
ожуреново ?
Звѣйдѣса вы аспыемъ соколѣмъ ,
милыѣ брацѣя !
Прилеци-тко-цѣ на пужую-то ли
дальню сторону ;
Сдѣзѣ-цѣ вы на сербѣспиньку
на пробѣику ;
Проворкуй-ко-цѣ вы сѣзѣмъ голубѣмъ :
И узнала бы я васъ сирота горькая . . .

Потомъ причетъ подругамъ :

Голубушки бѣлыѣ, подруженьки,
Совѣтныѣ, ластушки косатыѣ !
Возмѣт-ко-цѣ мою дѣвѣю красоту ;
Носи-цѣ не спускаюцы ,
Глави-цѣ не мигаюцы ;
Береги-цѣ се отъ вѣтровъ и отъ вѣхорѣвъ ,
Отъ бѣднѣе вѣтровъ
И отъ пѣстѣе дождѣвъ :
Такова пора, таково время ! . .
Надо-сть вамъ, падо-ску-цѣтъ :
Снеси-цѣ се во чисто поле ,
Положи-цѣ при пущѣ при дорѣжиныхъ :
Ужъ пойду я съ пужѣю дальнѣю сторопушки ,
Возьму я на бѣлы руки
Свою-то ли дѣвѣю красоту .
Прижму я се къ рециву сердцу ,
Оболью я се горящими слѣзѣмъ :
Ужъ ты, свѣтъ, моя дѣвѣя красота !
Ужъ ты не надолго мнѣ доставалася ,
Опѣемъ пѣсню мнѣ миновѣлася ! —

Принешу я се ко своему кормилицу бацюшку,
Положу я се на косящипото окопцеко :
Ужъ не замеркнеть ли јона, не заванеть ли,
Не замеркнеть-ли бѣло лѣто .
Во пужицѣ-це людзѣ живущи?..

Тутъ родная, или, если нѣтъ, то двоюродная сестра невѣсты,
подходить къ ней и просить дать расплестъ у ней косу. Невѣста соглашается, но въ тоже время причитаеть съ угрозою:

Голубушка былая, сестра,
Ластушка ты моя косатая!
Не подступайко-са ты ко мнѣ смелѣшенькѣ,
Ко моей-то ли красть-косъ ;
Не расплетай-ко ты у мила русу косу:
Во моей-то ли русъ косъ,
Есть три ножница булатныя;
Не подрежь-ко ты своѣ руки бѣлыя...

а та, расплети благополучно, отвѣчаетъ причетомъ :

Ужъ подступила я смелѣшенькѣ,
Ужъ расплела я у нея русу косу,
Ужъ не видала я ножницовъ булатныя;
Ужъ не подрезала я своѣ руки бѣлыя...

потѣздъ отъ жениха къ невѣстѣ.

Когда приходитъ время ѣхать потѣзду съ женихомъ за невѣстой, отецъ и мать благословляютъ жениха иконою; причемъ обыкновенно затворяютъ всѣ двери, сколько ихъ находится въ домѣ, и весьма строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь, во время благословенія, не извошелъ въ избу. Потомъ женихъ, а за нимъ и всѣ потѣзжане, обходятъ кругомъ стола, присаживаются на лавки, встаютъ и усердно молятъ Бога о счастливомъ окончаніи начатаго дѣла. Наконецъ, отецъ и мать, съ горькими слезами, выводятъ жениха на дворъ; за ними выходятъ потѣзжане, и отправляются въ путь.

Подѣхавъ къ деревнѣ, гдѣ живетъ невѣста, весь потѣздъ останавливается на какомъ-либо мѣстечкѣ, и объѣзжаетъ кругомъ подводу, на которой сидитъ невѣста. Тутъ тотъ дружка и полудружки отправляютъ невѣсту, а прочіе потѣзжане остаются въ томъ мѣстѣ, доколь

потѣхшіе не возвратятся. Тогда уже весь потѣздъ вѣзжается въ деревню, прямо къ дому невѣстину.

Какъ только потѣздъ остановится у воротъ невѣстина дома, всѣ дѣвицы той деревни обступаютъ его кругомъ, и не выпускаютъ потѣзжанъ въ избу до-тѣхъ-поръ, доколѣ они не одѣляютъ ихъ пряниками. По этой причинѣ потѣздъ весьма долго принужденъ бываетъ медлить на дворѣ, пока вполнѣ не удовлетворить всѣмъ причудливымъ требованіямъ дѣвицъ, которыя во все это время поютъ разныя приваровленные ко времени пѣсни. Между-тѣмъ, невѣста, зная что потѣздъ уже пріѣхалъ, неутѣшно рыдаетъ причитая:

Ужъ не рой-отъ вокругъ двора увивается,
Не мушблущи-це ли призапумѣли,
Призапумѣли цужи люди...

Вотъ входитъ манежною поступью тысяцкой, и за нимъ всѣ потѣзжане съ женихомъ, молятся Богу, отправляютъ едва неземные поклоны отцу и матери невѣсты отъ отца и матери жениха, и, получивъ дозволеніе отца невѣстина, садятся на мѣста. Случилось-бы, что отецъ невѣстинъ не далъ этого дозволенія; тогда тысяцкій, взявъ просто невѣсту, отправляется со всѣмъ потѣздомъ къ вѣнцу, безъ всякихъ обрядовъ и угощеній. Но обыкновенный порядокъ таковъ, что потѣздъ усаживается: тогда невѣста запѣваетъ:

Приставько-цѣ ко дверямъ-то придверничка,
Къ костыламъ-це пристольничка;
Ужъ ко мнѣ-то ли горющъ горькѣй
Приставцѣ вы сторожацеля, сберегацеля,
Штобы сберечь мня отъ цужіеѣхъ людей. . .

потомъ обращается къ своимъ братьямъ:

Ужъ поситко-цѣ вы пиво пьюѣю и вино зеленоѣю,
Наливайко-цѣ вы стакана-то полнѣю;
Ужъ пойко-цѣ вы цужіеѣхъ госпей,
Штобы цужіе-цѣ люди позабнили,
Мня-бы горюшу позабнили,
Штобы осталася я съ своеѣ-то волей вольною,
Въ своеѣ-то бы дѣвѣѣй красотѣ. . .

Между-тѣмъ на столъ собираютъ все, что требуется для
обѣда; а невѣста продолжаетъ:

Ужъ сцели-тко-цѣ вы скаперци браннѣю ,
Поштуй-ко-цѣ вы цужіеѣ людзей,
Госцей запріѣзжіеѣ. . .

ПРОДАЖА НЕВѢСТЫ.

Продажа эта производится братомъ невѣсты, роднымъ или
же и двоюроднымъ, до начатія обѣда. Продавщикъ подходитъ
къ жениху и проситъ дать выкупъ за сестру: женихъ без-
прекословно отдаетъ ему небольшое количество денегъ.

Во время этого дѣйствія, невѣста сначала проситъ брата,
чтобы онъ ни за какія деньги не продавалъ ее:

Осударь ты мой, исенъ соколъ, милой братъ!
Ужъ не кидай-ко-са ты на злато-серебро,
Ужъ не продавай-ко ты мнѣ во цужи людзи!

а когда женихъ станетъ отдавать брату невѣсты выкупъ, то
укоряетъ брата, причитая:

Ужъ бросилса ты на злато-серебро,
Ужъ продалъ ты мнѣ во цужи людзи! . .

По окончаніи обряда продажи, отецъ беретъ невѣсту
за руку, и отдаетъ жениху, крѣпко сжавши руки будущихъ
супруговъ; потомъ сажаетъ обоихъ рядомъ на овчину, разо-
стланную предварительно на лавкѣ. Тутъ начинается угощеніе
позѣжанъ различными яствами и напитками. Невѣста, между-
тѣмъ, продолжаетъ причеты:

Осударь ты мой бацюшко!
Осударона родзѣма матушка!
Отошла отъ мнѣ дзѣвѣ красота, . .
Отошла воля вольная;
Ужъ прошла юва, просциласа, и баяла:
Пропшай-ко ты, красна дзѣвица!
Благодарю я ця, красна дзѣвица,
Што износила ты мнѣ въ пѣсци и радосци! . .

Когда кончится обѣдъ, отецъ благословляетъ невѣсту ико-
ною, и всѣ присутствующіе возсылаютъ усердную молитву къ

Богу о благополучной жизни будущихъ супруговъ; невѣста, между-тѣмъ, не перестаетъ вопить и повторять тѣже причитанья, какъ и на дѣвичникѣ во время благословенія. Послѣ-того, отецъ невѣстѣ обводитъ будущихъ супруговъ вокругъ стола; за ними слѣдуютъ и всѣ потѣзжане.

отъѣздъ къ вѣнцу.

Остается ѣхать къ вѣнцу. Всѣ потѣзжане опять присаживаются на мѣста, и, нѣсколько времени помедля, встаютъ и снова молятся Богу. Невѣсту въ это время покрываютъ платкомъ, подъ которымъ она стоитъ и въ церкви, до начатія брачнаго таинства. Потѣзжане прощаются съ отцемъ и съ матерью невѣсты, прося ихъ, послѣ брака, пожаловать въ домъ будущаго зятя «попытать хлѣба - соли». Тысяцкой беретъ за руки жениха и невѣсту, и потѣздъ отправляется.

Невѣста, прощаясь навсегда съ роднымъ домомъ, съ отцемъ и съ матерью, съ сосѣдами и съ сосѣдками, съ задушевыми подругами, въ кругу которыхъ она непрестанно находилась, словомъ — со всѣми любезными ей предметами, неутѣшно рыдаетъ, причитая:

Ужъ пропшай-ко свѣтла свѣтлица,
Ужъ пропшай-ко подворье широкое,
Ужъ пропшай-ко-цѣ вы сусѣдѣнѣи сусѣдушки,
Ужъ пропшай-ко-цѣ вы милыѣ подружницѣи.
Ужъ пропшай-ко-цѣ вы поля цыстыѣ...
у! у! у! ухъ! . .

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЪ ВѢНЦА.

По совершеніи брачнаго таинства, когда потѣздъ, возвращаясь изъ церкви, остановится подлѣ дому жениха, его отецъ и мать, а невѣстѣны свекоръ и свекровь, выходятъ на подворье, отворяютъ ворота, и встрѣчаютъ новобрачныхъ, держа въ рукахъ икону, хлѣбъ и соль, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ, а они сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ, и, наконецъ, отца и мать. Послѣ-того, новобрачные вводятся тысяцкимъ въ избѣ, и — начинается пиръ, какъ говорится — на весь міръ.

ПРІѢЗДЪ КОРОБЕЙЩИКОВЪ.

Между-тѣмъ, почти вслѣдъ за тѣмъ какъ потѣздъ поѣдетъ въ церковь, отъ отца невѣстина отправляются коробейщики съ коробьями, наполненными дарами для жениховой родни. Они въѣзжаютъ прямо на дворъ женихова отца, и тутъ пивомъ, взятымъ у отца невѣстина, поятъ сосѣдей и сосѣдокъ жениховыхъ; въ это время, дѣвицы, усѣвшись на коробьяхъ, поютъ пѣсни, а коробейщики должны удовлетворять ихъ безчисленными требованіями. Потомъ выходятъ на дворъ жениховы бояре, и, взявъ отъ коробейщиковъ коробы, съ страннымъ, ужаснымъ крикомъ, вносятъ ихъ на сѣни; тутъ, сѣвши на коробьяхъ, и они затягиваютъ пѣсни, а отецъ жениховъ выходитъ изъ избы и подчуетъ ихъ виномъ и брагой; выпивъ по нѣскольку чаръ, слезаютъ они съ сундуковъ, и отдаютъ ихъ другимъ боярамъ, которые, опять съ ужаснымъ же крикомъ, вносятъ ихъ наконецъ въ чуланъ.

Послѣ этой потѣшной работы, коробейщики входятъ въ избу, молятся Богу, и одинъ изъ нихъ, главный коробейщикъ, обращается къ женихову отцу, съ слѣдующею пріѣтственною рѣчью:

— «Лепать гуськи, дубовы носки; кричать гуськи, шепеты-асныты: госци и госцейки, лѣзъ кучи, по лавкѣ, вдоль по скамейкѣ, приказали намъ кланяцца вамъ! И роблячишки, востриньки носки, пѣр-ниньки уски, и цѣ приказали вамъ кланяцца. Ъхали мы лѣсамъ, стоять мужикъ съ мясамъ; ѣхали мы мимо куста, стоять мужикъ съ сусломъ; и цѣ приказали вѣшей милосци кланяцца. Ъхали мы мимо ована, стоять лѣвъ долгіе Оревы; и цѣ приказали вамъ кланяцца. Ъхали мы мимо омѣта, стоять тутъ два Оедота; ѣхали мы мимо забора, стоять два Егора; и цѣ приказали вѣшей милосци кланяцца.» —

При каждомъ словѣ этой рѣчи, главный коробейщикъ, съ прочими коробейщиками, киваетъ головой; такимъ же киваньемъ головы отвѣчаетъ имъ и отецъ жениховъ, и свои гости. Потомъ отецъ жениховъ, сѣвъ за столъ, и угощаетъ ихъ виномъ, и дѣвицы припѣваютъ имъ всѣмъ, пѣн-щика:

Ужъ послушай ты, коробейцыкъ молодой!
Мы цѣ пѣсню поемъ,
Мы цѣ цѣсць воздаемъ:
Ты отъ умново бацюшка,
Отъ разумныѣ матушки;
Ты охѣцъ по пирамъ тѣзиць,
Ты охѣцъ по бесѣдушкямъ,
Ты охѣцъ пѣсень слушаши,
Ты охѣцъ пѣвиць дарици!
Ты дари не рублемъ, не полциной,
Ты дари-тко золотою гривной:
А ты васъ станешь дариць,
А мы ца стаемъ хвалиць,
И цѣя, и жену твою,
И твоихъ дѣтушекъ. . .

Въ случай-же если коробейцыкъ холостой, то припѣвъ ему
бываетъ слѣдующій:

NN хорошенекъ, пригоженекъ:
Не былелецкямъ наблѣнь,
Не румянамъ нарумянѣнь;
Хоропо ца маць породзила,
Умомъ-разумомъ надѣляла,
И таланьцомъ благословила!
Ты охѣцъ по бесѣдушкямъ ходзиць,
Ты охѣцъ пѣсень слушаши,
Ты охѣцъ пѣвиць дариць:
Ты дари не рублемъ, не полциной, и т. д.

Пока поется припѣвъ, коробейцыкъ, къ которому олъ
относится, беретъ стаканъ съ пивомъ, опускаетъ въ него
нѣсколько денегъ, вызываетъ одну изъ дѣвиць по имени, и
подаетъ ей стаканъ. Вызванная дѣвица выходитъ на середину
избы, принимаетъ стаканъ и выпиваетъ пиво, а деньги высы-
паетъ и беретъ, чтобы потомъ раздѣлить между всеми подру-
гами. Затѣмъ слѣдуетъ благодарность:

Спаси-бо цѣ, умной сынъ,
Спаси-бо, разумной сынъ.
На твоємъ на подароцкѣ —
На златѣ — на серебрѣ!..

На другой день послѣ брака, когда слѣдуетъ быть «княжъ-обѣду», всѣ гости по-утру обливаются холодною водою; а потомъ обливають ею и новобрачныхъ. Тутъ свекоръ и свекровь приказываютъ молодой невѣсткѣ вымести всю избу начисто; гости въ это время бросаютъ тихимъ образомъ на полъ нѣсколько денегъ, которыя невѣста подбираетъ себѣ. Послѣ-того, черезъ нѣсколько времени, коробейщики вносятъ въ избу дары; новобрачные выходятъ и становятся посреди избы, а за ними коробейщики. Вотъ главный коробейщикъ вызываетъ тысяцкаго, и проситъ, чтобы онъ принялъ подарокъ отъ невѣсты, имъ высватанной: тысяцкой беретъ стаканъ съ пивомъ и выпиваетъ за здоровье новобрачныхъ, которые въ это время падаютъ ницъ и лежатъ на полу до-тѣхъ-поръ, пока тысяцкой не выпьетъ пиво; выпивши-же, онъ проситъ новобрачныхъ встать, беретъ дары и цѣлуетъ, въ знакъ благодарности, какъ ихъ, такъ и коробейщиковъ. Такимъ же точно порядкомъ главный коробейщикъ вызываетъ потомъ всѣхъ прочихъ, кому назначены подарки.

За «княжъ-обѣдомъ» ставятъ непременно на столъ свиную голову. Между-тѣмъ, предварительно выбирается челоуѣкъ, искусный визжать по-свиному, который забирается подъ столъ, и какъ только тысяцкой примется разрѣзывать эту голову, то спрятавшійся во всю глотку начинаетъ хрюкать и визжать, а тысяцкой, при разрѣзываніи, приговариваетъ: *«будзіотъ — поблудзила — всѣ огороды ты изрыла, всѣ луга ты ископала — пора ця приколоць, коли благо ты попала — пора ця и зубимъ патолоць!»*... Гости хохочутъ приэтомъ отъ всей души, надрывая, какъ говорится, животы.

Въ продолженіе пира, новобрачные выходятъ изъ-за стола, и, подходя къ каждому изъ гостей, хотя-бы ихъ было до ста челоуѣкъ, называютъ всѣхъ по имени и отчеству, прося кушать всего, чтѣ поставлено на столѣ.

СПОЗНАТЬ.

Спустя недѣлю послѣ брака, новый зять, съ отцемъ и съ матерью, приходитъ къ тестю, запасшись разными сластями,

которыми отделять новую родню, а также и встѣхъ бывшихъ сосѣдей и сосѣдокъ своей молодой жены. Это называется по-здѣшнему — «спознать».

ОПЫТКИ.

Есть, наконецъ, обычай, послѣ управки со встми сельскими работами, осенью, варить пиво изъ новаго рощенаго солода, на которое тестья сзываютъ къ себѣ въ гости зятьевъ. Эти угощенія называются — «опытками».

Б. ПРИ ПОГРЕБЕНИИ И ПОМИНКАХЪ.

Когда кто умираетъ, то, вслѣдъ за обмытіемъ тѣла умершаго, собираются къ нему въ домъ всѣ почти сосѣди той деревни. Входя въ избу, они жертвуютъ отъ себя небольшое количество денегъ на погребеніе покойника. Между-тѣмъ, бабы, сколько ихъ находится въ семействѣ, вопять по умершему разные заунывные причеты, въ родѣ, на-примѣръ, слѣдующаго :

Осударь ты нашъ, сердешной другъ !
Съ кѣмъ ты ешту думушку одумалъ :
Одумалъ съ матушкой сырой землей :
Сорядился ты на жицѣю вѣковишнѣю ,
Оставляешь ты насъ сиротъ горькіеѣ . . .
Ужъ на ково ты крѣпко сповадѣлся ?
Обудзикаса ты надѣжа, сердешной другъ ,
Отъ жицѣя-то вѣковишнова :
Ужъ воскинѣ-кѣ восплесни рукамъ милымъ ,
Взгляни-кѣ ты оцѣмъ-це яспыемъ ,
Роспѣдѣтай-кѣ своѣ уста сахарные,
Вамолви-тѣ съ нами ты слово гладкѣю !
Спросили бы мы цѣя, сироты-це горькіе,
Распросили бы цѣя про жицѣю-то вѣковишное ;
Расказали бы мы про свое жицѣю ,
Про свое жицѣю, про сирокое
Про сирокое, прогорѣмишное :
Што встаетъ мы сироты горькіе —
Безъ цѣя, надѣжа крѣпкая —
Ужъ по-утру-то мы ранымъ-рано ;
Ужъ умываемся мы не свѣжой водой ,
Ужъ умываемся мы горюцѣемъ слезамъ ;
Ужъ учираемъ мы не тонкіемъ полотнѣмъ ,

А своѣмъ горемъ великіемъ.
Безъ цѣя-ли, нашъ надѣжа-другъ,
Ужъ куды мы не пойдѣмъ, не потдѣмъ,
Ужъ намъ-то-ли вездѣ горе кидѣнца
На наши-це-ли были грудзиньки,
Къ нашимъ-це-ли сердцамъ приклопаѣнца
Со вѣсь-то ли цотыреѣ сторонулокъ! —

Тоже самое вопять и при выносѣ тѣла изъ дома въ церковь для погребенія.

Затѣмъ, въ продолженіе сорочинъ, то-есть сорока дней по кончинѣ умершаго, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходять на его могилу, и, бросая на нее, причитають:

Ужъ ты, свѣтъ матушка сырѣ-земля,
Розступиса ты на вѣсь цотыре стороны;
Роскрѣй-ко-са гробовѣ доска,
Роспахниѣса вы тѣнки полатны;
Восплесни-кѣ ты своѣмъ рукамъ бывшемъ,
Воскинь-кѣ ты своѣмъ оцамъ яснымъ,
О сударь ты нашъ, надѣжа другъ,
Пришли-то мы на твое жицѣю вѣковъиною,
Ужъ побудзицѣ-то пришли отъ сва крѣпкова:
Промолви-кѣ ты съ намъ слово сладкею;
Скажи-кѣ ты, когда намъ ждаѣ въ дорогѣ госца?
Ужъ не стали-бы мы спаѣ сироты горькію,
Стали-бы сидѣѣ всю ночь подѣ окошкѣмъ косящѣмъ,
Стали-бы глядѣѣ мы въ окошко косящѣю
И во пущѣ-то-ли дорожиньку;
Ужъ гляѣли-бы цѣя, надѣжа другъ,
Ужъ стрѣчили-бы цѣя середѣи поля,
Середѣи-то дороги ширѣкію,
Подхващали-бы цѣя подѣ бѣлы-руки,
Привели-бы мы къ себѣ въ благодатной домъ,
Посадили-бы за дубовой столъ,
Роскинули бы скаперци бранѣю,
Ужъ вѣставили-бы мы про цѣя яства сахарнова,
Сами-бы вѣтали насупроциѣ цѣя,
Ужъ не могли-бы на цѣя наглядѣнѣса,
Ужъ не могли-бы мы съ тобой набаянѣса...

в. при нѣкоторыхъ осовыхъ праздникахъ.

День Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 марта)
здѣшніе простолюдины почитають такъ, что ни за какую работу

не принимаются, вѣря, что и птичка въ тотъ день не завиваетъ себѣ гнѣзда. Съ этогоже дня перестаютъ засвѣчать вечеромъ огонь, а потому и ужинаютъ гораздо раньше.

Въ Егорьевъ-День (23 апрѣля), крестьяне выгоняютъ скотъ съ подворьевъ своихъ въ поля, и приэтомъ хлещутъ его вербою, освященною въ Вербное-Воскресенье, которую, нарочно для того, хранятъ въ своихъ домахъ. Вербу эту нѣкоторые бросаютъ потомъ, въ тотъже день, въ рѣку, а иные хранятъ во весь годъ и воду, настоящую почками ея, даютъ пить для здоровья родильницамъ и одержимымъ лихорадкою.

Въ день Вознесенія Христова, дѣти срубаютъ молодую березу, и принеши въ поле, гдѣ постыла рожь, утверждаютъ ее на полосу, а сами начинаютъ кататься по молодой ози́ми, крича во всю мочь: «рожь къ овину, а метла (травы) къ лѣсу!» Накатавшись такимъ-образомъ и довольно намявши себѣ бока, бросаются опрометью на ячницу, которую непременно приносятъ съ собой, и убираютъ ее, какъ говорится, за всѣ щеки. Въ этотъже самый день дѣвицы ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки, а въ Троицынъ-День ходятъ ихъ осматривать, и когда замѣтятъ вѣнокъ какой-либо подруги развитымъ, то заключаютъ, что или выдадутъ ее въ замужество, или она въ этотъ годъ помретъ.

Большую часть праздниковъ, даже и дванадесятыхъ (напримѣръ: Срѣтенье, Успенье, Введенье), крестьяне дѣйствіе не празднуютъ; даже занимаются въ нихъ обыкновенною работою. Но когда празднуютъ, такъ ужъ празднуютъ. То селеніе, гдѣ празднуется праздникъ, наполняется толпами пожилаго люда и хороводами нарядныхъ парней и дѣвицъ соседнихъ селъ, оглушается шумнымъ гдворомъ и громкими пѣснями. Всѣ посетители, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу, гдѣ весьма радушно принимаются и угощаются отъ хозяевъ виномъ и домашнею брагою. Иной изъ нихъ часто цѣлый день бродитъ съ тощимъ желудкомъ, чтобы только попить вдоволь винца и бражки, позвать на веселые хороводы и самому повеселиться. Парни, въ это время, особенно стараются выказать свою ловкость и проворство: они борются, шутятъ другъ-надъ-другомъ разныя шутки, играютъ на ба-

лалайкахъ (а нынѣ — большей частью уже — на гармоніяхъ) и пляшутъ. Дѣвушки, въ хороводахъ, поютъ веселыя игровыя пѣсни. Прогулявши, такимъ-образомъ, цѣлый день въ одной деревнѣ, уходятъ въ другую, празднующую тотъ-же праздникъ. Такимъ порядкомъ празднованіе продолжается иногда по недѣлѣ, и болѣе; на-примѣръ: въ зимній Николинь-День — съ 6 по 19 декабря. Ни одинъ крестьянинъ не пропуститъ ни одной ближней деревни, гдѣ-бы не побывалъ о праздникъ; всѣ домашнія занятія броситъ, а ужъ въ праздникъ непременно погуляетъ.

г. при болѣзняхъ.

Во время какихъ-бы то ни было заразительныхъ болѣзней, появившихся въ какой-либо деревнѣ, жители другихъ соседственныхъ деревень, опасаясь, чтобы и самимъ не заразиться, не ходятъ въ ту деревню до тѣхъ-поръ, доколѣ совсѣмъ не прекратится зараза. Сверхъ-того, деревню свою «оборываютъ» косулю, на томъ, по ихъ мнѣнію, основаніи, что за черту, обведенную косулей, никакая болѣзнь перейти не можетъ. Самое такъ-называемое «оборываніе» производится слѣдующимъ образомъ: дѣвицы деревни собираются ночью въ одно мѣсто, берутъ косулю за оглобли, выносятъ за деревню, и тамъ волокутъ ее кругомъ всей деревни, причемъ одна изъ дѣвицъ идетъ напередѣ, неся въ рукахъ икону; обошедши такимъ-образомъ деревню, несутъ косулю на прежнее мѣсто, и затѣмъ всѣ опрометью разбѣгаются по своимъ домамъ. Также точно «оборываютъ» и домъ, въ которомъ появится зараза. Есть еще обычай при заразительныхъ болѣзняхъ: добывать изъ дуба, посредствомъ тренія, огонь, который держатъ въ домахъ, какъ предохранительное отъ заразы средство.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, при началѣ болѣзни, старухи, извѣстныя околотку искусствомъ въ леченіи, приходятъ въ домъ, гдѣ находится больной, берутъ три равныя величиною камешка, и погружаютъ ихъ потихоньку, одинъ-за-другимъ, въ ковшъ, наполненный холодною водою, приговаривая: при первомъ — «отъ Бога!», при второмъ — «отъ лихихъ людей!», при третьемъ — «отъ призора!» Когда который-либо изъ

этих камешковъ, при погруженіи въ воду, произведетъ въ ней кипѣніе, то заключается, что болѣзнь непременно произошла отъ выговоренной при этомъ причины. Въ слѣдствіе того, старуха советуетъ больному, чтобы онъ, если болѣзнь произошла отъ Бога, отслужилъ молебень, если — отъ лихихъ людей, посоветовался-бы съ знахарями; а если — отъ призора, тутъже сама spryskиваетъ больного тою самою водою, въ которой камешекъ произвелъ кипѣніе.

При продолжающейся боли въ поясницѣ, что нередко случается съ здѣшними простолюдинами, избирается въ семействѣ больного человѣкъ, какъ называютъ они — «легкій на руку», который беретъ въ руки вѣвникъ и косарь; между-тѣмъ, другой кто-нибудь, изъ тогоже семейства, выходитъ куда-нибудь изъ избы, какъ будто за надобностью. Домашніе отворяютъ потомъ дверь и кладутъ больного на порогъ избыной двери поперекъ, то — есть — головою въ стѣну, а ногами въ избу, и «легкій на руку» человѣкъ, положивъ вѣвникъ на спину больного, начинаетъ рубить его косаремъ, а вышедшій передъ тѣмъ изъ избы идетъ къ двери и спрашиваетъ рубящаго, какъ будто ничего не зналъ: «Што ты дѣлаешь?» — Уцинъ рублю, отвѣчаетъ тотъ. — «Руби, руби его горажже!» — Это повторяется троекратно. — Нѣкоторые же изъ такихъ больныхъ, въ лѣтнее и зимнее время, ходятъ въ подлазъ овина, и тамъ трутся спиною объ стѣну, произнося трижды: «Бацунко, овинъ! просци мой уцинъ!» —

Прочіе употребительнѣйшіе способы домашняго леченія сѣтъ слѣдующіе. Отъ головной боли — даютъ больному есть кислое, какъ-то: сырую переквашенную бѣлую капусту, ягоды, соленые огурцы; также — обкладываютъ голову больного глиною и кислицею, примачиваютъ огуречнымъ рассоломъ. При боли зубной — составляютъ микстуру изъ нѣкоторой части квасцовъ и дубоваго листа, смѣшавъ объ части вмѣстѣ; кладутъ потомъ въ маленькій горшечекъ, наливаютъ воды, ставятъ въ печь на раскаленные уголья, и до-тѣхъ-поръ кипятятъ, доколѣ не сварится дубовый листъ и не разойдутся квасцы; наконецъ, простудивши воду, полощутъ ею во рту: иногда — на большой зубъ кладутъ росныи ладонъ. Больные глаза — мажутъ мазью, составленною изъ яичнаго бѣлка и самой малой части бѣлаго чистаго купороса; нѣкоторые-же — растираютъ въ мелкой порошокъ

крымизу, и ею мажутъ глаза. При боли въ горлѣ—обкладываютъ шею и горло теплымъ шерстянымъ чулкомъ и пьютъ кипяченый медъ. При боли въ животѣ—накладываютъ на брюхо больного мѣшечекъ съ теплымъ овсомъ; а иногда небольшой глиняный горшечекъ, съ зажженной внутри свѣчей, или же и лучиной, проверчивая на днѣ горшечка скважинку. Отъ кашля—пьютъ теплый чай изъ травы звѣробоя и солодкового корня. Отъ поноса — ѣдятъ сухари, и пьютъ сухарную воду, или же и золу. Въ чесоткѣ — больное мѣсто обкладываютъ квасною гущею; иногда — мажутъ мазью, составленною изъ небольшой части горючей сѣры, купороса и масла скоромнаго. При опухолахъ — берутъ немного яровой соломы, которую кладутъ въ небольшую шаечку и обвариваютъ горячею водою; потомъ, простудивши немного солому, обкладываютъ ею больныя мѣста. При ломотѣ — ту часть тѣла, гдѣ появилась ломота, обкладываютъ травою бѣлокопытникомъ, обваренною кипяченою водою; бѣльшую же частію такихъ больныхъ трутъ, за неимѣніемъ бани, въ топленой печкѣ — рѣдкою, деревяннымъ масломъ и скипидаромъ. Для ранъ — берутъ немного свѣжаго воска, и двѣ столовыя ложки деревяннаго масла, которыя, смѣшавъ вмѣстѣ, кладутъ въ черепокъ, и ставятъ въ печь на раскаленные уголья; скипятивши этотъ составъ, дѣлаютъ изъ него пластырь или спускъ, которымъ обкладываютъ раны. Ушибенную часть тѣла—обкладываютъ паутиною; а обожженную—намазываютъ соплями, также пережженнымъ льнянымъ масломъ; иногда же—обкладываютъ квасною гущею, тертымъ сырымъ картофелемъ и морковью. Отъ угара — обкладываютъ голову больного глиною и кислицею, мочатъ огуречнымъ рассоломъ, обливаютъ теплою водою, и кладутъ въ уши, особенно зимою, мороженую клюкву. При ногтяхъ — больной палецъ трутъ объ сучекъ дерева. Въ лихорадкахъ — обкладываютъ голову больного кобыльею сорочкою, и даютъ пить трѣфоль.

Д. ПОВѢРЬЯ.

Нѣкоторые на шеяхъ, вмѣстѣ съ крестомъ, носятъ ладонки, то-есть маленькіе мѣшечки, наполненные ладонемъ, въ увѣренности отогнать тѣмъ отъ себя всякое зло.

Извѣстенъ старинный предразсудокъ, при нѣкоторыхъ встрѣчахъ, сворачивать съ дороги, или же и вовсе возвращаться домой, почитая такую встрѣчу недоброю. Нынѣ это суевѣріе уничтожается.

Старинныя басни о «домовомъ» продолжаютъ еще держаться въ народѣ. Инымъ, говорятъ, и нынѣ случается видать его собственными глазами въ сѣнномъ амбарѣ, въ видѣ хозяина дома, накладывающаго сѣно скоту, а иногда — въ такомъ-же видѣ, на дворѣ, подлѣ скота. Изъ этой суевѣрной мечты извлекаются невѣжествомъ разныя примѣты. Если, на-примѣръ, скотъ не любимъ домовымъ, то какъ его ни корми, ничѣмъ не откормишь: все онъ бываетъ тощъ и худъ. Если домовому не по любви мѣсто, на которомъ поставленъ домъ, то хозяинъ, при всѣхъ усиленныхъ трудахъ, всегда остается бѣденъ. Лошадь, любимая домовымъ, всегда имѣетъ на гривѣ заплетенную косу, всегда бываетъ вычищена и выхолена, всегда стоитъ на дворѣ подлѣ корму, и, при ежедневной на ней работѣ, держитъ на себѣ тѣло, то-есть полна и гладка, какъ нельзя лучше; напротивъ, нелюбимая домовымъ лошадь, всегда бываетъ шерстью шершавая, тѣломъ худая, стоитъ на дворѣ повѣся голову. Говорятъ еще, что домовой, предъ несчастіемъ, имѣющимъ случиться въ домѣ, обыкновенно плачетъ и стонетъ на дворѣ. Многимъ, будто-бы, являлся онъ и въ избѣ по ночамъ, и сгонялъ ихъ неоднократно съ постели. Бабы, въ особенности, утверждаютъ, что во всякомъ дому есть свой особый домовой, котораго будто-бы и видають онъ ночью сидящимъ на лавкѣ за прялкою.

Говорятъ также, что въ лѣсахъ живетъ лѣшій, а въ водѣ — водяной. Многіе увѣряютъ, что сами видали неоднократно лѣшаго, ростомъ выше лѣсу дремучаго, который, въ ночное время, кричитъ и поетъ какъ человѣкъ, пищитъ какъ ребенокъ, свищетъ, гаркаетъ, хрюкаетъ въ ладоши, и тѣмъ заводитъ людей въ совершенно незнакомыя для нихъ мѣста, гдѣ они блуждаютъ по цѣлымъ суткамъ, никакъ не попадая на дорогу, а иныхъ будто-бы завозилъ, въ зимнее время, на рѣку, и тамъ въ проруби топилъ у нихъ лошадь; прибавляютъ также, что зимою, по ночамъ, лѣшій выгоняетъ всѣхъ зайцовъ стадами — изъ лѣсовъ, а изъ селеній — всѣхъ со-

бакъ. Водяного, говорятъ, видають на берегу рѣки, чешущимся: кто изъ купающихся, въ лѣтнее время, потонетъ, тотъ, по мнѣнію простаковъ, дѣлается добычею водяного демона; въ-слѣдствіе того, крестьяне дѣтямъ своимъ весьма строго заказываютъ купаться въ рѣкѣ, въ жаркіе дни, не принявъ предохранительныхъ мѣръ. Еще всѣ утверждаютъ, что, безъ знакомства съ водянымъ, ни одинъ мельникъ не можетъ хозяйствовать успѣшно на мельницѣ.

Е. ПРИМѢТЫ.

По зимнему времени предугадываются ведренные дни и хлѣбородіе лѣта: такъ если зима ясна днями и сильна морозами, особенно въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, то ожидаютъ, что лѣто будетъ знойное, сѣнокосъ и жнитво кончатся благополучно и обильно.

По вѣтру, дующему, въ Великій-Четвергъ, поутру, предугадываютъ весеннее время: если вѣтеръ этотъ южный, или восточный, или западный, то весна будетъ теплая; всѣ же прочіе вѣтры, то-есть: сѣверный, сѣверо-восточный, сѣверо-западный, юго-восточный и юго-западный, предвѣщаютъ весну холодную.

По медленному ходу льда, весною, во время половодья рѣкъ, заключаютъ, что годъ будетъ очень тяжелый для здоровья людей.

По весеннему Егорьеву-Дню, замѣчаютъ объ управкѣ съ полевой яровою работою. Есть здѣсь поговорка: «какъ Егорьевъ-День въ исходѣ, пускай коня по волѣ; какъ Егорьевъ-День въ молодѣ, держи коня въ поводу!» Это значитъ: когда Егорьевъ-День случится въ исходѣ луннаго теченія, то весна будетъ холодная, а потому и управка съ яровою работою будетъ продолжительна; когдаже Егорьевъ-День случится въ началѣ луннаго теченія, весна будетъ теплая, а посему управка съ яровою работою будетъ непродолжительна.

По дню Св. Великомученика Димитрія (октября 26), заключаютъ о весеннемъ Егорьевъ-Днѣ. Говорятъ: если Димитріевъ-День не въ снѣгу, то и Егорьевъ-День будетъ не въ снѣгу.

По теплой росѣ, на память Праведнаго Іова Многострадальнаго (мая 6), заключаютъ, что и лѣто будетъ теплая. Нѣ-

которые изъ крестьянъ въ этотъ день, поутру, катаются нагѣ по росѣ, если роса бываетъ, съ тѣмъ, какъ говорятъ они, чтобы запастись на цѣлый годъ здоровья.

По цвѣту такъ-называемому «студенцу», который растетъ вообще по низкимъ, топкимъ и болотистымъ мѣстамъ, заключаютъ объ урожаѣ огурцовъ.

По крику птицы перепелки, которая живетъ въ низкихъ мѣстахъ, въ густой травѣ и ржи, примѣчаютъ, что когда она кричитъ «кербъ-кербъ», это предвѣщаетъ обильный урожай хлѣба, а когда кричитъ «подъ-подомъ-подъ-подомъ», то предвѣщаетъ голодный годъ.

Изъ появленія большого количества мышей и крысъ въ поляхъ, копнахъ, избахъ и хлѣбныхъ анбарахъ, заключаютъ, что годъ будетъ самый плодородный.

Дымъ, если, во время топки печи, падаетъ на землю, предвѣщаетъ ненастье.

Если галки, вороны, ласточки и другія птицы, всѣ въ одно время, ощипываются, трепещутся, купаются въ водѣ, поднимаются въ вышину воздуха и опять быстро опускаются внизъ, то заключаютъ о скоромъ дождѣ, а зимой и весной ожидаютъ, что скоро выпадетъ довольно большое количество снѣга.

Изъ пузырьковъ, плавающихъ на поверхности воды во время дождя, выводятъ продолжительность ненастья. Тотъ же выводъ и изъ глухихъ раскатовъ грома.

По боли въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, временемъ случающейся у человѣка, заключаютъ, что будетъ ненастье.

Зализываніе лапъ кошкою значить, что будетъ гость; а когда кошка скребетъ обо что-нибудь когтями, думаютъ, что непременно будетъ погода ненастная и бурливая.

Если день, въ который надлежитъ быть свадьбѣ, случится сумрачный и ненастный, замѣчаютъ, что новобрачные будутъ жить богато.

О человѣкѣ, который, во время сна какъ будто отдуваетъ что-нибудь отъ себя, или спитъ не закрывая глазъ, полагаютъ, что онъ скоро умретъ.

Изъ крика куръ на дворѣ или пѣнія какой-либо изъ нихъ пѣтухомъ, выводятъ о неперемѣнной ссорѣ въ семействѣ.

Изъ обильнаго урожая разнаго-рода грибовъ заключаютъ о близкомъ рекрутскомъ наборѣ.

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ.

Крестьяне, при всей мало-образованности, очень смѣтливы и разсудительны: это особенно выражается въ весьма скорой понятливости нѣкоторыхъ изъ нихъ относительно рукодѣлій и въ весьма удачной сноровкѣ въ планахъ домашней постройки. Добрыя нравственныя ихъ качества: гостепріимство и набожность.

Учиться грамотѣ немногіе имѣютъ ревность. Во-первыхъ — жалъ платить деньги за ученіе; имъ-бы пожалуй, только чтобы дѣти были обучены грамотѣ за дешевую цѣну, а и того-бы лучше — вовсе безденежно. Главнѣйше — же — жалъ времени, употребляемаго на обученіе дѣтей грамотѣ: время это годится лучше, говорить отцы, къ наученію ихъ какому-нибудь рукодѣлію; по общему сужденію, были-бъ дѣти рукодѣльны, знали-бы счетъ денежный — и довольно. Если-же кто желаетъ, чтобы дѣти его обучились грамотѣ, то отдаетъ ихъ къ такъ-называемымъ мастерамъ и мастерицамъ, которые, не обучивъ хорошо выговору буквъ, котораго и сами большей частью не знаютъ, даютъ мальчику тотчасъ читать по складамъ псалтирь. Въ настоящее время, всѣхъ грамотныхъ въ приходѣ: изъ 894 душъ мужеска пола насчитывается — до 175, а изъ 1,041 души женскаго пола — не болѣе 13; обоего пола — 188 человекъ.

Вотъ, для образца, нѣкоторые примѣры домашняго ума и остроумія Станиловцевъ:

А. ПОСЛОВИЦЫ.

Береги денежку на черныи день. Всякое дѣло мастера боится. Въ сунгупъ гостя не уподчнешь. Въ которой посудѣ деготь побываетъ, и огонь не выжжешь. Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Велика Федора, да дура. Возьми мышко, отдашь ремешекъ. Доброму вору все въ пору. Двѣ собаки грызутся, третья не приставай. Два медведя въ одной берлогѣ не живутъ. Дорого да мило, дешево да гнило. Дѣвушка гулять гуляй, а дѣльца не забывай. Живучи подлѣ крычковыхъ, нельзя чтобъ не зацѣпиться. Заварилъ кашу, не жалѣй масла. Для глухаго двухъ обѣденъ не поють. Для дружка, выпу и ссережку изъ ушка. Знають Оому и въ рогозинномъ риду. За ученаго двухъ неученыхъ даютъ. И въ смиренькомъ чертятки водятся. Кошка скребетъ на свой хребетъ. Красно поле съ рожью, а слово съ ложью. Мягко стелеть, да жестко спать. Ласковое телатъ.

ко двухъ матокъ сосеть. Недосоль на столъ, пересоль на спинъ. Не красна изба углами, красна пирогами. На бѣднаго Макара и шишки валятся. Не лайся съ кобелями, съ борзыми знайся. По одежке протягай ножки. Посвѣи у моря, пожди погодки. Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ. Рано птишка запыла, чтобы копечка не сѣла. Рано задумаешь, сведешь на поздно. Сухая ложка ротъ дереть. Куда иголка, туда и нитка. Съ именемъ Иванъ, безъ имени болванъ. Съ уговоромъ Иванъ, безъ уговору болванъ. Силой милымъ не быть. Сколоченая посуда два вѣка живетъ. Торговато, да воровато. Хороша дочь Аппушка, когда хвалить мать да бабушка. Хлѣбъ береги, тыль пироги. Чтѣ попросишь, то и покروшишь. Чтѣ посьешь, то и пожнешь. Ышь пироги съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Б. ЗАГАДКИ СЪ ОТГАДКАМИ.

Летѣлъ орелъ, сѣлъ на престолъ, разговаривалъ: Господи, Боже! далъ Ты мнѣ волю надъ всею землею. Только не далъ воли надъ вѣтромъ въ полѣ, да надъ рыбою въ морѣ.

Царь.

Нѣзю я на гой гой гой, приударю я въ бирюль люль люль; утышу я Царя — въ Москвѣ, Короля — въ Литвѣ, старца — въ кельѣ.

Колокольная и колоколъ.

У батюшки жеребецъ — всему міру не сдержать; у матушки коробыя — всему міру не поднять; у братца кушакъ — всему міру не сосчитать; у сестрицы ширинка — всему міру не скатать.

Жеребецъ — вѣтеръ; коробыя — земля; кушакъ — звѣзды, ширинка — дорога.

Ложить брусъ во всю Русь: въ томъ брусъ — 12 гнѣздъ. въ каждомъ гнѣздѣ — по 12 яицъ, въ каждомъ яйцѣ — по 12 цыплятъ.

Матица въ избѣ, и на ней, въ потолочивахъ, яйца тараканъ, въ которыхъ будто-бы всегда находится по 12 зародышей.

Сѣчка сѣчетъ, деревянка везетъ, Мартынь поворачиваетъ.

Сѣчка — зубы; деревянка — ложка; Мартынь — языкъ.

Разсыпался коверъ, всему міру не собрать.

Изщепанное полѣно лучинамъ.

Бѣду-вду, следа нѣтъ; рублю-рублю, щепокъ нѣтъ.

Плавающее по водѣ судно и весла.

День корячить, ночь корячить, а утро спать.

Заслонъ.

Курица хохла, три года мокла, не
пила и не выпила.

За стеной стеной, стоит коровашик
костяной.

За стеной стеной, таракашик костя-
ной.

Мокрый телесачек из-за перегоро-
дочки глядит.

Пань пановаль, въ воду упалъ, а во-
ды не взмучилъ.

Ночью шить; всталъ по утру,
панъ у рту.

Поросята грызутся, такъ - что пѣ-
на идетъ.

Стоять дерево, съ одной стороны
листья белые, а съ другой черные.

Есть мать, какъ вырастутъ у ней
большія дѣти, всѣхъ пожираетъ.

Маленькое, червенькое, хоть кого по-
воротить.

Маленькое, синенькое, и крижъ по-
воротить.

Голубка куплю: стану горе горе-
вать, голубка не куда дѣвать.

Маленька бабка, вся въ заплаткахъ;
кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.

Съезъ Еремка на рябину, и по-
глядѣть скотнику.

Своей жеребецъ по полю ходилъ,
на дворъ вошелъ, по рукамъ пошелъ.

Чѣмъ медвѣжій глазъ въ избѣ?

Криво, лукаво, куда ты бѣжало?

Зелень кудрява, тебя стеречь.

Дубъ дырчать, въ дубу ядра го-
ворять.

Что въ полѣ: въ дудѣ — 12 пудъ,
у рога — 4, у ржи — 2.

Дваста—бодѣста, четыреста—ходѣ-
ста, одинъ—махтырь, два—ухтырка.

Два кума Обѣкума, лѣтъ кумы Овдѣтъ,
шесть Василесей, да десять Андреевъ.

Труба печная.

Беременная женщина.

Языкъ во рту.

Тоже.

Древесный листъ.

Жернова.

Тоже.

Годъ, день и ночь.

Рѣка, принимающая воду изъ ручь-
евъ, во время весны.

Блоха.

Игла.

Дѣвица выдаваемая замужъ.

Луковницъ.

Гребень, конемъ чешутъ голову.

Сито.

Сучекъ въ бревнѣ.

Огородъ.

Домъ.

Свинья имѣетъ двѣнадцать сосковъ,
корова — четыре, а кобыла — два.

У коровы два рога, четыре ноги,
одинъ хвостъ и два уха.

У простыхъ саней два полоза, два
оглобли, шесть вѣзей и десять
— шиповъ.

Батюшко — коверъ, матушка — ладья,
братья — урываны, сестры — обезьяны.

Что самъ нагиномъ, а рубашка въ па-
зухъ?

Что въ избѣ мерзнуть, а на улицѣ
нагрѣвается?

Чего вокругъ избы не обнести?

Что самодѣль въ избѣ?

Въ Питѣрѣ рубать, а къ намъ щеп-
ки валятся.

Когда холодно, тепелъ; когда жар-
ко, холодеетъ.

По утру — на четвербѣмъ, среди дня —
на двѣмъ, а подѣ вечеръ — на трѣмъ.

Утка въ морѣ, а хвостъ на заборѣ.

Четыре братца огня не боятся.

Въ годъ впушу, въ другой выпущу.

Два братца всегда глядятся, никогда
не сойдутся.

Маленькое, кругленькое, въ стѣну не
воткнешь.

Чернодырой, пусть ночевать! Намъ
не годъ годовать, а одну ночь ночевать.
Погодушка захватить и ведѣлку постою.

Сутуло-горбато, по полю гуляло, всѣ
загоны пересчитало.

Плеть плетена, въ верхъ ведена, сто
рублей дана.

Двое — стоя, двое — лежа, пятой —
ходить, шестой — водить.

Четыре братца подѣ одной шляп-
кой стоять.

Что верхоглядъ въ избѣ?

Подѣ печью, подѣ ярусомъ, стоитъ
баба съ гарусомъ.

Мать толста, дочь красна, сынъ хи-
теръ подѣ небеса ушелъ.

Прилетѣла тѣнь на Петроръ-День:
сѣла тѣнь на пень; стала тѣнь плакать, что

Овинъ, гумно, молотила и метлы.

Свѣча, и въ ней свѣтильня.

Стекло въ рамѣ.

Рыпето съ водою.

Щели въ стѣнахъ.

Письма.

Погребъ.

Человѣкъ, который въ младенче-
ствѣ ползаетъ, а въ старости
ходить съ батономъ.

Ковшъ.

Желѣзные уши въ свѣтцѣ.

Поле ржаное.

Поля съ потолокомъ.

Яйцо.

На овинъ садятъ рожь или овесъ,
или другой хлѣбъ.

Серпъ.

Колокольня.

Двое стоя — два косяка у двери; двое
лежа — перекладъ и порогъ; пя-
той ходить — дверь; шестой во-
дить — петли и крюкъ.

Столъ о четырехъ ножкахъ.

Крюкъ.

Помело въ подпольѣ.

Мать — печь, дочь — огонь, а сынъ —
дымъ.

волосы вьнутъ; а другіе подростаютъ,
какъ дубровушка шумить.

Идетъ свинья отъ овина, съ обѣихъ
сторонъ по рылу.

Идетъ свинья изъ Питера, вся ис-
тыкана.

Шуба-то нова нова, да на подоль-
то дыра.

Уловать Кузьма, развязать нельзя.

Стоить дерево, при немъ четыре
уголья: первое уголье—некопанный коло-
лезь; другое уголье—при темнѣ свѣтъ;
третье уголье—битому связъ; четвертое
уголье—усталому на здоровье.

По льду льду, заиграю во пикѣ льду;
стоитъ на льду цѣла церковь людей.

Тяпъ тяпкомъ; погода маленько,
хлопъ замкомъ.

Сѣнокосъ.

Ночвы.

Наперстокъ.

Бочка.

Цѣпь.

Береза, отъ которой получаютъ: бе-
резовица (которую пьютъ), лу-
чина (которая свѣтитъ), бере-
ста (которой деревенскія бабы
обвиваютъ худые горшки), и
вьники (которыми парятъ).

Стмена въ огурцы.

Гробъ для покойника дѣзется какъ
бы не-хотя, съ горемъ; а какъ
придетъ время зарывать въ зем-
лю, то обыкновенно захопы-
вается очень скоро.

БЫТЬ КРЕСТЬЯНЪ

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ
ТВЕРСКАГО УЪЗДА.

(Священника Н. Лебедева). *

НАРУЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Наружность крестьянъ описываемаго округа большею-частію правильная; преобладающій цвѣтъ волосъ русый, но встрѣчаются крестьяне съ черными и рыжими волосами. Глаза большею-частію каріе, но есть также черные и сѣрые.

* Авторъ этой статьи—приходскій Священникъ села Кошелева, которое находится на границѣ Тверскаго и Корчевскаго уѣздовъ, на Волгѣ, на почтовой дорогѣ изъ Твери въ Корчеву. Обнимаетъ ли настоящее описаніе быть крестьянъ цѣлаго Тверскаго уѣзда, или одной только его части, или даже околотка, сосѣдняго селу Кошелеву—рѣшить нельзя. Села и деревни, упоминаемыя авторомъ въ послѣдней статьѣ описанія, на картѣ Шуберта означены въ восточномъ углу Тверскаго уѣзда, образуемомъ линіею, прове-

Крестьяне, желающие казаться степенными и скромными, остригаютъ вокругъ верхнюю часть головы себѣ, и дѣтямъ мужескаго пола. Тѣлосложеніе крестьянъ крѣпкое: мужики и бабы ходятъ изъ бань часто босыя, даже зимою; какъ скоро снѣгъ начнетъ таять, дѣти бѣгаютъ по улицѣ босикомъ. Болѣзни крестьянъ, при чрезвычайной ихъ невнимательности къ сохраненію здоровья, всего чаще происходятъ отъ простуды. Предостерегающимъ ихъ отъ простуды они обыкновенно говорятъ: развѣ мы господа, чтобы знать простуду? Такъ они и живутъ, рѣшительно безъ всякой осторожности, и оттого наживаютъ простудную, а иногда и нервную горячку.

Крестьяне этого округа трудолюбивы менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Сверхъ домашнихъ и, такъ сказать, необходимыхъ работъ, только нѣкоторые изъ нихъ занимаются посторонними работами: большая-же часть проводятъ свободное отъ полевыхъ работъ время въ бездѣйствіи. Лѣнливые, подъ разными предлогами, находятъ всякую работу не выгодною; «изъ-за чего тутъ ломаться», говорятъ они; а кто ломается, тотъ и обогащается.

Особенное вниманіе, по наружности жителей, обращаетъ на себя деревня Лукина, находящаяся въ моемъ приходѣ. Во всемъ этомъ приходѣ, въ совокупности взятомъ и состоящемъ изъ 900 душъ мужескаго пола, нѣтъ столько увѣчныхъ и неизлечимо-больныхъ, сколько въ одномъ Лукинѣ, гдѣ всего 90 душъ; замѣчательно, что въ немъ увѣчныхъ много съ незапамятныхъ временъ. Нынѣ въ немъ: трое совершенно слѣпыхъ, трое хромыхъ, двое кривыхъ, одна совершенно глухонѣмая, одинъ страдаетъ падучею болѣзнію и малодушіемъ, одинъ грыжею и одинъ каменною болѣзнію. Нѣтъ въ моемъ приходѣ бѣднѣе этой деревни; чаще всѣхъ она подвергается пожарамъ; рѣдкое лѣто не умираетъ въ немъ скотъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ.

денною чрезъ с. Кузьминское и с. Острогонецъ, съ С. и В.—теченіемъ Волги, а съ Ю.—границею Тверскаго уѣзда; но это не даетъ права дѣлать какія-либо заключенія о границахъ мѣстности, къ которой относится описаніе; ибо авторъ говоритъ объ этихъ деревняхъ и селахъ только по поводу хранящейся въ церкви села Кошелева копія съ дозорныхъ книгъ 1614 года, въ которыхъ эти деревни и села упоминаются. Въ заключеніе должно замѣтить, что по этнографической картѣ Академika Кёпена народонаселеніе всего Тверскаго уѣзда, въ настоящее время, чисто-русское; инородцевъ нѣтъ. *Прим. Ред.*

ЯЗЫКЪ.

А) ОСОБЕННЫЯ СЛОВА.

Гожѡ—вмѣсто годно. Это слово, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *угождать*. Гожимъ называютъ то, что прилично, пристойно имъ и что, стало-быть, угождаетъ ихъ вкусу, или надобности. На-примѣръ: *дерево гожѡ!*

Ражо—хорошо, пріятно, красиво. Крестьяне *ражимъ* называютъ то, что ихъ радуетъ. На-примѣръ: *погода ража; пиво ражо, платокъ ражъ, двѣка ража*, и т. д. Слово *ражо* происходитъ, кажется, отъ слова «радовать» — *ражо* вмѣсто *радующо*.

Голомѣя—довольно давно. На вопросъ: давно-ли Иванъ ушелъ къ Петру? Отвѣчаютъ: *ужъ голомѣя*. *Голомѣя*, кажется, есть сокращеніе двухъ словъ: «голо время». *Голо время*, то-есть сгладилось время, или исчезло время, прошло время.

Половня. Такъ называется небольшой сарай, въ который крестьяне убираютъ пелеву, или плеву, то-есть мякину. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ это строеніе называется «пелевня»; названіе весьма правильное. Употребляемое въ Тверскомъ уѣздѣ слово *половня* есть, можетъ быть, переименованное слово *пелевня*. Впрочемъ «половня» можно правильно произвести отъ слова *полъ*. Сарай, въ который крестьяне убираютъ плеву, бываетъ всегда съ поломъ, тогда какъ сараи для сѣна у насъ бываютъ иногда и безъ пола, а сараи для соломы—всегда безъ пола. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ словомъ «половня» означается разливательная ложка, именно та, которою черпаютъ что-нибудь изъ горшка, или котла. Въ этомъ смыслѣ слово «половня» происходитъ конечно отъ слова половина. Такою ложкою и скоро и удобно черпать только до половины горшка, или котла; а далѣе половины черпать ею менѣе удобно.

Притка—враждебная и притомъ невидимая сила, отъ которой, какъ думаютъ крестьяне, зависятъ всѣ непріятныя для нихъ происшествія. «Экъ ця притка принесла,» говорятъ въ себѣ крестьяне, когда идетъ къ нимъ челоуѣкъ, которому они не рады; «притка его вѣдать, откуда онъ!» говорятъ они о томъ, кого не знаютъ; «чтобъ ця разопритцило, дай Господи,» говорятъ во гнѣвъ. *Притка* означаетъ еще духа, наставляющаго ду-

дей на что-нибудь отважное: «экъ ця притка догадала!» говорятъ крестьяне удивляясь. *Притка* означаетъ и большую величину и большое количество. На-примѣръ: «ты выросъ съ притку,» — ты очень высокъ. «У меня всего съ притку,» — у меня всего много. Дѣйствию этой *притки* крестьяне приписываютъ всѣ нечаянно приключавшіяся болѣзни. «Мнѣ на такомъ-то мѣстѣ поприщилось,» говоритъ заболѣвшая крестьянка.

Огѣлцитъ — оговорить, то-есть какимъ-нибудь словомъ причинить другому болѣзнь. Крестьяне вѣрятъ, что есть такіе люди, которые могутъ словомъ оговорить, а взоромъ сглазить другихъ, и что, равнымъ образомъ, есть такіе благіе или лихіе часы, въ которые всякой можетъ оговорить и сглазить другаго. Слово *оголцитъ* происходитъ, кажется, отъ слова *гологъ*: *оголосить*, *оголцитъ*.

Чоботарь, въ Весъеговскомъ уѣздѣ значитъ *сапожникъ*; чоботы — женская обувь, которую прежде носили въ томъ уѣздѣ, — тоже самое, что нынѣшніе деревенскіе башмаки, или босовики, съ тѣмъ только различіемъ, что чоботы обшивались краснымъ сукномъ, запятошники обивались вокругъ, около каблука, мѣдною скобою, а подъ каблуки подбивались желѣзные скобки, наподобіе лошадиныхъ подковъ.

Квашенина. Въ Тверскомъ уѣздѣ такъ называется студень, не смотря на то, что его вовсе не заквашиваютъ, и что онъ вовсе не имѣетъ кислоты. Это слово, какъ я полагаю, происходитъ отъ словъ: квасъ и снѣдать. Крестьяне всегда почти ѣдятъ студень съ квасомъ; можно даже сказать, что у нихъ квасъ есть необходимая принадлежность студеня.

Прохоно — прохладно, а иногда — значитъ: рѣдко. *Прохоно въ комнатѣ*, значитъ: въ комнатѣ прохладно; *прохоно спать*, значитъ: спать рѣдко. Слово это, кажется, должно происходить отъ слова «проходить». Прохоно въ комнатѣ, то-есть въ комнату проходить то, что холодно. Прохоно спать, то-есть спать проходя, спать не останавливаясь, то-есть рѣдко.

Порскъ. Такъ называютъ крестьяне то мѣсто въ печи, куда сгребаютъ уголья. Слово *порскъ*, думаю, происходитъ отъ глагола *прыскать*, а по крестьянски — *порскать*. «Порскъ», то-есть такое мѣсто, изъ котораго прыскаютъ, или порскаютъ искры огня. Кроме того, «порскъ» хорошо выражаетъ самый трескъ, съ ко-

торымъ отдѣляется искра отъ угля: если внимательно прислушаться къ треску искры, онъ будетъ созвученъ словамъ — «прыскъ» и «порскъ». Наконецъ слово «порскъ» выражаетъ быстроту, съ которой летитъ искра, отдѣлившаяся отъ угля; она въ тоже время, тотчасъ же вспорхиваетъ, или, порскается отъ него на значительное разстояніе.

Голумный — смѣшливый, шутливый. «Нись какая ты голумная!» то-есть, какая ты шутливая! «Мнѣ поглумилось», значитъ: мнѣ послышалось, или привидѣлось что-нибудь; словомъ «поглумилось» выражается, что послышалось, или повидѣлось что-нибудь дѣйствиємъ нечистаго духа.

Усови порють — сильное колотье внутри.

Саяпъ — сарафанъ.

Баеть, а иногда батъ — говорить.

Вѣду и не вѣду — знаю и не знаю.

Батракъ въ Весьеговскомъ уздѣ означаетъ работника.

Ря... ря... ря... ря... такъ кликають у насъ овецъ. *

В. слова, употребляемые въ особенномъ значеніи.

Слова, которыми означается ничтожество или худыя свойства предмета, когда они поставлены передъ словами, выражающими доброту его, выражаютъ въ устахъ здѣшнихъ крестьянъ высшую степень качествъ предмета. На-примѣръ: дрянно ражо — очень хорошо; дрянно много — очень много.

Праведникъ. Такъ называютъ крестьяне правѣда, вѣроятно потому, что правѣдомъ можно быть только въ лѣтахъ преклонныхъ, когда страсти уже затихли, когда человекъ отъ суетъ

* Словопроизводство почтеннаго автора этой статьи конечно не всегда правильно; но оно напечатано здѣсь безъ всякихъ измѣненій, потому что мысль въ этнографическихъ описаніяхъ объяснять происхожденіе мѣстныхъ словъ, сама по себѣ весьма счастливая. Есть много областныхъ словъ и изреченій, которыя нуждаются въ такихъ объясненіяхъ. Составители мѣстныхъ описаній, коротко знакомые и съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, весьма часто могутъ имѣть подъ руками драгоцѣнные матеріалы для объяснительныхъ замѣчаній на слова, но не воспользоваться ими только потому, что при составленіи описаній они объ этомъ не вспомнили. *Прим. Ред.*

мірскихъ естественно отвлекается немощію плоти, и начинаетъ жить праведнѣе другихъ.

Недугъ на языкѣ крестьянъ означаетъ не простую болѣзнь, но такую, которая заражается въ чловѣкѣ съ самаго зачатія, скрывается въ тѣлѣ во всю жизнь, и не излечима до гроба. Какъ скоро кто нибудь заболѣлъ и болѣзнь его день-другой не проходитъ, крестьяне говорятъ: «въ немъ недугъ расходился». Чтобы не раздражить недуга еще пуще, крестьяне не осмѣливаются пользоваться больнаго. Сильную простуду крестьяне приписываютъ недугу; глазную болѣзнь тому же разгулявшемуся недугу; всѣ головныя боли, всѣ горячки — тоже недугъ, чѣмъ нибудь раздраженный.

Сердцемъ крестьяне называютъ желудокъ. Когда они говорятъ, что сердце болитъ, это значить, что у нихъ давить подъ ложечкой. На вопросъ: «гдѣ у тебя сердце болитъ»? крестьянинъ показываетъ на ложечку.

Князь и княгиня — женихъ и невѣста со времени рукобитія до конца свадьбы.

Обогнутъ — надѣтъ на себя одежду; кто ложась спать говоритъ что онъ — *обогнулся*, это значить, что онъ покрылся одѣяломъ.

Сорока. Этимъ словомъ, кромѣ известнаго рода птицъ, называется еще женская повязка. Повязки эти большею частію вышиваются разноцвѣтными шерстяными или шелковыми нитками, и отъ того всегда бываютъ пестрыя. Пестрота повязки и послужила поводомъ назвать ее именемъ пестрой птицы сороки.

Пышать вмѣсто дышать.

Весь значить: умеръ.

Ученикомъ называютъ учителя, а учителемъ — ученика.

Жарить лозою — наказывать лозою.

В. СОКРАЩЕНІЕ СЛОВЪ.

Тупай, вмѣсто ступай; досы, вмѣсто досыта; ни въ жи не буду, вмѣсто «во всю жизнь не буду»; водре, вмѣсто «въ случаѣ смерти»; кснуть — вмѣсто крестить; дѣлатъ. дѣламъ, вмѣсто дѣлаетъ, дѣлаемъ. Въ косвенныхъ падежахъ словъ: мой,

твой, свой буква *е* опускается; *мово, твоево, своего, вмѣсто моего, твоего, своего*; *мому, твоему, своему*, и т. д. Въ собственныхъ именахъ опускаются послѣднія буквы *а* и *я*; *Авдоть, Ульян, Степух, Анюх, Петрух, Ванюх*, и т. д.

Г. ПЕРЕМѢНА БУКВЫ ВЪ СЛОВАХЪ.

Въ началѣ словъ перемѣняютъ *т* на *ч*; на-примѣръ: *ч*а-жело вмѣсто *т*яжело; *к* на *х*: *х*рестъ, *х*рестникъ, *х*рестянинъ; *о* перемѣняютъ на *у*: *у*твори, *у*топри, *у*порѣзалъ, *у*порознилъ; *и* на *у*: *у*згорода вмѣсто *из*города; *я* перемѣняютъ на *е*: *е*ровой, *ей*цо.

Въ серединѣ словъ перемѣняютъ *а* на *у*: *пу*раха; *е* на *о* въ словахъ: *у* себя, къ *себѣ*; *т* предъ *е* и *и* перемѣняютъ на *ц*: *це*бя и *це*я вмѣсто *те*бя; *вѣ*рносцію, *крѣ*посцію; *ч* передъ гласными перемѣняютъ на *ц*: *ца*й, *це*ловѣкъ, *це*сло, *ц*орно, *ц*угунъ; *д* передъ гласными мягкими произносятъ какъ *дз*, *дз*вло, *дз*вѣка, *дз*ядзя; вмѣсто *у* употребляютъ *ю* въ словѣ *студѣно* вмѣсто *студено*. Говорятъ *ко*коть вмѣсто *но*готъ.

Въ концѣ словъ въ именахъ мужескаго рода *ъ* иногда перемѣняютъ на *ай*: *Пет*рай, *ми*лай вмѣсто *Пет*ръ, *ми*лъ; *йй* на *ий*: *Мит*рай вмѣсто *Димитрій*. Окончаніе творительнаго падежа *ою* или *ой* перемѣняютъ на *уй*: съ *на*лкуй, съ *до*садуй, съ *ох*отуй.

Въ глаголахъ вмѣсто окончаній *аю* и *ою* въ будущемъ совершенномъ употребляютъ *у*; на-примѣръ: *вы*му, *вы*стиру, *сдѣ*лу, *сбѣ*гу. — Окончанія *сся* и *шся* перемѣняютъ на *стя*: *о*шиба-*ешся*, *ру*гае*шся*, *об*манывае*шся*, и т. д. Прошедшее время изъявительнаго наклоненія употребляютъ вмѣсто повелительнаго наклоненія; *по*шелъ *домой*, вмѣсто: *иди* *домой*. Въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ, происходящихъ отъ глагола *нести*, говорятъ *ай* вмѣсто *и*: *по*несай, *пр*инесай, *у*несай.

Д. ПРИБАВЛЕНІЕ БУКВЫ ВЪ СЛОВАХЪ.

Въ словахъ, оканчивающихся на *у* и *ю*, прибавляютъ *й*: *ле*гонькуй, *ти*хонькуй, съ *ма*терью, съ *до*черью, за *д*верью.

Прибавляют лишнія буквы въ словахъ: *моланія* вмѣсто *молнія*, *попыма* вмѣсто *пламя*, *устна* вмѣсто *уста*.

ЖИЛИЩА.

Во всей нашей округѣ, даже во всемъ уѣздѣ, селенія весьма многолюдны и строятся обыкновенно въ двѣ прямыя линіи, окнами на улицу. Старинныя избы всѣ черныя или курныя; а вновь строятся избы большею-частью бѣлыя. При каждомъ домѣ есть надворное строеніе, соответствующее состоянію крестьянина. Клѣть строится всегда позади дома, и отдѣляется отъ него одними стѣнами. Клѣть почти у всѣхъ бываетъ двухъ-этажная. Въ верху хранится платье и лучшее имущество крестьянина, а низъ служить ему погребомъ; здѣсь ставятъ лѣтомъ квасъ, молоко, творогъ, пиво и т. п. Кроме того, почти у каждаго крестьянина устроенъ на дворѣ теплый хлѣвъ, называемый *мшаникомъ*, потому что всегда бываетъ *мшениый*, — или *овчаникомъ*, потому что въ зимнее время здѣсь стоятъ овцы и телята.

Внутренность крестьянскихъ жилищъ весьма неопрятна. На полу каждое утро кормятъ куръ; каждый вечеръ на полъ падаютъ уголья отъ горящей лучины; по немъ почти всю зиму ходятъ то овцы съ агнятами, то малые телята, а между тѣмъ полъ никогда не моется болѣе одного или двухъ разъ во всю зиму: у всѣхъ ко дню Св. Пасхи, а у нѣкоторыхъ и къ Рождеству Христову. Кроме того, въ крестьянскомъ домѣ всѣ женщины каждый день чешутъ или, какъ онѣ сами говорятъ, *мыкаютъ* для себя ленъ, а мужчины въ тоже время плетутъ для домашнихъ изъ поскони *чуни*, или теплые лапти. Отъ этихъ работъ поднимается въ избѣ пыль, которая садится на стѣны, брусъ, лавки и одежду. Удивительно ли, послѣ этого, что на крестьянахъ рѣдко когда увидишь чистую рубашку?

ОДЕЖДА.

Обыкновенное платье мужчинъ въ зимнее время коротенькой полушубокъ и стрый кафанъ, на головѣ какая-нибудь шапка, а на рукахъ большія рукавицы изъ рыжей кожи, съ шерстяными вязанками. Въ лѣтнее время повседневное платье крестьянъ тоже самое, съ тою только разницею, что они лѣ-

томъ ходить босые, а на головѣ носить какія-нибудь шляпы. Женщины зимою по буднямъ ходятъ въ *поволошныя*, то-есть покрытыхъ толстою холстиною, шубахъ, а лѣтомъ въ поволошныхъ же кафтанахъ. Дома онѣ ходятъ во всякое время года въ крашенинныхъ сарафанахъ или, по-здѣшнему, *сидлахъ*. Голову покрываютъ въ простые дни во всякое время года одинаково — сперва волосиками, сдѣланными изъ холстины, потомъ вышитыми изъ шерсти или шелку сороками и, наконецъ, фатами, то-есть набойчатыми холстинными платками. Обыкновенная зимняя обувь крестьянъ и крестьянокъ одинакова: двѣ суконки и чуни.

Нарядное платье мужчинъ, кромѣ красныхъ ситцевыхъ и александрійскихъ рубашекъ, въ лѣтнее время: синий суконный, или по крайней мѣрѣ рѣшнвскій армякъ, красный кушакъ и черная поярковая шляпа. Въ зимнее время: бѣлый овчинный тулупъ или овчинный полушубокъ съ лѣтнимъ армякомъ, высокая съ шелковымъ околѣщемъ шапка и зеленые замшевыя рукавицы. Праздничная обувь лѣтомъ кожаные, а зимой валяные изъ шерсти сапоги. Нарядная одежда женщинъ: въ лѣтнее время — нанковые, или суконные холодники, по два шерстяныхъ чулка на каждой ногѣ и кожаные русскіе башмаки. Голову покрываютъ онѣ, сверхъ названныхъ выше повязокъ, красными платками. Зимой онѣ одѣваются въ шубы овчинныя бѣлыя, или покрытыя голубою нанкою или синимъ сукномъ; а обуваются въ два русскихъ чулка на каждой ногѣ и въ валяныя изъ шерсти чуни.

На гулянье надѣваютъ женщины лѣтомъ бѣлыя изъ тонкаго холста или изъ краснаго ситцу рубашки; у бѣлыхъ рубашекъ рукава всегда бываютъ вышиты красною бумагою; сверхъ рубашки онѣ надѣваютъ красныя кумашницы и опоясываются шелковыми длинными и широкими поясами и ситцевыми или кисейными передниками; на шею надѣваютъ отъ двухъ до пяти нитокъ янтарей или бусъ; голову украшаютъ золотыми или митурными повязками, вершка въ три вышины, и шелковыми платками. Дѣвичьи повязки называются лентами, а женскія — сороками. Различіе между повязками тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ, что дѣвичьи всегда бываютъ вышиты гладко, а женскихъ вышиваются столбики, или крупныя цвѣты.

пища.

Ежедневная пища крестьянъ, въ постные дни: хлѣбъ, рѣдька, если есть, щи изъ сврой капусты и картофель или бухма; въ праздники: вмѣсто хлѣба — пироги изъ ржаной муки, грибы съ масломъ, щи, у нѣкоторыхъ съ рыбой, горохъ, картофель и каша. Въ скоромные дни обыкновенная пища: щи забѣленные, картофель съ масломъ и молоко; по праздникамъ: щи съ говядиной, похлебка съ бараниной и яичница на молоко. Самымъ рѣдкимъ и самымъ лучшимъ угощеніемъ между крестьянами почитается яичница на одномъ маслѣ.

обычай при рожденіи дѣтей.

Крестьянки тщательно скрываютъ отъ всѣхъ время родовъ. Какъ скоро оно наступитъ, женщина тайно отъ всѣхъ, (развѣ сказавшись одной свекрови на ухо) уходитъ въ теплый хлѣвъ, гдѣ стоятъ овцы, и тамъ рождаетъ одна. Скрывается она отъ всѣхъ для того, чтобы никто ее не сглазилъ, не оголцилъ, то-есть не оговорилъ. По разрѣшеніи отъ бремени, родившая приходитъ съ младенцемъ въ домъ и ложится на нечъ. Тогда посылаютъ за повивальной бабкой; та приходитъ, повиваетъ младенца и, нажавши хлѣба съ солью, завертываетъ въ какую нибудь тряпку и даетъ младенцу. Потомъ топятъ баню и въ ней три дня къ ряду парить и третъ родильницу. Этимъ и оканчивается дѣло бабки; родильница съ этого времени перестаетъ хворать и принимается за работу; въ рабочее же время она идетъ на работу на другой день послѣ родовъ, а нерѣдко рождаетъ и на работѣ. Повивальныя бабки призываются къ родильницѣ до родовъ въ такомъ только случаѣ, когда послѣдняя мучится болѣе сутокъ, да и тогда онѣ только свидѣтельными страдаютъ рожающей, ибо изъ ста бабокъ едва-ли десятая знаетъ что-нибудь въ своемъ дѣлѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя слыгутъ знахарками, берутъ въ такомъ случаѣ: напавъ мешку изъ трехъ бань, приносятъ ихъ въ домъ, и ~~исполь~~ ^{исполь} ими стучать ими, призывая на помощь бабушку ~~бабу~~ ^{бабу} обливаютъ ихъ водою и сбрызгиваютъ ею ~~рожающую~~ ^{рожающую} нѣкоторыя женщины и разрешаются благополучно.

го обряда, то, конечно, по милости Божіей и съ помощію природы; а между тѣмъ бабки приписываютъ это своему знахарству и тѣмъ величаются.

Ближнія родственницы родившей, узнавъ объ ея разрѣшеніи, приходятъ поздравлять ее и приносятъ ей, какъ они говорятъ, на зубокъ, хлѣбъ-соль: пирогъ, капусту, ягоду, огурцовъ, яицъ и т. д., смотря по дню и по своему состоянію. Приносятъ ей на зубокъ, то-есть для подкрѣпленія ея силъ, для возбужденія аппетита, съ желаніемъ, чтобы она, скушавши принесенное, сама стала и кушала все по прежнему.

ОБЫЧАИ ПРИ КРЕЩЕНІИ.

Въ воспріемники новорожденнаго родители избираютъ своихъ родственниковъ и друзей. У кого не живутъ дѣти, тѣ приглашаютъ въ воспріемники или того, у кого много дѣтей, или, уповаю на выборъ и волю Божию, въ день крещенія рано утромъ выходятъ на улицу и перваго встрѣчнаго неотступно просятъ быть воспріемникомъ, въ той увѣренности, что онъ посланъ отъ Бога и что, можетъ быть, его счастіемъ новорожденный будетъ живъ. Крещеніе совершается по церковному чиноположенію. По окончаніи Священнаго Таинства, воспріемникъ бросаетъ въ купель воскъ съ волосами младенца и смотритъ, потонетъ ли онъ; если воскъ потонетъ, значить, что крестникъ его умретъ; если не потонетъ, то крестникъ будетъ живъ. Этого предразсудка и до сихъ поръ не можетъ вывести опытъ, что воскъ никогда не тонетъ, а младенцы умираютъ очень часто. Потомъ устраивается обѣдъ или такъ-называемая каша. Это названіе дано ему, думаю, потому, что на немъ всегда и вездѣ бываетъ каша и даже двѣ: въ скоромные дни каша жидкая съ молокомъ и каша густая съ масломъ, а въ постные дни просыная и гречневая. Замѣчательны начало и конецъ этого обѣда. Въ началѣ пьютъ вино за здоровье новорожденнаго, какъ говорятъ крестьяне, и всѣхъ хрещеныхъ, приговаривая: «дай Богъ здравствовать новорожденному и всѣмъ хрещенымъ на хлѣбъ, на соль, на добро здоровье». Потомъ, когда дойдетъ очередь до второй каши—последняго кушанья, родной или крестный отецъ младенца беретъ отъ всѣхъ обѣдающихъ ложки и втыкаетъ ихъ въ кашу; потомъ кладетъ на столъ податъ каши лопотъ

комить. Возмужалые парни съ своей стороны стараются показать, особенно передъ хороводомъ дѣвокъ, чудеса храбрости и силы, ловкость, проворство, оборотливость, опрятность, щегольство и роскошь; въ разговорахъ они стараются превзойти другъ друга въ деревенскихъ островахъ и выдумкахъ. Вообще, въ лѣтахъ мужества въ крестьянахъ сильно обнаруживается желаніе нравиться. Дѣти крестьянъ, носящія увеличительныя имена, имѣютъ право гулять въ хороводахъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Свадьбы у крестьянъ бываютъ большею частію осенью. Осенью крестьянинъ охотнѣе отдаетъ дочь замужъ, потому что ему не придется уже кормить ее зимою; — «съ хлѣба долой», говоритъ онъ, и отдаетъ. Весною же онъ отдаетъ неохотно; «зиму, говоритъ крестьянинъ, я ее прокормилъ, такъ пусть мнѣ это лѣтомъ заработаетъ». И не иначе согласится онъ весною отдать замужъ свою дочь, какъ если сватающій согласится нанять ему работницу.

Крестьянскія свадьбы, какъ и всѣ другія, начинаются сватовствомъ. Женихъ объявляетъ своимъ родителямъ, кого бы ему хотѣлось имѣть женою. Тогда родители приходятъ съ нимъ къ кому-нибудь изъ невѣстныхъ сосѣдей, и дѣлаютъ невѣстѣ предложеніе; она одѣвается въ самый лучшій нарядъ и принимаетъ сватовъ; женихъ и невѣста смотрятъ другъ друга. Потомъ родители жениха предлагаютъ невѣстѣ родителямъ, — не хотятъ ли они видѣть житье-бытье жениха. Тѣ приходятъ въ деревню, спрашиваютъ жениховыхъ сосѣдей обо всемъ, что нужно знать о женихѣ, осматриваютъ его домъ, скотъ и хлѣвъ. После того приходятъ домой, что видѣли и слышали передаютъ невѣстѣ, и, узнавъ ея рѣшительное намѣреніе, извѣщаютъ о томъ жениха. Если невѣста согласна идти замужъ, то ея и жениховы родители назначаютъ день рукобитья. До этого дня и женихъ и невѣста еще могутъ передумать и отказаться.

Въ назначенный день вечеромъ отецъ жениха со штофомъ вина и пирогомъ приходитъ въ домъ невѣсты и отдаетъ свой гостинецъ ея отцу; оба садятся, и разговариваютъ; потомъ зажигаютъ свѣчу предъ иконами и молятся Богу; наконецъ даютъ другъ другу руки, непременно завернувши ихъ въ полу

пшубы или армяка. Въ это время невеста начинает плакать въ голосъ, или, какъ говорятъ крестьяне, выть. Вотъ ея причеты: «родимый мой батюшка NN и родимая матушка NN, не засвѣчайте вы свѣчку воску бѣло-ярова, не машите пола объ полу, не бейте рука объ руку, не рушите мою красу дѣвичью, не давайте мое бѣлье-рукодѣльце въ чужи руки въ поруганье». Потомъ она обращается съ плачемъ къ каждой изъ своихъ подругъ и проситъ ихъ поплакать объ ея горѣ. Въмѣстѣ съ нею воютъ и подруги. Между тѣмъ отцы, ударивши рука объ руку и поцѣловавшись, садятся за столъ и угощаютъ другъ-друга принесеннымъ виномъ. Затѣмъ назначаютъ день свадьбы. При отъѣздѣ женихова отца, невеста посылаетъ жениху полотенце: давши полотенце, невеста не можетъ уже отказаться отъ брака. Съ этихъ поръ невеста до самаго брака воетъ въ отцовскомъ домѣ каждое утро и каждый вечеръ, и называется вездѣ и всегда и передъ всѣми—княгиней, а женихъ — княземъ. Съ этихъ же поръ та и другая сторона готовятся къ свадьбѣ.

На канунѣ брака княгиня, въ сопровожденіи подругъ, отправляется въ баню; тамъ онѣ моются и пьютъ пиво. Изъ бани княгиня, покрытая бѣлымъ покрываломъ, идетъ домой, а за нею подруги. Подходя къ деревнѣ, у перекрестка, княгиня начинаетъ выть во весь голосъ: «ужъ стану я сиротушка горькая на широкомъ перекресточкѣ, по-конецъ улицы широкой, о-край полюшка чистаго; помолюсь я тамъ Господу Богу на всѣ четыре стороны». Молится и идетъ домой. Подходить къ своему дому, стоитъ у воротъ и воетъ до тѣхъ поръ, пока отецъ или мать не выйдетъ встрѣтить ее. Причитаетъ она такъ: «родимый батюшко NN и родимая матушка NN, поглядите вы во красное окошечко, на широкую на улицу, на меня горюшу горькую. Иду я горюшійка со стадомъ своимъ лебединымъ — съ милыми подружками. На всѣхъ-то на нихъ платьеца албются, а на мнѣ горькой сиротушкѣ платьецо бѣлется. Встаньте вы, батюшки, буйлы вѣтры, раскачайте верей дубовыя, отворите ворота широкіе». Входитъ въ домъ, молится Богу, садится на лавку и опять воетъ. Въ воплѣ своемъ она благодаритъ отца и мать: «спасибо вамъ родимые на банькѣ, на мыльнѣ, на вѣничкѣ шелковымъ, на пару малиновомъ». Потомъ обращается

къ любимой изъ подругъ, съ причитаньемъ: «расчеши ты голову буйную, заплети ты косу русую, какъ бы завтра она не расплеталася». Подруга исполняетъ ея просьбу. Навывшись, княгиня кланяется въ землю всемъ своимъ подругамъ и, простившись, разстается съ ними.

Въ тотъ же день вечеромъ жениховъ отецъ опять является къ невестѣ съ гостинцами отъ жениха; приносить ей гривну мѣди, башмаки, чулки, зеркало, пряниковъ, мыла, бѣлилъ, румянъ. Невѣста принимаетъ все это, а женихова отца сажаютъ и угощаютъ, и при отъѣздѣ его, невеста посылаетъ жениху вѣнчальное полотенце или косыню, а мать невесты будущему своему зятю—десять яицъ.

Нужно замѣтить, что на свадьбѣ половъ не моютъ, а стелютъ на полъ солому, которая и лежитъ до третьяго дня свадьбы. Солому стелютъ для того, чтобы молодые не ходили по голому полу, чтобы они не жили голо, а богато.

Въ самый день брака княгиня встаетъ рано, садится на лавкѣ у двери и опять воетъ: «родимый батюшко NN и родимая матушка NN, что спалась ли вамъ крѣпка ночушка? А мнѣ горькой сиротинушкѣ не спалась - то вся темна ночушка: всю ночку я продумала свою думу горькую». Если вѣнчанье приходится въ праздникъ, князь и княгиня прїѣзжаютъ въ церковь къ заутрени; князь въ бѣломъ полушубкѣ и синемъ армякѣ на распахку; вѣнчальная косынка, повязанная на рукѣ, отличаетъ его отъ всѣхъ мужчинъ; она виситъ у него на рукѣ и во всю свадьбу; а княгиня въ бѣлой, или покрытой нанкою или сукномъ, шубѣ. Голова ея, сверхъ обыкновенной повязки, покрывается широкимъ и длиннымъ бѣлымъ покрываломъ изъ тонкаго холста или каленкора; невеста закрываетъ имъ свое лицо, во все время свадьбы, потому что стыдится. Въ церкви князь и княгиня слушаютъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери. Замѣчательно, что у княгини во всё время молебна и всей свадьбы правая рука бываетъ завернута въ длинный рукавъ ея рубахи, чтобы ей жить не голо, а богато. Князь уѣзжаетъ изъ церкви прямо домой, а княгиня, съ сильнымъ воплемъ, отправляется на могилы родныхъ: долго она воетъ, причитаетъ всѣхъ умершихъ родныхъ, зоветъ ихъ на свое пиршество, и отъ всѣхъ проситъ благословенія на

ромъ». Въ это время подруги прощаются съ невестою. Дорогою потъздъ неръдко останавливается, и кто хочетъ, тотъ пьетъ взятое на дорогу вино и пиво. Наконецъ весь потъздъ пръзжаетъ къ церкви, исключая совершенно пьяныхъ, которые ѣдутъ прямо въ домъ жениха.

По пръздѣ, князь и княгиня входятъ въ церковь. Бракъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ. Когда надо становиться на подножье, брачушіеся стараются ступить на нее въ одно время, ибо есть примѣта, что кто первый станетъ на подножье, тотъ въ жизни и большину возьметъ. По совершеніи вѣчанія, потъзжане спрашиваютъ новобрачныхъ: кто кому пощоренъ? Въмсто отвѣта, княгиня кланяется въ ноги князю и потомъ цѣлуетъ его, держа руками за уши: это между крестьянами означаетъ самый искренній и, какъ говорится, самый жаркій поцѣлуй: не всѣ удостоиваются такого поцѣлуя отъ княгини, а одни ближайшіе родственники. Послѣ того, новобрачныхъ ведутъ въ трапезу или на паперть и княгиню окружаютъ, то-есть убираютъ ея голову по-женски, плетутъ въ двѣ косы ея волосы, въ косы вплетаютъ горсть льну и навязываютъ волосникъ и сороку. Послѣ того молодымъ даютъ зеркало, въ которое они глядятся оба вмѣстѣ и любятъ другъ другомъ. Наконецъ, молодую опять покрываютъ тѣмъ же покрываломъ, выходятъ изъ церкви, князь сажаетъ княгиню въ повозку и всѣ ѣдутъ въ домъ жениха, съ громкими пѣснями.

Когда молодые пръздутъ изъ церкви домой, отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью. Благословляютъ ихъ также, какъ при отправленіи къ вѣнцу. Благоразумные родители даютъ при этомъ наставленіе дѣтямъ любить Бога, повиноваться начальникамъ, почитать старшихъ и беречь ихъ, стариковъ. Послѣ благословеній, дружка жениховъ сажаетъ молодыхъ на шубу, поднимаетъ, опять сажаетъ, снова поднимаетъ и въ третій разъ сажаетъ. Сажаетъ на шубу, а не на голую лавку, чтобы имъ богато жить, а не бѣдно. Какъ скоро пръзжіе гости раскланяются и поздравятъ батюшку «домовитаго» съ новобрачными, а новобрачныхъ съ законнымъ бракомъ, дружка уводитъ ихъ въ клѣтъ, гдѣ они обѣдаютъ одни. На другой день послѣ свадьбы отъ княгини раздаются дары княземъ родственникамъ; чѣмъ родственникъ ближе, тѣмъ лучше дары.

Они состоятъ изъ болѣе или менѣе длинныхъ полотенецъ. Дарятъ начиная съ князевыхъ родителей, такимъ образомъ: въ кѣлти, княгиня и ея сваха назначаютъ, кому дарить какіе дары; невестинъ дружка разноситъ ихъ на блюда, порознь каждому. Держа въ рукахъ блюдо съ дарами, онъ становится передъ жениховымъ отцомъ и начинаетъ громко кричать: «есть ли въ сей бесѣдѣ такой человѣкъ, батюшко домовитой NN?» и, не получивъ отвѣта, продолжаетъ: «кланяется вамъ князь новображный NN и княгиня новображная NN бѣльцомъ-рукодѣльцемъ; малое примайте, большому сроку давайте; коли не годится въ ручки, такъ хоть на онучки.» Въ это же время подносятъ отцу стаканъ пива или вина, а молодые кланяются въ ноги и лежатъ на полу до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ и не велитъ встать. Выпивши, онъ беретъ дары съ блюда, оттираетъ ими свои уста и хочетъ цѣловать князя и княгиню; но князь не прежде цѣлуетъ его, какъ отеревъ ему уста своей косыней, хотя бы они были совершенно чисты и сухи. Значенія этого обряда не знаютъ и сами крестьяне. Такъ дарятъ и мать женихову, называя ее матушкою домовитою NN, и всѣхъ гостей, съ перваго до послѣдняго, съ большаго до малаго. Передъ каждымъ изъ гостей кричатъ такъ: «есть ли въ сей бесѣдѣ такой-то: кланяется вамъ батюшка домовитый NN, матушка домовитая NN, князь новображный NN, княгиня новображная NN, сроку давайте» и т. д. Каждый, принявъ съ блюда дары, отдариваетъ княгиню деньгами, кто по сколько хочетъ. Пока окончится раздача даровъ, наступаетъ время обѣда. Послѣ обѣда гости съ невестиной стороны уѣзжаютъ изъ дома жениха, а невеста, провожая ихъ, воетъ. Въ плачъ своемъ она посылаетъ низкій поклонъ - челобитьеце желанному батюшкѣ, желанной матушкѣ, родимымъ братцамъ и сестрицамъ и т. д.

На третій день послѣ свадьбы княгиня навсегда снимаетъ съ себя покрывало. По утру молодыхъ оканиваютъ, — въ лѣтнее время на рѣкѣ или прудѣ, а въ зимнее у колодца. Долго гости тѣшатся здѣсь и надъ молодыми и другъ надъ другомъ, пока всѣ не промокнутъ достаточно; потомъ приходятъ домой, переодеваются и обѣдаютъ, а послѣ обѣда новобрачные катятся на двухъ или трехъ тройкахъ съ доми. Передъ ними ѣдутъ нарженые. Веч

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, молодые ходятъ къ невестину отцу въ гости на побывотки и гостятъ тамъ двое сутокъ, послѣ чего и молодой зять уводитъ тестя и тещу въ домъ къ своимъ родителямъ на спознатки. Они также гостятъ двое сутокъ. Въ это время жениховы и невестины родители спознаются, сдружаются.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Гробовъ здѣшніе крестьяне ни чѣмъ не обиваютъ. Гробы у нихъ обыкновенно выдолбленные изъ дерева, рѣдко досчанные. Умершаго мужчину одѣваютъ въ бѣлую рубаху и исподвицы, опоясываютъ и обуваютъ въ липовые лапти, а сверху покрываютъ саваномъ. Женщину одѣваютъ въ рубаху, саянъ, волосникъ, сороку и бѣлый платокъ; а обувь и саванъ такіе же какъ у мужчинъ. Кто умереть на Пасхѣ, тому даютъ въ руку лѣнцо, для того, говорятъ крестьяне, чтобы онъ на томъ свѣтѣ могъ похристосоваться съ своими родными. На похороны собираются всѣ ближніе родственники умершаго. Женщины и дѣвушки при этой церемоніи повязываются бѣлыми платками, въ знакъ печали. На выносъ покойника женщины идутъ сзади и громко воютъ, съ разными причитаньями. Въ церкви онъ окружаютъ гробъ, всѣ ложатся головами на бока гроба и также воютъ. Во время отпѣванія онъ молчатъ, а послѣ отпѣванія опять поднимаютъ вой и продолжаютъ вѣть до зарытія могилы, потомъ приходятъ домой и опять сильно воютъ. Поминки по каждомъ умершемъ бываютъ два раза: въ день похоронъ и черезъ шесть недѣль и состоятъ изъ праздничнаго обѣда, который оканчивается овсянымъ киселемъ съ медомъ. Если поминаютъ умершаго, который пилъ вино, то за обѣдомъ бываетъ вино и пиво; а если умершій не пилъ вина, то за поминальнымъ обѣдомъ вино не подается. Послѣ обѣда родные умершаго опять долго по немъ воютъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОЖАРАХЪ.

На пожарахъ крестьяне помогаютъ другъ другу сами собою и довольно дѣятельно. Къ несчастію, крестьянскіе пожарные снаряды вездѣ почти чрезвычайно худы и сохраняются

дебрежно; навѣсъ, подъ которымъ они стоятъ, совсѣмъ не охраняетъ ихъ ни отъ дождя, ни отъ снѣга; дроги, на которыя ставится бочка, или вовсе безъ колесъ, или съ полуразвалившимися колесами, и притомъ всегда стоятъ безъ воды, отъ чего въ лѣтнее время разсыхается. И такъ нисколько не удивительно, что оказываемая на пожарахъ помощь мало приноситъ пользы и что отъ незначительной искры бываютъ большіе пожары.

ОБЫЧАИ ПРИ СКОТСКИХЪ ПАДЕЖАХЪ.

При скотскихъ падежахъ крестьяне не довольно осторожны. Крестьянинъ, у котораго заболѣетъ и падетъ одна или двѣ скотины, не объявляетъ о томъ своимъ сосѣдямъ и продолжаетъ по прежнему гонять въ стадо оставшіяся скоть, даже зараженный. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему у крестьянъ нередко бываютъ сильныя скотскіе падежи. Не сказываютъ они сосѣдямъ о заболѣвшемъ у нихъ скотѣ, безъ сомнѣнія, изъ одного глупаго и ошибочнаго расчета, что если имъ запретятъ пускать скоть въ стадо, то придется преждевременно кормить его на дворѣ и преждевременно изводить кормъ, заготовленный на зиму.

Кромѣ того, крестьяне зарываютъ умершую скотину у себя на дворѣ и не всегда глубоко: удивительно ли, послѣ этого, что во время скотскаго падежа весьма часто вымираетъ у нихъ весь скоть, до послѣдней, какъ говорится, шерстины?

БОЛѢЗНИ И ИХЪ ЛЕЧЕНІЕ.

Обыкновенныя болѣзни между крестьянами большею частью происходятъ отъ простуды. Трудно убѣдить ихъ въ этомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они чаще всего заболѣваютъ отъ того, что рано утромъ и поздно вечеромъ ходятъ босикомъ, сильно вспотѣвши много пьютъ холоднаго и ложатся на голую землю; или, выпарившись въ банѣ, съ четверть версты идутъ босикомъ во всякое время года. Когда крестьянинъ почувствуетъ то жаръ, то ознобъ, то боль съ насморкомъ, кашель, отсутствіе аппетита, бредъ и т.

п., то обыкновенно говорятъ: «меня оговорили, или сглазили, или недугъ расходился». Въ этихъ болѣзняхъ крестьяне натираются рѣдкою и деревяннымъ масломъ въ теплое мѣсто, и прикладываютъ хлѣвъ къ затылку. Такими средствами мнѣ удавалось вылечивать простуду столь сильную, что тѣло больного уже не имѣло чувствительности. Потерявшіе чувствительность члены я приказывалъ тереть рѣдкою до тѣхъ поръ, пока она не начнетъ жечь, и потомъ натирать ихъ деревяннымъ масломъ; для внутренняго же употребленія предписывалъ теплое питье изъ травъ, возбуждающихъ потъ. Слѣдствіемъ такого леченія, повторяемаго три или четыре раза въ день, было то, что крестьянинъ, отъ простуды не ходившій и не владѣвшій руками, недѣли черезъ полторы уже начиналъ выздоравливать и наконецъ совершенно выздоравливалъ.

Въ желудочныхъ болѣзняхъ крестьяне прибѣгаютъ къ одному только средству, именно къ горшку повивальной бабки, но облегченія отъ того почти никогда не получаютъ. Въ несчастныхъ послѣдствіяхъ родовъ, по моему совѣту, съ большою пользою употребляютъ настой черныбыльника, приготовленный въ видѣ чаю.

З А Н Я Т І Я .

Занятія, наиболѣе любимыя въ нашей мѣстности, суть: извозничество, ямщина, дворничество и хлѣбопашество. Какъ скоро крестьянинъ соберется силами купить три или четыре лошади, онъ обыкновенно или начинаетъ извозничать, т. е. возить товары изъ столицы въ столицу, или ямщичать, т. е. возить съдоковъ отъ одного мѣста до другаго. Живущіе на шоссе любить дворничать, т. е. кормить извозчиковъ; немногіе ходятъ на баркахъ. Хлѣбопашествомъ занимаюся люди одинокіе и пожилые. Неудивительно, что первые три вида промышленности пріятны для крестьянъ: эти занятія и легче и выгоднѣе и даютъ возможность каждый день по нѣскольку разъ пить чай и кушать довольно сытно и лакомо. О хлѣбопашествѣ крестьяне имѣютъ пословицу: «отъ сохи да отъ косы не будешь богатъ, а будешь горбатъ». Земля обрабатывается сохами и лошадьми. Руководъями и ремеслами крестьяне нашего округа не занимаются.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Главная принадлежность крестьянских праздниковъ есть пиво и вино. Безъ пива и вина и праздникъ не въ праздникъ. Главное удовольствіе пожилыхъ крестьянъ во время праздника — напиться допьяна и пѣть пѣсни. Чтобы больше пить пива, крестьяне въ это время нарочно ѣдятъ соленое. Зато, отъ излишняго употребленія пива, у нихъ толстеютъ лица и распухаютъ руки. Съ перваго взгляда можно узнать «праздникаго» крестьянина: онъ весь отекъ! Крестьянскія дѣти въ праздники играютъ хороводами, пляшутъ, поютъ пѣсни и играютъ въ гармоники и балалайки. Когда они ходятъ, или пляшутъ въ кругу, то размахиваютъ красными платками. Дѣвки и парни, не ходящіе въ кругу, считаются въ крестьянствѣ или большыми, или малоумными. На святкахъ и обѣ масляницѣ, парни и дѣвки, лишь только смеркнется, выходятъ на улицу, собираются, поютъ пѣсни, играютъ и пляшутъ всю ночь. Отцы и матери нимало обѣ нихъ не заботятся и не смотрятъ на то, что дѣлаютъ дѣти.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Деньги на оброкъ, на домашніе расходы, на праздничное угощеніе и наряды, крестьянинъ извлекаетъ изъ хлѣба. Дочери многосемейныхъ и бѣдныхъ крестьянъ наряжаются на деньги, которыя наживаютъ, нанимаясь въ работницы.—Очень рѣдко случается, чтобы два, или три брата жили не раздѣлившись, особенно между казенными крестьянами. А одинокому человѣку, не имѣющему никакого ремесла и не могущему отлучиться для заработковъ на чужбину, притомъ же человѣку довольно лѣнивому, какихъ весьма много между крестьянами, чѣмъ платить оброкъ, чѣмъ вести домашній расходъ и дѣлать праздничное угощеніе, чѣмъ исправлять наряды, какъ не деньгами, вырученными отъ продажи хлѣба? Въ оброкъ онъ продаетъ овесъ; крупу, соль, деготь и прочія необходимыя вещи забираетъ въ теченіе всего лѣта подъ осенній овесъ; на исправленіе праздниковъ и одежды прода-
ому-то нисколько неудивительно, что у оцѣни-
дѣлать не остается

ся овса и на сѣмена, и что очень многіе изъ нихъ сѣютъ чужимъ овсомъ, хотя и платятъ за то иногда большой ростъ, именно отъ двухъ до четырехъ, а иногда и до восьми мѣръ за каждую взятую четверть.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА.

Крестьянскія сходки и бываютъ, когда представится надобность, большею же частію въ праздничные дни, свободные отъ полевыхъ работъ. Всякое происшествіе, всякая надобность сперва касается *десятскаго*. Когда онъ найдетъ, что нужно сдѣлать сходку, то обходитъ всю деревню, стуча палкою подъ каждымъ окномъ, и кричить: «эй дядя N N, на улицу!» Народъ собирается на обыкновенное мѣсто и десятскій объявляетъ о причинѣ схода. Каждый крестьянинъ подаетъ свой голосъ; между ними есть партіи; иногда онѣ спорятъ между собою долго и жарко, и тутъ крестьяне поднимаютъ одинъ на другаго всю подноготную; со всѣхъ сторонъ сыплются укоры, упреки и брань. Перевѣсъ беретъ наконецъ тотъ, кто всѣхъ сильнѣе кричитъ, и кто всѣхъ упрямѣе настаиваетъ на своемъ, хотя бы онъ былъ и бѣднѣе и моложе. Если спорятъ между собою слишкомъ долго, то дѣло рѣшается или жеребьемъ, или большинствомъ голосовъ. Кромѣ десятскаго есть еще въ каждой деревнѣ *пятидесятскій*. Десятскій чередуется по числу душъ, а пятидесятскій избирается на одинъ годъ. Десятскій наряжаетъ подводы, отводитъ квартиры, собираетъ сходы, а пятидесятскій наблюдаетъ за исправностію изгородей и чистотою дорогъ. Десятскій и пятидесятскій имѣютъ право наказывать крестьянина, за полное непослушаніе, нѣсколькими ударами палки или наложеніемъ лишнихъ подводъ.

Пока дѣти въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, отцы и матери, въ особенности послѣдніе, любя ихъ, безнаказанно прощаютъ имъ глупости, грубости и даже дерзости. До шестнадцати лѣтъ дѣтей почитаютъ глупыми и несмысленными; въ это время наказывать ихъ за какіе бы то ни было проступки, крестьяне почитаютъ жестокостію и грѣхомъ.

Дѣлятся между собою тѣ братья, которые не имѣютъ родителей, и большею частію потому, что братъ брата не слу-

иаетъ; чаще же изъ-за женъ, которыя бранятся между собою, и изъ-за малолѣтнихъ дѣтей, которыя, играя, перѣдко между собою дерутся. Приступая къ раздѣлу, сперва молятся Богу, потомъ разрѣзають квригу хлѣба на столько частей, на сколько домовъ дѣлятся. Это знакъ, что дѣлятся однажды навсегда, и что уже болѣе не намѣрены сходиться въ одно мѣсто, какъ отрѣзанный ломоть не пристаётъ болѣе къ хлѣбу. Затѣмъ дѣлятъ имѣніе на равныя части, равняютъ старые дома съ новыми и бросаютъ жеребій, кому гдѣ жить, и кому что получить. Мать беретъ изъ имѣнія что ей угодно, и живетъ съ тѣмъ изъ сыновей, съ которыми хочетъ. Сестра получаетъ почти одинаковую часть съ братомъ. Крестьянское приданое составляетъ одинъ, два, много три русскихъ золотыхъ.

При покупкѣ лошадей, покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды, а при покупкѣ коровы или овцы — веревку, привязанную за рога животнаго, и непременно изъ поля въ поле, чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у купившаго. Еще беретъ и ломоть хлѣба съ солью, чтобы животное служило на хлѣбъ да на соль, на добро-здоровье. Наконецъ, купившій удерживаетъ изъ цѣны одну или двѣ гривны на поводъ. При покупкѣ и продажѣ вещей въ долгъ, крестьяне заключаютъ между собою письменныя условія, являютъ ихъ въ волостное правленіе, а на совѣсть не полагаются. Да и дѣйствительно, въ простомыя люди правды очень мало; интересъ выше совѣсти. — Пенности денежныя и натуральныя раскладываются самими крестьянами по количеству владѣемой земли и отправляются ими по тому же расчету.

НРАВСТВЕННОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Здѣшніе крестьяне всегда охотно дѣлають то, къ чему они издавна привыкли и всегда все дѣлають такъ, какъ они прежде дѣлали. Все новое или по крайней мѣрѣ переименованное, даже самое полезное, для нихъ весьма тягостно и непріятно. Сами они не придумываютъ, да и не хотятъ придумать для себя новое и лучшее, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не показаться хитрецами, которые своими выдумками какъ будто хотятъ перемѣнить Божию волю.

Грамотныхъ крестьянъ очень не много, да и тѣ плохо разумѣютъ грамоту, ибо учатся у крестьянъ же, или у отставныхъ солдатъ. Но грамотный крестьянинъ думаетъ о себѣ очень много; онъ готовъ толковать и такія книги, которыхъ самъ не понимаетъ, и часто даетъ словамъ толкованіе превратное или одностороннее.

Къ числу добрыхъ качествъ крестьянъ нашего округа должно отнести набожность: по воскресеньямъ они довольно охотно ходятъ въ церковь, но рѣдко въ праздничные дни, бывающіе на недѣль, хотя бы случился и дванадесятый праздникъ. Въ дни Св. Пасхи, до принятія образовъ въ дома, не пьянствуютъ. Парни и дѣвки, вмѣсто пѣсень, поютъ въ эти дни Христосъ воскресъ. Жаль только, что такое благочестивое воздержаніе не соблюдается въ храмовые праздники.

Всѣ недостатки и пороки здѣшнихъ крестьянъ, частое употребленіе неприличныхъ словъ, упорная привязанность къ предрассудкамъ и другіе, объясняются грубымъ невѣжествомъ.

ПАМЯТНИКИ.

Въ архивѣ нашей церкви найдены мною старинныя тетради, копіи съ межевыхъ дозорныхъ книгъ Тверскаго уѣзда, дозора Ѳедора Вельяминова, да подъячго Алексѣя Михайлова 7122 года (1614). Этѣ копіи писаны въ 1739 году октября 15 дня, а октября 24 справлены Осѣемъ Бухваловымъ. Изъ нихъ видно, что по приправочнымъ книгамъ письма и мѣры «Оеонася Загрязсково да подъячева Ждана Степанова», въ 7102 году (1594) было много монастырей, сель, сельцевъ и деревень, которыя теперь уже не существуютъ, а сохранились только названія тѣхъ мѣстъ и признаки прежнихъ селеній: пруды, колодези, ямы и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ селеній запустѣли отъ Литовскаго разоренія въ 1611, 1612 и 1613 годахъ, жители же ихъ побиты и пожжены и въ полонъ пойманы; а другія селенія запустѣли отъ мора и лихолѣтя.

Около нынѣ существующаго села Городни были монастыри: Александровъ. Объ немъ нѣтъ никакихъ подробностей.

Петровскій. При немъ было 56 четвертей земли; сошваго письма полъ-полъ-трети сохи.

Троицкій. Ему принадлежало земли 57 четвертей; сошнаго письма полъ - полъ - трети сохи.

Противъ Городни, за Волгой, былъ монастырь Видогоцкій во имя Аѳанасія Александрійскаго. У него земли 24 четверть; сошнаго письма полъ - полъ - полъ - четверти сохи.

Въ Городиѣ, кромѣ нынѣ существующей церкви Рождества Пресвятыя-Богородицы, бывшей тогда соборною, была еще церковь Воскресенія Христова. При ней земли 22 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи и четверикъ пашни.

Въ нашемъ же округѣ былъ монастырь Благовѣщенскій Большіе Перемиры, на рѣкѣ на Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемирки. Въ немъ была церковь деревянная, шатромъ верхъ; въ 7433, т. е. 1628 году службы въ церкви уже не было. Другая церковь была во имя Николая Чудотворца. При монастырѣ было 417 четвертей земли; сошнаго письма полъ-сохи и полъ-четверти сохи.

Егорьевскому монастырю Меньшіе Перемиры (о церкви извѣстія нѣтъ) принадлежало 31 четверти земли; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-трети сохи.

Село Лукино, а нынѣ деревня Лукина, состоитъ въ моемъ приходѣ. Оно первоначально принадлежало роду Давыдовыхъ. Въ 1561 году Василій да Давыдъ Андреевы, дѣти Давыдовы, дали всю свою вотчину, а въ томъ числѣ и село Лукино, въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Въ 1592 году оно было селомъ самостоятельнымъ. Церковь въ селѣ была деревянная, построена «кѣтъки»; въ ней были два престола: главный во имя Воскресенія Христова, а другой — во имя Николая Чудотворца. Престолы въ ней были разорены отъ Литовскихъ людей. Въ 1614 году церковь была уже безъ службы, безъ попа, дьячка, пономаря и просвирицы. Земли при церкви было 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ. Въ этомъ году было 5 дворовъ, изъ нихъ одинъ крестьянскій, одинъ бобыльскій, а три пустыхъ, потому что домохозяева «збрели кормиться по міру». Въ живущемъ полъ-полъ-четверти выти. Мѣсто, гдѣ былъ погостъ, можно отличить и теперь.

Село Ведерниково, нынѣ деревня Ведерня, въ моемъ же приходѣ. Оно издревле принадлежало Троицкому монастырю. Въ 1592 году оно было селомъ, и разорено отъ Л.

людей. Въ 1614 году Тверской доеоръ Федоръ Вельяминовъ называетъ его только сельцомъ. Въ 1631 году онъ называется только деревнею, причисленною къ приходу нашего села. Въ Ведерниковъ было монастырской земли 33 четверти съ осминою въ полъ, а въ дву потомужъ. После Литовскаго разоренія въ ней было три двора, изъ нихъ одинъ крестьянскій, а два бобыльскіе. Нынѣ нѣтъ уже никакихъ остатковъ бывшаго села.

Село Федосово, нынѣ деревня Федосова, въ приходѣ села Косминскаго. Это село издревле принадлежало къ Троицкому Сергіеву монастырю. Храмъ былъ во имя Рождества Іоанна Предтечи; церковь деревянная, шатромъ верхъ. Въ церкви образа, и книги, и ризы, и всякое строеніе церковное были Троицкаго монастыря. Престолъ разоренъ отъ Литовскихъ людей. Въ 1614 году церковь была уже ветха и стояла безъ пѣвицъ. При ней былъ монастырскій дворъ, который сожженъ Литовцами. Три двора священно-церковно-служительскіе: пономаря, пономаря и просвирницы, были пусты, потому что пономарь и пономарь жили въ селѣ Косминскомъ. При селѣ Федосовѣ было монастырской земли 57 четвертей, церковной 8 четвертей въ полъ, а въ дву потомужъ. Нынѣ въ деревнѣ Федосовѣ стоитъ часовня, въ которой иногда бываетъ служба.

Въ городѣ Твери, за соборною церковію, за алтаремъ, былъ монастырь Афанасьевскій, у котораго земли было 40 четвертей; сошнаго писъма полъ-полъ-четверти сохи.

Въ Твери же былъ монастырь Михайловскій, у котораго земли было 66 четвертей; сошнаго писъма полъ-четверти сохи.

Въ Твери же былъ еще монастырь Тресвятскій за Тьмакою. Къ нему принадлежало село Всеславское, гдѣ была церковь во имя Пророка Іліи. Ему принадлежало земли 142 четверти; сошнаго писъма полъ-четверти и полъ-полъ-четверти сохи.

Въ Твери же были церкви:

1. Преображеніе Спасово что въ Твери, соборная церковь; имѣла земли 266 четвертей; сошнаго писъма треть и полъ-полъ-полъ-трети сохи.

2. Іоанна Предтечи, что въ Твери подъ колокольней; земли 14 четвертей.

3. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; земли: ей было 49 четвертей; сошнаго писъма полъ-полъ-четверти сохи.

4. Леонасья Александрійскаго, что въ Твери на песку; земли 8 четвертей.

5. Михаила Архангела, что во Твери на сънной; земли 25 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-четверти сохи.

6. Бориса и Гляба, да Іакова брата Господня по плоти, земли 25 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-четверти сохи.

7. Іоанна - Богослова, что во Твери за Тьмакою; земли 33 четверти; сошнаго письма полъ - полъ - полъ - трети сохи.

8. Александра Свирскаго, что во Твери у Спаса въ придѣлѣ; земли 54 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-трети сохи.

Монастыри, въ Тверскомъ уѣздѣ существовавшіе:

Вершинскій. За нимъ состояло 458 четвертей; сошнаго письма полъ сохи и полъ-трети сохи.

Ямскій монастырь на рѣкѣ Волгѣ, да на устьѣ рѣчки Белеутовки. Земли 298 четвертей, сошнаго письма треть и полъ-полъ-трети сохи.

Строганскій (нынѣ село Астраганецъ), на рѣкѣ Шошѣ; а въ немъ деревянный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, а другой Воскресенія Христова; земли 348 четвертей, сошнаго письма треть и полъ-четверти сохи.

Михайловскій на рѣкѣ Шошѣ, имѣлъ земли 175 четвертей; сошнаго письма четверть сохи.

Дудинъ на Шошѣ, а въ немъ церковь Николая Чудотворца; земли 77 четвертей; сошнаго письма полъ-четверти сохи.

Савинъ имѣлъ 263 четверти земли.

Димитрія - Се лунскаго монастырь на рѣкѣ Инюхѣ; сошнаго письма треть и полъ-полъ-полъ-трети сохи.

Въ Тверскомъ уѣздѣ существовали въ 1627 году церкви:

Архіепископа Тверскаго вотчина, село Старый-Погостъ; земли 252 четверти; сошнаго письма треть сохи.

Рождество Пресвятыя-Богородицы, что на Городнѣ, соборная церковь, да придѣлъ Іоанна-Предтечи, каменная, строенье Великаго Князя Бориса Александровича Тверскаго. А въ церквахъ образа и всякое строеніе церковное Великаго Князя Бориса Тверскаго. Земли 38 четвертей; сошнаго письма

поль-поль-четверти сохи. За Волгой противъ Городни былъ садъ Великихъ Князей.

Погостъ Городище на Шошѣ, а въ немъ храмъ Николая Чудотворца; земли имѣлъ 13 четвертей.

Сельцо Косминское, нынѣ село Косминское, на рѣкѣ Иногости. Царь Борисъ далъ его къ Пресвятой-Богородицѣ въ дѣвичій монастырь, что въ Московскомъ уѣздѣ подѣ Троицкимъ монастыремъ, подѣ Сосенками. Земля 319 четвертей; сошнаго письма треть и поль-поль-поль-трети сохи.

Изъ копій, между прочимъ, видно, что количество земли измѣнялось тогда посявомъ, число жителей — вытими. Подать платилась по количеству посява. Межеваніе производилось при постороннихъ же свидѣтеляхъ и производилось такъ: «отъ NN, деревни межею къ ямѣ, а отъ ямы къ дубу, а на немъ грань; а отъ дуба къ березѣ, а на ней грань, а отъ березы къ можжевельниковому кусту, а отъ куста къ двумъ камнямъ, а отъ двухъ камней къ одному большому камню» и т. д. Ямы были очень рѣдки.

БЫТЬ КРЕСТЬЯНЪ

**ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ
НИЖЕДЪВНИЦКАГО УЪЗДА.**

(Старшаго Учителя Воронежской Гимназии П. Малыгина).

ВВЕДЕНІЕ.

Воронежская губернія населена выходцами изъ другихъ губерній, и потому здѣшніе жители мало имѣютъ единства въ языкѣ, одеждѣ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. Даже сосѣднія между собою селенія представляютъ въ этомъ отношеніи много отличій другъ отъ друга. Здѣсь есть, особенно между помѣщичьими крестьянами, переселенцы изъ Великороссійскихъ губерній, рѣзко отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ нарѣчіемъ; есть выходцы изъ губерній Малороссійскихъ, сохранившіе свои отличительныя черты не только въ языкѣ, но и въ образѣ жизни и въ одеждѣ. Большая-же часть жителей Воронежской губерніи имѣетъ сходство между собою, по крайней мѣрѣ по наружному виду и языку; это какъ будто особенная отрасль русскаго племени, занимающая средину между Великороссіянами и Малороссіянами. Эта господствующая часть населенія цѣлой губерніи составила изъ разныхъ ма-

стеровыхъ и военныхъ людей, а также изъ дѣтей боярскихъ. Изъ выписей, дарованныхъ нашими Царями на владѣніе землею, видно, что здѣшнія мѣста заселены, болышею частію, при Государѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ царствованіе Петра I переселено сюда много стрѣльцовъ, матросскихъ семействъ, разнаго рода рабочихъ людей и дѣтей боярскихъ, отказавшихся отъ правлять военную службу и указомъ Государя Петра I обращенныхъ въ податное состояніе. Изъ всей этой разнородной массы населенія образовалось одно цѣлое — *однодворцы*, которые сохраняли это названіе до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ; но съ этого времени ихъ стали называть *государственными крестьянами*. Они во многихъ отношеніяхъ имѣютъ свои типическія черты, на-примѣръ въ языкѣ, нравахъ и повѣрьяхъ. Ихъ движенія вялы, разговоры грубы, съ виду они, кажется, не обладаютъ большими умственными способностями; въ самомъ же дѣлѣ они не лишены ихъ. Малороссіяне называютъ эту отрасль русскихъ не Москалями, какъ они обыкновенно величаютъ Великороссіянъ, а занятымъ у Поляковъ именемъ — *цапами*, то-есть козлами или козлиными бородами.

Не имѣя возможности сдѣлать общій очеркъ всѣхъ жителей Воронежской губерніи, я, какъ уроженецъ Нижнедѣвицаго уѣзда, ограничусь описаніемъ одного этого уѣзда, болѣе другихъ мнѣ известнаго.

Нижнедѣвицкій уѣздъ граничитъ съ Курскою губерніею; онъ прилежитъ на югѣ къ Новооскольскому и Коротоякскому уѣздамъ, на западѣ граничитъ съ Старооскольскимъ уѣздомъ, на сѣверѣ — съ уѣздомъ Землянскимъ, а на востокѣ — съ Воронежскимъ. Положеніе земли въ немъ довольно гористое и имѣетъ общій склонъ къ Азовскому Морю, что видно изъ теченія рѣчекъ, которыя получаютъ здѣсь свое начало и текутъ или прямо въ Довѣ, или впадаютъ чрезъ посредство рѣки Оскола въ Довецъ. Рѣчки, орошающія земли Нижнедѣвицаго уѣзда, суть: *Боровал-Потуданъ*, берущая свое начало въ логовъ близъ деревни Потудани, принимаетъ въ себя слѣва *Скупую-Потуданъ* и *Скрупушку*, а справа *Грязную-Потуданъ*, которыя соединяются съ нею недалеко отъ села Росгодей и текутъ подъ общимъ названіемъ

Потудани до впаденія въ Донъ въ Коротоякскомъ уездѣ, принимая еще въ себя слѣва рѣчку *Дювичку*. Рѣчка *Котель* начинается въ деревнѣ Терновой, но русло ея или логъ, получающій названіе Котла, идетъ гораздо выше, хотя находящійся на этомъ логу села: Хорошилово, Архангельское, Дмитревское и деревня Чужикова не имѣютъ проточной воды, которая заволочена пескомъ. *Котель*, по принятіи въ себя рѣчки *Борова* въ селѣ Городищѣ, течетъ въ Старооскольскій уездъ, гдѣ и впадаетъ въ Осколь. Рѣчка *Убля* беретъ свое начало выше села Подболотнаго, и протекалъ небольшое пространство, за селомъ Тереховымъ поворачиваетъ въ Старооскольскій уездъ, гдѣ и впадаетъ въ Осколь близъ деревни Незнамовой. Рѣчки: *Быстрикъ* и *Оломъ*, орошая западную сторону уезда, впадаютъ въ рѣчку *Геросимъ*, текущую въ Осколь. Рѣчка *Дюмша*, на которой стоитъ городъ Нижнедѣвицкѣ, и рѣчка *Хокоть* текутъ на сѣверо-востокъ и впадаютъ въ Донъ верстахъ въ пятнадцать отъ города Воронежа.— Почва земли Нижнедѣвицкаго уезда болѣе черноземная, только въ мѣстахъ по рѣчкѣ Котлу песчаная и часто неудобная для земледѣлія. Лѣсовъ въ прежнее время было очень довольно, но теперь большая часть ихъ вырублена; впрочемъ въ селѣ Городищѣ есть довольно значительное пространство хорошаго лѣсу, принадлежащаго казенному ведомству.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Гидрографическое описаніе Нижнедѣвицкаго уезда, помѣщенное выше, не совсѣмъ согласно съ другими данными, и, сколько можно судить по послѣднимъ, не довольно полно. Автору кажется ближе были знакомы южная и западная части описываемаго уезда, чѣмъ восточная и сѣверная. По крайней мѣрѣ на картѣ Шуберта и по нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, гидрографія Нижнедѣвицкаго уезда представляется въ такомъ видѣ:

Всѣ рѣчки, ручьи и овраги, находящіеся въ этомъ уездѣ, принадлежатъ къ системамъ рѣкъ: *Донъ*, *Убля*, *Котла*,

Потудани, двухъ *Двицъ* (которыя въ книгѣ Большомъ-Чертежъ называются *Смердячей* и *Красной*) и *Олыма*. Первые три вытекаютъ изъ Нижнедѣвицкаго уѣзда на западъ и впадаютъ въ Осколь; три слѣдующія текутъ на востокъ и вливаются въ Донъ; наконецъ Олымъ течетъ на сѣверъ и втекаетъ въ *Быструю-Сосну*. Самыя значительныя изъ исчисленныхъ рѣкъ по пространству, занимаемому ихъ притоками въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, суть: *Убля*, *Потудань* и *Двица* (на которой стоитъ уѣздный городъ); Олымъ въ С.-З. углу уѣзда, Геросимъ въ З., Котель въ Ю.-З. и наконецъ Красная-Двица въ Ю.-В., занимаютъ, сравнительно, гораздо меньшее пространство. Геросимъ принимаетъ въ себя, съ правой стороны, на границѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда, рѣчку *Боровку*, а съ лѣвой два притока, которые на картѣ Шуберта не названы. Можетъ быть это *Оломъ* и *Быстрикъ*, упоминаемые г. Малихнымъ; ибо на одномъ изъ этихъ притоковъ находится деревня *Быстрикъ*.—О теченіи рѣки Убли свидѣнія несогласны между собою. Г. Малихнъ говоритъ, что она беретъ начало выше села *Подболотнаго*, которое на картѣ Шуберта названо *Дмитріевской*. Между тѣмъ на означенной картѣ, гораздо выше этого села на сѣверъ, на почтовой дорогѣ изъ Нижнедѣвицка въ Старый-Осколь, есть село *Убленскіе-Лѣски*, земли которой, а равно и соседней съ ней деревни *Безовки*, и должно, кажется, считать за стороженіемъ Убли, тѣмъ болѣе, что истоки этой рѣчки по картѣ восходятъ до этихъ мѣстъ. Разныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ублю въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, на картѣ показано семь, не говоря о притокахъ къ нимъ послѣднимъ. Изъ этихъ рѣчекъ должно назвать: *Ровенки*, *Милавку* или *Меловку* и *Гнилю*.—Рѣка Котель, кромѣ *Боровца*, который названъ на картѣ Шуберта *Котельной-Платой*, принимаетъ въ себя еще слѣва два притока и одинъ притокъ справа.—Рѣка Потудань, судя по картѣ Шуберта, описана у г. Малихина тоже не совсѣмъ вѣрно. Она беретъ начало въ Новооскольскомъ уѣздѣ, близъ деревни *Волотово* и протекая по южной границѣ Нижнедѣвицкаго уѣзда, выходитъ въ Коротоякскій уѣздъ и впадаетъ въ Донъ. *Грязной* она не называется. Названіе это, на картѣ Шуберта, присвоено деревнѣ, стоящей на Потудани, близъ границы Новооскольскаго и Коротоякскаго уѣздовъ. Какъ бы

то ни было, Потудань принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны *Скупую-Плату*, потомъ *Боровую-Потудань*, далѣе *Сухую-Потудань* и еще двѣ безымянныя рѣчки, которыя берутъ начало въ южной оконечности Нижнедѣвицкаго уѣзда, но вскорѣ вытекаютъ въ Коротоякскій уѣздъ и уже тамъ впадаютъ въ Потудань. Можетъ-быть одну изъ этихъ рѣчекъ называетъ г. Малахихинъ *Дышечкой*. *Скрупушка* также не значится на картѣ; хотя въ Боровую-Потудань слѣва и впадаютъ четыре рѣчки, но онѣ не названы. Наконецъ, должно еще замѣтить, что въ Боровую-Потудань справа впадаетъ *Мокрая-Плата* и что множество малыхъ рѣчекъ вливаются въ притоки Потудани, съ которыми она занимаетъ, безъ малаго, цѣлую половину Нижнедѣвицкаго уѣзда.—Красная-Дѣвица и четверо изъ ея притоковъ текутъ по Нижнедѣвицкому уѣзду, и въ этомъ же уѣздѣ вливаются въ нее, исключая одного, который соединяется съ нею въ Коротоякскомъ уѣздѣ. Имени этихъ притоковъ на картѣ не означено. Послѣдній, впадающій въ Красную-Дѣвицу, кажется, называется *Сухую-Россошью*.—Рѣка Дѣвица, на которой стоитъ уѣздный городъ, занимаетъ съ притоками почти четвертую часть всего уѣзда. Въ нее впадаютъ по картѣ Шуберта: съ правой стороны, въ Воронежскомъ уѣздѣ, *Емачча*, съ притокомъ своимъ *Сухую-Емачею* и *Россошки*, а слѣва *Першинъ*, *Олимпанка*, *Туровка* и *Ахоль*; послѣдній не впадаетъ прямо въ Довъ (какъ можно было бы заключить изъ словъ г. Малахихина). Кроме того есть у Дѣвицы и другіе притоки.—Наконецъ, Олымъ беретъ начало въ Землянскомъ уѣздѣ, потомъ переходитъ въ Нижнедѣвицкій и течетъ по 3. границѣ его, до выхода снова въ Землянскій уѣздъ. Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ онъ принимаетъ въ себя четыре притока: одинъ съ лѣвой стороны и три съ правой. Двое изъ послѣднихъ называются *Лебяжьимъ* и *Ломскимъ*; названіе остальныхъ двухъ на картѣ не показано.

Не смотря на неполноту и, по-видимому, неточность приведеннаго выше гидрографическаго описанія Нижнедѣвицкаго уѣзда г. Малахихина, оно оставлено безъ всякихъ измѣненій; ибо только ближайшее изслѣдованіе на мѣстѣ можетъ разрѣшить окончательно, какія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заслуживаютъ большаго вѣроятія и въ какой мѣрѣ.

Картину домашнего быта поселянина Нижнедвинскаго уезда нельзя назвать разнообразною. Жилище его — деревянная, большею частью курная изба, которая рѣдко обмазывается глиною даже снаружи, а внутри почти никогда. Внутренность ея отъ всегдашняго дыма бываетъ закопчена чрезвычайно, такъ что сажа даростаетъ толстымъ слоемъ, и ее по временамъ обметають метлами. Въ этой дымной атмосферѣ люди живутъ часто большими семействами, очень счастливо, и до того свыкаются съ своею жизнью, что мало тяготятся ею и не заботятся объ улучшеніи своихъ жилищъ; но надобно имѣть брѣдую привычку и весьма крѣпкую голову, чтобы переносить духоту этихъ нечистыхъ и неопрятныхъ обиталищъ, особенно зимою, когда жъ людямъ присоединяются на жительство разные домашнія животныя, въ предохраненіе отъ холода. Правда, у болѣе зажиточныхъ поселянъ, кромѣ черной избы, бываетъ черезъ сѣни такъ-называемый *обдѣльникъ*, то-есть бѣлая изба, по большей части однакожъ холодная; но бѣдыяки довольствуются самымъ тѣснымъ помѣщеніемъ, которое они раздѣляютъ въ зимнее время съ молодыми четвероногими, а весною съ разнаго рода домашними птицами. Не должно впрочемъ думать, чтобы здѣшніе мужики вовсе не понимали выгодъ удобнаго помѣщенія и лучшаго устройства жилищъ; многіе изъ нихъ ясно видятъ все неудобство своихъ курныхъ избъ и охотно бы замѣнили ихъ бѣлыми, но недостатокъ въ дѣлѣ и бѣдность заставляютъ ихъ терпѣть всякаго рода неудобства и лишения. Теперь однакожъ у нѣкоторыхъ зажиточныхъ государственныхъ крестьянъ можно найти бѣлыя избы, содержащія съ большою опрятностію. Жилища помѣщичьихъ крестьянъ представляютъ также несравненно лучший видъ: избы почти вездѣ бѣлыя, обмазанныя глиною внутри и снаружи и построенныя въ порядкѣ, а не разбросанно, какъ у государственныхъ крестьянъ.

Прибавить должно, что непремѣнными и всегдашними обитателями крестьянскихъ избъ бываютъ еще прусаки и тараканы. Эти несносныя вѣдькомыя до такой степени въ нихъ размножаются, что покрываютъ потолокъ и стѣны, особенно ночью. При всей осмотрительности, хозяйка рѣдко можетъ уберечь отъ прусаковъ горшокъ со щами, или

квашню съ хлѣбомъ. Случается, что прусаки залѣзаютъ соннымъ въ уши и причиняютъ чувствительную боль; но крестьяне такъ привыкаютъ жить съ прусаками и тараканами; что даже не обращаютъ большаго вниманія и на то, если они, во время ночи, объѣдаютъ носъ и щеки грудному ребенку, и даже взрослому, когда ему случится намазать лицо саломъ. Тараканами здѣшніе поселяне даже не гнушаются и не истребляютъ ихъ, потому ли, что они не такъ докучливы, или по суевѣрному предразсудку, будто бываетъ счастье тому дому, гдѣ они живутъ.

Избы у государственныхъ крестьянъ по большой части строятся на дворѣ и притомъ въ большомъ безпорядкѣ. Улицы и переулки необыкновенно тѣсны, такъ что въ иныхъ невозможно разѣхаться двумъ телѣгамъ; отъ такой тѣсноты воздуха въ переулкахъ всегда бываетъ спертъ, а весною и осенью на улицахъ невылазная грязь, до того, что нѣтъ никакой возможности ни пройти, ни проѣхать. По неблагоуразумію своему, крестьяне валяютъ на улицу навозъ и всякую нечистоту, думая тѣмъ исправить дорогу, но чрезъ это дѣлается еще большая топь, въ которой вязнуть люди и скотъ. При всей очевидности, что тѣсное поселеніе мѣшаетъ удобству сообщеній, а въ случаѣ пожара не представляетъ никакой возможности къ спасенію, крестьяне при новыхъ постройкахъ точно также лѣпятся другъ около друга.

Дворъ у крестьянина огораживается плетнемъ, надъ которымъ дѣлаются соломенные крыши для сараевъ, коровень, овчарень и другихъ домашнихъ помѣщеній. Гумно и огороды обносятся валомъ изъ соломы, земли и хворосту. Внутри двора, нѣсколько поодаль отъ избы, ставятся *лучины* (чуланы), рубленные или плетенные изъ хворосту; ихъ можно назвать мужицкими кабинетами: тамъ спать лѣтомъ, а часто и зимою подъ суконными попонами и тулупами мужья съ женами, особенно молодые. Здѣсь хранится личная собственность супруговъ и прячется все, что можетъ возбудить зависть въ братьяхъ, невѣсткахъ, или досаду въ кропотливомъ свекрѣ и въ ворчунѣ-свекрови. Во многихъ дворахъ можно найти колодцы, но они содержатся въ большой неопрятности. Вообще крестьяне дурно смотрятъ за ключами и источ-

никами воды; они не только не расчищают ихъ, а напротивъ засоряютъ всякаго рода нечистотою и оттого пьютъ нездоровую воду.

Внутренность крестьянской избы имѣетъ слѣдующій видъ: вокругъ стѣнъ внизу устроены лавки для сидѣнья; вверху — полки для кухонной посуды; въ углу подъ образами столъ, въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ложки, вожъ и деревянная чашка; около печи, въ параллель съ нею, или еще нѣсколько повыше, придвѣлываются полаты, — наслажденіе русскаго мужичка; отсюда выглядываютъ головы ребятишекъ со всклокоченными волосами и съ глазами красными отъ вѣкаго дыма, выживающаго ихъ изъ мѣста ночнаго успокоенія; между полатами и полою устраивается еще для спанья помость въ родѣ кровати. Печь дѣлается не изъ кирпича, а изъ глины; которую сбиваютъ въ плотную массу особенными колотушками, называемыми *чекмарями*. Это бѣдное жилище зимою освѣщается иногда ночникомъ, а чаще древесною лучиною, или вымоченнымъ чернобильникомъ и толстой коноплею. Вокругъ лучины горящей съ трескомъ, женщины садятся прясть или шить, а мужчины плестъ лапти, исправлять упряжь или шить кафтаны, полушубки, и т. п.

Домашняя утварь у здѣшняго поселенина состоитъ изъ скамеекъ и табуретовъ о трехъ ножкахъ, самой грубой работы; иногда же, вмѣсто стула, употребляется просто отрубокъ дерева. Столовая посуда по большей части деревянная, крашеная и покрытая лакомъ: миска или блюдо, тарелка, нѣсколько ложекъ, половникъ и солонка — составляютъ постоянную принадлежность крестьянскаго стола. Ножъ столовый почти всегда одинъ; въ ножкахъ и вилахъ крестьяне не имѣютъ нужды, потому что берутъ мясо руками. Кухонная посуда состоитъ изъ нѣсколькихъ горшковъ разной величины, одного или двухъ чугуновъ, одной или двухъ сковородъ съ принадлежащими къ нимъ ухватами, кочергою и *чапельникомъ*. Для ношенія воды употребляютъ ушаты, ведра и большіе глиняные кувшины, а для питья черпаютъ воду желѣзными или деревянными *корцями*, небольшими кувшинчиками или деревянными чашечками. Около печи обыкновенно стоитъ *дежа* для печенія хлѣбовъ, а подъ лавками кадочка съ квасомъ и плетушки для сажанія птицъ на лѣдѣ. Вокругъ

всѣ принадлежности крестьянской избы, въ которой полъ рѣдко бываетъ мощный, а обыкновенно земляной, впитывающій въ себя всякую сырость, и издающій не совсѣмъ пріятный запахъ.

Казалось бы, такое жилище должно вредно дѣйствовать на здоровье его обитателей? ни чуть не бывало. Въ этой дышной и сырой избѣ рождаются и вырастаютъ крѣпкіе и здоровые люди. Иные изъ нихъ живутъ часто до ста лѣтъ, а до восьмидесяти очень многіе. Должно думать, что дымъ, который густымъ облакомъ стелется по избѣ, когда ее топятъ, способствуетъ къ очищенію зараженного нечистотою воздуха и предохраняетъ крестьянъ отъ его вреднаго вліянія.

Пища крестьянъ въ здѣшнихъ мѣстахъ болѣе или менѣе различна, смотря по времени года. Въ зимній постъ она бываетъ самая грубая: кислая капуста съ квасомъ, лукомъ и солеными огурцами; рѣдька тертая съ квасомъ или наръзанная кусками, съ солью; картофель съ огурцами и съ квасомъ; горохъ разварной, или обваренный и толченый съ квасомъ, а иногда съ масломъ; каша съ квасомъ, а у болѣе достаточныхъ съ коноплянымъ масломъ. Щи по большей части приготовляются изъ кислой капусты или квашеныхъ буряковъ: не приправленные масломъ, они весьма невкусны; иногда дѣлаютъ сырое сложеное тѣсто и пареное, называемое *кулагою*, которое ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ; или готовятъ изъ овсяной муки *пюлокно*; также варятъ солomatу, которую ѣдятъ съ коноплянымъ сокомъ или съ квасомъ. Въ лѣтніе посты, на-примѣръ въ Петровки, варятъ щи изъ *смытъ* и свеклы; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сюда прибавляютъ разныя грибы, которыми здѣшнія мѣста изобилуютъ. Грибы, употребляемые въ пищу, здѣсь очень различны; важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: сморчки, грузди, полугрузди, черные и красные грибы, волвенки, бѣляки, сыровѣжки, свинухи, говорушки, печерицы, пестрецы, масляники, опенки и нѣкоторые другіе. Изъ пшена или крупъ готовятъ жидкую кашницу съ грибами, пекутъ пироги изъ ржаной муки съ грибною начинкою; а когда поспѣваютъ земляники (мушкетъ) и клубника, то варятъ гречневые изъ этихъ ягодъ. Зеленый лукъ, чеснокъ

время употребляются въ пищу весьма часто. Въ Успенскій постъ обыкновенно ѣдятъ свѣжіе огурцы, дыни, щи изъ свѣжей капусты или свеклы, иногда молодой картофель и кашу. Во время сънокоса и уборки хлѣба, въ постные дни, ѣдятъ кашницу, иногда *тюрю*, — хлѣбъ, накрошенный въ круто разсоленную воду или квасъ. Само-собою разумѣется, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки, постная пища разнообразится рыбою и *решади*, роскошь, которую позволяютъ себѣ не многіе; мужикъ скорѣе повезетъ пойманную рыбу на продажу въ городъ, чѣмъ станетъ употреблять ее въ пищу.

Въ скоромные дни, по буднямъ, крестьяне ѣдятъ щи съ саломъ или съ свѣжиною (свинина), молоко, въ которое просятъ хлѣбъ, кашу съ саломъ или съ молокомъ, солонину съ молокомъ; въ праздничные дни, лѣтомъ, нѣкоторые рѣжутъ баранчиковъ, поросятъ, куръ, а бѣдняки довольствуются тѣми же щами съ саломъ, яйцами и молокомъ. Есть впрочемъ много такихъ, которые большую часть года ѣдятъ постныя щи и сухой хлѣбъ. Къ годовымъ праздникамъ, особенно къ Рождеству Христову, Свѣтлому Воскресенію, а также къ храмовому празднику выкармливаютъ свиней, бычковъ и разную птицу; большая же часть покупаетъ въ городахъ солонину и говядину только для розговѣнья, а въ прочіе дни остаются при своей обыкновенной ежедневной пищѣ. Нѣкоторые крестьяне лѣтомъ ловятъ перепелокъ, стрѣляютъ дичь, а зимою ловятъ зайцевъ, куропатокъ, бьютъ тетеревовъ, но все это больше для продажи, чѣмъ для собственнаго употребленія. Любимымъ блюдомъ, составляющимъ предметъ угощенія, служатъ личица съ саломъ или на молокѣ, а на масляницѣ блины и блинцы съ масломъ, сыромъ и сметаною. Изъ овощей на зиму заготавливаютъ особенно капусту, бураки, картофель, рѣдьку, хрѣнъ, огурцы, тыквы, морковь, иногда арбузы; мочатъ груши и яблоки, или сушатъ груши, а яблоки кладутъ въ хлѣбные скирды, откуда достаютъ ихъ уже зимою, когда станутъ молотить хлѣбъ. Лѣтомъ солятъ и сушатъ разные грибы, запасаютъ калину, которую зимою употребляютъ въ пищу, приготовляя изъ нея и изъ муки жидкое *тѣсто кулагу*. Но конечно не многіе поселенцы дѣлаютъ такіе обильные запасы; большая часть довольствуется самыми ограниченными заготовленіями.

Въ большихъ семьяхъ между женщинами наблюдается очередь въ приготовленіи пищи, печеніи хлѣбовъ и дѣланіи кваса, который, замѣтимъ кстати, не уваривается и потому называется *сыросѣмъ*. Во время обѣда и ужина мужики сидятъ за столомъ, а бабы ѣдятъ стоя, очередная же приспѣшница или, какъ здѣсь называютъ, *денищица* обыкновенно вмѣстѣ съ другими не обѣдаетъ, а особо и одна.

Наружность здѣшнихъ поселянъ слѣдующая: ростъ обыкновенно высокій, части тѣла пропорціональныя между собою; лицо по большей части продолговатое, съ нѣсколько выдавши-
мися скулами; бороды у мужчинъ не очень окладистыя, а
клинообразныя, ноги длинныя, плечи широкія, — признакъ крѣп-
каго сложенія; волосы обыкновенно темнорусые, а иногда чер-
ные и свѣтлорусые, глаза обыкновенно стрые, и вообще черты
лица довольно пріятныя.

Одежда мужчинъ и женщинъ большею частью домашняго
приготовленія. Мужики и бабы носятъ по буднямъ толстое пос-
конное бѣлье, обыкновенно очень грязное. По праздникамъ же
мужики надѣваютъ льняныя рубашки съ цвѣтными ластовицами,
съ строченными *полюками* (оплечьями) и воротниками, или
рубашки изъ александрійки, а порты набойчатые или ки-
тайчатые. Бабы носятъ рубашки съ миткалевыми или кален-
коровыми станками, а тѣ, которыя побѣдѣе — съ льняны-
ми станками и съ цвѣтными ситцевыми рукавами, или же
съ цѣлымъ пестрымъ ситцевымъ станкомъ и шитымъ подо-
ломъ. Верхняя одежда лѣтомъ у мужиковъ: по буднямъ —
бѣлые изъ овечьей шерсти зипуны, часто всѣ изорванные,
а въ праздники — новые стрые и черные кафтаны. Женщи-
ны въ будни носятъ въ нѣкоторыхъ селахъ юбки изъ *волосени*,
крашенныя мареною или червецомъ, а въ другихъ — клетчатыя
паневы, тоже изъ волосени; въ праздники бабы надѣваютъ луч-
шія суконныя юбки, или паневы, вышитыя гарусомъ или шел-
комъ и обшитыя бахрамою, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ситце-
выя юбки. Женскіе кафтаны въ разныхъ селахъ бываютъ раз-
наго покроя: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шьются обыкновенныя длин-
ныя халаты изъ сѣраго или бѣлаго сукна, окрашеннаго синею
краскою; въ другихъ, од-
на вытѣщенное мужское по-
кроя, похожій
на вытѣщенное мужское по-
кроя, похожій

ми; край воротника, полъ и подола обшиваются бумажною или шерстяною тесьмою. Зимною мужики и бабы носятъ овечьи тулупы и полшубки. На головахъ въ лѣтнее время мужики по буднямъ носятъ кой-какія оборванные шляпенки и шапки; иногда дѣлаютъ себѣ шляпы и картузы изъ ржаной соломы или изъ бѣлаго войлока съ чернымъ околышемъ. Въ праздники, лѣтомъ, они надѣваютъ поярчатые шляпы, которыя убираютъ павлиньими перьями, бархатками съ стальными пружками и мишурнымъ золотомъ, а зимою — высокія шапки, называемыя *кибардинками*. Женщины въ некоторыхъ селѣхъ въ будни повязываютъ головы льняными косынками, а по праздникамъ — пестрыми кашемировыми, или пунсовыми драдедамовыми платками; въ другихъ же селѣхъ онѣ носятъ по буднямъ простенькія кички, а по праздникамъ кички, шитыя спереди золотомъ и унизанныя разноцвѣтнымъ бисеромъ съ висячими нитками стекляруса на затылкъ, а на самой макушкѣ родъ шапочки, которая называется *сордокою*; поверхъ кички набрасывается на голову покрывало изъ кисеи или серпанки. Эти кички стоятъ иногда отъ тридцати до сорока рублей и переходятъ въ наследство отъ матери къ дочери. Дѣвки носятъ синіе или клѣтчатые сарафаны, а на головахъ вѣточки изъ позумента, или шитые золотомъ, съ лентами назади и съ гарусными кисточками на затылкъ, а въ некоторыхъ деревняхъ дѣвки повязываютъ головы цвѣтными бумажными платками, а въ косу заплетаютъ нѣсколько лентъ; юбки же носятъ цвѣтныя, ситцевыя. Обувь у мужиковъ въ будни — лапти съ ояучами, въ праздники — сапоги или коты съ толстыми чулками; у женщинъ въ обыкновенные дни — лапти, а въ праздничные у нѣкоторыхъ черевикки, а у другихъ коты и суконные чулки или опучи. Нѣкоторые за щегольство считаютъ надѣть пары четыре чулокъ, изъ которыхъ самые верхніе не подвязываются, а опускаются небрежно по ногамъ; это дѣлается для того, чтобы полнѣе казались икры, что считается непремѣнною принадлежностію женской красоты. Женщины въ некоторыхъ селѣхъ подпоясываются очень низко, такъ что весь животъ выставляется впередъ и рубашка на животѣ нарочно выдергивается изъ-подъ паневы и напускается широкими складками; это называется *пазухою*. На шею бабы и дѣвки надѣваютъ монисты изъ разноцвѣтныхъ бисеровъ, также медный

крестъ или образокъ, на шелковомъ или шерстяномъ сукнѣ, называемомъ *гайтаномъ*; крестъ онѣ перекидываютъ черезъ плечо на правую сторону.

Повѣрья здѣшняго простаго народа представляютъ много замѣчательныхъ особенностей. Въ праздничные и воскресные дни, какъ мужчины, такъ и женщины, обыкновенно ходятъ въ церковь, одѣвшись въ лучшія свои платья. Но въ некоторыхъ праздникамъ простой народъ оказываетъ здѣсь особенное уваженіе и приписываетъ имъ особенное значеніе; таковы, на-примѣръ: день Св. Власія—апрѣля 18-го и день Флора и Лавра—18-го августа. Въ первый пригоняютъ коровъ, а во второй лошадей къ церкви, во время ранней обѣдни, служатъ молебны и кропятъ ихъ святою водою. Въ день Благовѣщенія пекутъ изъ теста *катушки*, или какъ иные называютъ *копытцы* и даютъ ихъ ѣсть овцамъ, чтобъ предохранить ихъ отъ болѣзней. Въ день Космы и Даміана—4-го ноября, а въ иныхъ мѣстахъ въ праздникъ Женъ Мүроносицъ, каждый хозяинъ считаетъ непремѣнною обязанностію рѣзать куръ и готовить изъ нихъ различныя блюда. Іюня 24-го, въ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя, между утреннею и обѣдней, ходятъ въ поле и въ лѣсъ собирать травы, которыми приписываютъ цѣлебную силу. Въ день Кирика и Улиты—іюля 15-го, считается грѣхомъ жать хлѣбъ, и потому въ этотъ день въ поле не ходятъ, боясь видѣній или призраковъ, называемыхъ *маньяками*. На Троицкой недѣлѣ, въ четвергъ, здѣшняя чернь празднуетъ цѣлный день въ честь Кассьяна, котораго особенно чтить изъ боязни, чтобъ не случилось какого-либо несчастія. Св. Изосимъ и Савватій почитаются покровителями пчелъ; ихъ изображенія всегда находятся на пчельникахъ, и пчеловоды въ церкви ставятъ предъ ихъ иконою восковыя свѣчи домашнего приготовленія. Большимъ грѣхомъ почитается *мыкать мычки* и прѣсть пряжу въ пятницу, чтобы не оскорбить усопшихъ родителей, которымъ будто бы кострика или *шелуга* конопляная можетъ засорить глаза.

Начало и конецъ полевыхъ работъ сопровождаются также своими обычаями: въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго Поста пекутъ изъ теста кресты, съ которыми ѣздятъ застѣвать хлѣбъ. Мужики, прѣхавши въ поле, сначала обращаются къ востоку, потомъ молятся Богу, и сѣдаютъ сдѣланный изъ теста крестъ,

и уже послѣ того начинаютъ сѣять. Женщины, когда оканчиваютъ уборку хлѣба въ полѣ, оставляютъ на нивѣ нѣсколько колосовъ ржи, которые связываютъ узломъ, чтобъ и на слѣдующій годъ былъ урожай хлѣба. Илья Пророкъ почитается блюстителемъ за уборкою хлѣба; онъ, по мнѣнію простолюдиновъ, катается въ колесницѣ по небу; отъ того-то и бываетъ громъ.

Изъ всего этого видно, какъ еще невѣжественна здѣшняя чернь. Въ обыкновенномъ домашнемъ быту, на каждомъ шагу можно встрѣтить суевѣрія и предрасудки; такъ, на-примѣръ, неистребилось вѣрованіе, что въ каждомъ домѣ есть невидимый духъ—домовой, который если полюбить хозяина, то все въ домѣ пойдетъ хорошо; не влюбить домовой какой скотины, хозяинъ хоть не держи ее: домовой ее замучитъ непременно. Вы ни за что не увѣрите мужика, что онъ самъ сбился съ знакомой дороги; нѣтъ, онъ убѣжденъ, что лѣшій подшутилъ надъ нимъ и что стоило бы только вывернуть на себѣ рубашку, наизнанку, нечистая сила тотчасъ бы изчезла. Этотъ лѣшій нѣ лѣсу кричитъ человѣческимъ, птичьимъ и звѣринымъ голосомъ; онъ аukaется и заманиваетъ людей въ непроходимую чащу лѣса, чтобъ посмѣяться надъ ними. Русалки на Троицкой недѣлѣ, по мнѣнію простолюдина, купаются въ рѣкахъ, качаются на деревьяхъ, бѣгаютъ по полю, ловятъ людей и щекочутъ, если поймаютъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ отъ принужденнаго смѣха. Существованіе вѣдьмъ для него также кажется несомнѣннымъ: онъ охотно вѣритъ, когда ему рассказываютъ, что вѣдьма ночью донѣтъ коровъ, превращается въ сороку, въ свинью, въ собаку и пугаетъ человѣка; что ее можно убить только на отмахъ кулакомъ или осиновымъ коломъ. Здѣшній мужикъ расскажетъ вамъ исторію происхожденія медвѣдя, который былъ когда-то человѣкомъ, да вздумавъ подшутить надъ однимъ пустынякомъ, сталъ за кустомъ и, когда тотъ проходилъ мимо, то онъ внезапнымъ крикомъ испугалъ его, за что и былъ проклятъ и обращенъ въ звѣря. Птица снигирь потому имѣетъ красный зобъ, что однажды въ единоборствѣ снигирь убилъ самца кукушки и обагрилъ себя его кровію. Съ тѣхъ поръ кукушка сдѣлалась горемычною пташечкою, которая всегда печально кукуетъ, а разбойникъ снигирь сохранилъ на перьяхъ своихъ слѣды своего преступленія.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ здѣшніе крестьяне подчиняются многимъ предрасудкамъ. Такъ, когда сажаютъ птицу на яйца, то непременно нужно припести яйца въ шляпъ или въ шапкѣ, и чтобы выводъ цыплятъ былъ хорошъ, надобно, чтобы никто не видалъ, когда сажаютъ птицу. Если недавно отелившася теленка погладить по спинѣ, то онъ заболѣетъ поносомъ и околѣетъ. Если пересчитать чужую птицу, то она начнетъ дохнуть; если полюбоваться какимъ нибудь животнымъ, или похвалить его, то его можно *съ глазъ съестъ*. Если постороннему посмотреть, какъ баба доитъ корову, то у коровы пропадетъ молоко и сама корова испортится. Если на ночь вынести соръ изъ избы и выкинуть за порогъ, то скотина во дворѣ начнетъ дохнуть; а потому, если и подметають избу на ночь, то сора изъ избы не выбрасываютъ. Въ праздничный день сосѣдъ сосѣду огня не дастъ, чтобы предохранить свой скотъ отъ падежа. Также, когда въ домѣ родится какое либо домашнее животное, то въ этотъ день не даютъ въ займы ничего, не взявъ чего либо въ замѣнъ. Бываетъ, что курица вздумаетъ закричать по-пѣтушиному; такое обстоятельство предвѣщаетъ бѣду; чтобы отвратить ее, берутъ эту курицу и мѣряютъ ею пространство отъ воротъ до порога избы, оборачивая то хвостомъ, то головою и, чѣмъ придется ей лечь на порогъ, то ей и отрубаютъ, но во всякомъ случаѣ въ пищу ее употреблять нельзя. У кого умирали дѣти, тотъ не долженъ ѣсть яблоковъ прежде Преображенія Господня; иначе умершимъ дѣтямъ на томъ свѣтѣ не дадутъ поиграть имъ одного яблочка. Если воробей нечаянно влетитъ въ избу, или дятель долбитъ стѣны жилища, или собака воетъ и роетъ аму на дворѣ, или воронъ кричитъ, сидя гдѣ либо на строеніи,—все это принимается за признакъ чьей либо скорой смерти, и только умерщвленіемъ ея предвѣстника можно избѣгнуть неминуемой кончины. Въ некоторыхъ селахъ невѣжественная чернь, въ случаѣ эпидеміи, прибѣгаетъ къ суевѣрному обыкновенію *опаживать смерть*. Съ вечера собираются дѣвки, вдовы и замужнія женщины въ одѣхъ рубашкахъ, съ распущенными волосами, держа въ рукахъ что либо, могущее издавать звукъ; берутъ *соху*, ипрягаютъ въ нее беременную женщину, а управлять ~~нотъ~~ дѣвкѣ, рѣшившейся ѣйти замужъ; прочія дѣв-

ки помогаютъ тащить соху, вдовы набираютъ песку и разсывають его по проведенной бороздѣ. Эта процессія обходитъ ночью вокругъ села со звономъ въ косы, чугуны и другія звучащія вещи. Вотъ слова, которыми заклиняютъ смерть:

Вотъ диво, вотъ чудо:
Дѣвки пашутъ,
Бабы песокъ разсывають.
Когда песокъ взойдетъ,
Тогда къ намъ смерть придетъ.

Всего хуже въ этомъ суевѣрномъ обычаѣ то, что неистовая и бессмысленная толпа съ остервенѣніемъ бросается на все, что попадется ей на пути, и старается уничтожить; если встрѣтится человекъ, то его избьютъ до полусмерти, а животныхъ убиваютъ и разрываютъ на части.

Предразсудки встрѣчаютъ простолюдина со дня его рожденія. Когда роженица долго мучится родами, то, чтобы помочь ей, считаютъ нужнымъ обвести ее три раза вокругъ стола. Когда окрестятъ младенца, бабка-повитуха беретъ его и кладетъ на тулупъ или шубу, чтобъ новорожденный былъ богатъ. За обѣдненнымъ столомъ на крестинахъ бабка приносить кашу и, поднявъ ее три раза, произноситъ при этомъ: «какъ въ полѣ ложится туманъ, такъ пусть будетъ младенцу счастье и таланъ»; кума между тѣмъ поднимаетъ младенца къ иконамъ и онѣ другъ передъ другомъ кричатъ: *мое выше, мое выше*. Отцу новорожденного бабка подноситъ къ ложкѣ каши, круто посоленной, и рюмку водки, съ желаніемъ, чтобъ младенецъ великъ росъ, да былъ счастливъ. Если младенецъ по чему-либо много кричитъ, то мать, положивши его себѣ въ подолъ, несетъ на зарѣ въ курятникъ лечить отъ *криксы*, и тамъ, купая дитя подъ на-свѣстью, говоритъ: «заря, зарница, красная дѣвица! возьми свою криксу, отдай намъ сонъ.» Чтобы дитя скорѣе начало ходить, на Святый праздникъ, во время заутрени и обѣдни его проводить по току. Въ способъ леченія простолюдины не затрудняются; у нихъ *нашептываніе* и *отдуваніе* считаются за главные цѣлебныя средства. И потому въ болѣзняхъ они прежде всего обращаются къ знахарямъ и лекарямъ, и только въ крайней необходимости приходятъ за совѣтомъ къ помѣщику, если есть въ селѣ, или къ священнику. Впрочемъ, къ

четыре крестьянъ надобно сказать, что какъ скоро ребенокъ заболѣтъ, то его приносятъ въ воскресный день въ церковь и приобщаютъ Св. Таинъ, вѣруя, что чрезъ причащеніе всякая болѣзнь пройдетъ сама собою. Всѣ недуги и ломота, и гемороидальные припадки, и ревматизмъ, и даже наружныя болѣзни, слывуть у здѣшнихъ простолудиновъ подъ общимъ названіемъ *младенца* или *родимца*. Деревенскіе знахари пользуются отъ этой болѣзни всякій по своему, — то наговоромъ воды, то травами. Отъ жабы, по мнѣнію крестьянъ, можетъ излечить только тотъ, кто задавилъ пальцами кро-та. Такой лекарь беретъ больнаго и давитъ ему жабу двумя пальцами, съ полною увѣренностію, что этимъ вылечитъ болѣзнь. Кто хочетъ узнать, кому предстоитъ близкая смерть, тотъ во время заговѣнья на Филипповъ постъ садится верхомъ, раздѣтый до-нага, на кочергу, объѣзжаетъ, когда всѣ ужинаютъ, вокругъ дома, и смотритъ въ окно, такъ чтобы никто этого не замѣтилъ: тотъ, кому скоро умереть, представится ему непременно безъ головы.

При заключеніи брачныхъ союзовъ простолудины соблюдаютъ много любопытныхъ обыкновений, которыя всѣми строго исполняются.

Отецъ, задумавъ женить сына, сначала разспрашиваетъ стороною о невѣстѣ и, получивъ нужныя свѣдѣнія о ея до-сужествѣ, нравственности и состояніи ея родителей, является дѣлать предложеніе. Если родители невѣсты согласны отдать дочь замужъ, то сажаютъ свата передъ печкою на загнетку и потчуютъ его водкою. Побесѣдовавъ между собою не очень долго, расстаются. Черезъ недѣлю или болѣе, родители жениха приходятъ въ домъ невѣсты, приносятъ съ собою водку и дѣлаютъ такъ-называемый *пропой*. Потомъ съ общаго согласія назначаютъ время для сговора. Невѣста собираетъ къ этому дню своихъ подругъ; передъ вечеромъ, въ домъ невѣсты приходитъ женихъ съ своею роднею. Всѣ останавливаются у дверей и говорятъ, что пріѣхали люди чужестранные, сбились съ дороги и просятъ переночевать. Ихъ сначала не пускаютъ, а послѣ отецъ невѣсты, съ словами: «Сватъ не сватъ, а добрый человѣкъ», отворяетъ дверь и вводитъ гостей въ избу. Поздоровавшись, родители жениха сажаютъ невѣстину родню за

столъ, и подносятъ по три рюмки водки. Потомъ входитъ не-
вѣста съ дарами и начинаетъ дарить жениха и всю его родню
полетенцами своей работы.

Послѣ раздачи невѣстою подарковъ, жениха заставляютъ ее
поцѣловать; при этомъ подружки поютъ:

Далече, далече, въ темномъ лѣсѣ,
Высоко, высоко на дубѣ,
Голубъ голубку цѣлуетъ,
Правымъ крылышкомъ обнимаетъ,
«Ты же, голубушка, не сдавайся,
«Правымъ крылышкомъ отбивайся».
— Я бы рада отбивалась,
Да не въ тѣ ногти попалась.—
Высоко, высоко въ теремъ
Иванъ Марью цѣлуетъ,
Правою рукою обнимаетъ.
«А ты, Марьюшка, не сдавайся,
«Правою рукою отбивайся».
— Рада бы я отбивалась,
Да не въ тѣ руки попалась. —

Послѣ того всѣ снова садятся за столъ; невѣста угощаетъ
жениха орѣхами, которые будто бы сама нарвала въ лѣсу. По-
други между тѣмъ поютъ:

Тужить, горюеть перепелушка:
«Гдѣ-то мнѣ зимовать будетъ.»
Откуда ни взялся младъ жень соколъ:
«Не тужи, не горюй, перепелушка,
Я тебя беру къ себѣ на крыло,
Къ себѣ на крыло, на сизо перо;
Зимовать будемъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во тепломъ гнѣзду.»
Тужить, горюеть свѣтъ Марьюшка:
«Гдѣ мнѣ красной девушкѣ вѣковать будетъ.»
Откуда ни взялся свѣтъ Иванушка:
«Не тужи, не горюй, моя Марьюшка,
Я тебя беру къ себѣ на руки,
Къ себѣ на руки, совсѣмъ на вѣки;
Я тебя буду кормить, поить и печалиться.»

Позыши кушанья, приготовленные жениховыми родителя-
ми, и часто привезенныя за нѣсколько верстъ, принимаются за
кушанья, приспѣтыя родителями невесты. Въ продолженіе ужи-

на подруги не перестают пить; вотъ величальная пѣсня жениху и невестѣ:

Виноградна ягодка расцвѣтала;
Расцвѣтѣвши, ягодка опадала.
Марья батюшкѣ своему говорила:
«Не давай меня, батюшка, молоду замужъ,
Не уповай, мой родимый, на богатство.
Выбирай мнѣ, батюшка, челоуѣка,
Съ ростомъ, дородствомъ, красотою,
Съ своей молодецкой чистотою,
Чтобъ не стыдно красной дѣвкѣ на улицу выйти,
Чтобъ не стыдно молодущкѣ похвалиться:
Сестрицы, подруженьки! То-то ровня!»

Послѣ ужина пѣсни и пляска продолжаются довольно долго; потомъ жениховъ отецъ подносить всѣмъ по три стакана водки, а женихъ начинаетъ прощаться съ невестою. Подруги невесты въ это время поютъ:

Вечоръ поздно къ намъ соколъ прилеталъ,
А утроемъ рано опять отлеталъ.
Встужилася соколка его,
Всплакала сизокрыменькая.
Вечоръ поздно къ намъ Иванъ прѣзжалъ,
А утроемъ рано опять отъѣзжалъ.
Стужилася его Марьюшка,
Всплакала свѣтъ Васильевна.

Затѣмъ всѣ расходятся. На другой день жениховъ отецъ является въ домъ невесты съ водкою опохмѣлить невестину родню. Возвратившись домой, родители жениха съ своими гостями, называемыми поѣзжанами, садятся обѣдать, а послѣ обѣда отправляются къ невестѣ, и снова садятся обѣдать. Передъ обѣдомъ невесту становятъ съ ея подругами въ рядъ; всѣ дѣвушки покрываютъ себѣ лица, и женихъ долженъ выбирать изъ нихъ ту, которая съ нимъ помолвлена; если онъ ошибется и укажетъ не на свою невесту, то платитъ деньги за ошибку той, которую принялъ за невесту. Когда женихъ найдетъ свою невесту, ее ведутъ за столъ, а около нея сажаютъ мальчика, меньшаго брата или посторонняго, съ веселкою въ рукахъ, которою мѣсятъ кашу или соломату. Этотъ мальчикъ *продаетъ* *дѣвичью косу*, и до тѣхъ поръ не пускаетъ жениха съѣсть около невесты, пока дружка, товарищъ жениха, не заплатитъ ему *денегъ* и не попотчуетъ водкою.

Послѣ обѣда дружка выводитъ невесту изъ-за стола, отецъ и мать ея разстилаютъ на полу шубу, шерстью вверхъ, становятъ на нее скамью, берутъ въ руки образъ и благословляютъ невесту къ вѣнцу. При этомъ подружки невесты поютъ:

Съ вечера былъ-заюшка по приволью скачетъ,
Съ полуночи былъ-съренькой на столѣ на блюдѣ.
Съ вечера Марьюшка скакала, плясала,
Съ полуночи Васильевна плакала, рыдала:
«Сестрицы мои, подруженьки! какъ же мнѣ быть,
Какъ же мнѣ быть, чѣмъ свекра дарить?
Подарю я свекра шитою рубашкой,
Шитою, бѣлою, тонкою льняною».

То же поется и для свекрови и для жениха, только ему невеста обѣщаетъ подарить «аленькій платочекъ, новенькій». Когда отецъ и мать благословятъ невесту, дружка и сваха выводятъ ее изъ избы и сажаютъ на подводку; въ это время дѣвушки, находящіяся въ повздѣ, поютъ:

Вскрикнули гуси, лебеди,
Дунай рѣку переплывши,
Сине море перелетѣвши.
Всплавула Марьюшка,
Съ двора батюшки съѣзжаемчи,
Съ отцомъ матерью прощаемчись.

Дядька (не дружка ли?) съ женихомъ садится на другую подводку и вмѣстѣ съ повъзжанами отправляется въ церковь. Въ продолженіе пути отъ дому до церкви поютъ разныя пѣсни, на-примѣръ:

Изъ лѣса, лѣса, ѣхали бояре стрѣляемчи,
Луками, стрѣлами все мѣняемчи;
Одинъ только Ванюшка не мѣняется.
«Что же ты, Ванюшка, не мѣняешься?
— Мѣняйтесь, братцы, не ждите меня:
Мнѣ вѣнъ быть во Божьемъ суду,
Во Божьемъ суду, въ святомъ вѣнчанъ.—
Съ терена на теремъ красны дѣвки шли,
Красны дѣвки шли, все играемчи,
Вѣнками, дѣтками все мѣняемчи;
Одна только Марьюшка не мѣняется.
«Что же ты, свѣтъ Марьюшка, не мѣняешься?
— Мѣняйтесь, подруженьки, не ждите меня:
Мнѣ вѣнъ быть во Божьемъ суду,
Во Божьемъ суду, въ святомъ вѣнчанъ.—

Отец и мать жениха, надѣвъ на себя навыворотъ тулупы и разложивъ у воротъ огонь, чтобы разрушить всякую порчу, встрѣчаютъ молодыхъ отъ вѣнца съ хлѣбомъ-солью, поставленными на опрокинутой дежѣ, и осыпаютъ ихъ хмѣлемъ и зерновымъ хлѣбомъ въ знакъ будущаго богатства. Если невеста живетъ въ томъ же селѣ, гдѣ женихъ, то она отъ вѣнца прежде ѣдетъ въ свой домъ, и взлѣзаетъ на печь, а подружки ея садятся за столъ и поютъ:

На морѣ галка купалася,
На березечку отряхалася,
Во сыромъ бору обсушалася:
Марьюшка въ терсиѣ убиралася.
Приходить къ ней, что ни большій братъ:
«Ужоль ты, сестра, снарядилася?»

Потомъ поютъ, что приходитъ средній братъ, а новобрачная все сидитъ на печи; когда же пропоютъ:

Приходить къ ней, что ни меньшій братъ:
«Ужоль ты, сестра, снарядилася?»

молодая слѣзаетъ съ печи, идетъ къ столу, бросается на него головою и плачетъ во весь голосъ, или, какъ простолюдины выражаются, *голоситъ*. Ее сажаютъ за столъ, а сваха расплетаетъ ей косу; косу раздѣляютъ на двое, обвертываютъ вокругъ головы и потомъ повязываютъ платкомъ, или надѣваютъ на невесту кичку. Когда расплетаютъ косу, подружки молодой поютъ:

Не трубушки трубятъ рано по зарѣ,
То Марьюшка плачетъ по русой косѣ:
«Свѣтъ ты моя косушка русая,
Свѣтъ ты моя ленточка алая!
Вечоръ тоѣ косушку подружки плели,
По утру ту косушку свашенька плела;
Подруженьки плели на одинъ часокъ,
А свашенька заплела навѣки».

Въ некоторыхъ селахъ расплетаютъ или, какъ здѣсь говорятъ, *повязываютъ* косу въ церкви, и молодая ѣдетъ уже повязанная или въ кичкѣ.

Когда молодой пріѣзжаетъ отъ вѣнца, то всѣ садятся за столъ. Новобрачная даритъ свекра и свекровь рубашками, ко-

торыя тутъ же надвѣаются поверхъ всего платья. Свекоръ и свекровь сидятъ въ этихъ рубашкахъ въ продолженіе всего стола; новобрачнымъ даютъ вѣсть, а между тѣмъ избирается чета супруговъ, живущихъ согласно и въ любви другъ съ другомъ, и отправляется въ спальню новобрачныхъ *обогрѣть постель*. Когда молодые закусятъ, дружно и сваха выводятъ ихъ изъ избы въ *погѣтку* спать; уложивъ ихъ, они возвращаются къ потѣжанамъ и садятся ужинать. Во время стола гости поютъ веселыя пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Соловей мой, соловеюшко,
Соловей молоденькій!
Какъ тебѣ соловеюшко не стошнитса
Во темномъ лѣсу сидѣмчи,
На зеленый боръ глядѣмчи?

Молодка, молодушка молоденькая!
Какъ тебѣ молодушка не стошнитса,
Во горенкѣ все сидѣмчи,
На старого мужа глядѣмчи,
На сѣду его бородушку?

— Пойду млада въ темный лѣсъ,

Нарву хмѣлю яраго,
Наварю пива пьянаго,
Напою мужа старого,
Положу спать на погребѣ,
Накрою соломою,
Соломой гречишною,
Сверху пшеничною.
Пойду я во горенку,
Вздую я лучинушку,
Подожгу соломушку.

Выйду я на улицу,
Крикну громкимъ голосомъ:
Братцы вы, товарищи!
Маво мужа громъ убилъ,
Меня Богъ помиловалъ:
Съ кровати свалился,
Рукой защитился,
Доской заслонился.

На другой день всѣ гости собираются къ обѣду, пьютъ, гуляютъ и поютъ пѣсни, въ такомъ родѣ:

Молодая тетя по новымъ снѣгамъ ходила,

Молодого зяюшку за рученьку водила.

«Тещенка, моя матушка, тошно мнѣ».
— Съ чегожъ тебѣ, мое дитятко, стошнилось? —
«Да горазда ли твоя Марьюшка тонко пряхъ?»
— Горазда, горазда, мое дитятко, научена,
Наученая въ чужи люди отдана. —
«Да умѣеть ли твоя Марьюшка часто ткать,
И умѣеть ли Васильевна домоу жить?»
— Горазда, горазда, мое дитятко, научена,
Наученая въ чужи люди отдана. —

Или:

Какъ у нашего сосѣда
Весела была беседа:
Гуси въ гусли,
Утки въ дудки,
Овцы въ донцы,
Бараны въ барабаны, и пр.

Или:

Блюшка банюшку топила,
Вошка парилася,
Съ полка ударилася.
Она бокомъ вснарокомъ,
Ребро переломила, и пр.

Послѣ обѣда молодые остаются дома, принимаются за обыкновенныя домашнія дѣла, а гости продолжаютъ пировать, переходя изъ дому въ домъ. Если на свадьбѣ въ гостяхъ былъ только мужъ или жена, а не оба супруга, то онъ можетъ не приглашать свадебныхъ гостей къ себѣ въ домъ, а принести штофъ водки туда, гдѣ они пируютъ, и сказать: «вотъ и моя харчъ, господа честные;» а если на свадьбѣ присутствовали оба супруга, то они уже обязаны непременно пригласить къ себѣ въ домъ всѣхъ потѣжанъ или «бояръ.»

Обряды при погребеніи усопшихъ не представляютъ замѣчательныхъ особенностей. Человѣка близкаго къ смерти обыкновенно стараются, еще при жизни его, обмыть, одѣть и положить подъ образа, или, какъ здѣсь говорятъ, *подъ сальты*. Обмывать тѣло послѣ смерти считается большимъ грѣхомъ; крестьяне думаютъ, что въ какомъ видѣ человѣкъ умретъ, въ томъ и долженъ явиться на Страшномъ Судѣ. Нерѣдко случается, что изъ-подъ святыхъ люди встаютъ, выздоравливаютъ

и живутъ еще по нѣскольку лѣтъ. Есть у простолюдиновъ обычай голосить надъ умершимъ, хотя бы то былъ человекъ посторонній; нѣкоторыя женщины оплакиваютъ всякаго умершаго, и если спросите, о чемъ онѣ плачутъ, навѣрно услышите отвѣтъ: «по своему горю». Когда усопшаго принесутъ хоронить, то бросаютъ въ могилу грошъ или другую монету, чтобы откупить покойнику мѣсто на томъ свѣтѣ. По истеченіи шести недѣль послѣ смерти, пока душа умершаго, по мнѣнію крестьянъ, еще находится на землѣ между людьми, дѣлаютъ изъ теста лѣстницу, съ тѣмъ, чтобы по ней душа усопшаго взшла на небо. Въ Свѣтлое Воскресенье родные ходятъ на кладбище катать на могилѣ яйца, чтобы обрадовать и усопшаго такимъ торжественнымъ праздникомъ. Крестьяне думаютъ также, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, нуждается въ пищѣ, и потому печь пироги и блины для поминовенія усопшихъ родственниковъ значитъ, по ихъ мнѣнію, пеcись о насыщеніи ихъ душъ. Для этого они бросаютъ пироги и блины на могилы, даже льютъ на нихъ водку. Впрочемъ съ поминаньями, разумѣется, соединено также желаніе, чтобы накормленные люди сохраняли въ памяти доброе воспоминаніе объ умершемъ.

Увеселенія и забавы здѣшней черни состоятъ зимою и лѣтомъ преимущественно изъ игрищъ на улицахъ. На Святой Недѣлѣ, на Троицкой Недѣлѣ, на Петровъ День они устрояютъ веревочныя качели, называемыя *вислыми*, и *круглыя*, съ лавочками для сидѣнья; подъ качели выходитъ вся молодежь, разодѣтая въ лучшіе наряды. Зимою, особенно на Рождественныхъ святкахъ, собираются дѣвки и молодые парни къ кому-нибудь въ избу, играютъ тамъ въ карты, въ жгуты, въ сосѣди и пляшутъ подъ звуки балалайки, дудки или камышовыхъ дудочекъ, называемыхъ *желтыками*. Впрочемъ, теперь стали входить въ большое употребленіе *гармонійки*, которыя замѣняютъ прежніе музыкальные инструменты. Игрища обыкновенно собираются около кабака. Прѣзжая черезъ деревню въ день праздничный, навѣрно встрѣтишь толпу мужиковъ около питейнаго дома, да и въ будни онѣ рѣдко бываетъ пустъ. На улицу собираются дѣвки, холостые парни, а также молодыя бабы и женатые молодые мужики; сходиться начинаютъ не задолго до сумерекъ. Когда соберется порядочное число пѣвицъ и пласуновъ, со-

ставляется хороводъ. Дѣвки и парни становятся въ кружокъ, взявшись за руки ходять вокругъ, пристукивая ногами въ ладъ и крича во все горло пѣсни, въ которыхъ часто нѣтъ смыслу; по крайней-мѣрѣ во многихъ изъ нихъ большая смѣсь разнородныхъ предметовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Почти во всѣхъ уличныхъ или хороводныхъ пѣсняхъ говорится о красныхъ дѣвкахъ и холостыхъ ребятахъ и о ихъ взаимной сердечной склонности. Вотъ, напримѣръ, одна изъ хороводныхъ пѣсень:

Уродился мальчикъ бравый,
Она собою была, хорошъ:
Русы кудри завивныя,
Принапудренныя.
Его дѣвка полюбила,
Въ Кострому городъ вступила,
Плису, бархату купила,
Короватушку обила,
Теговую сукрасила.
Вотъ по старымъ по примѣтамъ
Черезъ улицу
Сърой утицею,
Черезъ садъ, виноградъ
Черепелицею,
Черезъ широкій дворъ,
Краснымъ кочетомъ,
А въ высокъ теремъ,
Добрымъ молодцемъ,
Пришелъ милый другъ
Къ красной дѣвицѣ.

Или:

Леталъ голубь, леталъ сизый
Со голубушкою.
У голубя, у сизаго
Золотая голова,
У голубушки его
Позолоченая.
«У кого жъ у насъ, братцы,
Да хорошая жена,
Хорошая, пригожая,
Молоденькая?»
— У Иванушки, братцы,

- Да хорошая жена. —
Братья ему позавистовали:
«Если бь братова жена
Да намъ въ руки отдапа,
То-то бь ее снарядилъ,
Да на улицу пустилъ.»

Эти уличныя сборища часто продолжаются всю ночь, отъ вечерней зари до утренней, такъ что послѣ уличнаго веселья пѣвицы и плясуны отправляются прямо въ поле на работу.

Важнѣйшее занятіе поселянъ здѣшняго края есть земледѣліе. Почва земли въ большей части селеній Нижнедѣвицкаго уѣзда черноземная и весьма удобная для хлѣбопашества. Въ здѣшнихъ мѣстахъ съется всякаго рода хлѣбъ: рожь, пшеница, овесъ, ячмень, греча, просо, горохъ и отчасти чечевица; кроме того макъ, конопля и ленъ. Первое мѣсто между хлѣбами занимаетъ рожь; она составляетъ основу богатства здѣшняго земледѣльца; для нея существуютъ и нѣкоторыя поговорки, заимствованныя изъ опыта, напримѣръ: *будетъ въ маѣ дождь, будетъ и рожь*, или: *осень говорить уклочу, а весна скажетъ: какъ хочю*. Пшеницы мужики сѣютъ очень мало и то больше на продажу, а не для собственнаго употребленія. Греча, просо и овесъ сѣются въ болѣешемъ количествѣ, ибо солома ихъ служить кормомъ для скота. Горохъ и чечевица въ небольшомъ употребленіи. Коноплю преимущественно сѣютъ на огородахъ, а иногда и въ полѣ, на низкихъ мѣстахъ и на стойлахъ; она годами родится хорошо, ленъ же почти всегда бываетъ малъ ростомъ и не волокнистъ, и потому въ здѣшнихъ мѣстахъ покупаютъ ленъ привозной изъ другихъ губерній. О плодородіи земли ничего нельзя сказать опредѣлительнаго: гдѣ земледѣльцы старательно обрабатываютъ и удобряютъ землю, тамъ и хлѣбъ родится лучше. Вообще помѣщичьи имѣнія въ этомъ отношеніи представляются въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ земли государственныхъ крестьянъ. У послѣднихъ земледѣліе хотя и составляетъ главнѣйшее занятіе, но оно идетъ и теперь такимъ же порядкомъ, какъ за сто лѣтъ предъ симъ; очень немногіе стараются удобрять землю посредствомъ унавоживанія, да въ иныхъ мѣстахъ этого и сдѣлать невозможно: отдаленность полей есть важнѣйшая причина, препятствующая развитію

хлѣбопашества. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ поле отъ жилищъ бываетъ верстахъ въ пятнадцати и болѣе; случается, что крестьянинъ, пріѣхавъ на работу и будучи застигнутъ непогодою, принужденъ возвратиться домой, не сдѣлавъ ничего и потерявъ весь день на одну проѣздку изъ дома въ поле и обратно. Отдаленность полей мѣшаетъ успѣшности работъ, лишаетъ крестьянина всякой возможности хорошо воздѣлать свою ниву и удобрять землю навозомъ. Земледѣльческія орудія у государственнаго крестьянина худо приспособлены къ дѣлу; онъ пашетъ одноконною легкою сохою, которая, отъ нерадѣнія пахущаго, часто не прорѣзываетъ глубокой борозды, а почти скользитъ по поверхности земли. При перевозкѣ хлѣба въ гумно, отдаленность поля изнуряетъ лошадей и требуетъ большихъ издержекъ на смазку колесъ; кромѣ того, дороги въ нашихъ селеніяхъ вездѣ почти дурны, въ особенности по горамъ и при переправахъ черезъ ручьи и ровки; отъ этого въ телегахъ часто ломаются оси и колеса. Все это стѣсняетъ скорое и удобное производство земледѣльческихъ работъ. Наконецъ трудность воздѣлыванія собственныхъ полей, а отчасти и лѣность, заставляютъ многихъ изъ здѣшнихъ поселянъ еще съ весны покидать дома и отправляться на заработки въ Донскія мѣста и въ Малороссійскія губерніи, гдѣ и проживаютъ они почти до осени.

Помѣщичьи имѣнія представляютъ совсѣмъ другую картину. У большей части здѣшнихъ помѣщиковъ хорошо устроены земледѣльческія заведенія, какъ - то постройки для молотѣбы, сушенія и сбереженія хлѣбнаго зерна; есть разныя машины для молотѣбы и вѣянія хлѣба. Поля у помѣщиковъ, какъ барскія, такъ и крестьянскія, обрабатываются очень хорошо; удобреніе земли считается необходимою принадлежностію земледѣлія, отъ чего и хлѣбъ родится у нихъ всегда хорошо. И потому можно утвердительно сказать, что наше земледѣліе поддерживается помѣщиками, которые стараются усвоить себѣ всякое полезное изобрѣтеніе или открытіе по части земледѣлія и научить тому же своихъ крестьянъ. Къ успѣшному ходу земледѣлія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ должно отнести и то, что когда какой - либо крестьянинъ за болѣзнію, или потому что у него пала лошадь, не можетъ обработать самъ своего поля, — помѣщикъ дѣлаетъ это барщивою.

Объ урожаяхъ должно замѣтить слѣдующее: въ хорошіе урожайные годы рожь и овесъ бываютъ самъ-восемь, и тогда этотъ хлѣбъ бываетъ очень дешево: рожь — въ девяносто копѣекъ серебромъ четверть и дешевле, овесъ — въ сорокъ и пятьдесятъ копѣекъ серебромъ, не дороже. Греча по большей части родится самъ-восемь и даже самъ-десять, а потому цѣна и на этотъ хлѣбъ бываетъ не болѣе пятидесяти копѣекъ серебромъ. Просо родится иногда самъ-пятнадцать и бываетъ въ рубль серебромъ и болѣе четверть. Всѣ эти хлѣба въ урожайные годы мало вознаграждаютъ труды земледѣльца и едва выкупаютъ ему собственные издержки; одна только пшеница приноситъ значительный доходъ: она иногда родится самъ-десять и дешевле трехъ рублей серебромъ рѣдко бываетъ. Но государственные крестьяне сѣютъ ея очень мало въ сравненіи съ прочими хлѣбами.

Къ занятіямъ здѣшнихъ поселянъ принадлежитъ и пчеловодство. Правда, здѣсь нѣтъ большихъ заведеній, какъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, однакожъ есть мужички, которые ставятъ на зиму во мшеники ульевъ по двѣсти и болѣе; а такихъ, которые имѣютъ по сту, или по пятидесяти ульевъ, найдется много.

Скотоводство въ здѣшнихъ мѣстахъ довольно скудно, по недостатку хорошихъ пастбищъ; рогатый скотъ мелокъ и немолоченъ; лошади въ иныхъ селеніяхъ довольно хороши, а въ другихъ малорослы и слабосильны. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ есть лошади улучшенной породы, а у самихъ помѣщиковъ — конскіе заводы, хотя и небольшіе, но хорошаго качества; лошади съ этихъ заводовъ бываютъ хороши въ ѣздѣ и даже годны для артиллеріи. Овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ простыя, бѣлыя и черныя, и водятся въ значительномъ числѣ. Въ имѣніи князя Меншикова есть и порода мягкорунныхъ овецъ, но не въ большомъ количествѣ. Здѣшнія свиньи малыя.

Въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ селахъ къ числу промысловъ принадлежитъ приготовленіе березовыхъ метелъ, которыя вяжутся осенью, а зимою и весною развозятся по другимъ селеніямъ; гдѣ продаются за деньги, или промѣниваются на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ дѣлаютъ колеса, гнутъ ободья и по-

лозя и продаютъ ихъ на деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ. Крестьяне другихъ селеній, напримѣръ села Хорошилова, занимаются выдѣлкой глиняной посуды изъ красножелтой и сѣрой глины; они обмѣниваютъ ее на хлѣбъ, яйца и продаютъ за деньги. Нѣкоторые изъ государственныхъ крестьянъ занимаются плотничествомъ, но между ними нѣтъ хорошихъ мастеровъ; и въ этомъ отношеніи отличаются помѣщичьи крестьяне, особенно князя Меньшикова изъ села Знаменскаго. Они составляютъ между собою артели и идутъ плотничать въ города и села съ весны и до поздней осени. Вообще, между государственными крестьянами мастеровыхъ очень мало: столяры, кузнецы, портные, сапожники, ткачи, токари и другіе ремесленники все больше господскіе люди.

Число грамотныхъ людей между государственными крестьянами весьма ограничено въ настоящее время; но нѣтъ сомнѣнія, что заведенныя въ селеніяхъ школы скоро дадутъ возможность приготовить грамотныхъ людей въ большемъ количествѣ.

Женщины въ здѣшнихъ мѣстахъ занимаются пряденіемъ шерсти, льна и поскони. Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ: въ Роговатомъ, Истобномъ, Семидесятомъ, Синихъ-Лемехахъ *, Матренкахъ и другихъ, женщины готовятъ изъ волосени на паневы очень красивую на видъ и прочную въ носкѣ ткань; она весьма похожа на шелкъ и составляетъ предметъ щегольства. Въ другихъ селахъ, напримѣръ: въ Чужиковой, Дмитревскомъ, Шаталовкѣ, женщины ткутъ довольно тонкія льняныя полотна, которыя выбѣливаютъ набѣло, и любятъ щеголять хорошими рубашками. Сукна для кафтановъ у всѣхъ домашняго приготовленія и бываютъ иногда довольно тонки и плотны; особенно хорошо готовятъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ткани изъ сѣрой волосени; изъ нея мужики шьютъ себѣ лѣтніе халаты, въ родѣ нынѣшнихъ пальто-скуртуковъ: они нарядны и для лѣта очень легки. Подъ конецъ зимы и съ начала весны женщины ткутъ полотна разной доброты, *рядна*, попоны, олуи и сукно. Полотна бѣлятъ весною и лѣтомъ, а сукна ~~рада-~~ютъ осенью и зимою дома, или на водяныхъ ~~мельницахъ~~ есть сукновальни.

* На картѣ Шуберта: Синія-Липаги.

Казалось бы, что мужику, при его средствах въ домашнемъ быту, не нужно много денегъ на расходы; а между тѣмъ, если расчесть всѣ его потребности, то выйдетъ, что онъ издерживаетъ свыше пятидесяти рублей ассигн. въ годъ и что этимъ потребностямъ едва удовлетворяетъ его доходъ, а въ иные годы приходъ не покрываетъ расхода.

Вотъ балансъ прихода и расхода здѣшняго помѣщичьяго крестьянина:

Каждое тягло почти всегда состоитъ изъ двухъ ревизскихъ душъ, и одного или двухъ подростковъ, такъ что на тягло приходится четыре потребителя, не считая грудныхъ и малолѣтнихъ. Хлѣба на эти четыре души потребно не менѣе 12-ти четвертей озимаго и 2-хъ яроваго на кашу; приварокъ, огородныя овощи и сборы со скота нейдутъ въ счетъ. Трехъ четвертей на душу не много, если изъ нихъ отдать еще за помоль, потому что въ работѣ, особенно полевой, человѣкъ всегда съѣдаетъ съ хорошимъ приваркомъ около четырехъ фунтовъ и даже болѣе хорошаго ржаного хлѣба, а пшеничнаго гораздо болѣе; подростки и неисправляющіе тяжелыхъ работъ ѣдятъ менѣе трехъ фунтовъ. Земли на тягло дается по двѣ казенныхъ десятины въ каждомъ клину трехпольнаго хозяйства и по одной десятинѣ покосу; одна десятина приходится подъ поселеніе, огородъ, конопляникъ и выгонъ; лѣсъ въ особомъ счетъ. Въ благопріятныя для урожая годы собирается: ржи съ двухъ десятинъ 16 четвертей; яроваго, гречи или проса — съ полдесятины 5 четвертей; полторы десятины засѣгается овсомъ, который идетъ весь на кормъ скоту и птицѣ. Изъ 16-ти четвертей ржи отчисляется: 2 на посѣвъ, 12 на продовольствіе, а въ продажу остается 2. Если продать четверть по $4\frac{1}{2}$ рубля серебромъ, то рожь принесетъ 3 р. сер. Яроваго двѣ четверти истрачивается на кашу, двѣ съ половиною идетъ въ продажу по рублю серебромъ, что приноситъ $2\frac{1}{2}$ р., полчетверти остается на посѣвъ. Итого отъ хлѣба помѣщичій крестьянинъ получаетъ прибыли 5 р. 50 к. серебромъ. На свой участокъ исправное тягло имѣетъ въ зиму барана, двухъ молодыхъ и четырехъ старыхъ овецъ на племя; отъ нихъ, въ общей сложности, въ благополучныя годы и при хорошемъ присмотрѣ, получается 6 штукъ приплоду, а потому въ продажу поступаетъ двѣ старыхъ, по 1 р. 15 к. каж-

дая, всего 2 р. 30 к., молодых четыре, по 75 к. сер., всего 5 р. 30 к. Корову каждое тягло имѣетъ одну съ двумя подтелками и, когда пѣтъ падежей, черезъ 5 лѣтъ одна продается за 9 р. сер.; следовательно въ годъ прибыли приходится 1 р. 80 к. сер. Лошадей у одного тягла одна матка и двѣ для работы, да черезъ годъ или два жеребенокъ, такъ что на корму почти всегда четыре лошади. Въ продажу поступаетъ одна, и то развѣ лѣтъ черезъ восемь, когда дѣлается старою, за 12 р. сер., т. е. на годъ 1 р. 50 к. сер.; лошади часто пропадаютъ отъ падежей и воровства, которое въ здѣшнихъ мѣстахъ случается весьма часто. Свиной тягло имѣетъ въ зиму двѣ старыхъ и двѣ молодыхъ; отъ нихъ приплоду въ годъ 30 штукъ, изъ которыхъ большая часть продается, а въ продажу идетъ одна, года черезъ три, за 4 р. сер., а на годъ приходится 1 р. 33 $\frac{1}{3}$ к. сер. Итого отъ скота крестьянинъ получаетъ ежегодной прибыли 9 р. 93 к. сер. Отъ домашней птицы дохода полагать нельзя, потому что вся птица истрачивается на собственное потребленіе. Итого весь годово́й доходъ помѣщичьяго крестьянина, съ хлѣба и скота, простирается до 15 р. 43 к. сер. Его необходимый расходъ въ теченіе года, по здѣшнимъ цѣнамъ, слѣдующій: податей въ годъ съ повинностями съ двухъ душъ 3 р. 14 к. сер. Рекрутскихъ, на награду рекруту, ежегодно 3 р. сер.; гдѣ вносятся въ казну рекрутскія за рекрута, тамъ онъ платится самимъ помѣщикомъ. Соли на четыре души два пуда въ годъ — 1 р. 30 к. Дегтю, считая каждую помазку телѣги въ 3 к. сер., въ годъ на 3 р. сер. Коса, молотокъ съ брусомъ и серпъ становятся на три года и стоятъ 1 р. 30 к. сер., въ годъ — 43 $\frac{1}{3}$ к. сер. Поддосокъ одна пара въ годъ 16 к. сер. Сошники стоятъ 96 к. сер. и становятся на 6 лѣтъ, при ежегодной поправкѣ, а въ годъ стоятъ 16 к. сер. Подковать во время зимы двѣ лошади, для перевозки на рынки хлѣба, стоитъ 95 к. сер. Расходу за квартиру въ зимнее время, при отвозѣ хлѣба на рынки, 28 к. сер. Станъ колесъ и сани изъѣзживаются въ два года и вмѣстѣ съ поддержкою упряжи стоятъ 3 р. сер., а въ годъ 1 р. 50 к. сер. Въ три года двумъ тягловымъ людямъ требуется по полушубку, каждый стоитъ 2 р. 55 к. сер., за оба 5 р. 10 к. сер., въ годъ на каждое лицо 85 к. сер., а на двухъ 1 р. 70 к. сер. Рукавицы, одѣвая

годъ, стоятъ 35 к. сер. Обуви на всѣхъ въ годъ на 1 р. 60 к. сер. Итого, всѣ необходимыя расходы помѣщичьяго крестьянина простираются въ годъ на 17 р. 57 к. сер. Изъ этого видно, что приходъ менѣе расхода на 2 р. 14 к. сер. * Этотъ дефицитъ, равно какъ и расходы на разныя церковныя требы, крестины, похороны, свадьбу, говѣнье и проч., пополняются изъ продажи какой-либо скотины, не взятой здѣсь въ расчетъ, или вырабатывается рукодѣльемъ и ремесломъ. Приведенный расчетъ прихода и расхода помѣщичьяго крестьянина можетъ быть примененъ и къ государственному крестьянину, съ тою только разницею, что послѣдній, имѣя иногда большую пропорцію земли, получаетъ болѣе прибыли отъ хлѣбопашества, но зато онъ имѣетъ расходы на разныя земскія повинности, которыхъ помѣщичій крестьянинъ не отбываетъ.

* У г. Мамыгина въ расчетъ дохода и расхода вкранились слѣдующія ошибки: сумма дохода отъ хлѣба и скота показана въ 14 р. 73 к., сумма расхода въ 14 р. 90 к., а разность ихъ въ 17 к. сер. Эти невѣрности въ итогахъ и въ разности здѣсь исправлены.

СЕЛО БОБРОВКИ
И
ОКРУЖНЫЙ ЕГО ОКОЛОТОКЪ.

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ

РЖЕВСКАГО УѢЗДА.

(Священника С. Разумихина).

НАРУЖНОСТЬ.

Наружность крестьянъ этого округа * неимѣетъ особенно рѣзкаго отличія отъ наружности остальнаго Русскаго народа. Жители роста вообще средняго, большею частію 2-хъ аршинъ и 4-хъ вершковъ. Слишкомъ дородныхъ здѣсь нѣтъ. Цвѣтъ лица и вообще кожи, по большей части, блѣдый. Всѣ части тѣла, голова, руки и ноги, соразмѣрны между собою. Черты лица большею частію правильныя. Волоса вообще цвѣта русаго; глаза средней

* Около́токъ, къ которому относятся наблюденія автора, сколько можно судить по названіямъ селъ и деревень, встречающимся въ сообщаемомъ здѣсь этнографическомъ описаніи, обнимаетъ, приблизительно, юго-западную четверть Ржевскаго уѣзда. Самое село *Бобровки* (на картѣ Шуберта: *Шипиковъ-Бобровка*) расположено въ юго-западной части уѣзда. *Примѣч. Ред.*

величины и большею частию голубые. Хотя людей очень крѣпкаго тѣлосложенія нѣтъ, однакоже ихъ тѣлесный организмъ вообще довольно крѣпкій. Описываемые жители преимущественно подвергаются болѣзнямъ отъ простуды, такъ называемымъ простуднымъ горячкамъ. Ни особенной тѣлесной силы, ни большой ловкости и проворства жители не имѣютъ; однако они вообще сильны, дѣтельны и трудолюбивы; послѣднее доказывается умѣньемъ ихъ выдѣлывать разные необходимыя въ хозяйствѣ вещи, какъ-то: дрань, колеса, рѣшета, гнать деготь и т. под.

ЯЗЫКЪ.

Языкъ означенной мѣстности имѣетъ два отгѣнка: одинъ господствуетъ между дворянами и духовнымъ сословіемъ, другой — между простолюдинами. Первый близокъ къ московскому нарѣчію, согласенъ съ общеизвѣстными грамматическими правилами и особенностей никакихъ не представляетъ; послѣдній же имѣетъ ихъ весьма много. Между простолюдинами трудно найти человѣка, который бы говорилъ языкомъ грамматически-правильнымъ.

4. Особенности простонароднаго произношенія состоятъ въ любви или нелюбви къ нѣкоторымъ звукамъ, какъ гласнымъ, такъ и согласнымъ, вообще или въ извѣстныхъ только случаяхъ. Всего лучше можно изобразить ихъ посредствомъ азбуки, показывая, противъ каждой буквы, какъ она произносится при разныхъ условіяхъ.

А большею частию такъ и произносится, только грубо. Но когда именительный или винительный падежи множественнаго числа оканчиваются буквою *а* съ удареніемъ, то она замѣняется буквою *ы*, и удареніе въ такомъ случаѣ переносится съ послѣдняго слога на предпослѣдній, напримѣръ: *вм. дрова, права*, говорятъ: *дрѡвы, прѡвы*. То же замѣтно почти во всѣхъ нарѣчіяхъ, состоящихъ изъ двухъ, а нерѣдко и изъ трехъ слоговъ и имѣющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, съ тою только разницею, что въ нихъ удареніе не переносится, но остается на своемъ мѣстѣ, напримѣръ: *вм. куда*, говорятъ: *куды*, *вм. когда — кады*, *вм. всегда — всегды*, *вм. никогда — никогды* и т. п.

В когда стоитъ въ началѣ слова передъ согласною, всегда почти выговаривается какъ *у*, на примѣръ: *вм. все*, говорятъ — *усѣ*, *вм. вчера* — *уцѣра*, *вм. второй* — *утардѣй*, *вм. всталъ* — *усталъ*, и т. п. Также, большею частию, произносится буква *в*, когда она стоитъ въ срединѣ, послѣ какой-либо гласной, на примѣръ: *вм. дѣлка*, произносятся какъ-бы *дѣлука*, *вм. повторилъ* — *паутаривъ*, и т. п.

Г такъ и произносится, но только всегда грубо, какъ *ѣ* нѣмецкое, или *h* латинское, и притомъ какъ будто съ удвоеніемъ.

Д, когда за нимъ стоитъ согласная, всегда такъ и выговаривается, на примѣръ: *другой*, *другъ* и т. под.; а когда за нимъ стоитъ гласная, то выговаривается большею частию какъ *дэ*, только скоро, на примѣръ: *Димитрій* выговаривается какъ *Дзимитрій*, *дѣлка* какъ *дѣзка*, *сзади* — *сзадзи*, *спереди* — *спередзи*, *сидѣть* — *сидѣтъ*, *идетъ* — *идѣтъ*, и т. п.

Е въ срединѣ слова почти всегда такъ и произносится, иногда же превращается въ *о*, а въ началѣ верѣдко въ *ѣ* (*jo*) и *я*; въ концѣ же, когда удареніе бываетъ на послѣднемъ слогѣ, въ *о*, на примѣръ: *ѣсть* (*josъ*) *вм. есть*, *пришѣвъ* *вм. пришелъ*, *уцѣра* *вм. вчера*, *яго* *вм. его*, *яму* *вм. ему*, *Яхимъ* *вм. Егѣимъ*, *ящо* *вм. еще*. Верѣдко *е* превращается также и въ *а*, какъ: *цаго* *вм. чего*, *цалавѣкъ* *вм. человѣкъ*, *табѣ*, *сабѣ* *вм. тебѣ*, *себѣ*. Наконецъ, когда *е* стоитъ въ концѣ глагола, имѣющаго окончаніе *ѣшь*, то оно превращается въ *и*, и удареніе съ послѣдняго слога переносится на предпослѣдній, на примѣръ: *не пойдѣишь ли* *вм. не пойдѣишь ли*, *не найдѣишь* *вм. не найдѣишь*, *не украдишь* *вм. не украдишь*, и т. п. Тоже когда глаголъ оканчивается на *етѣ*, *ется*, только въ этихъ случаяхъ удареніе остается на своемъ мѣстѣ, на примѣръ: *дѣлаишь* *вм. дѣлаешь*; *хочитѣца* *вм. хочется* и т. п.

Ж такъ и выговаривается, только грубо, какъ-бы съ прибавленіемъ напередѣ буквы *з*. Иногда *ж* въ произношеніи замѣняется буквою *г*, на примѣръ: *бѣжитъ* *вм. бѣжитъ*.

І. Когда слово оканчивается на *іе* или *тіе* или *піе*, то *і* въ произношеніи замѣняется удвоеніемъ той согласной, послѣ которой оно стоитъ, на примѣръ: *почтеніе* *вм. почтеніе*, *сма-трѣніе* *вм. смотрѣніе*, *пѣніе* *вм. пѣніе*, *питіе* *вм. питіе*, *капѣ* *вм. копѣ* и т. под.

К частію такъ и произносится; иногда же какъ *х*, напр. *хто* вм. *кто*; *никто* вм. *никто*, и т. под.

Л такъ и произносится; но когда глаголь оканчивается на *ль*, то превращается въ *в*, напримѣръ: *искаль* * вм. *искаль*, *зматривалъ* вм. *смотрѣль*, *говорилъ* вм. *говорилъ*, *потерялъ*, и под.

Н большею частію такъ и произносится; иногда же какъ *н*, напримѣръ: *Микулай* вм. *Николай*; а не рѣдко съ примѣсю *д*, напримѣръ: *идравъ* вм. *идравъ*.

О большею частію произносится какъ *а*, напримѣръ: *хараши* вм. *хороши*; а иногда какъ *у*, напримѣръ: *Микулай* вм. *Николай*; иногда какъ *ё* или *ю* латинское; напримѣръ: *ёнъ* (юн по-лат.) вм. *онъ*. Когда же прилагательное оканчивается на *ой*, тогда *о* произносится какъ *э*, напримѣръ говорятъ: *рябэй*, *кривэй*, *худэй* вм. *рябой*, *кривой*, *худой*. Иногда *о* превращается въ *і*; напримѣръ: *пѣтъ* вм. *поетъ*. Наконецъ иногда, именно въ настоящемъ времени глаголь, *о* послѣ какой-либо согласной буквы превращается въ *ы*, напримѣръ: *рытъ* вм. *роетъ*, *мытъ* вм. *моетъ*, *нытъ* вм. *ноетъ*, *вытъ* вм. *воетъ*, и т. под.

С, когда стоитъ въ конечномъ слогѣ глагола, именно когда глаголь оканчивается на *тсѣ* или *тсѣ*, выговаривается какъ *ц*, напримѣръ: говорятъ: *боитца* вм. *боятся*, *хочитца* вм. *хочется*, *дратца* вм. *драются*, *ругатца* вм. *ругаются*, и т. под. Когда же послѣ *с* стоитъ *в*, то *с* всегда почти произносится какъ *з*, напримѣръ: *звѣданне* вм. *свиданіе*, *звиння* вм. *свинья*, и т. п.

Т. Часто произносится какъ *тс*, напр. *тсебѣ* вм. *тебѣ*, *пѣтъ* вм. *поетъ*, *дѣлѣтъ* вм. *дѣлаетъ*. А когда *т* стоитъ послѣ *ч*, то замѣняется удвоеніемъ *ч*, напр. *ачченне* вм. *почтѣнне*, *чченне* вм. *чтеніе* и т. под.

У большею частію такъ и произносится. Но когда эта буква стоитъ въ началѣ слова, то она выговаривается съ прибавленіемъ впереди, напр. *вумный* вм. *умный*, *вучонный* вм. *ученный*, *вуголь* вм. *уголь*, *вутка* вм. *утка* и т. под.; иногда же *ч* въ началѣ замѣ-

* Надобы замѣтить, что *сѣ* всегда въ такомъ случаѣ произносится грубо, какъ-бы *у*, напримѣръ, когда говорятъ *искавъ*, то выходитъ какъ-бы *искау* и т. под.

няется удвоениемъ *в*, съ прибавленіемъ *о*, напр. говорить: *свойдишь* *вм.* *уйдешь*. Предлогъ *у* не рѣдко произносится какъ *ю* и *оу*, напр. *ю меня*, *ю тсебя*; *въ мяне*, *въ тсебѣ* *вм.* *у меня*, *у тебѣ*.

Ф и *Ө* часто произносятся какъ *х* и *в*, или просто какъ *х*, напр. *хилинъ* *вм.* *филинъ*, *хвამилія* *вм.* *фамилія*, *Хвѣдаръ* *вм.* *Өедоръ*, *Хавронія* *вм.* *Өевронія* и т. под.

Ц большею частію произносится какъ *ч*, напр. *черкавъ* *вм.* *церковъ* и т. под.

Ч, наоборотъ, всегда почти произносится какъ *ц*, напр. *цасы* *вм.* *часы*, *цаласкѣ* *вм.* *человѣкѣ*, *цаго* *вм.* *чего*, *ноць* *вм.* *ночь*, *проць* *вм.* *прочь*, *доць* *вм.* *дочь*, *яблцко* *вм.* *яблочко* и т. п. Иногда *ч* произносится какъ *ш*, напр. *што* *вм.* *что*. *Чт* произносятся какъ *щ*, напр. *що* *вм.* *что* и т. под.

Ш почти всегда такъ и произносится; иногда же какъ *х*, напр. *слухай* *вм.* *слушай*.

Щ большею частію такъ и произносится; иногда же какъ *ш*, напр., *вешъ* *вм.* *вещъ*; нерѣдко *щ* представляетъ въ произношеніи что-то среднее между *щ* и *ш*, похожее на *с* и *ш*, напр. *щелкать*, произносится какъ бы *сшалкаться*, *вм.* *шипать* — *сшипаться* и под. Иногда же *щ* произносится какъ *ш* и *т*, напр. *яшто* *вм.* *еще*.

Ъ такъ и произносится; только въ концѣ всѣхъ глаголовъ въ третьихъ лицахъ единственнаго и множественнаго чиселъ эта буква замѣняется буквою *ь*, напр. *пѣзится* *вм.* *пѣдетъ*, *идѣется* *вм.* *идетъ*, *сидѣится* *вм.* *сидитъ*, *глядѣится* *вм.* *глядитъ*, *скацутъ* *вм.* *скачутъ* и т. под.

Ы такъ и произносится; иногда же какъ *а*, напр. *добрай* *вм.* *добрый* и т. под.

Ь большею частію такъ и произносится. Послѣ же нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ-то: *л*, *н* и *т*, эта буква замѣняется удвоениемъ той согласной, передъ которой она стоитъ, напр. *у Василя* *вм.* *у Василья*, *Илля* *вм.* *Илья*, *Ахрасиння* *вм.* *Евфросинья*, *Маління* *вм.* *Малінья*, *Авдоття* *вм.* *Авдотья*. Въ неокончателъномъ наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на *тъся*, *ѣ* выпускается, и вмѣстѣ съ буквою *с* замѣняется одною буквою *ц*, напр. *жанитца* *вм.* *женитца*, *ссоритца* *вм.* *ссоритца*.

Ъ по большей части такъ и произносится; иногда же какъ *а*, напр. *цалавать* *вм.* *цѣловать*; иногда какъ *я*, напр. *нямой*

вм. *нѣмой*, *пѣнѣтсь* вм. *пѣнѣтъ*, *у лѣсу* вм. *въ лѣсу*, *пѣтухъ* вм. *пѣтухъ* и т. под.

Э всегда произносится какъ латинское *je*, напр., всегда говорить *јетотъ* вм. *этотъ* и т. под.

Я нерѣдко такъ и произносится; въ глаголахъ же, оканчивающихся на *тсь* или *тсь*, буква *я* превращается иногда въ *а*, а иногда въ *ы*, напр. говорить: *сватѣтца* и *сватѣтцы* вм. *сватѣтсь*, *напитца* и *напитцы* вм. *напитсь*, *жѣнитца* и *жѣнитцы* вм. *жѣнитсь*. Въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа съ окончавіемъ *итъ*, когда глаголъ состоитъ изъ трехъ слоговъ, *я* произносится какъ *ю*, и въ такомъ случаѣ удареніе съ послѣдняго слога переносится уже на предпослѣдній, напр. *гаво-рютсь* вм. *говорѣтъ*. Хотя рѣдко, но это бываетъ также, когда глаголъ состоитъ изъ двухъ слоговъ, напр. вм. *бранѣтъ* говорить *брѣнютсь*.

Всѣ прочія буквы (Б, З, И, М, П, Р, Х и Ю) не представляютъ никакого отличія въ выговорѣ. —

Таково здѣшнее произношеніе; но и оно тоже не всегда строго соблюдается; однѣ и тѣже буквы, въ совершенно подобныхъ и сходныхъ словахъ, то выговариваются правильно, то неправильно; обычай и привычка усвоили имъ известное произношеніе.

Мягкія гласныя нерѣдко превращаются въ твердыя, напр. *церква* и *черква* вм. *церковь*.

2. Особенности въ словообразованіи, преимущественно въ окончаніи словъ при склоненіи и спряженіи ихъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ творительномъ падежѣ единственнаго числа окончаніе *ь* нерѣдко превращается въ *у*, напр. *а двору* вм. *о дворѣ*, *о столбу* вм. *о столбѣ*; иногда же въ *и*, напр. *а камни* вм. *о камнѣ*, *а хлѣби* вм. *о хлѣбѣ*, *о птици* вм. *о птицѣ* и т. под.

б) Окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа на *ь* нерѣдко перемѣняется въ *овъ*, напр. *лицѣвъ* вм. *лицъ*, *глазѣвъ* вм. *глазъ*, *спицѣвъ* вм. *спицъ*, *лѣщѣвъ* вм. *лѣщъ*, *птицѣвъ* вм. *птицъ* (слово *птица* большею частію замѣняется словомъ *пташка*).

в) Окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа на *ей* всегда измѣняется въ *евъ*, напр. *полѣвъ* вм. *полей*, *звѣрѣвъ* вм. *звѣрей*, *плѣтѣвъ* вм. *плѣтней*, *огнѣвъ* вм. *огней* и т. под.

г) Творительнаго падежа множественнаго числа окончаніе на *ми* всегда измѣняется въ *мъ*, напр. *дровамъ* вм. *дровами*, *полямъ* вм. *полями*, *деревамъ* вм. *деревами* и т. под. Слова *лѣто* и *питіе* нерѣдко передѣлываются въ *лѣтеньѣ*, *лѣдненьѣ*; слово *картофель* — въ *картоля* и *каркота*.

д) Въ произношеніи слова *этотъ*, во всѣхъ падежахъ и родахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, передъ *т* вставляется буква *е*, напр. *ѣвѣтотъ*, *ѣвѣтаго*, *ѣвѣтаму* и проч. вм. *эѣтотъ*, *эѣтаго*, *эѣтому*.

е) Въ предлогѣ *изъ* въ произношеніи опускается буква *и*, напр. *зъ* *лѣсу* вм. *изъ* *лѣсу*, *зъ* *города* вм. *изъ* *города* и т. под.

Въ спряженіяхъ особенности словообразованія слѣдующія:

а) Въ третьемъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго и будущаго времени, конечная буква *е* всегда измѣняется въ *ь*, напр. *идѣтъ*, *идутъ* вм. *идетъ*, *идутъ*; *ѣдѣтъ*, *ѣдутъ* вм. *ѣдетъ*, *ѣдутъ*; *будѣтъ*, *прѣдутъ* вм. *будетъ*, *прѣдутъ* и т. под.

б) Окончаніе *лѣ*, какъ выше показано, всегда измѣняется въ *ѣ*, напр. *прѣхѣвъ* (*у*) вм. *прѣхалъ* и т. под.

в) Дѣйствительное дѣепричастіе на *аши* измѣняется въ произношеніи или на *дчи*, или на *мши*, напр., вм. *прѣхавши* говорятъ *прѣхамши* и *прѣхадчи*, вм. *написавши* — *написдчи* и *написмши*, вм. *попѣвши* — *попѣдчи* и *попѣмши* и т. под.

Вмѣсто *пѣтъ* говорятъ *попѣдтъ*, вм. *жѣтъ* — *пожѣнатъ*, вм. *идѣтъ* — *идѣдтъ*, вм. *можѣтъ* — *можѣ*.

Вмѣсто *нужно*, *надобно*, говорятъ *нада*, или *надабѣтъ*, вм. *домой* — *домовъ* (*у*), вм. *едѣа* — *лидѣа*, вм. *разомъ* — *заразѣмъ*.

3) Здѣшніе крестьяне имѣютъ особенные обороты рѣчи, составляемые, вопреки общепринятымъ правиламъ, изъ обыкновенныхъ, употребительныхъ словъ. Обороты эти суть слѣдующіе:

а) Нерѣдко прошедшее время глаголовъ замѣняется дѣйствительнымъ дѣепричастіемъ прошедшаго времени, на *и* или *чи*, съ прибавленіемъ глагола *былъ*, напр. вм. *прѣхалъ* нерѣдко говорятъ: *былъ прѣхавши*, или *прѣхамши*, *прѣхадчи*; вм. *пришелъ* — *былъ пришовши*, *пришомши* и *пришодчи* и т. под.; а иногда

говорять просто, безъ прибавленія связки: *пришедчи, приѣхавши, уѣхавши* вм. *пришелъ, приѣхалъ, уѣхалъ* и т. под.

б) Такіе обороты, противные общепринятымъ правиламъ, особенно замѣчательны въ употребленіи предлоговъ. Такъ, вмѣсто предлога *въ*, требующаго творительнаго падежа на вопросъ: *гдѣ*, всегда употребляется *у*, напр. на вопросъ: *гдѣ ты былъ?* никогда не отвѣтятъ: *въ полѣ*, или *въ саду*, *въ лѣсу*, или *въ церкви*; но вмѣсто этого говорятъ *у поли*, *у саду* или *у сади*, *у лѣсу* или *у лѣси*, *у церкви* или *у черкви* и т. под.* Иногда между *у* и словомъ вставляется *въ*; въ такомъ случаѣ предлогъ *въ* удваивается; напр. говорятъ: *у въ варжѣ* вм. *во ржи*, *у въ вавъ* вм. *въ овъ*. Предлогъ *въ* и при вопросѣ *куда* тоже всегда замѣняется предлогомъ *у*. Такъ, напр., на вопросъ: *куда ты ходилъ?* не отвѣтятъ: *въ лѣсъ*, или *въ садъ*, или *въ домъ* и т. под., но скажутъ: *у лѣсъ*, или *у садъ*, или *у домъ* и т. под.*

Предлогъ *за*, когда стоитъ при вопросѣ *куда*, нерѣдко замѣняется предлогомъ *у*, напр. говорятъ: *я иду у грибы*, *у ягоды*, *у дровы*, *у малины*, *у лыки* и т. под., вм. *за грибами*, *за ягодами*, *за дровами*, *за малиной*, *за лыками* и т. под.

4) Кромѣ особенныхъ оборотовъ рѣчи, составляемыхъ вопреки общепринятымъ правиламъ, встрѣчается еще употребленіе общезвѣстныхъ словъ въ особенномъ смыслѣ. Таковы слова: *мататься* вм. *терять*, напр., говорятъ: *силу выматалъ* (т. е. *потерялъ*); *поддѣть* вм. *украсть*, напр., говорятъ: *ѣлъ (ѣлъ) ю меня сто рублѣвъ поддѣвъ (у)*; *казакъ*, *казацка* (казачка) вм. *работникъ*, *работница*; *казавъ* или *казалъ* вм. *говорилъ*; *подогнать* вм. *выслать*, *прибить*; *дивно* вм. *мило*; *стѣнка* вм. *клидован*; *благей* вм. *хуждой*; *больно* вм. *очень*, напр. *больно хорошо* вм. *очень хорошо*; *залупить* вм. *шибко побѣжать*; *Уланъ* вм. *Евлажій*. Частица *ти* употребляется вмѣсто вопросительной частицы *ли*, напр., говорятъ: *ти пойдешь ты у лѣсъ?* вм. *пойдешь ли ты въ лѣсъ?* Иногда же послѣ *ти*, употребляемаго въ такомъ значеніи, и послѣ глагола, прибавляется вопросительная частица *ли*, напр. *ти пѣъ ли*, или *ти пойдѣвъ ли ты сегодня?* вм. *пѣъ ли ты сегодня?* При этомъ надобно замѣтить, что *ти* всегда прибавляется въ началѣ вопроса, а не въ концѣ.

* Почтенный авторъ ошибочно приписываетъ здѣсь особенность словопроизвожденія за особенность синтаксическую. Прим. Ред.

Наконецъ 5) есть слова, которыя мало извѣстны или вовсе не-
извѣстны въ общепотребительномъ языкѣ. Слова эти слѣдующія:

Абѣяпкалѣ.	иногда вм. ограбилъ, иногда же вм. прибилъ, вы- стѣкъ, смотря со смыслу рѣчи.
Аказія.	бѣда.
Анда.	такъ что, на пр. <i>ѣнѣ яго одаривъ (у)</i> , <i>анда голова</i> <i>затрѣщала</i> вм. онъ его ударилъ такъ, что го- лова затрещала.
Аневѣжѣ.	вм. неужели.
Апричѣ.	кромѣ.
Аттула *.	оттуда.
Атчихвостить.	отзвонить.
Балахѣнѣ.	верхняя лѣтняя одежда мужчинъ, сшитая изъ бѣлаго холста.
Батракъ.	работникъ.
Батрачка.	работница.
Бацнуть.	ударить.
Блазѣ.	хорошо, напр. <i>близъ юмъ пошоеъ (у)</i> вм. хорошо, что онъ пошелъ.
Бранитца.	ругаться, ссориться.
Валазѣнѣ.	зять, который входитъ въ домъ.
Вдруги.	въ другой разъ.
Вѣциппа *.	очень, весьма.
Вукази.	странность.
Выма.	мимо.
Гарцовать.	кататься на лошадяхъ.
Гашнѣть.	готовить.
Гарьлка.	вино простое.
Горши.	болѣе.
Гутѣрить.	говорить.
Дежѣ.	квашня.
Дѣсыть.	довольно.
Дрянно.	очень, весьма.
Дужа.	очень, весьма.
Зааминить.	закончить.
Забубенить.	прокинуть.
Загнѣтка.	припечникъ.
Застябать.	застегнуть.
Змѣтна.	сладко.
Зрѣбилъ.	сдѣлалъ; напр. говорить: <i>шкоду зрѣбилъ</i> — сдѣ- лалъ убытокъ.
Зудѣть.	чесаться, скоблиться.
Зѣявѣильку.	нечаянно.

* Эти слова отличаются только мѣстнымъ произношеніемъ: Прим. Ред.

Зъянъ.	убытокъ.
Зъвать.	кричать громко.
Зяпѣть.	кричать громко.
Игрѣня.	игрище.
И жва.	даже, такъ что.
Искастѣть.	вм. сдѣлать порчу, повредить.
Кабы.	если бы; напр. <i>кабы ты јестя здѣлавъ (у)</i> , вм. если бы ты это сдѣлалъ.
Казулька.	скамья.
Кали.	когда, если, напр. <i>кали хобишь, такъ приди</i> , вм. если хочешь приди.
Капкомъ.	ногою, напр. <i>ѣнъ ударивъ (у) яго капкомъ</i> , вм. онъ ударилъ его ногою.
Картить.	хочется.
Кашолки.	плечи, напр. <i>нестъ на кашолкахъ</i> , вм. несть на плечахъ.
Капгавать.	угощать.
Кольки.	сколько.
Краше.	лучше.
Крупѣня.	супъ.
Кстить.	крестить.
Кститься.	креститься.
Куць.	передній уголъ въ избѣ, въ которомъ ставятся образа.
Лидва.	едва, напр. <i>лидва лидва я вшиовъ (у)</i> , вм. едва едва я ушелъ.
Лытки.	голеви, икры.
Ляхцѣтца.	раздѣваться.
Магутнѣй.	сильный.
Мазгатѣть.	пустое говорить, а иногда шибко бѣгать, смотря по связи рѣчи, иногда—бить; напр. <i>ѣнъ дуракъ такей! кали хто шо ю няго спросить, ѣнъ усѣ мозгоцѣтъ</i> , вм. онъ дуракъ такой! когда кто объ чемъ у него спросить, онъ все пустое говорить. <i>Мнѣ батѣска влѣвъ яго пайматъ, я за нимъ и пабѣгъ, а јонъ какъ замозгоцѣтъ, да и вшиовъ</i> , вм. мнѣ батѣска велѣлъ его поймать, и я за нимъ побѣжалъ, а онъ шибко побѣжалъ, да отъ меня и ушелъ. <i>Я яму плѣвъ у глѣзы, а јонъ мянѣ и понѣсъ за јестя мазгататъ на галѣвъ</i> , вм. я ему плѣнулъ въ глаза, а онъ за это и началъ бить меня по головѣ, и т. под.
Набуцѣтъ.	нагрузить.
Навастрѣлся.	поумнѣлъ.
Напѣтирѣлся.	поумнѣлъ.

Не въ цѣвилахъ.
Нѣшта.

Нябось.
Ня плошь.
Обстряпалъ.
Паварѣшка.

Пали́чка.
Палѣшняя.
Павѣсь.

Павать.
Папѣстка.

Передѣкъ.
Перуномъ.

Поджени́ть.
Подогна́ть.
Пѣливка.
Полудновать.
Пѣпилъ *.
Порету́йте.
Праско́дить.

Прихали́макъ.
Пяхте́рь.
Растурбавать.

Рѣвини́и.

Сабѣ **.
Свербу́ить.
Слѣвна.

не значай, безъ намѣренія, безъ памяти.
тоже что нѣчто, а иногда—развѣ (при вопросахъ,
напр. *ты нѣшта гулялъ?* вм. ты развѣ гулялъ?)
можетъ быть.
не хуже, напр. *нѣ плошь того*, вм. не хуже того.
см. абтяпкаль.
большая ложка, которою наливаютъ жидкую
пищу.
полка изъ доски.
звѣриная ловля.
началь, напр. *ѣнѣ и панѣсь мазгати*, вм. онъ и
началь пустое говорить.
взять.
поправиться, напр. *ѣнѣ яго бивѣ (у)*, да и *ли-
пистица нѣ давѣ (у)*, вм. онъ его билъ и попра-
виться не далъ.
скамья.
вм. недугомъ, припадкомъ, напр. *схватси тябѣ
пирѣномъ*, вм. схвати тебя недугомъ.
выстѣчь, прибить.
выстѣчь, прибить.
супъ.
обѣдать.
пепель.
окажите помощь.
сдѣлать убытокъ; болѣе относится къ жидкости
и означаетъ пролить; напр. *ко́льки я масла
прошкоди́въ (у)*, вм. сколько я пролилъ масла.
мышечекъ.
кошель, въ который набиваютъ въ дорогу сѣно.
разбудить, напр. *рано растурбавали ребѣтъ*, вм.
рано разбудили ребѣтъ.
кошель сплетенный изъ веревокъ, которыми но-
сятъ сѣно.
пусть, напр. *јонѣ сабѣ дѣлай*, вм. пусть дѣлаетъ.
чесаться, скобляться.
точно какъ, напр. *ты обрядився слѣвна бѣринѣ*,
вм. ты нарядился точно какъ баринѣ.

* Это слово отличается только мѣстнымъ произношеніемъ. Прим. Ред.

** Кажется смыслъ этого слова передавъ не совсѣмъ правильно. Сабѣ очевидно значить *себѣ*; только въ приведенной въ примѣръ фразѣ это слово, повидимому, имѣетъ значеніе, которое придаетъ ему авторъ; но и она можетъ быть передана буквально, сохраняя весь свой смыслъ: *онъ себѣ дѣлай*. Примѣч. Ред.

Сопсовать.	разбить, повредить, напр. говорятъ: <i>я пѣбѣ гу- бы сапсую</i> , вм. я тебѣ губы разобью.
Сотѣдять.	сдѣлать пробу, покушать.
Спадабать.	понравиться.
Стѣпка.	кладовая.
Судница.	кухня.
Сякъ.	даромъ.
Тилиснуть.	ударить.
Торба.	мѣшокъ.
Трѣху.	} немного.
Трохи.	
Указейникъ.	плутъ, напр. <i>ай какой ты указейникъ!</i> вм. ахъ, какой ты плутъ!
У перши.	въ первый разъ.
Упудиться.	испугаться.
Урадзимай *.	злой, напр. говорятъ: <i>змѣй ты урадзимай</i> , т. е. злой.
Хата.	изба.
Хватъ.	молодецъ.
Хуваться.	прятаться.
Цапъльникъ.	сковородникъ.
Цапѣла.	сковорода.
Цапнуть.	схватить, напр. <i>Хедзька ** шовъ (у), а Ванька яго и цапъ, да и ведѣригъ (у)</i> , вм. Осдоръ шелъ, а Иванъ схватилъ его, да и ударилъ.
Цубуля.	лукъ (огородная овощъ).
Цую.	слышу, напр. <i>ти цуйишь ты, що я кажу</i> , вм. слышишь ли что я говорю?
Чванитца.	гордиться.
Чумичка.	см. поварешка.
Шинавать.	угощать.
Шкода.	изъянъ, убытокъ.
Шѣстикъ.	припечникъ.
Шулугъ.	небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ (липовой ко- журы).
Щымыпанить.	стычь, больно наказывать, напр. говорятъ: <i>ѣнъ мѣ- ня атищыпанить</i> , вм. того, чтобы сказать: <i>онъ меня больно наказалъ</i> , или <i>высклъ</i> .
Ярмѣкъ.	такъ называется суконная верхняя одежда мужицъ.

* *Урадзимай* не значить злой, а *урожденный*, въ переносномъ смыслѣ *настоящий, сущій*. Почтеннаго автора ввела въ заблужденіе фраза, приведенная имъ въ примѣръ, и въ которой это слово можетъ быть всего чаще встрѣчается. *Примѣч. Ред.*

** Простолудинъ простолудива никогда почти не назоветъ полнымъ немецъ, напр. *Иванъ* или *Осдоръ*, но почти всегда *Ванька*, *Хедзька*, и т. д.

у нагу, нага проць, каму вдарить у руку, такъ рука проць, каму у галаву, галава проць. Ета атцы еutihъ дятей и приходзять къ свящельнику етаму, и приходзять къ свящельнику съ прозьбай: батсюшка! ни пусшайте свайго унука на улицу гулять къ рябятамъ, больна многа ёнъ шкоды (убытка) дзѣлать; каторый гаворить — майму галаву атарвавъ, другей гаворить — майму руку атарвавъ, — ни пусшайтсе, гаворются, батсюшка, какъ можна. Ну, харащо, могъ ёнъ вудержать яго да самага лѣта, ёнъ вырась парядашнай и гаварить ёнъ: ну, дзѣдушка любезнай, щожъ мы будзимъ дзѣлать — рабататсь. Дрянно (очень, весьма) дѣдъ яго узрадовася и гаворить: доць мая любезная! Слава Табѣ Госпадзи, гаворить; и далъ Богъ наслѣдника какога, гаворить; Богъ найславъ; и какей хлапатвэй: що я буду зъ нимъ дзѣлать? Ну, станимъ рабататсь. Пойдзимъ, гаворить, унуцыкъ мой, ляда вывалить. Пойдзимъ, дѣдушка! и зайшли яны у балота, и выбрали яны мѣста такія припадобнай (хорошее). Дѣдъ ставъ пацынатсь ель валить, ёнъ (внукъ) гаворить: дѣдушка, ты няпоцыйнай, мяне благаслави. Ну, гаворить дѣдушка, унуцыкъ, Богъ тсѣбя благаславитсь. Енъ сійчасъ, какъ нацавъ, какъ поцавъ, да какъ ставъ валить, анда лѣсъ трыщитсь, такъ какъ сяканѣть зъ аднаго бока тапаромъ, съ другога — дзерива палитсьла. Да двинадцатига цасу ёнъ вываливъ палтары дзясцены ляда. Дѣдъ кѣжитъ (говорить): нужна стѣць мѣльця да жецъ, а ёнъ гаворить: дѣдушка, мы и такъ у груддѣ (въ кучу) складзѣмъ. У три дни етѣ ляда паспѣла сѣятсь. Узяли яны зъ дѣдамъ и пасѣяли, да враздзясижъ авесъ, такъ етакай авесъ нисказаннай. Ну, павадзівся въ евтатъ овесъ мядзвѣдъ. Пазматрѣвъ попъ, схадишши, ляда — многа зѣвдзина ав (у) са; приходзить ёнъ дамовъ, спрашываить унука: що дѣдушка, ти какаво наша ляда? Дрянно, унуцыкъ, харащо, толькижъ повадзилася какая-то дзикая лошады, дрянно (очень) ись (ѣсть) и многа зѣяну здѣлала. Какъ такъ, дзѣдушка, сколько трудився я, а яна, евтакая шельма, сколько зѣяну надѣлала, — пайду пакаравую; пайщитка мяѣ кольки ни на ёсь пяноцки. Сѣвъ ёнъ, зивѣвъ абротсь (пеньковая узда), паабѣдавъ (у), въ лѣсъ пайшовъ. Приходзить ёнъ въ ляда и вдивився ёнъ удалъ добрай моладзицъ: ахъ, Богъ мой, коды шкоды здѣлала, тсирѣтъсѣ ни възможна; и сѣвъ ёнъ сирѣдъ ляда на пни. Ну, и сидѣ-

зять; пачомъ сійчасъ мядзвѣдъ идзить зъ лѣсу, и прѣма у авесь, и ѣзнявсь (началъ) и понесь (началъ же) авесь смунить. Енъ, добрай моладіць, и вдививсь: щожъ еѣта за дива, я ѣвтанихъ лашадзей не видывавъ; щожъ еѣта за аказія такая, какъ енъ авесь кастить. Еѣта падходзить енъ—мядзвѣдъ—къ нѣму близка, къ самому ка пню. Мядзвѣдъ еѣтага и ни выываить, що цалавѣкъ стаить; енъ думаить, що еѣта пень стаить, и падходзить къ нѣму близка. Енъ сійчасъ са пня, и цапъ яго за вѣши и схватавъ; еѣта схватавъ и притиснуль къ зямлі яго. Мядзвѣдъ думаить: що такѣй, и хатѣвъ паправитца; ну вужъ позна енъ яму, и папѣса (поправитьсѣ) нѣ давъ, узѣвъ яго еѣтай аброттю забратавъ (у) и дамѡвъ павѣвъ. И вѣвъ енъ яго дамѡвъ, мядзвѣдъ какѡя дзерива захватитьсѣ зъ корнѣмъ варотитьсѣ. Ну, и привѣвъ енъ яго дамѡвъ, привѣзавъ сѣредъ двара къ сталбу и приходзить у вѣ вызбу. Ну ты Господзи, гавѡритьсѣ, какѡя лошады, двѣдушка, разѣлаласѣ, какъ я умаривсь, тѣнувши ягѡ дамѡвъ. Дѣдъ вышѣвъ на дворъ и вжахнувсь. Пасматритка, гавѡритьсѣ, доць мая любѣзная, що твой сынокъ, а мой унѣцкѣ дѣлавъ; и кѡльки время дзивавалисѣ яны. Енъ гавѡритьсѣ: ни дзивуйтѣсѣ, а гавѡрѣти, що мы надъ еѣтай лошады дѣлатѣсь будѣмъ; какъ ана сильна дужа и що на ѣмъ рабататѣсь? Вази, кажѣть дѣдъ, унѣцкѣ, дрѡвы. Вѣзѣвъ енъ еѣтаго мядзвѣдъ и запрѣгъ яго у тѣялѣгу, и панѣсѣ енъ вѣзѣть дрѡвы на мядзвѣдо, и у три дни усѣ цѣста загрузѣвъ, абклавъ кругѡмъ усѣ силѣнне. Еѣтимъ прицѣтникамъ ни выѣтѣси, ни выѣхатѣсь,—усѣ загрузѣвъ цѣста. И приходзѣть ѣѣти прицѣтники къ еѣтаму свѣщельнику и гавѡрѣють: идзѣ хоцьѣ дѣтѣнѣе яго, щѡбъ енъ нѣ бывъ; щѡжъ еѣта за аказія, що у три дни усѣ сѣяло загрузѣвъ, ни выѣдѣси, ни выѣхатѣсь никакъ ни вѣзможна. Ахъ доць мал, гавѡрѣть дѣдъ, що мы будзімъ дѣлатѣсь, жалка табѣ сына, а мнѣ унѣка; нушъ пошлѣмъ яго, куды хошъ енъ, туды и ступай. Ну, вызываѣтьсѣ енъ къ сабѣ унѣка и гавѡрѣтьсѣ: ну, увѣкъ мой любѣзнай, приходзѣтьсѣ прицѣтники сѣ прозьбай, жалко мнѣ тѣбе, и ступай ты унѣцкѣ куда ты уздумавъ, на всѣ цѣтыри стѡроны. Охъ, дѣвѣдушка мой любѣзнай, выжъ давно и сказаѣлибъ мнѣ еѣта, яжъ и пашовъ бы нѣкѡльки нѣ медлѣмши. Матушка маѣ любѣзна! спѣки мнѣ караваѣцку. Матѣсь яго спѣкла яму караваѣцку, улажила у хѡмацку. Вѣставаѣ енъ раѣѣтѣвѣцка, гавѡрѣтьсѣ

ся бялѣшинька. Узавъ ёнъ ешту хатамацку, надѣвъ ея на плечи, благославится: матушка мая любезная и дѣдушка мой радимай! благославится на путсь, на дарогу. Памалився ёнъ Богу и паповъ, и вышавъ ёнъ у циста поля, и наставивъ ёнъ ни путсѣмъ, ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясамъ дрямуцымъ, грязямъ тапуцымъ, и ишовъ ёнъ семь дѣнь безъ полдѣнь, ротъ на апашку, и языкъ на атмашку; вышевъ ёнъ у тридесатую землю, у тридесатая чарства, и выходзится ёнъ у цистая поля, у крутыя горы, и гулянтся Гарыня багатырь, и горы канкомъ капантсь. Приходзить Надзей, паповъ унукъ къ нямъ, и гаворитсь: Богъ помаць Гарыня багатырь! куды-какая въ тсѣбя сила нязмѣтная; какъ ты, гаворитсь, гарамъ капавшь, какъ шулугу. А ёнъ гаворитсь яму: ахъ, гаворитсь, удалъ моладичъ! ни вдивляйся, гаворитсь, ты маея сѣли. Въ тридзевятай зямли у тридзясатамъ чарстви, гаворитсь, какъ ёсь, гаворитсь, Надзей паповъ унукъ, такъ у тога ня еватакая сила! какъ привевъ ёнъ мядзвѣдзи зъ лѣсу, да на мядзвѣдзи усѣ циста сяло загрузивъ. Яго, гаворитсь, воранъ кастѣвъ ни заноситсь, добрай моладэй конь ни завозитсь. А ёнъ гаворитсь: ахъ, братъ Гарыня багатырь! ня воранъ кости заноситсь, а самъ добрай моладзицъ заходзить. А ёнъ гаворитсь: ахъ, братъ, тыкъ ента ты Надзей, паповъ унукъ! вазьми, братъ, мяна у мяньшия браттсь. Ёнъ яго и узавъ, и яны многа хадзили, и многа багатырѣвъ пабядзили, и многа гародовъ захватили, патомъ яны пажанились и багата жили.»

Эту сказку простолюдинъ знаетъ всего тверже, и поэтому ее скорѣ здѣсь услышишь, чѣмъ другую.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Здышнія крестьянскія жилища называются *избами*. Онѣ строятся изъ лѣса средней толщины, и довольно низки: высота ихъ, внутри, по большей части, бываетъ въ два аршина и 15 вершковъ, а снаружи около 6-ти аршинъ и 12-ти вершковъ. Кроютъ избы дранью, нерѣдко и соломой. Изба имѣетъ одно или два красныхъ окна и нѣсколько волоковыхъ: такъ называются небольшія окошки, прорубленныя въ стѣнѣ. Когда бываетъ жуhenъ свѣтъ, то въ нихъ вставляется нарочно для того приго-

товненное стекло, а когда не нужен, то они закрываются деревянными задвижками. Комната въ избѣ не болѣе двухъ: одна большая, въ которой обыкновенно живетъ и работаетъ семейство, и въ которой справляются праздничныя пирушки; другая небольшая, отдѣленная отъ первой деревянными досками, — перегородкою, — и называемая *чулиномъ*; здѣсь готовится пища. Въ большой, жилой комнатѣ, въ переднемъ углу, ставится ображница съ образами. Мебель въ избахъ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ угла въ уголъ, около стѣнъ, кладутся доски, съ укрѣпляющими ихъ подставками; эти доски служатъ для сидѣнья и называются лавками; около передняго угла становится столъ, еловый или другаго дерева, обыкновенной формы, съ ящикомъ, въ которомъ хранятся самии крестьянами, изготовляемыя ложки и деревянные простыя чашки; здѣсь же нерѣдко хранится и хлѣбъ, необходимый для стола въ продолженіе дня.

Противъ избы ставятъ обыкновенно такъ-называемыя свѣтелки, съ однимъ или двумя волоковыми окошками. Этѣ свѣтелки одинаковой вышины съ избой, и суть нечто иное, какъ кладовыя, въ которыхъ хранится платье, стеклянная, глиняная и деревянная посуда и т. п. Въ свѣтелкахъ нерѣдко становятся и ручные жернова, чтобъ молоть хлѣбъ. Около избы и свѣтелки ставится скотный дворъ съ нѣсколькими хлѣвами. а на дворѣ или въ огородѣ—анбары для храненія всякаго хлѣба. Далѣе, за дворомъ, слѣдуютъ огороды. Они раздѣляются на двѣ части: въ одной растутъ овощи, а въ другой—одна лишь трава; эта часть огорода назначается для сушки сѣна и для уборки съ поля сноповъ. Въ ней строятся пуни и саран для уборки сѣна, соломы и мякны. Здѣсь же ставится и овинъ для молотбы хлѣба.

Обыкновенная зимняя одежда, как мужицъ, такъ и жен-
щинъ, состоитъ въ полушубкахъ, собранныхъ изъ овчинокъ и
телячьихъ шкуръ; изъ суконныхъ старыхъ кафтаноу, у му-
жчинъ широкихъ, называемыхъ яряками, а у женщинъ — уз-
кихъ, сшитыхъ на подобіе полушубка, и называемыхъ зипуна-
ми, а нередко сарожю. Относительно одежды крестьянъ и крестьянокъ и въ праздники, что праздничная одежда, бы-
ваетъ, то носятъ крестьянскіе, а не

праздничные яряжки нашивается по воротнику плисовая обкладка, черного или зеленого цвѣта; полушубки и зипуны шьются съ многими борами назади и съ ясными небольшими пуговками напередѣ. — Обувь мужскую и женскую, обыкновенную и нарядную, составляютъ лапти съ плетеными пеньковыми или ременными оборами (ременные оборы носятъ болѣе по праздникамъ); впрочемъ нѣкоторые въ праздники нерѣдко надѣваютъ и сапоги. — На головѣ мужчины носятъ по буднямъ и праздникамъ шапки съ чернымъ бараньимъ околышемъ; только обыкновенныя шапки бываютъ низкія, а праздничныя высокія, и болѣею частію плисовыя; женщины на головѣ носятъ повойцы, а по повойцамъ, сверху, повязываютъ платки, въ обыкновенные дни набойчатые, или простые бѣлые холстинные, а въ праздники коленкоровые и ситцевые; также носятъ онѣ и кокошники.

Лѣтомъ, въ будни, мужчины ходятъ болѣею частію въ однихъ рубашкахъ, а по праздникамъ въ яряжкахъ; когда же бываетъ жарко, то надѣваютъ бѣлые полотняные балахоны, сшитые наподобіе зипуновъ; на головѣ въ простые дни носятъ колпаки, сшитые изъ холста, или худыя низенькія шляпѣйки, а въ праздники обыкновенно высокія шерстяныя шляпы. Ежедневная одежда женщинъ суть сарафаны, называемые у нихъ ка-еталанами, которые шьются изъ бѣлаго или изъ окрашеннаго холста, а по праздникамъ набойчатые сарафаны или ферязи, крашенные или китайчатые, съ ясными напередѣ маленькими пуговками и съ ситцевою или ленточною обкладкою около пуговокъ и по подолу. На головѣ женщины носятъ тоже, что и зимою. На ферязи или сарафаны онѣ нерѣдко тоже надѣваютъ зипуны, или бѣлые балахоны. Лѣтняя обувь мужчинъ и женщинъ тоже, что и зимняя.

Обыкновенная пища жителей — ржаной хлѣбъ. Рожь мельтѣ и на мельницахъ, но болѣе руками въ жерновахъ, которые имѣетъ у себя почти каждый хозяинъ; поэтому хлѣбъ бываетъ не совсѣмъ хорошъ. Къ веснѣ бѣдные перемѣниваютъ рожь съ овсомъ и даже мякиною, и ѣдятъ такъ-называемый пущной хлѣбъ. Изъ огородныхъ овощей здѣшніе жители ѣдятъ капусту, картофель, а въ лѣтнее время свеклу. Обыкновенная пища здѣшнихъ крестьянъ въ простые дни ограничивается хлѣбомъ, кашею изъ сѣрой капусты и такъ-называемою поливкою, что состоитъ

водою, приправленною ржаною мукою. Бѣдные нерѣдко и этого не имѣютъ, а употребляютъ въ пищу одинъ хлѣбъ съ водою. У нихъ и въ постные и въ скоромные дни пищи почти ничѣмъ не разнится; изрѣдка только приправляютъ они ее содоною; богатые же иногда употребляютъ и мясо. Но въ праздничные дни столъ бываетъ достаточный. Въ постные и праздничные дни, кромѣ щей съ грибами, или со сятками и съ ржаною приправою, варятъ еще кашу съ грибами изъ овсяныхъ, житныхъ или ржаныхъ крупъ, и такъ-называемые клечки — родъ лапши, только изъ ржаной или овсяной муки; кромѣ того готовятъ ржаные, нерѣдко ячменные, а богатые даже и пшеничные пироги, начиненные кашею, ячменною или ржаною, часто и гречневою, съ грибами, или безъ грибовъ; наконецъ ѣдятъ овсяный кисель и кашу ржаную, житную или гречневую. Въ скоромные праздничные дни крестьяне ѣдятъ щи изъ сврой капусты и кашу со свиною, или другимъ мясомъ, пироги съ творожною кашею, нерѣдко жаркое изъ какого-нибудь мяса, молоко, большею частию кислое, рѣдко прѣсное, и какую-нибудь кашу. Пьютъ обыкновенно квасъ, только-всегда почти плохой; въ большіе же праздники, какъ-то въ Рождество Христово, въ Св. Пасху и въ храмовые праздники, пьютъ пиво, которое, въ такое время, есть почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

При рожденіи дѣтей никакихъ особенныхъ обрядовъ не соблюдается.

При крещеніи обряды бываютъ слѣдующіе: по совершеніи Таинства Крещенія обыкновенно бываетъ обѣдъ, на который приглашаются кумъ и кума, а также родственники и сосѣди. Обѣдъ бываетъ праздничный и идетъ обыкновеннымъ порядкомъ. Во все продолженіе обѣда, кумъ и кума должны говорить какъ можно больше, для того, чтобъ новорожденный младенецъ былъ краснорѣчивъ. Потомъ, когда подается каша, одна изъ необходимѣйшихъ принадлежностей этаго обѣда, — маленькія дѣти * бѣгутъ съ нею какъ можно скорѣе вонъ

* Маленькія дѣти всегда собираются къ этому обѣду. Если родится мальчикъ, а если девочка — девочки.

изъ избы и тамъ ее ѣдятъ; ловятъ, смотря по полу новорожденнаго, пѣтуха, или курицу, кладутъ ихъ въ чашку, гдѣ была каша, ногами къверху, приносятъ въ избу, гдѣ идетъ обѣдъ, и ставятъ на столъ. Это для того, чтобы новорожденное дитя скорѣе начало бѣгать, чтобы оно было проворно и скорѣе начинало пѣть. Послѣ обѣда, кумъ и кума прямо изъ-за стола также должны непременно бѣжать вонъ изъ избы, для того, чтобы дитя скорѣе начало бѣгать. Въ заключеніе, куму и кумѣ непременно даютъ въ подарокъ по пирогу.

При вступленіи въ возмужалость никакихъ обрядовъ не бываетъ.

ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

Къ одному и тому же крестьянину ходятъ свататься раза два, или три. Отецъ невесты, по обычаю, никогда при первомъ сватовствѣ не соглашается выдать свою дочь въ замужество, хотя бы онъ этого и желалъ. Такъ водится, чтобы показать, что отецъ выдаетъ свою дочь не охотно.

Сначала бываетъ рукобитье. Оно происходитъ такъ: отецъ жениха приходитъ къ отцу невесты, приноситъ штофъ вина и пирогъ, и послѣ привѣтствія начинаетъ такую рѣчь: «ну, звать, «тсани столъ на куть, я ву миня гар'бика и пирогъ тутъ; давай «мы сваю свадьбу скряпимъ.» Послѣ этихъ словъ подается кушанье (столъ) и отецъ жениха угощаетъ отца невесты, съ слѣдующею приговоркою: «вутка зватушка любезнай! прашу водки маея кушатсь, да маихъ ряцовъ добрыхъ злушатсь». За тѣмъ, такимъ же образомъ и съ такою же приговоркою, онъ угощаетъ сватью и все семейство. Наконецъ является невеста, которой даютъ стаканчикъ вина, положивъ въ него денежный подарокъ—четвертакъ, или полтинникъ, смотря по состоянію. Она выпиваетъ вино и вынимаетъ подарокъ, а въ замѣнъ его даритъ отцу жениха три ширинки, то-есть три небольшихъ холстинныхъ платка. Этимъ рукобитье и кончается.

Въ день самой свадьбы, утромъ, бываетъ такой обрядъ:

Собираются всѣ родные и знакомые, и изъ нихъ избирается дружка отцемъ жениха. Какъ скоро онъ избранъ, его сажаютъ въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ

нему съ такою рѣчью: «я табѣ даю яднаго, а ты привади мнѣ пару». Дружко отвѣчаетъ: «ни яднаго ни пару, а я приваду табѣ траихъ и цатвѣрыхъ». — Не надабитъ мнѣ — говоритъ на это отецъ жениха — ни трѣхъ ни цатсвѣрыхъ, а надабитъ мнѣ пару: траихъ и цатсвѣрыхъ яны сами наживутъ. — «Ну, ладна — говоритъ дружко — дядзюшка старай! приваждёмъ табѣ пару».

Послѣ этого, отецъ жениха замолкаетъ, а дружко начинаетъ говорить такъ: «ёсь ли у нашего князя маладога батсуюшка радзѣй, матушка радзѣя? блаславится нашего князя маладога прибутъ, придѣтъ, прирядзѣтъ, абрядъ палажитъ, бѣльцулокъ, сахъянъ сапогъ, кунню шубу, саболю шапку, гѣрцавай (гарусный) поясъ падпаясатъ, шалковую петлю застыбатъ (застегнуть)». За тѣмъ отводятъ жениха въ другую избу, гдѣ его и наряжаютъ. Когда его нарядаютъ, приносятъ сковороду, и на нее ставятъ его обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за невѣстою — не менѣе 6-ти или 8-ми человекъ вмѣстѣ съ женихомъ — становятся вокругъ его на сковороду, только правыми ногами. Послѣ этого, всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, при чемъ дружко говоритъ: «ну, цалуйте Божіе милосердіе, щобъ (чтобы) стаятъ другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь капли (т. е. каплю крови)». Все это, какъ видно, составляетъ у нихъ родъ присяги. По совершеніи этого обряда, всѣ опять идутъ въ избу, гдѣ собраніе, и идутъ въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ съ образомъ тысяцкій — крестный отецъ жениха или невѣсты, за нимъ женихъ, потомъ дружко, а за симъ поѣзжане, которые ѣзжаютъ съ женихомъ за невѣстою. Войдя въ избу, они останавливаются посреди ея, и дружко начинаетъ такую рѣчь: «Ты ёсь у нашего князя маладога батсуюшка радзѣймай, матушка радзѣйма? Блаславите насъ за столы дубовыи, за скатирьтѣи бранныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи». Послѣ этого всѣ садятся за столъ и дружко продолжаетъ: «Агапъ Кузмицъ, Агапъ Кузмицъ! (имя женихова отца) подъѣ съоды къ намъ, скажи намъ, що у насъ будзѣтъ: хлѣбъ съ соллю, аль блаславленне, аль кликанне?» Отецъ жениха отвѣчаетъ: «кликанне». «Ну, кали такъ, — говоритъ дружко, — такъ пажадуйтѣ намъ златоѣ блюда, шалковай платъ, залатую».

Ставить на столъ блюдо и дружка начинаетъ кликанье. Сначала кличетъ отца женихова такъ: «ну, батюшка радзимай, вскармивъ ты пада милал, дитя своё радзимал. Теперь проситъ нашъ князь маладэй, а твой сынъ радэй сладкимъ мѣдамъ, низкимъ паклонамъ, щобъ зелена вина выпивъ, да веселъ ты бывъ, я (а) нашего князя сярэбромъ надэлавивъ, да радзятляскимъ блаславленнемъ». Отецъ выпиваетъ поднесенный ему стаканчикъ вина и даритъ жениха деньгами, которыя кладетъ въ блюдо. Потомъ дружка такимъ же порядкомъ вызываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей, и наконецъ спрашиваетъ: «устя?» Отецъ отвечаетъ: «устя».

По окончаніи кликанья, дружка обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «тсихал бяста, веселал игрина, гостсики званыи, бранни (избранные)! ти нѣтъ такихъ охотницковъ изъ маладыхъ рябить (молодыхъ холостыхъ мушкетъ) пѣсню сыгратъ, свадыбу нацать, былобъ пацемъ пиръ спазнатъ (узнать)». Молодые холостые парни отвѣчаютъ: «гостсики званыи, бранни! знаимъ мы пѣсни и голосныи и пясовыи: какую вамъ пѣсню сыгратъ?» Дружка говоритъ: «нѣтъ, пясовыхъ намъ ни пада, а сыграйтси намъ пѣсню голосную: «басла Божа (благослови Боже) Божунька». «Знаимъ мы эту пѣсню — отвѣчаютъ холостые, — да дарого яна стоитси: сто рублевъ дзенигъ, три скирды сѣна, двадцать кавригъ хлѣба, да двадцать цатсвертей авса; насъ двадцать нятъ цалавѣкъ играцовъ, мы люди ватжжѣе, ётсимъ жорымися мы и поимся». «Нѣтъ, много такъ, — говоритъ дружка, — вы и тутъ пѣтси ни станитсе, и у другомъ мѣсти празьвантси; а вотъ вамъ штохъ гарѣлки, пива много, да какъ сумы два пирога». Пѣвцы на это соглашаются, становятся на скамью и говорятъ: «нужъ давайтси пива много, да какъ сумы два пирога»; и имъ даютъ два пирога. За симъ они начинаютъ такую рѣчь: «ти, ёсь ёъ нашего князя малодога батюшка радэй, матушка радная, сестрицы радзими, брайцыки радзими и гостики званыи, бранни? Бдаславитси нашаму князю малодому пѣсинку, сыгратъ, свадыбу нацать, былобъ пацомъ пиръ спазнатъ, а намъ низкій паклонъ атдатъ». На это всѣ кричатъ: «Богъ блаславитси, Богъ блаславитси, Богъ блаславитси». Тогда пѣвцы поютъ слышущую пѣсню:

Басла Божа Божунька
Свадзьбу игратсь, зангrywатсь!
Свадзьбу игратсь такого-то (имя жениха),
Пива пйтсь такого-то (имя отца женихова),
Пираги нсь такой-то (имя матери жениховой).
Ну, дай же намъ, Божунька!
Устьмъ людзёмъ на завись,
Батьски зъ маткай на радась,
А двумъ маладымъ на любовь на савѣтъ,
На любовь, на савѣтъ, и на долгій вѣкъ.

Когда поютъ эту пѣсню, одинъ изъ пѣвцовъ держитъ въ рукахъ два небольшихъ пирога и бьетъ ихъ одинъ объ другой, а по окончаніи пѣсни бросаетъ ихъ къ порогу, гдѣ ихъ и подхватываютъ ребяташки.

У жениха женщины поютъ затѣмъ слѣдующее: *

Затапися банюшка!
Разгарися каминка!
И расплацся, моладіць!
И по волѣ батскиной
И по нѣгъ маткипай,
Па сваимъ русымъ кудрямъ.

У невесты тоже самое поютъ такъ:

Затапися банюшка!
Разгарися каминка!
И расплацся, дзѣвица!
И по волѣ батскиной
И по нѣгъ маткипай,
Па сваей русой касѣ.

Послѣ того наступаетъ обѣдъ, который начинается слѣдующими словами дружка: «ну, батьски маи радзиман, маладога дали миѣ; таперь дайси водки, пива сколько нада, сорокъ сараковъ (у) бальшихъ пираговъ, а малинькихъ змѣту нѣту (безъ числа), да тысяцу ложикъ». Когда дружка это скажетъ, собираютъ на столъ, и всѣ становятся вокругъ него, а дружка снова говоритъ: «людзи добран, разумнан, распривкрасяны, прывумныи,

* Надобно замѣтить, что всѣ эти обряды во время
ются въ одно и тоже время и у жениха и у невесты,
ко съ примѣненіемъ къ полу.

и батюшка родимай (такой-то) зъ матушкой радзимай (такой-то)! *, блаславится насъ за столы дубовыи, за скатсиръ-си браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи, хлѣба соли кушаты, да добрыхъ ряцовъ слухатсь.» Всѣ кричатъ: «Богъ блаславится», и усаживаются за столъ.

По окончаніи обѣда, благословляютъ жениха. Благословеніе начинается такими словами дружка: «ти ёсь ли въ нашего князя навабражнаго (такого-то) радзій батюшка? Подъ сюды, выступи! бласлави насъ на добра каня съсь, у цисто поле выѣжатсь, съ буйнымъ вятромъ ваеватсь, въ зелѣныи дубровы къ сабарнай черькви статсь, златъ вянecъ палуцатсь, сваю сужану панятсь (взять), Божій Законъ принитсь». На эти слова выходитъ отецъ и благословляетъ жениха. Такимъ же образомъ дружка вызываетъ и всѣхъ родныхъ. Потомъ обращается онъ къ гостямъ и говоритъ: «гости званыи, браныи, веселая игрѣня (игрище), тсихая бясѣда, уштивай жоны, папотныи мужья, малаи рябиты! усъ блаславится нашага маладога! а хто ни блаславится, таму сваихъ дзятей ни блаславлятсь, сваихъ сыновъ ни жанитсь, дацовъ замужъ витдаватсь.» На это всѣ кричатъ: «Богъ блаславится, Богъ блаславится, Богъ блаславится!»

Послѣ благословенія жениха, всѣ поѣзжане выходятъ на дворъ; имъ предшествуетъ дружка съ образомъ. Вышедши, они становятся вкругъ, среди двора, а дружка, обращаясь къ отцу и матери жениха, говоритъ: «Пажалуйтсе намъ куль хмѣлю, да цатсварикъ ячменю.» Мать выноситъ нѣсколько хмѣлю и ячменю; тогда дружка съ образомъ, а мать съ хмѣлемъ и житомъ обходятъ кругомъ всѣхъ поѣзжанъ, и мать всякому изъ нихъ бросаетъ въ шапку по нѣсколько хмѣлю и ячменю, для того, чтобы молодымъ богато и весело жить. Затѣмъ отецъ и мать жениховы даютъ дружкѣ вина, пива, пирога, кусокъ мяса и поѣзжане отправляются за невестою.

Пріѣхавъ къ воротамъ невесты, поѣзжане останавливаются. Дружко сходитъ съ саней, или съ телѣги, подходитъ къ воротамъ, у которыхъ уже стоитъ сватъ (отецъ невесты), и обращается къ нему съ такою рѣчью: «Зватушка

* Если у жениха, или у невесты нѣтъ отца, или матери, или того и другой, то мѣсто ихъ заступаютъ ближайшіе родственники, хозяинъ и хозяйка того семейства, въ которомъ они живутъ.

любезнай! мы савѣтъ савѣтали, и слава клани, и Бога цалавали; у насъ ёсь князь маладѣй, а у тсебя княгиня маладая; а любы гостси примитсе, а не любы—назадъ пашлитсе.» Сватъ отвѣчаетъ: «милости просимъ», и при этихъ словахъ отворяетъ ворота, въ которыя всѣ въѣзжаютъ въ саняхъ, или на телѣгахъ, не слезая, и остаются, не слезая же съ нихъ, и на дворѣ, кроме дружка и крестнаго отца женихова, которые, вмѣстѣ со сватомъ, идутъ въ избу. Входя въ нее, дружокъ говоритъ: «здравстуй сватушка любезнай, сватьюшка любезна! ти ждали вы гостей къ сабѣ, и какъ мы таперь схадитца изволимъ на хлѣбъ-соли?» Сватъ говоритъ: «милости просимъ, а пожалуйста хлѣбъ соль сваю, съ цѣмъ вы къ намъ прѣхали?» «У насъ хлѣбъ соль свая ёсь,—отвѣчаетъ дружокъ,—сѣйчасъ принисёмъ,» и, выходя изъ избы, говоритъ: «прасшайтси, упярѣдъ дажидайтси!» Дружокъ беретъ изъ саней, или телѣги, ведро пива, а тысяцкій кавригу (хлѣбъ), и съ этимъ опять входятъ въ избу. Въ то же время и дружокъ съ невѣстной стороны беретъ ведро пива, а тысяцкій хлѣбъ. Тѣ и другіе обходятъ три раза кругомъ другъ около друга, и за тѣмъ крестные отцы мѣняются хлѣбами, а дружки, попивъ одинъ у другаго пива, сливаютъ оное въ одно мѣсто. Послѣ этого обряда, дружокъ съ жениховой стороны говоритъ дружку съ невѣстной стороны: «нутка сватушка любезнай, пакажитка намъ сваю невѣсту.» «А вы — говоритъ невѣстникъ дружокъ — пакажьте намъ свайго маладога.» «Маладога свайго — говоритъ первый, — мы сѣйчасъ привядзёмъ, а отъ васъ що будзитсѣ милаетси, мы трохи (немного) падаждёмъ.» «Милости просимъ — говоритъ второй: привадзитсѣ.» Первый дружокъ, вводя въ избу жениха, говоритъ: «вотъ мой князь маладѣй, атецкій сынъ раднѣй, бизъ храмоты, бизъ худоты, бизъ усѣкія боли. Ну, пакажьтсѣ вы невѣсту?» Второй дружокъ, указывая на четырёхъ дѣвицъ, которыя съ невѣстою сидятъ за столомъ съ закрытыми лицами, говоритъ: «вотъ вамъ три и цатыри, выбирайтсѣ е любую, таё или другую.» «Нѣтъ, сватушка (такъ обыкновенно называютъ дружки другъ друга) — возражаетъ первыи

* Нужно замѣтить, что лицо невѣсты съ этого времени, и до домой послѣ вѣнца, постоянно бываетъ закрыто ~~большими платками~~ ~~крывається~~ только на время совершенія брака.

жко:— вы насъ въ абманъ ни ввадзится, а нашу княгиню маладую привядзится.» Послѣ этихъ словъ выводятъ изъ-за стола невесту, и въ то время, когда она сходится съ женихомъ, оба (женихъ и невеста) всячески стараются прежде наступить другъ другу на правую ногу правою же ногою. Какъ скоро они сойдутся, женщины поютъ:

Ягада зъ ягадай сакалася,
Ягада ягаду за руку узяла.

Послѣ этого стиха, дружка жениховъ, обращаясь къ отцу и къ матери невесты, говорить: «сватушка любезнай и сватьюшка любезна! пажалуйтси намъ стола, у насъ хлѣбъ соль свая». «Миласти просимъ — отвѣчаетъ свать: — извольтси садитца». Дружко продолжаетъ: «сватушка любезнай, сватьюшка любезна! пажалуйтси намъ шубу, которую старай дѣдъ насивъ сто сорахъ лѣтъ, и износу нѣтъ». Ему даютъ шубу; онъ разстилаетъ ее за столомъ на лѣвкѣ, шерстью вверхъ, сажаетъ на нее жениха съ невестою, и посадивъ, говорить: «сватушка любезнай! отъ свата любезнаго (то-есть женихова отца) дано намъ многа хлѣба и соли, гарѣлки вядро и пива многѣ, сорахъ сараховъ бальшихъ нираговъ, а малинькихъ змѣту нѣту. Зватушка любезнай и зватьюшка любезна! проситси нашъ князь навабражнѣй съ княгинѣй винабражнѣй ка бѣламу сыру и цыстаму серебру, вина, пива купатся; кали будзите скажитси, а ня будзити — откажитси». Послѣ этого бываеъ угощеніе сыромъ, виномъ и пивомъ, а за тѣмъ и обѣдъ невестинъ. Между тѣмъ женщины поютъ:

Нилажи бобра у крутсѣй берегу,
Ни сидзи такой-то (жепихъ) у цужомъ пире,
Саряжайка ты свадзібку.
(bis)—У мяня давно свадзѣба знаражина,
Девятъ варѣвъ пива зварина,
А десятый варъ зелена вина. *

* Еще передъ отъездомъ къ вѣнцу, невестинъ дружка дарить жениховыхъ потѣжанъ, отъ имени невесты, бѣлыми утиральниками, приговаривая: «Вотъ, наша маладая не спала, но прала, да ткала, дары гашила, да вашу миласть дарила». Нужно замѣтить, что дружка не отдаеъ утиральники потѣжанамъ въ руки, но повязываетъ имъ черезъ правое плечо и подъ лѣвую пазуху; съ этой перевязкой они и ѣдутъ къ вѣнцу.

Послѣ этой пѣсни отправляются къ вѣнцу.

Бдучи отъ вѣнца, потѣзжане поютъ:

Охъ, вы сокалы, сокалы, ?
Даляко ли вы лѣтали? ?
— А мы лѣтали, лѣтали, ?
Да и съ моря на маря. ?
А кага жа вы видзили? ?
— А мы видзили, видзили, ?
Съру вутину въ завади. ?
Атъ цаго же ня поймали? ?
— А мы поймасть ня поймаи, ?
Сиза перья рѣщили, ?
Гарюцю кровь пролили. ?
Ахъ, вы бояры, бояры! ?
А куда жа вы ѣздили? ?
— А мы ѣздили, ѣздили, ?
Да и зъ горада на гарадь. ?
А каго жа вы цули, видзили? ?
— А мы видзили, видзили, ?
Краспу дѣвицу въ тсерими. ?
Атъ цаго ее не взяли? ?
— А мы узять её не взяли, ?
Русу косу рѣспали, ?
Гарюцин слезы пролили. ?

Послѣ вѣнца всѣ ѣдутъ въ домъ жениха. Отецъ и мать его, одѣвшись въ шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, выходятъ съ хлѣбомъ и солью за ворота, и здѣсь встрѣчаютъ молодыхъ. Новобрачные при этомъ обыкновенно кланяются имъ въ ноги, а они благословляютъ ихъ и даютъ имъ хлѣбъ съ солью, который молодые должны нести въ избу вмѣстѣ, правыми руками. Когда они входятъ въ избу, дружка невѣстинъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, говоритъ: «Сватушка любезнай, сватьюшка любезна! пожалуйтси намъ стола, у насъ хлѣбъ соль свая.» «Миластси просимъ, — отвѣчаетъ свать, — извольтси садитца.» За тѣмъ точь въ точь повторяется описанное выше, но угощеніе бываетъ уже невѣстино. Молодые здѣсь хотя и садятся за столъ, но почти не сидятъ на мѣстѣ, ибо должны постоянно вставать и кланяться тому, кого дружка вызываетъ. Ищасть отъ ихъ имени. Послѣ угощенія, дружки берутъ молодъ подъ руки, выводятъ ихъ изъ-за стола и раскрываютъ голыя лице невѣсты двумя пирогами, съ слѣдующею припо-

Хараши новы избы падъ кровомъ,
А лучши за того наша княгиня безъ покрова.

За тѣмъ всѣ гости садятся за столъ и объѣдаютъ, а молодые объѣдаютъ въ особой избѣ.

Во время объѣда, послѣ свадьбы, женщины, собравшись у порога, поютъ слѣдующія пѣсни:

МОЛОДЫМЪ:

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмного,
Изъ садзика зеленого, 2
Вылѣтала тамъ стада гусиная, 2
А другія лебедзиная; 2
Атставала лебедушка,
Отставала лебедь бѣлая,
Прощь ать стада лебядзинага; 2
Приставала лебедушка,
Приставала лебидзь бѣлая, 2
Що ка стаду, ка сяримъ гусямъ. 2
Нацнанали ея сярм гуси, 2
Нацнали ея щипатся, кляваться. 2
— Ни щипаются гуси сѣрай! 2
Ни сама я къ вамъ залѣтсила, 2
Ни сваёю ахотаю: 2
Занясло мяня пагодаю, 2
Що пагодаю, буйнымъ вятромъ, 2
Какъ буйнымъ вятрымъ, цастымъ даждёмъ. 2
Атставала красна дзѣвица 2
Прощь отъ харавода красныхъ дзѣвушкы; 2
Приставала красная дзѣвица
Къ хараводу маладымъ малодушкамъ. 2
Нацнали ея малодушки,
Нацнали ея журить, бранить. 2
— Ни бранится людзи добрай! 2
Ни сама я къ вамъ пріѣхала, 2
Ни сваёю ахотаю; 2
Занясло мяня пагодаю,
Завязли мяне дабрѣ кони,
Що дабры кони такога-то (имя жениха).

Если у одного изъ молодыхъ нѣтъ отца, или матери, или нѣтъ вовсе родителей, то имъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ахъ ты ёлка ялушицка! 2
Залатая макушницка! 2
Ти усѣль тваё вѣтвица 2

Ти усѣль пасобрана, ?
Да у куцу паложина? ?
— Вотъ усѣ маѣ вѣтвица; ?
Тольки вѣту макушицки, ?
Залатѣй вярхушицки. ?
Ахъ! звѣтъ Сидаръ Иванавиць! (имя жениха) ?

Или

Марря Иванавна! (имя невесты) ?
Ти усиль твой родъ плямя, ?
Ти усиль пасобрались? ?
— Вотъ усѣ мои гостеники ?
Да усѣ пособрались; ?
Тольки жъ вѣтъ кармилица батсюшки ?

Или:

кармилици матушки

Или, если вѣтъ ни того ни другой:

И раднѣй маей матушки. ?
Знарядзить мяня ѣсь каму, ?
Блаславится мяня некому ?
Бизъ радзимага батсюшки, ?

Или:

матушки

Или: —

Безъ раднѣй маей матушки.

Подкняжему (шаферу) поють :

На падкняжимъ плаття
И зелена сина; ?
И зелена сина,
Усѣ златамъ шита; ?
Усе златамъ шита,
Камкою покрыта; ?
Камкою покрыта,
Тавтою падбита; ?
Тавтою падбита,
Бабромъ апушбна. ?
Тольки яму звѣту
При въ горадзи жити; ?
При въ горадзи житси,
Ваяводай слытси; ?
Ваяводай слытси,
Суди рассужатси; ?

Суды разсужатся,
Дѣла разбираются; 2
Дѣла разбираются,
Баяръ разряжаются: 2
Каторай пахуцши —
Патѣзь па увѣду; 2
Каторай палуцши,
Таго па приказу. 2.
Стахванушка (имя подкняжаго) догадався
Въ прикази остався; 2
Въ прикази астався,
Казной расчитався. 2

Изъ потѣжанъ, женатому поють:

Гарнастай Сергѣюшка (или иначе)
Гарнастай Ляксивиць!
Горда лѣб баярана, 2
Да и Анна Андрѣевна! 2 (или иначе)
Ницаго ня взлюбила: 2
Що ни пива пьянаго, 2
Ни вина зялёнаго; 2
Только взлюбила яна 2
У Сиргѣя на ручки спатсь, 2
На рукъ на правинькой, 2
У сярдецка у здравинька. 2
А ляжись, какъ конацка, 2
А дышитсь, какъ душацка. 2
Еоть душокъ малинавай 2
Рукавомъ накинумши, 2
Тонкимъ бѣлымъ палатнянымъ.

Такимъ же образомъ пѣвицы поють пѣсню всякому изъ сидящихъ за столомъ, и отъ всякаго получаютъ за нее денежный подарокъ. Гости обыкновенно кладутъ подарокъ въ стаканъ съ пивомъ и изъ него заставляютъ пѣвицъ, по очереди, выпивать пиво и вынимать подарокъ.

Получивъ подарокъ, онъ поють подарившему:

Падари тсебе Богъ, 2
Богъ милостю, 2
А царь власттю! 2
А саздай тсибъ Богъ 2
Палтараста быковъ, 2
Да сто нятселей. 2

Иному поють:

Ахъ, спасибо, Иванушка! (или иначе)
Ахъ, спасибо Хведарацъ! ?
Ни успѣли пѣсню спѣть, ?
Напередъ дармъ зайшли, ?
Усѣ дармъ богатыи: ?
Сто рублей съ палатинаю ?
Зъ залатою гривнаю.

Кто долго послѣ пѣсни не дарить пѣвицъ, тому онѣ поють:

Слышашъ ли, ?
Да Иванъ Государъ? ?
Слышашъ ли, ?
Пра каго гаварятъ? ?
Пра твою галаву. ?
Мы тѣбе усѣ хвалили, ? последнее слово повторяется.
Да усе па имяни называли, ? последнее слово повторяется.
Да па отциству вилицали. ?

Послѣ того всѣ отходятъ ко сну. Большая часть гостей ложатся спать въ той самой избѣ, гдѣ была свадебная пирушка, на соломѣ, настланной на полу.

На другой день утромъ, когда всѣ встанутъ, входятъ въ избу молодая, и, поклонившись гостямъ, начинаетъ убирать съ полу солому. Тогда всѣ почти гости по немногу выходятъ изъ избы, берутъ на дворѣ еще по пучку соломы, приносятъ ихъ въ избу и бросаютъ, приговаривая съ насмѣшкою: «маладая долга спала, да телянка праяивала: ёнъ на дварѣ и замёрзъ; вотъ я пайшовъ, да яго и знайшовъ; на, вотъ, палядзи на яго» и тому под. Такимъ образомъ гости заваливаютъ соломою почти всю избу. Молодая, выбившись изъ силъ отъ уборки ея, идетъ къ отцу, кланяется ему въ ноги, и говоритъ: «памилуй батюшка, заступись за миня! — гости усю хату (избу) саломой нагрузили». Отецъ успокаиваетъ ее, беретъ штофъ вина, идетъ въ избу и потчуетъ гостей, послѣ чего они уже сами выносятъ принесенную ими солому, а молодая только выметаетъ изъ избы соръ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

При похоронахъ особенно замѣчательныхъ обычаевъ не бываетъ. Во время обѣда, когда подають

кисель съ молокомъ, сытою, или сусломъ, и когда священно и церковно-служители начинаютъ пѣть: «вѣчная память», — всѣ ближайшіе родственники умершаго, собравшись въ одинъ уголь, поднимаютъ рыданіе и плачь, съ различными приговорками, выражающими сожалѣніе о умершемъ и несчастное состояніе осиротѣвшихъ. Подобный же плачь бываетъ и передъ обѣдомъ, тотчасъ послѣ панихиды.

Кромѣ того есть обыкновеніе, по кончинѣ умершаго вывѣшивать на стѣнѣ дома, на улицу, небольшое холстинное полотенце, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль. Это дѣлается вслѣдствіе повѣрія, будто душа усопшаго до шести недѣль прилетаетъ къ дому и утирается этимъ полотенцемъ. По истеченіи означеннаго срока, полотенце отдають нищимъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОЖАРАХЪ.

При сильныхъ пожарахъ всегда обходятъ съ какою либо иконою вокругъ пылающаго зданія, для того, чтобы пожаръ скорѣе прекратился. Также обходятъ съ иконою и не загорѣвшіеся еще дома, для предохраненія ихъ отъ огня.

ОБЫЧАИ ПРИ НЕУРОЖАЯХЪ.

Во время неурожаевъ здѣшніе жители первымъ долгомъ своимъ считаютъ служить молебны и святить воду на ржи; при этомъ священникъ, или діаконъ, обходятъ все поле и окропляютъ оное святою водою. Послѣ молитвы, крестьяне прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ противъ неурожая, а именно: если онъ произошелъ отъ червя, то, при сушкѣ хлѣба на сѣмяна, вмѣстѣ съ дровами, которыми они сушатся, кладутъ нѣсколько сучьевъ черемухи, чтобы дымомъ ея напитать хлѣбныя зерна; есть повѣрье, что червь не касается зеренъ, пропитанныхъ такимъ дымомъ. Съ тою же цѣлью, а также и для того, чтобы рожь была чище, пускаютъ въ сѣвалку, при самомъ посѣвѣ, нѣсколько капель ртути и перемѣшиваютъ ее съ зернами. Кромѣ того, въ предостереженіе отъ червя, натираютъ края сѣвалки чеснокомъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ОБЫКНОВЕННЫХЪ И ПОВ.

и

Моровыхъ язвъ въ нашемъ краю не
ныхъ же болѣзняхъ полезнѣйшимъ средст
можно чаще накуривать избы можжевель
избахъ деготь, а также ѣсть и носить при

При обыкновенныхъ болѣзняхъ, проис
ды, прежде всего стараются выпотѣть въ
банихъ. Если болѣзнь отъ этого не уменьшится, то прикладыва
ють къ затылку и икрамъ, на ногахъ и рукахъ, сельдей, или, все
го чаще, такъ-называемую квасную драбу (т. е. окисшій
въ квасу солодъ), а также тертый хрѣнь и рѣдьку. Хрѣномъ и
рѣдкою натираются въ баняхъ; а рѣдечный сокъ нѣрѣдко и
пьютъ, особенно при боляхъ въ груди.

ЛЮБИМЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Занятія, наиболѣе любимыя въ здѣшней мѣстности, суть:
хлѣбопашество и рукодѣлья, а именно: приготовленіе колесъ,
рѣшетъ, телѣгъ, дровней, драни, точеніе веретенъ, приготоделе
ніе холста, отчасти выгонка дегтя и выжимка масла на хозяй
ственные домашніе расходы.

Обыкновенными орудіями при этихъ занятіяхъ служатъ: то
поръ, тесла, долото, ножикъ, скобель, напарье, пила, особые
станки для приготовленія рѣшетъ, колесъ, веретенъ и для вы
жимки масла, и небольшіе заводы для выгонки дегтя.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Народное веселье особенно бываетъ характеристично во
время святокъ.

Святки отправляются довольно забавно. Начиная со втораго
дня этихъ праздниковъ по день Крещенія, простолюдины (боль

* Во время холеры, бывшей въ минувшемъ 1848 году, заболѣвшихъ ею
прежде всего водили въ горячо-натопленныя бани, и терли ихъ тамъ ви
номъ, настояннымъ перцомъ, или крапивною. Если же нельзя было скоро на
топить баню, то натирали больныхъ въ печкахъ. Послѣ того давали имъ
пить немного вина съ перцомъ, парное молоко и чистый деготь. Средства
эти нѣмныхъ спасали, а для другихъ были не только бесполезны, но и вредны.

ю частью молодые) устраиваютъ такъ-называемыя вечеринны. Вечеринны этѣ открываются обыкновенными простонародными пѣснями. Вотъ, для примѣра, двѣ, наиболее любимыя народныя пѣсни:

Вьлѣтають мой саколикъ
Изъ зеленого сада;
Утѣжались мой любезнай
Изъ дзиревни въ гарадокъ.
Яжъ нимаю злѣзъ ранила
На любезнаму свайму.
Ба слезахъ дружку казала:
Хать нямножка паживи.
— Мнѣ пельзя съ тобой, милая,
Нельзя цасу здѣсь пражитсь;
Привближенныи састади
Ни савѣтуютьсѣ любитсь;
Вялятьсѣ душичку милую,
Вялятьсѣ броситсь, позабытьсѣ.—
« Забывай ты мой любезнай,
А я вѣвѣкъ никакды.
Я тагда тсябя забуду,
Когда скроютца глаза,
Да закрыютьсѣ тѣло бяло,
Тонкимъ бялымъ палатномъ;
Привзасыплютсѣ мань глазки
Зѣ горъ жалтымъ, мелкимъ пяскомъ;
На магилушки паложутсѣ
Бальшей каминь дарагей.
На камашки я зряую,
На картсинку падпишу;
Я списавши, зрисавамши,
Ка падружкамъ разашлю:
« Вы падружаньки, сястрицы,
Вы жѣ ня здѣлайтсѣ таго,
Ни любитсѣ ни каго.
Я са евтай са любоввю
Приклоцымасѣ балѣзъ;
Вотъ а съ евтай са балѣзти
Пристигага люта змерть,
А са етай лютай змерттю
Въ сыру землю житсь паповъ.» *

* Въ концѣ этой пѣсни есть пропускъ или ошибка, ибо смыслъ неясенъ. Примѣч. Ред.

Ты прасхай, прасхай, весь бѣлай звѣтъ!
 Ты прасхай, прасхай, мой милай другъ !
 Я пайдѹ, малада, ва тсеминай лѣсъ ;
 Ва тсеминоѣ ва лѣсу, тамъ мой милай другъ,
 Тамъ мой милай другъ — саловьюшка.
 Салавейка паѣтсѣ жаласнѣшунька;
 Ужъ и мнѣ маладѣй, жить тапнѣшунька,
 Тапнѣшунька, груснѣшунька.
 Я пайдѹ зъ горѣ у цистѣ поля,
 У цистѣ поля, у зелѣный лугъ.
 У зелѣнамъ лугу трава растетсѣ,
 А на той травы твѣты твѣтутсѣ.
 Я сарву твѣтокъ, савью вѣнокъ
 Сваяму дружкѹ, на галавошуньку,
 На русми яго на кудзѣрушки:
 « Ты васи, милѣй, вѣ скидывай,
 Ты люби мяня, ни пакидывай ! »

Послѣ пѣсень начинаются обыкновенныя русскія пляски. Пляшутъ барыньку, такъ-называемаго голубца и русскаго казачка, подѣ гармонію, скрипку, балалайку, свирѣли, а нерѣдко и подѣ дуду; если же нѣтъ ни одного изъ этихъ инструментовъ, то пляшутъ и подѣ пѣсни.*

Пляшутъ чаще всего подѣ слѣдующую пѣсню :

* Гармонія, скрипка и балалайка—музыкальныя орудія всѣмъ извѣстныя, а потому и описаніе ихъ излишне; только свирѣли и дуду мы здѣсь опишемъ.

Свирѣль есть небольшой свистокъ, имѣющій видъ цилиндра, въ длину около 2-хъ четвертей, а въ толщину около полутора вершка. Онъ просверливается насквозь, верхнее отверстіе *a* задымляется небольшимъ кусочкомъ дерева, и оставляется только маленькое отверстіе *aa*, для вдуванія въ цилиндръ воздуха; нижнее же отверстіе *b* со- всѣмъ задымляется. Потомъ, на той сторонѣ, гдѣ оставляется маленькое отверстіе *aa*, въ разстояніи отъ него около вершка, прорѣзывается небольшая дырочка *c*, въ видѣ полукруга; а далѣе, нѣсколько ниже половины цилиндра, проверяется въ немъ около четырехъ небольшихъ круглыхъ дырочекъ. Такихъ цилиндровъ соединяють два вмѣстѣ: они составляютъ *свирѣли*. Чтобы играть на нихъ, верхніе концы обонхъ цилиндровъ приставляють ко рту и дуютъ въ сдымающія въ нихъ отверстія. Отъ этого вдуванія происходитъ монотонный свистъ; чтобъ сдѣлать его разнотоннымъ, перебирають пальцами маленькія дырочки, проверяутыя пониже половины цилиндра.

Какъ сказали добрымъ людзи,
 Какъ злajили гаспада! 3 *раза, слѣдующимъ образомъ:*
 А ай ли, ай люли, какъ злajили гаспада!
 Какъ злajили гаспада! *такъ повторяется и слѣдующіе стихи:*
 Що я мужу ни жана, 3
 Гаспадину ни слуга. 3
 Какъ и мой мужъ рыбаловъ
 Свѣжу рыбушку лавивъ, 3
 Звѣтлу водушку мутсивъ. 3
 Ни паймавъ ѣтъ свѣжей рыбки,
 Паймавъ сизага лунька. 3
 Мнѣ ни уздуматъ, ни възгадатъ,
 Идзъ лунька падзѣвать.
 Пасажу я лунька,
 Пасажу живатка,
 У гародзи, у саду,
 На шалковаю траву.
 Какъ пристѣвъ мой лунѣкъ,
 Какъ пристѣвъ живатокъ,
 Нижи лѣсу, нижи лѣсу,
 Нижа пѣпаратси;
 Какъ нацавъ мой лунѣкъ
 Абшарашиватцы.
 Етъ яднымъ крыломъ махнетъ,
 Етъ другимъ тряпнянетъ:
 Подъ яднымъ крыломъ свярѣбитъ,
 Падъ другимъ крыломъ знуздитъ.
 Какъ пайшовъ мой лунѣкъ,
 Какъ пайшовъ живатокъ,
 Усѣ скакатъ и плясатъ
 И пасвистыватси;

Ду да дѣлается изъ кожаного круглаго мѣшка А, который, исключая одного малаго отверстія а, весь кругомъ зашивается. Къ отверстию плотно прикрѣпляется свистокъ, подобный свирѣли, только меньшемъ размѣрѣ; притомъ въ свистѣ верхнее отверстіе б не задѣывается, а вмѣсто полукруглой дырочки прорѣзывается небольшой язычекъ с. На дудѣ играютъ также, какъ и на свирѣли, вдвывая въ верхнее отверстіе свистка воздухъ и перебирая пальцами дырочки. Нужно замѣтить, что дуда играетъ не только когда въ нее дуютъ, но и когда перестаютъ дуть; для этого нужно пожимать мѣшокъ, чтобъ скопившійся въ немъ воздухъ выходилъ въ отверстіе а, а чрезъ него въ свистокъ. Играя на дудѣ, одною рукою перебираютъ дырочки свистка а, а когда пожимаютъ мѣшокъ другою рукою, то перебираютъ и обѣими.

Все жъ пасивистываютси,
Да выгавариватси.

Послѣ пляски начинается игра въ свои сосѣди, происходящая такимъ образомъ: всѣ присутствующіе на вечеринѣ садятся попарно, а одинъ подходитъ къ каждой парѣ и спрашиваетъ: *ти доволинъ ты звиимъ суспдамъ, или суспдкай?* Одни отвѣчаютъ: *даволинъ* (льна), другіе: *нѣтъ*. Если сидящіе въ парѣ довольны другъ другомъ, то подошедшій къ нимъ говоритъ: *дыкѣжытси вѣдавольства* (т. е. докажите, что довольны); свидѣтельствомъ служить обыкновенно поцѣлуй. А кто отвѣтитъ: *нѣтъ*, того спрашиваетъ: *а кого табыъ нада?* Тотъ, кого назовутъ, идетъ къ недовольному и садится съ нимъ, а тотъ къмъ недовольны, если успѣетъ, переходитъ на мѣсто приглашеннаго; если же не успѣетъ, то долженъ подходить къ слѣдующимъ парамъ и дѣлать тѣже вопросы; тотъ же, кто спрашивалъ, садится на мѣсто приглашеннаго. Бываетъ, что приглашаютъ спрашивающаго; тогда онъ садится, и его должность принимаетъ на себя тотъ, къмъ недовольны.

Послѣ игры «въ свои сосѣди» *спѣютъ просо*.

Всѣ раздѣляются на двѣ равныя стороны и одна партія становится противъ другой, въ противоположныхъ концахъ избы. Первая сторона идетъ къ другой и поетъ:

А мы ляда вѣлили, вѣлили,
А мы просо сѣяли, сѣяли.

За тѣмъ кланяется второй сторонѣ и идетъ назадъ, не оборачиваясь.

Вторая сторона, въ свою очередь, идетъ къ первой и поетъ:

А мы просо выталькимъ, выталькимъ
Будить ладу, выталькимъ, выталькимъ.

ПЕРВАЯ СТОРОНА.

А цѣмъ же вы выталькитси, выталькитси,
Будитси ладу, выталькитси, выталькитси?

ВТОРАЯ СТОРОНА.

А мы каней выпустсимъ, выпустсимъ,
Будить ладу, выпустсимъ, выпустсимъ.

ПЕРВАЯ.

А мы канёвъ пойманнѣ, пойманнѣ,
Будзнтсь ладу, пойманнѣ, пойманнѣ.

ВТОРАЯ.

А какъ жа вы поймантси, поймантси,
Будзнтсь ладу, поймантси, поймантси?

ПЕРВАЯ.

А мы сабакъ выпустсимъ, выпустсимъ,
Будзнтсь ладу, выпустсимъ, выпустсимъ.

ВТОРАЯ.

А мы канёвъ выкупимъ, выкупимъ,
Будзнтсь ладу, выкупимъ, выкупимъ.

ПЕРВАЯ.

А цѣмъ жа вы выкупитси, да выкупитси,
Будзнтсь ладу, выкупитси да выкупитси?

ВТОРАЯ.

А мы дадзимъ сто рублёвъ, сто рублёвъ,
Будзнтсь ладу, сто рублёвъ, сто рублёвъ.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ сто рублёвъ, сто рублёвъ,
Будзнтсь ладу, сто рублёвъ, сто рублёвъ.

ВТОРАЯ.

А мы дадзимъ тысяцу, тысяцу,
Будзнтсь ладу, тысяцу, тысяцу.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ тысяци, тысяци,
Будзнтсь ладу, тысяци, тысяци.

ВТОРАЯ.

А мы дадзимъ дѣвицу, дѣвицу,
Будзнтсь ладу, дѣвицу, дѣвицу.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ дѣвицы, дѣвицы, }
А намъ нада моладзницъ, моладзницъ. } или наоборотъ.

Послѣ этого, дѣвица или молодецъ переходять отъ второй стороны къ первой.

ВТОРАЯ СТОРОНА.

Зѣ нашего полка выбыла, выбыла,
Будзйтесь ладу, выбыла, выбыла.

ПЕРВАЯ.

Я (а) къ нашему прибыла, прибыла,
Будзять ладу, прибыла, прибыла.

Послѣ того игра начинается снова. при чемъ вторая сторона заступаетъ мѣсто первой, а первая мѣсто второй.

Затѣмъ нерѣдко играютъ въ короли, такимъ образомъ: въ одно мѣсто сходятся нѣсколько лицъ и кладутъ, одну на другую, правыя руки. Когда первый кладетъ руку, говорятъ: первѣй, когда другой—другѣй, когда третій—говорять три, когда четвертый—четыре, когда пятый—пять, когда шестой—холопъ, или хлапъ, когда седьмой—кряя, когда осьмой—король. Такимъ образомъ дѣлають до трехъ разъ, и причей рукъ сказано будетъ въ послѣдній разъ: *король*, тотъ и дѣлается королемъ. Король каждому изъ играющихъ назначаетъ особенное дѣло: одному—плакать, другому—плясать, третьему—пѣсню пѣть, четвертому—лобъ сажею вымазать, пятому—цѣловать всѣхъ присутствующихъ на вечеринѣ, шестому—три воза сѣна на лбу привести (т. е. три раза потереть лбомъ по столу), или три раза громко изъ окно прокричать: жениться хочу, седьмому—въ одномъ углу поплясать, въ другомъ поплакать, а въ третьемъ пѣсни спѣть и т. п. Эти приказанія исполняются безпрекословно, впрочемъ не болѣе одного раза; когда всякій изъ играющихъ выполнить назначенное ему дѣло, приступаютъ къ выбору новаго короля.

За этимъ играютъ въ плетень. Въ этой игрѣ всѣ берутъ другъ друга за руки и заплетаются такъ, что лѣвая рука каждого лежитъ на правомъ плечѣ того, который стоитъ впереди его; при этомъ поютъ:

Сизай селезинь, патанивъ своихъ малыхъ дѣтушекъ
У мѣдзи, у патоки, у сладкій сахарасти.
Заплятиса плетсень, ахъ

Ты завейся камка дарагад, дарагая!
Завярнися труба змлатая, змлатая!

Послѣ этаго опять расплетаются и поютъ:

Съра вутца, вынимай малыхъ дзѣтушакъ
Изъ мѣду, изъ патыки, изъ сладкей сахарнасти.
Расплатися плетсень, расплатися, расплатися!
Развяраися труба залатая, залатая!
Ты развейся камка дарагад, дарагая!

Потомъ играютъ въ хороводы, такимъ образомъ: всѣ становятся въ кругъ, исключая одного мужчины и одной женщины, или дѣвицы; первый ходитъ въ кругу, а послѣдняя за кругомъ. При этомъ поютъ пѣсню, которая показываетъ дѣйствіи обоихъ. Пѣсня поется такъ:

Ухъ, вы людзи, людзи добрай маи!
Вы сусѣдзи приближеннай маи!
Малада жава нялюбитъ миня,
Що нялюбитъ (миня), ни глядзится на миня;
Идзъ сѣйдитца, ни клапятца,
А разыйдйтца—няпроститца.

Послѣ этаго та, которая ходила за кругомъ, входитъ въ кругъ и кланяется играющему роль мужа, причемъ поютъ:

Вы спасѣба людзи добрай маи!
Самирили зъ маладой жавой миня:
Идзъ сойдѣтца пакловитца,
Разыйдѣтца — пацалуитца.

За тѣмъ два другихъ представляютъ мужа и жену, и поется таже пѣсня.

Нерѣдко бываетъ также на вечеринкахъ и игра въ карты. Играютъ только въ дураки и въ любовный листочикъ. Послѣдняя игра состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ садятся за столъ въ кружокъ; посреди стола кладется колода картъ и каждый по очереди снимаетъ съ нея одну карту. Кто сниметъ пиковую карту, тотъ ударяетъ разъ, по плечу или по спинѣ, сидящаго съ нимъ рядомъ по лѣвую руку; кто сниметъ трефовую, тотъ кланяется сосѣду съ лѣвой стороны; кто червовую — тотъ жметъ руку, а кто бубновую — цѣлуется, все съ тѣмъ же сосѣдомъ.

Наконецъ опять пляшутъ, поютъ пѣсни и съ пѣснями расходятся по домамъ.

Въ вечеръ подъ Новый Годъ не бываетъ ни пѣсенъ, ни пляски, но всѣ, даже пожилые, собравшись, только гадаютъ о своей участи на слѣдующій годъ. Для этого берутъ шапку и каждый кладетъ въ нее кольцо, серьгу, или что-либо такое, кто что имѣетъ; послѣ шапку встряхиваютъ и поютъ слѣдующіе стихи:

Звалъ котъ кашурку въ пшурку спатъ:
Тамъ тепло и мягко и спатъ харашо.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, да таму добромъ.
Святъ вяцоръ!
Каму выйдитца, тому сбудитца.
Святъ вяцоръ!

Ходила карова по рѣпищу,
Набила пузица типнищю.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, тому добромъ.
Святъ вяцоръ! и проч.

Ишли смярдъ багатаи,
Грябли золото лапатами.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ, таму добромъ и проч.

Ходивъ Микола па закрамамъ,
Идъ ня полно дапаанивавъ,
Идъ ня ровна даравнивавъ.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Санацки, малеванацки!
Тольки съсь на нихъ да паѣхатси.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Сидзятъ пяхухъ на тычиники,
Голосъ да виби, косы да змилли.
Святъ вяцоръ!
Каму паёмъ и проч.

Царякивъ дугу на пужу старану,
А ты хамуть аставайся на сваей старанъ!

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Плыветъ царка паплывушица;
Пириплыла царка на сваю старану.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Бѣгла кабыла изъ Навагорода
Грива заматая, а хвостъ серебрянай.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Плывъ мядзвѣдъ черезъ рѣцуньку;
Перяпымыши папыхававъ.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Затварю квашонку на доньшкі,
Паставлю ее на столбышкі;
Ана стала полнымъ пална, съ краямъ равна.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

На боцкі сяжу, за гвоздъ дяржусь;
Яшто пасижу, яшто падзяржусь.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ, таму дабромъ.

Святъ вяцоръ! и проч.

Синінькій клубоцкіъ и красінькай
По горкѣ катютца ни раскатютца.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

На гарѣ сажу, корысти гляжу,
Яшто пасижу, яшто пагляжу.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ вѣнецъ !

Щобъ етими вянцомъ вѣнцатися .

Святъ вяцоръ !

Каму паёмъ и под.

Птапацка да касатацка!

Невѣй гязда протси горницы:

Тебѣ лѣта здѣсь не лѣтаватся,

Тсибѣ зиму здѣсь не зимуватся;

Тсибѣ бытсь, пташицка, на цужой сторонѣ.

Святъ вяцоръ !

Каму паёмъ, таму дабромъ.

Святъ вяцоръ !

Каму вынитца, таму збудитца.

Святъ вяцоръ !

Сидзить варабей на тыщмнники,

Глядзить варабей на цужу старану.

Святъ вяцоръ !

Каму паёмъ и проч.

По окончаніи каждаго куплета вынимають изъ шапки какуюнибудь вещь, и тотъ, кому вещь принадлежитъ, смотря по пѣсни, заключаетъ о своей участи на слѣдующій годъ. Первый куплетъ, по объясненію крестьянъ, предвѣщаетъ женитьбу, или вообще доброе, второй—богатство, третій—смерть, четвертый—богатство, пятый женитьбу, шестой — почести, седьмой—разлуку съ родными, осьмой—возвращеніе откуданибудь родственника, или освобожденіе отъ несчастія, девятый— неожиданное богатство и вообще доброе, десятый — избавленіе отъ какойлибо напасти, возвращеніе родственника изъ дальней стороны и вообще доброе, одиннадцатый — богатство, двѣнадцатый — солдатчину, тринадцатый — мирное житіе и женитьбу, четырнадцатый—умноженіе богатства, или вообще счастья, пятнадцатый—женитьбу, или вообще счастье, шестнадцатый и семнадцатый—разлуку съ родными, какъ-то: женитьбу, солдатчину и тому под.

Такъ гадаютъ только въ вечеръ на Новый годъ.

Кромѣ того есть еще гаданія, которыя производятся въ каждый Святочный день, когда кто захочетъ. Гаданія эти суть слѣдующія:

Молодые холостые парни и дѣвицы нерѣдко ходятъ ночью на рѣку, достаютъ изъ прорубовъ камень, и по нимъ стараются узнать свою судьбу: если имъ попадетъ камень шероховатый, то заключаютъ, что слѣдующій годъ будетъ для нихъ счастливымъ, а если гладкій, то несчастливъ. Дѣвицы ходятъ также на перекрестки, падаютъ на землю, слушаютъ въ какой сторонѣ лай собакъ, и по этому заключаютъ, въ какую сторону выйдутъ замужъ. Ходятъ также къ церквамъ, и слушаютъ: если послышится что либо подобное пѣвию, то думаютъ, что на будущій годъ выйдутъ замужъ; а если послышится плачь, то ожидаютъ смерти.

Нерѣдко дѣвицы гадаютъ еще и такъ: желающая узнать своего суженаго идетъ одна въ черную (безъ трубы) избу, въ которой нѣтъ никого; ставитъ на припечкѣ, передъ челою (отверстіемъ въ печи, чрезъ которые кладутъ въ печь дрова и проч.), чашку съ водою, сама влѣзаетъ на печь, и, спустивъ оттуда свою голову, смотритъ въ воду, иногда болѣе часа, въ той надеждѣ, что смотря долго въ чашку съ водою, увидятъ на поверхности воды образъ своего суженаго, или, если имъ суждено умереть—гробъ. Впрочемъ подобныя гаданія въ настоящее время весьма, весьма рѣдки, и совсѣмъ уже истребляются.

Дѣвицы, желающія узнать своего *суженаго*, чаще всего гадаютъ такимъ образомъ: отходя ко сну, онѣ ставятъ у своего изголовья чашку съ водою, или кладутъ прутья, и приговариваютъ: въ первомъ случаѣ: «суженый, ряженный! приведи своего коня поить на мой колодезь»; а во второмъ: «суженый, ряженный! приходи гулять въ мою рощу». Многія увѣряютъ, что дѣйствительно видятъ во снѣ своихъ суженыхъ.

У здѣшнихъ крестьянъ Святки оканчиваются вечеромъ въ день Крещенія Господня. Въ этотъ вечеръ, въ который у здѣшнихъ крестьянъ бываетъ солоткое игрище, неоднократно повторяются всѣ игры и забавы, описанныя выше; съ этаго игрища расходятся уже часу въ третьемъ ночи.

Играми, плясками и гаданіями забавляются люди молодые и среднихъ лѣтъ; старые только перегащиваются другъ у друга: сосѣди ходятъ въ гости къ сосѣдямъ, друзья къ друзьямъ, родные къ роднымъ, знакомые къ знакомымъ; вечеромъ же они собираются въ одно мѣсто и толкуютъ объ

житейскомъ, рассказываютъ разныя приключенія, повѣсти, сказки и т. под.

П Р А З Д Н И К И.

Народные праздники суть Святки, Сырная Недѣля (Масленица), Свѣтлая Недѣля, или Пасха и Троицынъ день.

Какъ празднуются Святки показано выше.

Въ Пасху народное веселье состоитъ только въ катаніи яицъ и въ хожденіи изъ одной деревни въ другую за святыми иконами. Плясокъ и пѣсень въ эту недѣлю вовсе не бываетъ.

Въ Сырную недѣлю, начиная съ четверга, качаются на рѣляхъ, катаются съ горъ на большихъ санихъ, или на саночкахъ, на маленькихъ обмороженныхъ лодочкахъ, или катаются на лошадяхъ; ввечеру же нерѣдко повторяется тоже, что бываетъ и на Святкахъ. Въ эти дни молодые (новобрачные) ѣздятъ также съ дарами къ своимъ родителямъ и родственникамъ.

Троицынъ день есть по преимуществу день веселья для молодыхъ дѣвушекъ. Въ каждой деревнѣ онъ въ этотъ день собираются и вмѣстѣ ходятъ въ рощи, или лѣса, завивать на деревьяхъ вѣтки; тамъ же готовятъ себѣ какую нибудь закуску, при чемъ каждая дѣвица угощаетъ своею закускою всѣхъ своихъ подругъ.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Крестьянинъ добываетъ себѣ жизненныя средства своими трудами — рукодѣльемъ, ремесломъ, а преимущественно хлѣбопашествомъ. Многіе нанимаются въ городахъ, селахъ, или деревняхъ въ работники, на годъ, или на полгода; многіе зимою возятъ изъ города въ городъ разную кладь, весною же ходятъ на баркахъ къ Тверь, а всего болѣе въ Ригу.

Расходъ здѣшняго крестьянина состоитъ въ слѣдующемъ:

На уплату податей и подушныхъ поступаетъ столько, сколько назначается Уѣзднымъ Казначействомъ; сюда же относятся и земскіе сборы.

Насущное пропитаніе у каждого почти крестьянина свое, а потому оно какъ бы и не считается.

На необходимые по дому прожитки, какъ-то на соль, деготь, соху и т. п., въ семействѣ, состоящемъ изъ 18-ти душъ (включая женскій полъ и малолѣтнихъ), въ годъ выходитъ около 70-ти р. асс. Затѣмъ на прихоти, какъ-то: на щегольство и праздничное угощеніе — около 12-ти р. сер.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНІЕ.

О простолюдинахъ описываемой мѣстности нѣтъ поговорокъ и насмѣшекъ. Грубость и необразованность слыветъ здѣсь подъ названіемъ тудавщины, по жителямъ около рѣки Туда и села Молодаго-Туда, въ 50-ти верстахъ отъ Ржева. Дѣйствительно, не смотря на то, что къ настоящее время жители тѣхъ мѣстъ мало по малу образуются, они все еще непонятливы, несмѣтливы и мало разсудительны. Они боятся всякаго челоуѣка, хотя нѣсколько облагороженнаго и занимающаго какую либо, даже незначительную должность. Особенный порокъ здѣшняго населенія есть склонность къ мелкому воровству; но при этомъ дурномъ свойствѣ нашъ крестьянинъ имѣетъ и хорошія: онъ очень почитаетъ къ высшимъ себя; передъ всякимъ почти снимаетъ шапку; не смотря на бѣдность, гостепріименъ: вочлеть у него почти для всякаго даровой; почти каждый изъ здѣшнихъ крестьянъ безмездно и накормить и напоить бѣднаго странника, пришедшаго въ его домъ; онъ набоженъ: всякій передъ храмами Божіими, передъ крестами, часовнями и даже на перекресткахъ, непременно, всегда, снимаетъ шапку и крестится.

Грамотныхъ, какъ мушинъ такъ и женщинъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Недавно только (въ 1845 году) заведено вблизи, въ селѣ Холецѣ, сельское училище; но въ это училище поступаютъ дѣти крестьянъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Съ 1845 года обучены читать, писать, правиламъ Ариметики и Закону Божію 15 мальчиковъ; въ настоящее время ихъ обучается до 25-ти. Иные все еще учатся у престарѣлыхъ причетниковъ.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

Въ народѣ сохранилось преданіе о временахъ татарскаго нашествія и о 1812 годѣ; первое сохранилось въ пословицѣ: «незванный гость хуже Татарина», а о Французахъ въ словахъ:

«*Хранцузъ тсибе ваэми*». Вообще названіе *Французъ* обратилось здѣсь въ брань; напр. вм. того, чтобы сказать: «ахъ ты дуракъ, или мошенникъ, или негодяй, безбожникъ, наглый, дерзкій, жестокій человекъ», говорятъ: «ахъ ты Хранцузъ!».

Есть также въ народѣ преданія о кладахъ, именно:

Рассказываютъ, что въ четверти версты отъ села Завидова, отстоящаго отъ Ржева на 45 верстъ, къ востоку, по дорогѣ во Ржевъ, около моста, былъ сундукъ съ деньгами, изъ котораго всякій могъ брать деньги въ долгъ на известное время. По истеченіи срока, взявшій деньги непременно долженъ былъ возвратить ихъ въ сундукъ; иначе онъ заболѣвалъ, и болѣлъ до тѣхъ поръ, пока не возвращалъ денегъ. Въ настоящее время мѣсто, гдѣ былъ сундукъ, заплавлено грязью и стало болотистымъ.

Есть также преданіе, что въ старину была большая дорога между деревнею Жуковымъ, принадлежащею къ Бобровскому приходу и деревнею Двойнями, того же прихода; на этой дорогѣ, между двумя означенными деревнями, былъ надъ оврагомъ мостъ, подъ которымъ находился будто бы въ землѣ большой кладъ. Теперь на этомъ мѣстѣ большой дороги нѣтъ, нѣтъ и моста, но оврагъ есть.

Въ заключеніе, представимъ рассказъ крестьянина о томъ, какъ онъ искалъ кладъ.

«Живъ я у батракахъ у Липовкѣ, * и у ввадзинѣ дзень выпрягъ палудनावатъ; папалудनावавъ и лѣгъ атдыхатъ на лауку, и вснувъ; и у въ васняхъ ввидзивъ, и приходится ка мнѣ старикъ такой рыжій: и що ты, гаворитъ, моладицъ, думашь? А що, я кажу, ницогъ (ничего). Какъ, гаворитъ, хоцышь ты дзенигъ? Какъ, я гаворю; а ты мнѣ нѣшта (развѣ) дзенигъ дашъ? Да, я табъ, гаворитъ ёнъ, дамъ. А какімъ родамъ, я гаворю, даси ты мнѣ дзенигъ? Я, онъ гаворитъ, табъ кладъ укажу. А идзѣ, я кажу (говорю), кладъ? А вотъ, ёнъ гаворитъ, у вашамъ сяденни кладъ, и столько, такой кладъ, гаворитъ, боцка саракавица; и ня столько, гаворитъ, твайму роду даволи будзится,—вашему усяму сяленню досытсь будсится; боцка, гаворитъ, саракавица; палавину злата, да палавину сѣрибра, и твая цась вынитъ ётси дзеньги;

* Липовка—деревня, отстоящая отъ с. Бобровки около полутора версты.

и ступай ты протси Ивана *, каравуль: яны табѣ проста сѣддутца. А я гавѣрю: я адынѣ баюсь. Эхѣ, гавѣрится ѣнѣ, цаго, гавѣрится, табѣ баятца? Яны проста табѣ и сѣддутца. Ну, кали такѣ, гавѣрится, вазмижѣ ты млѣда юнаша сабѣ для змѣластси. Я и пайзвавѣ малага разбору цалавѣтка, и зайшовѣ кѣ таму цалавѣтку пройтси Ивана. Ступай, братѣ, я гавѣрю, пайдзѣмѣ; а вотѣ братѣ, ѣнѣ гавѣрится, вужинаю; падзи, гавѣрится, сѣдзисѣ, я апаслѣ прійду. Я пайшовѣ, перяктсисѣ и сѣвѣ. Вдругѣ я сѣжу, ни рабѣю ни цаго, дажидаюся тавариша; удругѣ выходзисѣ зѣ бани женщины, эдакая абрядная: платтсѣ вѣ ней бѣлая, падпаяска вѣ ней жолтая, и на галавы надзѣта жолтая. Ну, тоя мѣста, идзѣ кладѣ, и вароцайтца ета женщина, и паварацивайтца. Вотѣ, патомѣ я на ее зматрю: паваратсислѣ янѣ разѣ три кругомѣ, апятсѣ у баню пайшла и баню запѣрла. Я ѣй ницогѣ висказѣвѣ. Вотѣ, я гладзѣ у стѣрану, пагляжу: бягисѣ пѣсѣ, етакій глазатій, привстрашѣнной; я и упудзисѣ пса таго, я и полна сѣдзѣтсѣ; товариша майго вѣту, вотѣ я и пайшовѣ на входѣ (на уходѣ). Вотѣ, я бѣжатсѣ, а ѣнѣ мянѣ сѣзѣду хвататсѣ, такѣ и ловисѣ. Лидвѣ, лидвѣ дамовѣ прибѣгѣ, цутсѣ живѣй прибѣгѣ. Прибѣгѣ дамовѣ, на пѣчку какѣ легѣ, такѣ и на вставѣ,—дзѣвѣ нѣдзѣли и выляжавѣ (у).»

* Вѣ ночь на Рождѣство Іоанна Предѣчи (т. е. на 24-ѣ Іюня) естѣ обыкновѣніѣ искатѣ кладѣ.

ОСТРИНСКІЙ ПРИХОДЪ

ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ

ЛИДСКАГО УѢЗДА.

(ПРОФЕССОРА ЛИТОВСКОЙ СЕМИНАРИИ И. ЮРКЕВИЧА).

Главное мѣсто Остринскаго прихода есть мѣстечко Острина*, лежащее отъ Вильно въ 20-ти, а отъ Гродно въ 7-ми миляхъ. Это мѣстечко, принадлежавшее некогда къ такъ-называемымъ *столовымъ* имѣніямъ Польскихъ Королей, а нынѣ казенное, подобно другимъ мѣстечкамъ нашихъ Западныхъ Губерній имѣетъ привилегіи, дарованныя ему Польскими Королями. 16-го іюня 1792 года Король Польскій Станиславъ Августъ подтвердилъ права мѣстечка Острины, дипломомъ подъ названіемъ *Renovationis*, писаннымъ

* На картѣ Шуберта мѣстечко Острина показано на Ю.З.З. отъ уезднаго города Лиды, въ З. части Лидскаго уѣзда. Оно окружено слѣдующими мѣстечками и селами: на С. Новый-Дворъ, на В. Василишки и Ишольно, на Ю.В. Шучино. По этнографической картѣ Академика Кёппена нельзя съ точностію опредѣлить, населенъ ли весь Остринскій приходъ Русскими, или въ немъ находятся и Литовцы; по картѣ Шаффарика Остринскій приходъ, какъ и весь Лидскій уѣздъ — русскій, но въ сосѣдствѣ ихъ живетъ Литва. Что Остринскій приходъ русскій видно впрочемъ и изъ самой статьи.

Прим. Ред.

на пергаментѣ, золотыми буквами, въ Варшавѣ. Церковь Остринскую, во имя Спасителя, первоначально надѣлили фундушемъ цивунъ Шимко Манковичъ и помѣщики Зиневичи; а въ 1556 году 4-го августа, этотъ фундушъ увеличилъ и подтвердилъ въ Вильнѣ Король Сигизмундъ Августъ. Замѣчательно, что эти документы писаны на славянскомъ языкѣ и древнимъ славянскимъ почеркомъ. Въ нихъ говорится, что подтвержденіе фундуша Остринской церкви исходатайствовано стараніемъ поповъ Ивана Яновича, Федора Антроповича и діакона Логвина Апанасовича; 30-го января 1690 года это подтвержденіе заявлено въ Гродскомъ Лидскомъ Судѣ.

По новѣйшему раздѣленію приходовъ, Остринскій приходъ принадлежитъ къ третьему классу и состоитъ изъ 4,157 душъ обоюго пола крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ.

Б И Т Ь.

Народъ, живущій въ Лидскомъ уѣздѣ Виленской губерніи и принадлежащій къ Остринскому приходу, бѣденъ. Главное занятіе его составляетъ земледѣліе; но по малому пространству земли, отдѣляемой для каждаго земледѣльца, и по причинѣ гористой и песчаной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болотистой почвы, урожай хлѣба вообще бываетъ скуденъ, такъ что многимъ крестьянамъ къ веснѣ не достаетъ хлѣба, и они питаются большею частью картофелемъ. Торговли и промышленности здѣшніе поселяне не знаютъ; поэтому, за недостаткомъ хлѣба, многіе, особенно весною, терпятъ крайній недостатокъ. По той же причинѣ, самое тѣлосложеніе ихъ и здоровье слабы, а ростъ малъ. Кромѣ того, неопрятность и нечистота въ крестьянскихъ домахъ навлекаютъ на здѣшнихъ жителей многія эпидемическія болѣзни, которыя, преимущественно весною, свирѣпствуютъ по деревнямъ. Такъ, здѣсь бываютъ горячки, различные сыпи и катарральныя болѣзни. Многіе страдаютъ такъ-называемымъ *колтуномъ*.

О Д Е Ж Д А.

Одежду здѣшнихъ крестьянъ составляетъ *сермага* изъ стараго толстаго сукна, и *кожухъ*. Болѣе достаточные опоясыва-

ются черными поясами, шерстяными или ремянными, которые спереди застегиваются пряжкой изъ желтой мѣди, или поясами другого цвѣту, изготовляемыми самими крестьянами. Пожилые мужчины носятъ круглыя или четырехугольныя суконныя шапки, обложенныя овечьей или телячьей шкурою. Молодые парни, подражая людямъ высшаго сословія, носятъ шапки изъ тонкаго сукна, съ козырьками. Обувь, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, составляютъ по большей части лапти, подшитыя кожею (сабаками); сапоги и башмаки они надѣваютъ только въ воскресные и праздничные дни, когда идутъ въ церковь, или въ городъ. Замужнія женщины обвертываютъ голову длиннымъ кускомъ тонкаго бѣлаго полотна (наметки), а дѣвицы носятъ на головѣ бѣлые или цвѣтные платки, завязывая ихъ спереди въ кокарды.

Я З Ы К Ъ.

Языкъ здѣшняго простаго народа представляетъ смѣсь русскаго съ польскимъ, но вообще онъ ближе къ русскому. Какъ всякая губернія, уѣздъ, даже деревня, имѣетъ нѣкоторую особенность въ языкѣ, такъ и здѣшніе крестьяне нѣсколько отличаются нарѣчіемъ отъ смежныхъ съ ними крестьянъ Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Различіе болѣе всего замѣчается въ глаголахъ, оканчивающихся на *ся*, которое они перемѣняютъ на *са* и произносятъ твердо; напр. *што ты повамиуса, умарауса, умурзауса, упиуса* и проч. Кромѣ того, въ языкѣ здѣшняго народа встрѣчаются особенныя слова; напр. *каубакі* — сосновыя полѣна, расколотыя въ лучину; *дразги* — лучина; частица *галѣня* употребляется для означенія прошедшаго времени; напр., когда кто спрашиваетъ: *чи давно приходзишь*, или *чи давно поѣхавъ*, то отвѣчаютъ: *да уже галѣня*. Впрочемъ, болѣе ясное понятіе о языкѣ поселянъ Лидскаго уѣзда можно составить по нижеприведеннымъ простонароднымъ пѣснямъ.

ХАРАКТЕРЪ И ПРАВЫ.

Трудно опредѣлить степень образованности, нравственности и характеръ здѣшнихъ жителей, потому что всякая деревня имѣетъ свои обычаи, предразсудки, чуждыя, которые можно видѣть въ домашней и общественной жизни крестьянъ.

Въ религіозномъ отношеніи они вообще мало образованы. Теперь многіе выучились молиться Богу на славянскомъ языкѣ; но прежде обыкновенно молились на польскомъ. Въ обращеніи съ людьми высшаго званія здѣшніе жители ласковы и кротки. Привѣтствіе мужика или бабы вышему лицу всегда начинается словами: *нѣхъ бендзѣ похваліоны Іезусъ*; за тѣмъ, послѣ обыкновеннаго приступа: *да Бога и да Пана пришоу съ такимъ дѣлѣмъ*, они рассказываютъ самое дѣло. Когда одинъ встрѣтится съ другимъ на дорогѣ, или придетъ въ чужой домъ, то низко кланяется и привѣтствуетъ такъ: *похваліоны Іезусъ!* потомъ оба пожимаютъ другъ у друга правыя руки, а лѣвыми обнимаютъ шею, цѣлуются, и одинъ спрашиваетъ у другаго: *чи живы ест домашніе, чи здаровы дѣтки ваши, чи вѣселя*; а тотъ съ благодарностію отвѣчаетъ: *дзякуй за запытане*, и дѣлаетъ тотъ же вопросъ; на это ему отвѣчаютъ: *еще капышкаются, дзякуй Богу*. Если такое взаимное привѣтствіе происходитъ въ домѣ, то просятъ садиться; если же на рынкѣ, или въ корчмѣ, то встрѣтившіеся потчуютъ другъ друга водкою, и каждый, поочереды, предлагаетъ свою водку. Подвыпивъ, разсуждаютъ о домашнихъ дѣлахъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ; послѣднія, разговаривая между собою, также пьютъ, смѣются, а иногда и плачутъ. Когда же одинъ сдѣлаетъ другому какую либо обиду, то бранятся: *злѣдзый ты, салацуга, вѣспѣльникъ, прахѣсть, паганинъ* и проч. Ссоры доходятъ и до драки. Между женщинами также очень часто бываютъ ссоры и брань. Молодежь въ обращеніи своемъ подражаетъ старикамъ. Вообще здѣшніе крестьяне склонны къ ссорамъ, къ пьянству и къ воровству, которому научились у Цыганъ, живущихъ въ мѣстечкѣ Остривѣ. Въ сношеніяхъ съ посторонними и незнакомыми здѣшніе крестьяне хитры, подозрительны и обманчивы, но помогаютъ въ нуждѣ скоро, если это можетъ доставить имъ выгоду. Въ исполненіи своихъ намѣреній непостоянны.

ОБЫЧАИ ПРИ КРЕСТИНАХЪ.

Послѣ счастливыхъ родовъ, мужикъ, приглашенный быть кумомъ, приходитъ въ домъ родильницы съ хлѣбомъ, оберну-

тымъ въ бѣлый платокъ, и кладетъ на столъ. Кума приноситъ родильницъ (параженицы) бутылку водки, приправленной медомъ или перцомъ. Послѣ непродолжительнаго угощенія кумовъ, повивальная бабка, благословляя новорожденнаго знаменіемъ креста (въ это время всѣ находящіеся въ домѣ также крестятся), отдаетъ его кумамъ, которые отправляются къ священнику, для совершенія Св. Крещенія. Кумы приносятъ священнику, вмѣстѣ съ младенцемъ, хлѣбъ. Замѣчательно, что ребенка несутъ или везутъ къ крещенію большею частію вечеромъ. Послѣ крещенія, кума приноситъ ребенка домой и отдаетъ повивальной бабкѣ, а бабка матери, и снова начинается угощеніе, послѣ котораго подають ужинъ, а за тѣмъ подносятъ подарки кумамъ и повивальной бабкѣ. Подарки состоятъ обыкновенно въ кускѣ полотна и хлѣбъ. На другой день кумы приходятъ навѣстить родильницу и приносятъ ей гречневую кашу и нѣсколько ржаныхъ пироговъ. Кумъ, отвѣдывая свою кашу, говоритъ: «нѣхайте Богъ нашего хрещовника (называя его по имени) гадѹть, да долю ему гатѹть», кладетъ въ кашу, смотря по состоянію, 20 или 30 копѣекъ, и чрезъ повивальную бабку отдаетъ кашу родильницѣ. Также поступаетъ и кума. Послѣ того бабка ставитъ на столъ миску воды, съ хмѣлемъ и овсомъ, и проситъ у всѣхъ гостей денегъ на мыло. Всѣ находящіеся въ домѣ бросаютъ въ поставленную миску по нѣскольку копѣекъ. За этимъ слѣдуетъ пиръ, который начинается обращеніемъ матери новорожденнаго къ куму: *Кумъ, зачинайце пироги, кабы дзицѣ прендзѣй гаварило*. Послѣ этихъ словъ подають обѣдъ, а послѣ обѣда собирають деньги на водку, и распивъ ее, расходятся по домамъ.

ОБЫЧАИ ПРИ СГОВОРАХЪ.

Сваты, пріѣзжая или приходя въ домъ невесты, приносятъ съ собою водку. Если невеста согласна идти замужъ, то накрываетъ скатертью столъ и ставитъ на немъ рюмку; сватъ наливаетъ водки и предлагаетъ ее невестѣ, а она беретъ ее и отдаетъ отцу. Отецъ пьетъ обратившись къ жениху, если женихъ тутъ же находится, или къ своей женѣ. Послѣ того невеста отправляется въ деревню и приглашаетъ всѣхъ своихъ родныхъ. Когда они соберутся (принося съ собой хлѣбъ), со-

вершаются сговоры (заповины). Сваты остаются у невесты до следующего дня. По окончании сговоровъ, мать невесты приноситъ на тарелкѣ въ даръ жениху платокъ, а свату нѣсколько локтей полотна, и покрываетъ этимъ полотномъ правое плечо свата, который въ такомъ видѣ долженъ присутствовать при бракосочетаніи. Женихъ, принимая платокъ, кладетъ на тарелку 30 к. сер. или и больше. Послѣ этого обряда, свать опять достаетъ водку, наливаетъ и предлагаетъ всѣмъ. Замѣчательно, что отецъ и мать невесты наполняютъ рожью первую бутылку, изъ которой пили водку, и перевязавъ ее поясомъ, отдаютъ свату и жениху, передъ ихъ отъѣздомъ домой.

ОБЫЧАИ ПЕРЕДЪ БРАКОМЪ И ПОСЛѢ БРАКА.

Когда женихъ пріѣдетъ въ домъ невесты, ея отецъ или мать встрѣчаютъ его съ хлѣбомъ и пивомъ на порогѣ, а онъ имъ низко кланяется; вводятъ его въ домъ, и сажаютъ за столъ, вмѣстѣ со всею его *дружиною*. Послѣ того отецъ или мать выводятъ невесту и сажаютъ ее, также съ друзьями и женщинами, за другимъ столомъ. Тогда настаетъ пиршество: даютъ обѣдъ и всѣ ѣдятъ и пьютъ, кромѣ жениха и невесты, которые постятся до самаго брака. Во время обѣда родители невесты опять предлагаютъ подарки—жениху платокъ, а свату, друзьямъ и музыканту по свитку полотна; женихъ съ своей стороны привозитъ невестѣ башмаки, набитыя шерстью, и сверхъ того даритъ ее деньгами, бросая ей ихъ за «воротникъ». Послѣ обѣда, женихъ и невеста всѣмъ кланяются, а отецъ, отправляя ихъ въ церковь, провожаетъ изъ дому съ пивомъ и хлѣбомъ. На пути въ церковь, женщины поютъ пѣсни, а одинъ изъ мужчинъ играетъ на скрипкѣ.

Послѣ бракосочетанія отецъ или мать встрѣчаютъ новобрачныхъ также съ хлѣбомъ и пивомъ. Свадьба (*ееселе*) собственно начинается послѣ этой встрѣчи; тогда поютъ различные пѣсни, играютъ и пляшутъ, во второмъ или третьемъ часу ночи ужинаютъ и продолжаютъ веселиться всю ночь.

На слѣдующій день новобрачной подстригаютъ на головѣ волосы съ четырехъ сторонъ, надѣваютъ ей на голову холстинный платокъ (*идметку*) и сожигаютъ подстриженные во-

лосы. Женщины дарят новобрачную полотномъ, а мужчины деньгами.

На второй или на третій день послѣ того пекутъ *коровай*, то-есть пшеничный пирогъ, который раздѣляютъ между всѣми.

Наконецъ отвозятъ новобрачную въ домъ ея мужа; прѣхавъ туда, она даритъ всѣхъ домашнихъ или кускомъ полотна, или утиральникомъ, а находящихся при этомъ постороннихъ — небольшими поясами.

Послѣ свадьбы первое дѣло новобрачной, какъ новой хозяйки дома — идти къ колодезю за водою и принести ведро воды; въ этомъ помогаетъ ей малый ребенокъ, которому она даритъ поясъ. Затѣмъ она прядетъ шерсть или волну, привезенную ей въ башмакахъ и раздѣляетъ между домашними *коровай*. Этимъ свадьба и оканчивается.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Летѣли гусенки черѣзъ садъ,
Кликали Анюлька на посѣдъ.
«Чи я такъ пайдѣ якъ стаю?
Засцелѣсе кабѣрець, я ступлю.»
Чаму не кукавала сивая зязюлька
Якъ сады зацвѣтали?
Чаму не плакала красная Анюлька
Якъ цебѣ запивали?
Ой! кукавала зязюлька на дубѣ,
Плакала Анюлька при шлюбѣ;
Кукавала зязюлька на берѣзѣ,
Плакала дзѣвачка въ дарѣзѣ;
Кукавала зязюлька на тынку,
Плакала дзѣвачка по вѣвкѣ.

ПѢСНЯ, КОТОРУЮ ПОЮТЪ, ДѢЛАЯ КОРОВАЙ.

Попытайцеся добрыя людзи,
Што въ гэтомъ коровай будзе?
Ой, три бѣчки пшаничнае мукі,
Да дзвѣ бѣчки кривичнае воды,
Да три фаски дрэвнчаго масла (отъ молодыхъ коровъ),
Да три капы ялицы отъ молодыхъ курицъ;

Поютъ приплясывая:

Карагайницы півниці,
Да все цѣсто покрали,
Да у кешѣнки паклали.
Стало цѣсто бушаваци,
Стало кешѣнки распираци

И проч.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Тотчасъ послѣ выноса покойника изъ дому выметають весь домъ, моютъ столъ и скамьи, топятъ печку, пекутъ хлѣбъ и приготавливаютъ ужинъ, на которомъ первое блюдо непременно постное, — жидкій кисель съ грибами (*журъ*). Послѣ перваго блюда молятся за покойника, съ громкими рыданіями, призывая его по имени къ столу, и выливаютъ на столъ ложку всякаго кушанья. Тоже самое дѣлають въ дни поминовенія Церковію усопшихъ (на *поминки* или иначе на *дзяды*), съ тѣмъ различіемъ, что тогда выходятъ изъ хижины на дворъ къ воротамъ и съ плачемъ призывають умершихъ родныхъ, слѣдующими словами: «Татачко, матачка, просимъ васъ на вечеру.» Въ это время всѣ домашніе скромно и тихо ѣдятъ и пьютъ. Осенію ставятъ на могилахъ деревянные кресты, кладутъ деревянные доски или каменные плиты (*приклады*) и устриваютъ столы за умершихъ.

ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

Въ дѣлахъ, касающихся хозяйства, всякая деревня руководствуется общимъ мнѣніемъ и согласіемъ опытныхъ въ хозяйствѣ людей, которые, приступая къ какой либо полевой работѣ, напр. къ пахатѣбъ весною земли, къ поству, или къ косѣбѣ, собираются на улицѣ, или идутъ въ корчму; тутъ старики подають свое мнѣніе, когда именно начинать ту или другую работу. Тоже бываетъ и осенью: что дѣлаеть въ это время одинъ хозяинъ, то дѣлаеть и другой; если одинъ учреждаетъ пиръ, или совершаетъ поминовеніе по умершимъ, то и прочіе дѣлають тоже самое.

ЗАЖИНКИ.

Въ началѣ жатвы хозяйка дома выходитъ въ поле одна или съ другими женщинами, беретъ съ собою хлѣбъ, соль и вод-

ку, и нажавъ снопъ ржи, садится на него и поетъ протяжно слѣдующую пѣсню:

Дзякуй Бегу, за ласку святую,
Што я новаго хлѣба дождала,
И снапокъ жита нажала.
Буду жѣнци, не лежѣнци,
Кабъ капѣ жита пажѣнци;
Нажѣвши змолотици,
Каши наварѣнци
И дзѣцей покормѣнци.

Другія женщины помогаютъ ей пѣть. Послѣ того, пьютъ водку, закусываютъ и охотно продолжаютъ работу.

ДОЖИНКИ.

Кончивъ жатву ржи, жнецы плетутъ вѣнокъ изъ ржавыхъ колосьевъ, украшаютъ его цвѣтами и приносятъ въ домъ хозяина, который встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ - солью. Возвращаясь съ поля, жнецы поютъ разныя пѣсни, а приближаясь къ дому — слѣдующую:

Засцелайце столм, лавы.
Тызъ къ вамъ госць небывалы;
Юль не много пабывае
Знову у поле адзжае,

и проч.

Принесенный вѣнокъ кладутъ на хлѣбъ и поздравляютъ хозяина съ окончаніемъ жатвы. Обрадованный хозяинъ угощаетъ работниковъ, которые, подкрѣпивъ свои силы водкою, поютъ разныя пѣсни, веселятся, иногда даже пляшутъ, и такъ празднуютъ дожинки. Между прочими пѣснями всегда поютъ слѣдующую:

У насъ сегодзя дожѣвачки:
Дасць павъ намъ горѣлачки
Съ повназ барѣлачки.
Нашъ пане Карблику!
Пускай насъ до лобеньку!
Не пускаешъ до лобеньку,
То татуй намъ вечэееньку.
Дэ спяли намъ паспеленьку,
Вечереньку смачненькую,
Паспеленьку мякненькую.

ЗАВАВЫ.

Въ Рождество Христово, въ Новый годъ, на заговѣнья и по другимъ праздничнымъ днямъ, въ деревняхъ бывають такъ-называемыя *игрища*. Игрища не что иное какъ собранія молодежи по вечерамъ въ корчмахъ, гдѣ одинъ играетъ на скрипкѣ, а другіе пляшуть. Въ Рождество Христово и въ Новый годъ вечеромъ ходятъ отъ одного дома къ другому и поютъ пѣсни подъ окнами; это называютъ *салачѣнными*. На заговѣнья кѣмъ молодежь, такъ и старики возить другъ друга на савяхъ и опрокидываютъ, а молодые парни привязываютъ дѣвушкамъ небольшія деревянныя колодки, въ наказаніе будто бы за то, что онѣ не вышли замужъ въ продолженіе мясоеда, но собственно съ тою цѣлю, чтобы дѣвушки, желая освободиться отъ колодокъ, купили имъ водки. На Пасху красятъ яйца, которыми послѣ бьются. Весною и лѣтомъ мальчики играютъ на улицѣ съ *кацѣлку* и съ *свиною*, а дѣвушки съ *крутивью* и *мещелицу*.

ПРЕДРАЗСУДКИ И СУЕВѢРІЯ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, простой народъ имѣетъ много предразсудковъ и суевѣрій. Въ этомъ отношеніи женщины кажется превосходятъ мужчинъ. И тѣ и другія имѣють свои праздничные дни, въ которые не занимаются извѣстными работами. Такъ, въ Рождественскіе праздники женщины не прядутъ; преполовенная среда празднуется, и мужчины въ этотъ день не пахутъ, потому что въ противномъ случаѣ ожидаютъ дождливаго и сыраго лѣта; не работаютъ также ничего въ день Св. Олимпія; 24-го іюня, въ день Рождества Св. Іоанна Крестителя, встають до восхода солнца, чтобы посмотреть, какъ оно будетъ играть; въ этотъ же день утромъ собирають траву (*линушки*) и кладутъ на окна крапиву, для отогнанія волшебницъ или вѣдьмъ и проч. Подъ волшебницами здѣсь разумѣють женщины, которыя будто бы имѣють связи съ злыми духами, и съ ихъ помощью помогаютъ, или вредятъ людямъ; мужчинъ, имѣющихъ связи съ нечистою силою, называютъ *знахарями*, и какъ волшебники такъ и знахарямъ приписываютъ искусство *заговѣвъ*.

личныя болѣзни, отгадывать причину несчастій, постигающихъ людей и т. под.

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ.

Четыре дяди назадъ бородами.	Конскія копыта.
Кривеньки дядюкъ все поле абѣгау.	Серпъ.
Хто науперадъ въ церкау входзиць.	Ключъ.
Бѣгали чирѣчки на липовомъ мѣс- цѣ, шусць въ мышокъ.	Горохъ.
Чатыре чатыраначки побѣгли въ палѣначки, принесли утку, посадили въ закутку: «сиди утка тутъ, бо табѣ данъ кутъ».	Телѣга, на которой возятъ съ по- ля хлѣбъ въ гумно.
Бывъ у насъ баранъ, на юмъ не столько волян, сколько ранъ.	Колода, на которой дрова ру- бятъ.
Чатыре панички падъ аднымъ ка- пелюшомъ сѣдзяць.	Ноги у стола.
За лѣсамъ палѣнскимъ, за полямъ лѣсѣнскимъ, кричиць Кацерѣна гола- самъ шатѣнскимъ.	Труба.
Чорненькая, маленькая у Караля на абѣдзѣ.	Перецъ.
Черезъ акно, цѣгне воукъ сукно.	Дымъ.
Сухая пятитца косци грызе.	Чесалка.
Воукъ жалѣзны, а хвостъ кавалѣпы.	Игла.

ПОГОВОРКИ.

Пакармиуши скацінку, то заробишь и няву.
У дбалаго гаспадарá на пручмѣни расце трава, а у гультáя крапива.
Кинь передъ сабою—знайдзешъ за сабою.
Прикуси языкъ, кали юнъ табѣ свербиць.

СЕЛО КОБЫЛЬЯ. *

ВОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИИ
НОВГРАДВОЛИНСКАГО УЪЗДА.

(Протоіерей І. Морачевича).

НАРУЖНОСТЬ.

Не только по губерніямъ и уѣздамъ, но и по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, наружность и нѣкоторые обычаи жителей бываютъ болѣе или менѣе различны между собою.

Всѣ города, мѣстечки и села здѣшняго края, населены старожилами — Поляками, Малороссіянами ** и Евреями.

Поляки раздѣляются на три класса: 1) помѣщики, 2) управители, экононы и служащіе въ разныхъ должностяхъ, нако-

* На картѣ Шуберта село Кобылья показано деревней. Въ немъ, на той же картѣ, 84 двора. Находится оно на С. З. З. отъ уѣзднаго города Новградъ-Волинска, въ С. части уѣзда, и стоитъ на рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Случь. На той же рѣчкѣ расположены: мѣстечко Корець (на Ю. З. отъ с. Кобыльи), Шитинъ, Сторожевъ и с. Устье. Вокругъ села Кобыльи находятся: на Ю. Голмчевка и Морозовка; на В. Сухая-Воля, на С. Сторожевъ. Упоминаемое въ этомъ описаніи село Городница находится тоже въ С. части Новградъ-Волинскаго уѣзда, а с. Губково въ Ровенскомъ уѣздѣ, не далеко отъ мѣстечка Людвиполь. *Прим. Ред.*

** Авторъ вездѣ называетъ ихъ *крестьянами*, потому что сельское населеніе того края почти исключительно состоитъ изъ Малороссіянъ.

нець 3) фабричные, ремесленники, земледельцы и домашняя прислуга. Наружность у Поляковъ первыхъ двухъ разрядовъ вообще пріятная и красивая, но выражаетъ смѣсь. Женскій полъ наружною красотою и пріятностію превосходитъ почти всѣхъ европейскихъ женщинъ; мужчины большею частию дородны и имѣютъ гордую осанку; лица ихъ пріятны, расположеніе частей тѣла соразмѣрное; волосы у мужчинъ большею частию темнорусые, у женщинъ свѣтлорусые, а у нѣкоторыхъ черные; голова и глаза большею частию малы, руки и ноги длинноваты; въ тѣлодвиженіяхъ Поляки проворны, живы и ловки. Низшій классъ отъ природы имѣетъ тѣже отличительныя черты, но онѣ грубѣе.

Малороссіане. Наружность ихъ почти въ каждомъ сельбищѣ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ что, гдѣ бываетъ собраніе простаго народа, тамъ по наружности, тизіоніи, языку, костюму, можно признать жителей почти каждого села. Малороссіане, кои съ младенчества не были обременены тяжелыми, изнурительными работами, отличаются дородствомъ, здоровьемъ и плотностію, но роста они рѣдко высокаго, а обыкновенно средняго; ноги у нихъ коротки; мужчины бываютъ широкоплечи; женщины вообще пріятной наружности, но по тѣлосложенію тощи и блѣдноваты; голова у нихъ мала, лицо немного продолговато, волосы темнорусые; росту онѣ большею частию средняго и малаго, рѣдко высокаго. Въ нѣкоторыхъ селахъ мужчины смуглы, большею частию черноволосы, и выше ростомъ, чѣмъ здѣшніе жители; вообще замѣчено, что на югъ отсюда, къ Украинѣ *, жители дороднѣе и черноватѣе, а на сѣверъ, къ Полѣсью и въ самомъ Полѣсьѣ, коротконоги и бѣлокурѣе, съ глазами большею частию стрыми и голубыми, изрѣдка черными.

Господствующія здѣсь болѣзни суть: весною — лихорадки, лѣтомъ — кровавые поносы, осенью и зимою — горячки гнилыя и нервные. Въ 1849 году, отъ недостатка огородныхъ овощей, какъ-то: свекловицы, капусты, моркови и дру-

* Издревле Волинь раздѣляютъ на три части: отъ Кіевской и Подольской губерній до мѣстечка Любара она зовется *Украиной*; отъ Любара по рѣку Случь, протекающую въ селѣ Городищѣ — *Волинью*, а отсюда до Минской губерніи — *Полѣсьемъ*.

гихъ, истребленныхъ засухою, множество страдало скорбутомъ недѣль по 12-ти и болѣе, а многіе отъ него даже умирали. Свойствомъ климата объясняется, почему здѣсь почти все мужчины курятъ трубки. Вообще здѣшніе жители по большей части слабосильны, не столько отъ климата, сколько вслѣдствіе изнуренія отъ дѣтства физическими трудами и недостатка хорошей пищи. Ловкости и проворства здѣшніе жители не имѣютъ; хлѣбопашествомъ занимаются очень охотно.

Евреи ведутъ болѣе сидячую жизнь, и по возможности избѣгаютъ физическихъ трудовъ. Они, большею частію, чахлы и блѣдноваты; лица имѣютъ продолговатыя, глаза большіе, лобъ маленькій, носъ продолговатый; многіе изъ нихъ очень пріятной наружности, но по большей части сгорблены, блѣдны и неуклюжи. Женскій полъ нѣженъ, красивъ и здоровѣе чѣмъ мужчины. Почти все Евреи занимаются купечествомъ, ремеслами и всякаго рода промышленностью, отъ чего многіе изъ нихъ ловки и до неимовѣрности проворны, но слабосильны, и неспособны къ физической работѣ.

ЯЗЫКЪ.

Поляки говорятъ на своемъ природномъ языкѣ. Языкъ высшаго класса чистъ и правиленъ, средняго хуже, а низшаго имѣетъ примѣсь малороссійскаго.

Все вообще крестьяне говорятъ по малороссійски, примѣшивая иногда польскія слова; впрочемъ они понимаютъ и по русски.

Вотъ образчикъ здѣшняго нарѣчія:

1. «Де ты ходывъ Грицько? Бувъ у попа, щобъ похоронивъ дытыну, у мене умерла. А щожъ казавъ? Казавъ щобъ готовыты домовину и грибъ, то завтра поховае.

2. «А що, Степане, найшовъ воли или же кони? А де въ алыка! Кузка * или же поганецъ, загнавъ ажъ въ суховильщину и тамъ подеръ, или же издрапавъ лошадь.

3. «Ходимъ, Пархоме (Пароеній), до миста, тамъ купимъ мими шапку и чоботы; ты знаеся на тому, а то мене жидова ошукае.

* Волкъ. Хозяева боятся даже произнести имя хищнаго волка, чтобъ онъ имъ не мстилъ.

4. «Ходы, будь ласкавъ, Демяне, зобачь, у мене кувъ захо-
«ривъ или же заслабъ».

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Дома крестьянскіе (мужицкія хаты) почти всегда состоятъ изъ одной комнаты, рѣдко гдѣ съ чуланомъ, о трехъ окнахъ, а у нѣкоторыхъ и о четырехъ; изъ этихъ оконъ два большихъ находится у главнаго угла, а одно противъ печки, у нѣкоторыхъ же у пола. Поломъ называется у крестьянъ то мѣсто, гдѣ они спятъ; онъ составляется изъ трехъ досокъ, положенныхъ на лавкахъ или широкихъ доскахъ, идущихъ вокругъ жилища, вышиною не болѣе аршина; постель стелется только на ночь, а на день складывается въ уголь; на полу спитъ только мать или же хозяйка съ дѣтьми, а хозяинъ и всѣ мужчины ложатся по лавкамъ. Подлоги (половъ) въ хатахъ не настилаютъ; одни зажиточные кладутъ подлогъ въ сѣнахъ. У главнаго угла избы ставятъ Св. иконы подъ самымъ потолкомъ, а подъ ними въ бутылкѣ освященную Богоявленскую воду. Столы у всѣхъ о четырехъ ножкахъ; передъ ними ставятъ скамейку (осланъ). Внутри и снаружи дома бѣлится несколько разъ въ годъ бѣлой глиной, особенно передъ великими праздниками и передъ новымъ хлѣбомъ. На другой сторонѣ, черезъ сѣни, противъ избы, устраиваются амбары (коморы), гдѣ крестьяне содержатъ все свое имущество, какъ-то бѣлье и лучшую праздничную одежду, въ большихъ дежкахъ (бодняхъ или забійницахъ) съ крышами и ушами, чрезъ которыя продвѣаютъ задвижку и запираютъ ее замкомъ. Амбаръ устроивается съ подлогою и не бѣлится. Вся вообще постройка покрывается одною соломенною крышею. Въ домахъ ставятъ двѣ печки: одну для печенія хлѣба, а другую для тепла. Полатей здѣсь нѣтъ; но въ холодное время всѣ согреваются на хлѣбопечной печи. Дома строятся изъ тесаннаго соснового, ольховаго или осиноваго дерева; нѣкоторые дома строятся изърубъ, а другіе въ столбы. Въ одинъ рядъ съ домомъ строится обыкновенно дровяной сарай, а на искосокъ отъ него — сарай для свиней и птицъ. Ограда около двора и огородовъ вездѣ дѣлается изъ дубоваго частокола, очень рѣдко жердевая. Гуменники строятся вездѣ поодаль отъ домовъ. Клуна для складки и молотбы хлѣба устроивается на двухъ большихъ столбахъ (сохахъ)

съ перекладиной; вокругъ этихъ столбовъ вкапываются меньшіе столбы, которые кругомъ окладываются платвими (?); затѣмъ въ верхней перекладинѣ (крюкви) укрѣпляютъ стропила, такъ, чтобъ концы ихъ лежали на платвѣ; наконецъ приколачиваютъ латы и пришиваютъ соломенные снопки. Въ клуню насыпаютъ потомъ глинистую землю, которую выминаютъ скотомъ, убиваютъ долблями и смазываютъ чисто и гладко; когда она засохнетъ, то дѣлается крѣпка, какъ камень: это токъ, на которомъ молотятъ хлѣбъ; по обѣ стороны тока (засторонки) складываютъ хлѣбъ; по обѣимъ же сторонамъ клуни строятъ сараи для соломы, а впереди— сарай для скота, такъ что клуни съ этими сараями составляютъ квадратъ. Сарай для скота нѣкоторые обставляютъ тростникомъ, другіе же дѣлаютъ загаты, т. е. близъ стѣны заплетаютъ плетень изъ лозы, а промежутокъ между плетнемъ и стѣной плотно набиваютъ соломой. Господскіе сараи обмазываются глиною и выбѣливаются.

Садоводство здѣсь незначительно, по причинѣ песчанаго грунта земли; но въ мѣстечкѣ Корцѣ и другихъ мѣстахъ на югѣ, фруктовыя деревья разводятся удобно, въ особенности вишни, сливы и груши; растутъ и яблони, но отъ рака скоро засыхаютъ.

Здѣшніе крестьяне носятъ бѣлье холстяное, грубое, а въ праздники льняное и тоньше. Рубахи у нихъ съ пазухами на груди, простирающимися до середины живота, съ выкладными воротниками; у мужчинъ рубахи длиною по колѣни и выпускаются сверхъ исподняго платья. Подпоясываются здѣсь полоскою изъ ремня (попружками); исподнее платье (штаны) сбирается на веревкѣ (на очкурѣ). Женщины носятъ рубахи длинныя, до пятъ, спереди холстяные фартуки, а сзади за паски, родъ фартуковъ, только уже, протканныя цвѣтною волиою въ поперечныя паски. На голову мужчины по буднямъ надѣваютъ суконныя шапочки (магерки), четырехугольныя, съ околышемъ въ 4 вершка; а въ праздники шапки изъ черныхъ или сѣрыхъ крымскихъ мерлушекъ—смушъ—вышиною въ четверть аршина, съ суконнымъ или чернымъ плисовымъ верхомъ и съ разрѣзомъ сзади *. Жен-

* Мужчины бръютъ головы, и только на макушкахъ оставляютъ волосы, которыми покрываютъ бритую часть головы, спереди по лобъ, а сзади по затылокъ.

щины носятъ бѣлыя свиты (симряги), мужчины же стрыя, длиною до пять и подпоясываются красными (черчатыми) поясами, обходящими два раза вокругъ стана; кисти этихъ поясовъ спереди затыкаются. Новыя свиты надѣваются въ праздники, а *прихожанья* въ будни. Кожухи всѣ вообще шьются *набѣло*, съ поясницею, а не тулупами, какъ у Великороссiянъ; около кармановъ и вокругъ поясницы на кожахъ вышиваются, для украшенiя, цвѣточки разноцвѣтными шелками. Лѣтомъ здѣшнiе крестьяне носятъ свиты, а зимою подъ свиты надѣваютъ кожуки. Обыкновенная ихъ обувь по буднямъ — лапти изъ липовыхъ или лозовыхъ лыкъ, а въ праздники — сапоги, смазанные дегтемъ. Женщины по праздникамъ носятъ ситцевыя разноцвѣтныя сподницы и ситцевыя же бѣлыя фартуки, съ цвѣтами; у себя дома онѣ покрываютъ головы бѣлыми платками, а выходя куда-либо непременно надѣваютъ на цвѣточный чепецъ бѣлую намѣтку, съ опущеннымъ сзади хвостомъ; этотъ головной уборъ, принятый здѣсь и въ окрестности, не красивъ; въ мѣстечкѣ Корцѣ подъ намѣтку повязываютъ красный платокъ такъ, чтобъ его длинныя концы падали съ головы на оба плеча; далѣе на югъ, верстъ за 20, головной уборъ женщинъ гораздо красивѣе. Дѣвушки плетутъ волосы въ двѣ косы весьма тѣсно и въ шесть концовъ, а въ самый конецъ косы вплетаютъ снурки изъ красной шерсти (косники), длиною въ аршинъ, и на верху головы складываютъ косы въ видѣ вѣнка; косники же завязываютъ сзади; ниже косъ дѣвушки повязываютъ голову 10-ю и болѣе разноцвѣтными лентами, сколько могутъ, и прикалываютъ ихъ сзади булавкою, а концы опускаютъ до поясницы. Сзади головы, выше лентъ, онѣ накладываютъ цвѣты, лѣтомъ натуральные, а зимою искусственные, которые сами дѣлаютъ изъ кусочковъ сукна разнаго цвѣта и бѣлой губки на щетинкѣ, а сверху прилѣпливаютъ воскомъ тончайшія блестящія изъ слюды. Самыя зажиточныя дѣвушки и женщины носятъ кожуки покрытыя сукномъ (бекеши) и обновки изъ крымскихъ смушекъ; на шеяхъ носятъ какъ можно больше коралловъ и монистъ и къ нимъ прицѣпляютъ крестики и маленькіе образки. Женщины надѣваютъ на голову сперва разноцвѣтный чепецъ, потомъ *редкотканную, чрезвычайно бѣлую* намѣтку, выглаженную *каменемъ*; 2

однимъ краемъ очень плотно, а другой опускаютъ назадъ; затѣмъ складываютъ этотъ опущенный край вдвое и самый конецъ его затыкаютъ опять на головѣ, такъ, чтобы сзади намѣтка висѣла въ двѣ половины, не менѣе какъ на аршинъ.

Ежедневная пища крестьянъ, за обѣдомъ, — борщъ, въ скоромные дни съ свинымъ саломъ, иногда *затолченный*, а въ праздники съ говядиной, какая случится; въ постные же дни съ сушеными бетками (разными грибами), или съ коноплянымъ молокомъ; потомъ какая-нибудь каша съ саломъ, или съ коровьимъ молокомъ, или съ олеемъ (деревяннымъ масломъ); за полдникомъ ѣдятъ хлѣбъ съ саломъ, а въ постные дни съ лукомъ и солеными огурцами; за ужиномъ чаще всего ѣдятъ картофель, жареный или вареный, съ огурцами, приготовленными съ капустой слѣдующимъ образомъ: огурцы въ свое время крѣпко солятся; осенью, въ послѣднихъ числахъ октября, разрѣзываютъ капустныя головки на двѣ части и варятъ ихъ такъ, чтобъ онѣ только вскипѣли; по охлажденіи капусты, перекладываютъ ее солеными огурцами, посыпаютъ толченою горчицей и ставятъ въ неслишкомъ теплое мѣсто; капуста высасываетъ всю соль въ себя, а огурцы дѣлаются похожи вкусомъ на свѣже-просольные. — Въ праздники, къ борщу варятъ лапшу съ молокомъ или съ говядиной, готовятъ жаркое, блины (млинцы и вареники съ чѣмъ нибудь) и пироги — ихъ лакомство и лучшая часть ихъ стола. Къ дню Пасхи каждый непременно печетъ двѣ, три или четыре большихъ пасхи, съ крестомъ на верху, съ пряными кореньями и помазанныхъ лѣцомъ; жаритъ также поросенка и колбасу; приготовляетъ сыръ, масло, яйца и медъ, и все это приносить въ церковь для освященія. Хлѣбъ всегда пекутъ изъ чистой, ржаной, простынной муки, а къ праздникамъ лепешки (палѣнки). На поминовеніе приносятъ три книша, обыкновенно пшеничные, и кусокъ говядины.

Послѣ рожденія младенца, повивальная бабка, спрятавши ребенка и родильницу, сваряжается и тотчасъ отправляется къ священнику для молитвы, а отецъ идетъ за водкой. По возвращеніи бабки, отецъ приглашаетъ кумовьевъ, которые, взявъ дитя, отправляются для совершенія надъ нимъ таинства Св. крещенія; при этомъ новорожденному груди не даютъ, пока онъ

не будетъ окрещенъ. По совершеніи таинства посылають по всему селу просить на крестъбыны, на которыя сходятся большею частію женщины, и каждая приносить что нибудь роженицъ, какъ-то пироги или хлѣбецъ, а многія и кусокъ хлѣба; собравшіеся поздравляютъ родителей, а они ихъ за то потчуютъ водкою, которая налита въ мискѣ и ложками разливается изъ миски въ рюмки; затѣмъ подають кушанья. По окончаніи ужина, бабка подноситъ присутствующимъ по пучку зелени или цвѣттовъ, а они платятъ ей за то по 1, 2 или 3 к. сер. За тѣмъ бабку сажаютъ на тележку и везутъ въ кабакъ, а она за это должна потчивать водкою или пивомъ. Послѣ того всѣ расходятся по домамъ.

При вступленіи въ возмужалость нѣтъ никакихъ обрядовъ.

ОБЫЧАИ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

У *Езревъ*. Родители жениха сами, чрезъ другихъ, пріискиваютъ жениху невесту; пріискавъ, родители обоихъ сѣзжаются, уговариваются о приданомъ, срокъ содержанія дѣтей послѣ брака и времени бракосочетанія. Когда оно наступитъ, собираются дѣвицы и танцуютъ подъ музыку; а женихъ пріѣзжаетъ съ своими родными и сватами, и останавливается въ отдаленной квартирѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, всѣ родственницы невесты собираются, выводятъ ее на средину избы, ставятъ стулъ, кладутъ подушку и сажаютъ на нее невесту; послѣ того мать, а за нею и всѣ ближайшія родственницы, расплетаютъ, каждая по немного, косу невесты и горько плачутъ; музыка въ это время жалобно играетъ мануетъ, а одинъ изъ музыкантовъ высказываетъ невестѣ судьбу, которая ей предстоитъ: что она должна оставить отца и мать, забыть родныхъ, прилѣпиться къ мужу; какою она должна быть супругою, матерью и проч. Когда расплетутъ косу, посылають музыку за женихомъ, и съ нею вводятъ его въ домъ, гдѣ находится невеста; женихъ, вошедши въ домъ, схватываетъ покрывало (покрывку), нарочно для того приготовленное, которое держать схвахи, и накрываетъ имъ голову невесты: тутъ-то онъ въ первый разъ ее видитъ. Затѣмъ вдругъ поднимается радостный крикъ и хлопанье въ ладоши; музыка тоже измѣняетъ плачевный тонъ на радостный, а женихъ уходитъ въ двери и на него сыплютъ хлѣбемъ. Тотчасъ послѣ того нестѣ

покрываломъ обвязываютъ голову по самый ротъ, и она должна потанцовать съ каждой гостей; за тѣмъ ведутъ жениха съ музыкою, и съ его собраніемъ, къ вѣнцу *; прибывъ къ синагогѣ, раскидываютъ на четырехъ шестахъ балдахинъ, нарочно для того устроенный, и поддерживаемый четырьмя Евреями; потомъ идутъ за невестой, тоже съ музыкой; приводятъ ее подъ тотъ балдахинъ и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Тогда выходитъ раввинъ или духовный, читаетъ надъ ними молитвы, обмѣниваетъ ихъ перстни, и кладетъ подъ ногу жениху стеклянную рюмку, которую онъ долженъ разбить ногою; если женихъ попадетъ съ разу и разобьетъ рюмку, то всѣ радуются и хохочутъ; если же ему это не удастся, тогда уныло говорятъ: «ахъ вей миръ!» но женихъ долженъ дотолъ бить ногою, пока не разобьетъ рюмки.

По возвращеніи отъ вѣнца, молодыхъ отводятъ въ особенный чуланъ и даютъ имъ съѣсть жареное яйцо, разрезанное по поламъ; послѣ того угощаютъ ихъ чаемъ или кофе, а тамъ чѣмъ придется.

Женихъ и невеста непременно должны поститься передъ бракомъ до самой ночи. Бракъ совершается всегда ночью, и то подлѣ синагоги (школы), а не въ ней; ибо невестѣ, по еврейскому закону, восбраненъ входъ въ синагогу до выхода въ замужество. На свадьбахъ и всѣхъ пиршествахъ, мужчины угощаются особо отъ женщинъ.

На другой день послѣ брака свахи приходятъ къ молодой и сперва остригаютъ, а потомъ бръютъ у ней на головѣ волосы, и убираютъ такъ, чтобъ ни одинъ мужчина не могъ видѣть волосъ на ея головѣ; съ этого времени она не смѣетъ никуда явиться безъ этого убора.

Передъ бракомъ, родители обоихъ брачующихся складываютъ условленное приданое и отдаютъ его въ вѣрныя руки на проценты; молодыхъ же содержатъ ихъ родители, по очереди, въ продолженіи трехъ лѣтъ; по истеченіи же трехъ лѣтъ, увидя

* Женихъ надѣваетъ къ вѣнцу сверхъ всей одежды длинную бѣлую рубашу (которая простирается до земли) съ стоящимъ воротникомъ въ 4 вершка, вышитымъ золотомъ, серебромъ или мишурою; жениха ведутъ къ вѣнцу мужчины, а невесту женщины, держа восковыя свѣчи зеленого цвѣта. Дѣвушки никогда въ свадьбѣ неучаствуютъ.

какъ они живутъ, вручаютъ имъ придавый капиталъ съ процентами, для торговыхъ оборотовъ; до того же времени приучаютъ ихъ у себя къ хозяйству и къ веденію торговли.

У *крестьянъ*. При заключеніи крестьянскихъ браковъ мало обращается вниманіи на взаимную склонность жениха и невесты; большею частію смотрятъ при этомъ на обстоятельства, могущія служить къ улучшенію домашняго быта и имѣютъ въ виду освободить жениха отъ отдачи въ военную службу, потому что женовѣныхъ обыкновенно увольняютъ отъ отдачи въ рекруты, а ставятъ преимущественно холостыхъ, кого назначать.

Родители жениха, намѣреваясь женить сына, избираютъ двухъ сватовъ, и непременно поздно вечеромъ, или даже ночью, посылаютъ ихъ къ невестѣ, которую имѣютъ на примѣтъ, съ хлѣбомъ и бутылкою водки. Пришедши къ невестѣ, сваты начинаютъ обыкновенное привѣтствіе: «Нашъ князь, идучи мимо сего двора, назривъ слѣдъ куницы, на которой вздумавъ жиница; чи буда ласка ваша такую куницу, красную дивицу, выдаты за нашего князя молодца?» Родители невесты отвѣчаютъ имъ: «чому, колы Богу угодно буде и люде добріи нецураются: просымо садица»; тогда, посадивши, сваты приступаютъ къ невестѣ и спрашиваютъ ея согласія; невеста, какъ бы отъ души ни желала вытти замужъ за парня, котораго ей сватаютъ, никогда вдругъ не изъяснитъ согласія, а отказывается скромно и увертливо, подъ конецъ же ссылается на согласіе родителей; если и они согласны, то невеста говоритъ: «якъ батько та маты скажуть, такъ и буде». Тогда сваты наливаютъ въ рюмку водку и подносятъ невестѣ: если она приметъ и прихлебнетъ, — явный знакъ ея согласія, — то потчуютъ и родителей и всѣхъ домашнихъ, и условиваются о срокѣ сватовства.

Когда назначенный срокъ наступитъ, невеста созываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей, а вечеромъ опять приходятъ тѣже сваты съ хлѣбомъ и водкою и требуютъ отъ невесты значковъ; невеста приноситъ изъ коморы два бѣлыхъ платка, и даетъ каждому изъ сватовъ; женихъ въ это время стоитъ за воротами или подъ окошкомъ; послѣ раздачи платковъ, вводятъ и его, и сажаютъ за столъ, вмѣстѣ съ невестою. Женихъ, какъ князь, не снимаетъ шапки и сидитъ въ ней все время; сваты же потчуютъ своею водкою всѣхъ домашнихъ и гостей допьяна: водки въ этихъ

случаяхъ не щадятъ и выпиваютъ иногда больше чѣмъ на свадьбѣ; кушанье идетъ отъ невесты. Послѣ сватанья расходятся по домамъ, съ пѣснями, а сваты условливаются о времени свадьбы, и тоже съ пѣснями, возвращаются домой. За тѣмъ идутъ къ священнику, съ хлѣбомъ, бутылкой водки и курицей, просить, чтобъ онъ огласилъ бракъ въ церкви.

Наканунъ свадьбы, женихъ приноситъ невестѣ сапоги и въ нихъ нѣсколько копѣекъ денегъ, за что она даетъ ему красный платокъ, который женихъ затыкаетъ за поясъ, такъ, чтобъ оба конца висѣли по обѣ его стороны, и идетъ по всему селу звать на свадьбу; въ это время въ домъ жениха и невесты коровайницы начинаютъ лѣпить коровай (большой пшеничный хлѣбъ, съ разными на немъ прилѣпками), съ пѣснями и танцами подъ музыку; тогда же пекутъ множество подарковъ—калачей.

Въ день свадьбы, сваты и женихъ рано приходятъ къ молодой (такъ называютъ тогда невесту) съ хлѣбомъ и водкою; дружки ея, которыхъ бываетъ до пяти, сажаютъ ее за столъ; мать, пришедши, начинаетъ расплетать косы, а дружки оканчиваютъ; послѣ того мать, окропивъ вѣнецъ (вѣнокъ) св. водою, возлагаетъ на ея голову, какъ символъ сохраненія чистоты, а дружки привязываютъ вѣнокъ сверху головы и повязываютъ ленты на голову, какъ всѣ дѣвушки носятъ; цвѣтовъ же и монистъ не надѣваютъ. Въ такомъ уборѣ ведутъ невесту въ церковь, къ вѣнцу. Передъ совершеніемъ таинства, посреди церкви стелютъ утиральникъ, подъ который кладутъ по полкопѣйкѣ.

Послѣ бракосочетанія, всѣ присутствующіе идутъ къ молодой на обѣдъ и поютъ:

Да будиждь мы у церкви
Молилися Богу, Духу Святому,
И книги читали,
И двое дитокъ звинчали.

Пришедши къ дому невесты, дружки поютъ:

Выйди мати съ хаты, познавати дитяти;
Вчера было наречено, а теперь повинчано.

Мать съ хлѣбомъ-солью выходитъ на встрѣчу и вводитъ молодыхъ въ домъ; женихъ и невеста садятся за столъ, а возлѣ нея дружки. Тогда-то начинается потчиваніе водкой и обѣдъ, во время котораго дружки неумолкаемо поютъ припѣвы. Обѣдаютъ только сваты и свахи, а молодые и дружки

смотреть и поють. По окончаніи обѣда всѣ, начиная со старшаго свата, берутся за платки, идутъ на дворъ съ музыкою, и начинаются танцы, а свахи въ коморѣ накрываютъ для молодыхъ и дружекъ съ боярами столъ, и когда подадутъ кушанье, всѣ они входятъ, и тутъ уже обѣдаютъ. Послѣ обѣда женихъ съ своими отправляется домой съ пѣснями, а невеста съ дружкой идетъ по всему селу звать на свадьбу, при чемъ всякому старшему кланяется въ ноги и цѣлуетъ у него руки, а съ младшими, мушкетерами и женщинами, цѣлуются въ уста. Вечеромъ сваты, свахи—свѣтилки—приходятъ пѣшкомъ если близко, или прѣзжаютъ на телегахъ (возахъ), съ музыкою и громкими пѣснями, чтобъ было слышно на все село; прибывъ на дворъ невесты, онѣ выносятъ на дворъ столъ накрытый скатертью и бутылку воды, а мать невесты, выворотивъ козую, выходитъ на встрѣчу. Свахи тогда поють:

«Вывернула тещенька овчину!

«Да на якую причину!

«Щобъ зятеньки злякаты

«И свои дочки не даты. —

Послѣ вводятъ всѣхъ въ домъ и сажаютъ за столъ. Передъ невестою (молодою) ставятъ хлѣбъ-соль, и на него наклоняютъ ея голову, которую покрываютъ бѣлымъ платкомъ. На томъ мѣстѣ гдѣ долженъ сѣсть женихъ, садится мальчикъ, котораго сваты просятъ уступить мѣсто молодому; если мальчикъ, несмотря на просьбы, не захочетъ уступить жениху мѣсто, то ему даютъ нѣсколько копѣекъ; тогда онъ, вставая, беретъ одною рукою молодую за волосы, въ другую руку ножъ и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ отрѣзать у ней волосы; съ нимъ опять торгуются и даютъ нѣсколько копѣекъ, называя ихъ дукатами; какъ только онъ приметъ деньги, всѣ грозятъ побить его палицами, и онъ уходитъ, послѣ чего молодой идетъ за столъ къ невестѣ, снимаетъ накиннутый на нее платокъ, цѣлуетъ ее, и за это платитъ тоже нѣсколько копѣекъ. За тѣмъ начинаютъ пить водку и раздавать подарки, начиная съ священника, пана, отца, матери и всѣхъ вообще родственниковъ и почетнѣйшихъ гостей. Подарокъ состоитъ изъ куска коровья, печенаго въ субботу, у жениха. Послѣ того сваты и свахи ужинаютъ, а молодые, послѣ ужина, перѣзжаютъ къ жениху, и тутъ, послѣ плясокъ,

отводятся въ комнату, гдѣ и ужинаютъ. Свахи, пришедши, готовятъ молодую къ брачному ложу, а сами гуляютъ.

На другой день свахи опять приходятъ въ комнату, и если бракъ счастливъ, то убираютъ молодую въ бѣлую наметку, повязываютъ ей голову сверху красною лентою и выводятъ ее въ толпу веселящихся, разрѣзываютъ ея красныя ленты, раздаютъ обрѣзки ихъ, длиною вершка въ два или три, вѣтмъ присутствующимъ и привязываютъ эти обрѣзки къ наметкамъ и шапкамъ; а сваты и дружки повязываютъ черезъ плечо красныя поясы; отцу же и матери молодой пекутъ пирожки съ маковымъ стмемемъ; свахи отвозятъ къ нимъ эти пирожки съ музыкою и пѣснями и привозятъ ихъ самихъ къ новобрачному. Послѣ того сваты и свахи съ молодыми идутъ въ церковь получить вводъ и во время пути поютъ:

А у насъ овесъ расепъ, а у насъ увесъ ридъ красенъ.
Яка маты, така дочка, якъ красна калыночка.

Съ этой пѣсню ходятъ по домамъ вѣтхъ родственниковъ и участвовавшихъ въ свадьбѣ, чѣмъ она и оканчивается.

Соблюдаются при свадьбахъ и другіе обычаи, но они мало важны. Свадебныя пѣсни незанимательны.

ПОХОРОНЫ.

Обычаи при похоронахъ не представляютъ ничего особеннаго. По смерти кого-либо изъ домашнихъ, тотчасъ извѣщаютъ о томъ священника, просятъ дозволенія позвонить во вѣ колокола и пріискиваютъ, мастера которой бы могъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу. Когда все изготовлено, приглашаютъ священника и приносятъ изъ церкви крестъ и хоругви. Священникъ отпѣваетъ въ домѣ малую панихиду, окропляетъ св. водою тѣло и гробъ, послѣ чего тѣло полагается въ гробъ и выносится на дворъ. При выносѣ изъ дому обсыпаютъ гробъ ржаными стменами и на порогахъ ударяютъ имъ три раза; потомъ, по прочтеніи Евангелія, несутъ покойника на кладбище, а причетъ, дорогою, отпѣваетъ погребеніе. Послѣ похоронъ вѣ присутствовавшіе на нихъ идутъ въ домъ покойника; тутъ ставятъ на столъ вареную пшеницу съ

медомъ для благословенія, послѣ котораго всѣ съ благоговѣніемъ вкушаютъ пшеницы, а за тѣмъ пьютъ водку, ѣдятъ закуску и садятся за обѣдъ. Хозяинъ, ходя около гостей, проситъ ихъ ѣсть, словами: «поминайте», а они отвѣчаютъ «нехай Господь помяне душечку покойника». По окончаніи обѣда, всѣ расходятся по домамъ. Такъ же точно совершаются и поминки.

ОБЫЧАИ ПРИ МОРОВЫХЪ ЛАЗАХЪ И ПРИ ПАДЕЖѢ СКОТА.

Во время повальныхъ и заразительныхъ болѣзней многіе обращаются къ утѣшнѣю религіи и просятъ совершить крестный ходъ и осяятить дома. Въ болѣзняхъ крестьяне обыкновенно исповѣдаются, приобщаются Св. Тайнъ, и просятъ объ осященіи воды надъ ихъ головами, а своихъ лекарствъ неупотребляютъ, потому что есть устроенный владѣльцемъ лазаретъ, гдѣ лечитъ докторъ. Впрочемъ, многіе, заболѣвающіе воспаленіемъ внутреннихъ органовъ, прибѣгаютъ къ помощи знахорей.

ЗАНЯТІЯ И ПРОМЫСЛЫ.

По селамъ крестьяне занимаются, съ величайшимъ усердіемъ, хлѣбопашествомъ и огородничествомъ; въ мѣстечкѣ же Корца немногіе занимаются хлѣбопашествомъ; большая часть мужчинъ чинятъ овчины, шьютъ кожухи и свиты, и для сбыта ихъ ѣздятъ на ярмарки за 50 и 80 верстъ. Крестьяне продаютъ скотъ, овецъ и не многіе хлѣбъ.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛІЕ.

Оно бываетъ по праздникамъ, въ корчмахъ, куда собирается молодежь и приводитъ музыку; тутъ пляшутъ до сумерекъ, платя музыкѣ за каждый танецъ по 1 к. сер. Свадьбы и свадьбы тоже празднуются съ плясками и музыкою; другихъ занимательныхъ игръ нѣтъ никакихъ. Музыкальные инструменты, употребляемые въ здѣшней мѣстности, суть скрипка и цымбалы*, а за недостаткомъ ихъ свирѣль улаживаетъ молодежь. Забавы крестьянъ вообще состоятъ въ томъ, что во время праздни-

* Цымбалы похожи на гусли; струны ихъ приготавливаются изъ тонкаго дрота; по нимъ играющій ударяетъ двумя палочками, подѣ тонъ и тактъ скрипки.

ковъ многіе отправляются въ мѣстечки къ обѣдин, и кончивши торги, заходятъ въ корчмы и тамъ пьютъ могоричи за одѣянные покупки; оставшіеся дома, послѣ обѣдин, тоже идутъ въ корчмы, гдѣ иные просиживаютъ до вечера, потчуя другъ друга; это у нихъ и называется забавою. Если у кого случатся гости, то сколько бы не потчивали ихъ, все таки нужно пригласить ихъ въ корчмы, и все гостепріимство ни во что, если посторонніе люди не видѣли радушія хозяевъ.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

На гостепріимство, на уплату податей и на другіе домашніе расходы крестьяне пріобрѣтаютъ деньги заработками, а въ лѣсныхъ мѣстахъ, каково описываемое село, обыкновенно продажею дровъ въ м. Корцъ по нѣскольку разъ въ недѣлю; лѣтомъ многіе зарабатываютъ деньги также и рыбною ловлею. Всего же болѣе жители здѣшняго околodka зарабатываютъ вывозкою лѣсныхъ матеріаловъ къ сплавной рѣкѣ Случь, находящейся въ 6-ти верстахъ, связкою ихъ и спускомъ на рѣку. Отъ этого промысла многіе получаютъ значительныя выгоды, а бѣдные этимъ только и продовольствуются; однодворцы, мастера лѣсовые, баляри, которые выдѣлываютъ въ лѣсахъ бельки и клепку, однимъ топоромъ могутъ въ день заработать отъ 50-ти до 75-ти к., иногда же и по рублю; наконецъ держать скотъ. Всѣмъ этимъ здѣшніе жители живутъ и платятъ подати.

Главнѣйшія денежныя издержки крестьянъ, кромѣ поземельныхъ податей и денежныхъ повинностей, идутъ во-1-хъ на соль, количества которой на семью нельзя опредѣлить, потому что одна семья больше, другая меньше; притомъ же крестьяне никогда не покупаютъ соль въ большемъ количествѣ, а всегда гарницами, по 11-ти и 15-ти к. сер. за каждый, которыхъ выходитъ примѣрно до 20-ти и до 25-ти; во-2-хъ на смазку телегъ (возовъ) покупаютъ деготь (смола), тоже гарницами, по 12-ти к. сер. за каждый, и расходуютъ дегтю отъ 10-ти до 15-ти гарницевъ; въ-3-хъ, деньги на прихоти и на домашній мелкій расходъ здѣсь обыкновенно добываютъ сами хозяйки, и выручаютъ нужное продажею домашней птицы, яицъ, холста, узловъ

муки и огородныхъ овощей; въ м. Корцѣ женщина за огородныя овощи ежедневно получаетъ по 10-ти и по 15-ти к.; а та, у которой есть сады, по 40-ка и по 50-ти к. Впрочемъ половина этихъ денегъ, весьма часто, по выручкѣ ихъ, пропивается.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

Мірскія сходки, по случаю отправленія какой-либо общественной повинности или нужды, собираются обыкновенно въ корчмѣ. Старшіе хозяева разсуждаютъ, а прочіе отвергаютъ или соглашаются. Послѣ сходки непременно бываетъ попойка. Въ помѣщичьихъ селахъ старшими называются установленные помѣщиками гуманные, сотскіе, войты, осаулы. Младшіе называютъ старшихъ: *дидьку*; церковнаго старосту тоже почитаютъ старшимъ. Старшіе всегда занимаютъ почетныя, высшія мѣста, какъ въ церкви, такъ и въ собраніяхъ.

Благодаря Бога, въ нашемъ краѣ великихъ преступленій, какъ-то смертоубійствъ, поджигательствъ и грабежей почти никогда не бываетъ, и если случится здѣшнимъ жителямъ о томъ услышать, они ужасаются и крестятся, для огражденія себя отъ такихъ страшныхъ преступленій какъ отъ лукаваго; отъ меньшихъ преступленій воздерживаются также страха ради Божіа.

При раздѣлѣ имѣній и выдѣлѣ приданаго, родители распоряжаются по своему усмотрѣнію; если же нѣтъ родителей, то ихъ мѣсто обыкновенно заступаетъ компромисный судъ, или власть владѣльца.

Продажи и покупки производятся въ здѣшнемъ краю всегда въ мѣстечкахъ или городахъ, всего чаще на ярмаркахъ, и то непременно при посредничествѣ Евреевъ. Если ярмарка приходится въ жидовскій праздникъ, то ея не бываетъ и никакой продажи не производится. Чуть свѣтъ, Евреи выходятъ въ мѣстечкахъ за заставу и спрашиваютъ прѣзжающихъ, что они везутъ на продажу, задерживаютъ ихъ, торгуются и уже всегда, чѣмъ кто ранѣе прѣдетъ, тѣмъ дороже продастъ свой товаръ. Послѣ продажи покупатель непременно долженъ купить могоричь, т. е. пригласить продавца на попойку. Обыкновенія собирать на общественный сборъ деньги, здѣсь нѣтъ; если же есть какая либо надобность для церкви, или другая общественная ву-

жда, то старшіе сходятся и дѣлають раскладку на всѣхъ, а десятскіе идутъ по селу и собирають то, что опредѣлено старшими.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЕ.

Богобоязненность и честность составляютъ отличительную черту здѣшнихъ крестьянъ. Религіозность ихъ обнаруживается въ приношеніяхъ въ пользу церкви, въ вспомошествованіи бѣднымъ, въ отправленіи религіозныхъ обязанностей и въ соблюденіи постовъ. Гостепріимство во всѣхъ видно чистосердечное, преимущественно же въ отношеніи къ духовенству. Достаточные и семейные, по мѣрѣ возможности, учатъ дѣтей грамотѣ, посылая ихъ въ приходскія училища, а къ мастерамъ и мастерицамъ въ обученіе не отдають, кромѣ и. Корца, гдѣ всѣ кушперы, и учатъ своихъ дѣтей этому ремеслу.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

У здѣшняго народа почти ничего нѣтъ нововведеннаго, а воспоминается одно старинное: пѣсни, поговорки, сказки говорятъ о прошедшемъ, особенно о малороссійскомъ.

Въ день Рождества Христова молодежь поетъ подъ всѣми окнами коляду въ честь народившагося Спасителя, кто какую сѣумѣть.

Коляда поется подъ окнами только въ первый день Рождества Христова, а послѣ того только въ домашнихъ собраніяхъ, но Поляки поютъ ее до 2-го февраля, по день Срѣтенія Господня. Подъ ихъ напѣвы, музыканты играютъ коленды по домамъ богатѣйшихъ жителей.

Такихъ пѣсень есть у нихъ множество.

Въ вечеру наканунѣ Новаго Года дѣти поютъ, тоже подъ окнами, пѣсни щедрухъ, или какъ здѣсь говорятъ щедруютъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсень:

Щодрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на весь вечеръ!

А дома, дома павъ господарь? щедрый вечеръ!

А я знаю що виплє дома,
Сидить собі конець стола, педрий вечерь!
А на юмъ шуба шубаліова (вмѣсто: соболіова), шодрий вечерь!
А въ ти шуби калеточка, шодрий вечерь!
А въ ти калытоци сто червонихъ, шодрий вечерь. !
Сіюму тому по червоному, шодрий вечерь!
А намъ дѣткамъ по шеляженку, по пироженку, шодрий вечерь!
Добрий вечерь, добрымъ людямъ, на весь вечерь, добры вечерь!

Такихъ дѣтскихъ пѣсень и обычаевъ здѣсь довольно.

Хозяева даютъ дѣтямъ за такую пѣсню по куску хлѣба , или по пирожку , а болѣе достаточные по грошу.

Въ этотъ же вечерь учать молодой скотъ ходить въ упряжи и работать и обязываютъ перевеслами изъ соломы фруктовыя деревья, ходя съ пирогомъ по всему саду.

На Новой Годъ, рано утромъ, дѣти ходятъ по домамъ и посыпаютъ зерна разнаго збожья, приговаривая: «на щастье на здоровье, на новый рикъ, роди Боже жито, пшеницю, а въ запичку дѣтей копицю».

На Св. Великомученика Георгія, по выслушаніи литургіи, всѣ жители выходятъ на свои нивы, постѣянные съ осени, и качаются, чтобъ пашня не буяла, а шла въ колось и зерно,

9-го марта, празднуютъ день 40 Мучениковъ и просятъ Бога, чтобъ не было больше морозовъ.

25-го іюня молодыя дѣвушки собираются въ полѣ, собираютъ цвѣты, выютъ изъ нихъ вѣтки и разведя огонекъ бросаютъ ихъ въ огонь, или въ воду, замѣчая: куда поплыветъ или обернется вѣтнѣкъ, оттуда и придетъ женихъ. Приэтомъ онѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Черезъ наше село везено деревце, Звникее! ?

А далеко воно чуткое. Съ того деревця становлена церковця. Звникее! ?

Далеко чуткое; а въ тѣи церковци штыры оконца, Звникее! ?

Штыри оконца, штыри мисяца, штыря зирочки. Звникее! ?

Со дня Пасхи, или со дня открытія весны, до Вознесенія Господня, дѣвушки ежедневно собираются вечеромъ на улицахъ и поютъ пѣсни въ честь Володаря, освободившаго крестьянъ отъ Ляховъ и излившаго на крестьянъ свои дары.

Насыпей и кургановъ по Волынской губерніи есть вездѣ множество, но предаѣ утверждаютъ, что

это слѣды древнихъ переворотовъ и нашествія Татаръ. Признаки старинныхъ зданій тоже есть, преимущественно въ с. Городницѣ, въ 12-ти верстахъ отъ этого села на сѣверъ, надъ рѣкою Случемъ, на довольно высокой горѣ, гдѣ, какъ видно, былъ великій каменный замокъ, отъ котораго нынѣ остались только служившіе ему основаніемъ камни. Надъ тоюже рѣкою, въ селѣ Губковѣ, тоже на горѣ, былъ знаменитый замокъ; преданіе о немъ исчезло, а остались лишь различные толки.

МѢСТЕЧКО АЛЕКСАНДРОВКА *.

ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ

СОСНИЦКАГО УѢЗДА.

(Священника Г. Базилевича).

СВѢДѢНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ.

До 1794 года мѣстечко Александровка называлось селомъ, а въ этомъ году, по утвержденіи здѣсь, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, торговъ и ярмарокъ, оно названо мѣстечкомъ. И теперь еще есть въ живыхъ люди, которые сами ѣздили по окрестнымъ селеніямъ съ повѣсткой приглашать стороннихъ жителей въ Александровку на ярмарку въ день

* Мѣстечко Александровка лежитъ на С. З. отъ уѣзднаго города Сосницы, и находится въ З. части Сосницкаго уѣзда. Изъ пятнадцати мѣстечекъ или слободъ и деревень, упоминаемыхъ въ описаніи, только Чернотичи находятся въ восточной половинѣ уѣзда; всѣ же прочія въ западной. Самые отдаленныя отъ мѣстечка Александровки поселенія, изъ названныхъ здѣсь суть: на С. Перелюбъ и Наумовка, а на Ю. Макошинъ и Кутанчи. Остальныя разбросаны около Александровки, въ Западной же половинѣ Сосницкаго уѣзда. Прим. Ред.

Пятидесятницы. Но при первомъ же прїѣздѣ людей на ярмарку, одна изъ здѣшнихъ владѣлицъ, теперь уже умершая, начала взъ-скивать слишкомъ высокія мѣстовыя пошлины, и съ тѣхъ поръ ярмарка эта, съ самаго же появленія ея, навсегда прекратилась. Даже и теперь, когда въ прочихъ селеніяхъ возникли новыя ярмарки *, здѣшняя невозобновляется. А торги въ каждую пятницу бываютъ и нынѣ. Здѣсь продается всякаго рода глиняная посуда, соль, перецъ, инбирь, цитварное сѣмя, кармазинъ и мелкій красный товаръ. Мѣстовыя пошлины, по одной к. сер. съ воза, взимаются и теперь.

Языкъ здѣсь нечисто малороссійскій, а представляетъ смѣсь литовскаго (не польскаго ли?) съ малороссійскимъ. *Число жителей* въ мѣстечкѣ Александровкѣ, при двухъ церквахъ, мужеска пола 1,361, женска 1,423 души.

Происхожденіе свое Александровка ведетъ отъ какого-то Александра, поселившагося первоначально близъ деревни Верхолъсья. Верхолъсскіе жители, желая почитать его, обыкновенно говаривали: «хадимъ да Лександра». Такъ въ послѣдствіи времени возникла въ ихъ сосѣдствѣ Лександровка, а писать ее стали Александровкою.

Что деревня Верхолъсье, находящаяся въ одной верстѣ отъ Александровки, дѣйствительно древнѣе послѣдней, объ этомъ и теперь сохранилось преданіе у старожилонъ-казаковъ; но годъ, мѣсяцъ и число происхожденія ея неизвѣстны. Только мѣстоположеніе доказываетъ, что Верхолъсье селилось подъ лѣсомъ **, при истокѣ рѣки Мены, какъ обыкновенно прежде люди селились при рѣкахъ; а Александровка, напротивъ того, поселена какъ будто на время, при колодезѣ. Отъ того и теперь почти во всякомъ дворѣ есть колодезь.

Здѣсь помнятъ древнюю казацкую службу, когда казаки служили дома, учились военному искусству дома, и не дальше, какъ въ семи верстахъ, въ селѣ Киселевкѣ, имѣли свою Сотню. Оружіемъ служилъ имъ списъ, или пика (копье и топоръ

* Въ мѣстечкѣ Синявкѣ, въ 12-ти верстахъ отсюда, учреждена ярмарка въ 1844 году; также и въ селѣ Перелюбѣ.

** Эта деревня названа *Верхолъсьемъ* отъ того, что верхи лѣсовъ этой деревни видны издалика.

вмѣстѣ); главною принадлежностью казака была лошадь. Въ селѣ Ольшаномѣ, Волянкѣ и Чернотичахъ были, говорятъ, особыя Сотни или Сотѣнцы, которыя памятны здѣсь потому, что онѣ приносили нѣкогда Правительству жалобу на Александровскихъ и Верховтѣскихъ казаковъ за то, что послѣдніе, будучи богаты лѣсами *, недопускали ихъ, сотенцовъ, рубить въ дачахъ своихъ дрова для топлива и освѣщенія. По этому Правительству и отвело жалобщикамъ часть лѣса въ Александровскихъ дачахъ близъ Тютюнниковой слободы, а Александровскимъ казакамъ, въ замѣнъ того, — луга за селомъ Куковичами, Сосницкаго же уѣзда. Говорятъ, что и нынѣ нѣкоторые помнятъ, какъ на этихъ лугахъ паслись древнія казацкія лошади. Но Сотенцы выпустили уже отведенные имъ Правительствомъ лѣса изъ своего владѣнія въ стороннія владѣльческія руки, а луга за Куковичами находятся и теперь во владѣніи Александровскихъ и Верховтѣскихъ казаковъ; только луга эти, въ послѣдствіи, раздѣлились на четыре части, называемыя *куреньями*. Каждый курень носить особое названіе отъ древнихъ Александровскихъ казаковъ, а именно: курень Зарѣцкихъ, курень Коржовъ, курень Зайцовъ и курень такъ-называемый Верховтѣскій. Каждый курень имѣетъ на 30 человекъ стенокоса и небольшое количество пахатной земли. Всѣ они отдаются теперь въ наймы стороннимъ лицамъ, а деньги, отъ найма выручаемыя, поступаютъ въ уплату податей съ казаковъ. Эти курени находятся за тридцать верстъ отъ Александровки, за селомъ Киселевкою, Величковкою, мѣстечкомъ Меною и селомъ Куковичами.

Александровка примѣчательна по двумъ древнимъ Царскимъ дорогамъ, между которыми она находится. Изъ этихъ двухъ дорогъ, одна, къ Ю., называется *Царскимъ шлѣхомъ* и идетъ отъ Чернигова чрезъ мѣстечко Синявку и Киселевку въ Новгородъ-Сѣверскъ. Этою дорогою проѣзжала вѣчной памяти достойная Императрица Екатерина II, въ такъ-называемый здѣсь, по неурожаю хлѣба, дорогой годъ. Другая дорога, къ сѣверу, и гораздо древнѣй-

* И теперь, отъ избытка лѣса, постройка въ Александровкѣ лучше, нежели въ другихъ селеніяхъ; но тѣмъ, что внутри построекъ, Александровка бѣдѣе другихъ.

ная, идетъ отъ Чернигова чрезъ село Низковку и Каруковку; также въ Новгородъ-Сѣверскъ. На этой дорогѣ въ дачахъ Александровскихъ находится такъ-называемая *Королевая гребля*; то-есть Королевская гать или плотина. Говорятъ «проѣзжалъ ею Король», — вѣроятно Польскій, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, до 1667 года, когда Черниговъ находился еще въ подданствѣ Польши. Многіе изъ здѣшнихъ жителей видѣли, что на этой Королевой греблѣ еще торчали мостовыя пали; обветшалыя отъ давности дѣтъ; теперь онѣ уже ведушество-
ють, но имя Королевой гребли и теперь еще сохраняется въ народѣ. Къ западу отъ Александровки нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ мѣстечка Синавки, гдѣ каждую субботу бывають весьма хорошіе торги хлѣбомъ и разными хозяйст-
венными издѣліями, также грибами и краснымъ товаромъ. Къ востоку замѣчательно одно болотистое мѣсто, называемое *Гале*. Въ немъ полагать можно примѣрно болѣе десяти десятинъ. Любопытно это мѣсто потому, что доселѣ не изслѣдовано, отъ чего на немъ родится трава, которую не ѣстъ скоть, тогда какъ траву, растущую на всѣхъ прочихъ болотахъ, онѣ ѣдятъ охотно. Люди не заботятся объ этомъ болотѣ, и скоть, какъ бы голодѣла, ни былъ, не ѣстъ сятаго съ него сѣна, и даже травы. Кругомъ трава побита; а Гале какъ будто кто охраняетъ: тутъ трава цѣла! Скоть даже никогда не ходитъ по Гале, развѣ только въ первые дни весны, когда на немъ начинается появляться трава, которая здѣсь называется «смычай черноголовый»: въ это время, и то рѣдко, какъ говорятъ Верхолѣсцы, «рогатый скоть походитъ по Галу»; а послѣ оно остается неприкосновеннымъ, и одѣ только птицы, крачки, водятся въ немъ. Мѣсто это отъ Александровки въ двухъ верстахъ, а отъ Верхолѣска въ одной верстѣ, почти въ лѣсъ, въ правой сторонѣ отъ дороги, называемой здѣсь *военною*, потому что по ней проходили войска.

Не доходя отъ Военной дороги до болотнаго мѣста, есть возвышенность, похожая на могилу, которая называется *Батушкой*. Преданіе гласитъ, что тутъ погребенъ батуриискій житель, стяжатель излишней земли; но говорятъ объ этомъ различно. Одни утверждаютъ, что житель этотъ договорился съ другимъ человекомъ обжечь въ очень короткое время болото Гале, съ тѣмъ, чтобы оно ему досталось, и недобъ-

жизнь до дороги, упалъ и умеръ на мѣстѣ, прозванномъ Батуркой; отъ того Гале считаютъ мѣстомъ заклятымъ, и для скота негоднымъ. Другіе же, шестидесятилѣтніе грамотные люди, по преданію отцевъ, рассказываютъ иначе, но неправдоподобно, будто въ самомъ мѣстечкѣ Батурино, во время Гетманщины, одинъ Батуриискій житель просилъ себѣ земли у князя Гетмана, проживавшаго тамъ же въ Батурино. Этому просителю определено будто было дать земли столько, сколько онъ безъ отдыха пробыжитъ. Проситель былъ такъ силенъ, что пробывъ жалъ, безъ отдыха, отъ Батурина за деревню Верховолье (болѣе 40-ти верстъ); тамъ, близъ военной дороги, около Галаго, упалъ, и, падая, еще протягивалъ вдалѣ правую руку, и кидая ее на землю, говорилъ: «и се ище мое», но съ этимъ словомъ умеръ, ничего не получивши. Послѣ этого, надъ нимъ сдѣлана высокая насыпь или могила, называемая Батуркой. Нынѣ каждый мимоидущій или вѣдущій обязанъ бросить что нибудь на эту могилу, какъ бы въ утоленіе алычности покойнаго. Эта могила теперь уже значительно обрушилась, но все еще весьма замѣтна, и извѣстна не только старому и малому: извѣданнымъ жителямъ, но даже и чужесельцамъ, потому что, идя мимо, нельзя незамѣтить на ней всякаго рода накиды, какъ-то: сѣна, соломы, щепокъ, старыхъ лаптей, одежды и тому подобнаго, что только можно бросить. Отсюда и вошло въ народъ въ обычай, когда кто бросить что нибудь на другаго, говорить: «шо ты на мене кидášшь? Ничѣ (какъ будто) на Батурку!»

СВѢДѢНІЯ ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ.

Пословица о Батуркѣ напоминаетъ другую поговорку, которая, смотря по тону, какимъ произносится, имѣетъ разныя значенія. Въ простомъ народѣ старые и малые говорятъ здѣсь весьма чисто: *атожъ!* Произнесенное въ веселомъ расположеніи духа оно означаетъ подтвержденіе; въ этомъ случаѣ удареніе переносится обыкновенно съ *о* на *а*, и говорится: *а́тожъ!* — Но кто говоритъ «атожъ» съ досадою и съ неудовольствіемъ, тотъ переноситъ удареніе съ *а* на *о*: *а́тожъ*; это слово въ такомъ случаѣ означаетъ отрицаніе. Напримѣръ, если вы спросите взрослого человека: «эта ли дорога до Чернигова?» — онъ

вамъ скажетъ весело : «а́тожъ» ! — Это значить : да ! такъ-точно ! но еслибъ вы спросили : пойдёшь ли ты въ городъ, а онъ вамъ скажетъ съ неудовольствіемъ : «а́тожъ», и при этомъ еще сдѣластъ движеніе головою, то значить, что онъ вдвойнѣ отрицаетъ. Если же на вопросъ : «пойдешь ли въ церковь?» онъ скажетъ съ удовольствіемъ одно только : «а́тожъ!» то это значить всё равно, какъ бы онъ отвѣчалъ : какъ же пойти? пойду непременно ! — Забавнѣ всего, когда скажешь ребенку : «пойди ко мнѣ!» а онъ угрюмо отвѣчаетъ на распѣвъ : «а-то-жъ!» то-есть нехочу. Скажите ему : «сдѣлай вотъ это!» онъ отвѣтитъ съ неудовольствіемъ : «а́тожъ ! буду !» — это всё равно, что : не буду ! — Но если сказать ему : «дать тебѣ вотъ-это?» онъ кратко скажетъ : «а́тожъ!», и при этомъ будетъ радъ, это значить : дай !

Гдѣ найти въ русскомъ языкѣ другое слово, которое бы служило и отрицаніемъ и вмѣстѣ подтвержденіемъ, какъ Александровское : а́тожъ?

Другая отличительная черта Александровца та, что онъ не говоритъ о себѣ «я», а всегда «мы». — «Оцѣ мы приплы до тебѣ, батюшка! — дитя вмерло!» — такъ обыкновенно объявляетъ священнику Александровецъ о смерти своего дитяти. Но если спросить его: отъ какой болѣзни оно умерло? на это онъ отвѣчаетъ: «не скажу, батюшка!» то-есть не знаю. *

Разговаривая между собою, казаки почти всегда говорятъ другъ другу «вы». Даже и помѣщицѣму крестьянину они говорятъ *вы*, а не *ты*: «чи вы не знаете, дома павъ?» Но въ присутствіи самаго пана, или владѣльца, они говорятъ ему *ты*: «ты, добродію!»

Старые люди имѣютъ слѣдующій, весьма похвальный обычай: какъ бы они ни были раздосадованы въ своемъ семействѣ, или посторонними людьми, они никогда не употребятъ неприличнаго ругательства. При крайнемъ огорченіи они говорятъ тому, кто ихъ разсердилъ: «лихо батьку!», и никогда не прибавятъ: «твоему». — По ихъ мнѣнію, для досадителя нестерпимая обида, а для обиженнаго непростительный

* «Батюшкою» обыкновенно называютъ молодаго священника; а стараго зовутъ: «паночемъ», то-есть; павъ-отче.

грѣхъ указывать на такого-то покойника, или отца. Потому-то они неопредѣлительно говорятъ только: «лихо батьку!»

Также похвальны и другіе обычаи Александровскихъ жителей. Каждый хозяинъ, или домоправительница, невидимо сохраняютъ въ своемъ домѣ три священныхъ предмета, а именно: крестъ, артосъ и святую воду. Крестъ хозяйки пекутъ сами изъ кислаго хлѣбнаго тѣста въ средопостье (на крестопоклонной недѣлѣ, въ среду); этотъ день обыкновенно называется: **Хрестье**.^{*} Крестъ засушиваютъ и цѣлый годъ онъ лежитъ въ анбарѣ на житной мукѣ, изъ которой пекутъ хлѣбъ. Артосъ ежегодно получается въ церкви отъ священника въ артосную недѣлю; по вкушеніи онъ также засушивается, и хранится въ жилой избѣ или за иконами, или въ такъ называемой здѣсь круглой боднѣ съ крышкою, употребляемой вмѣсто сундука. Св. вода сперва приносится въ домъ изъ церкви 5-го января, съ навечерія Богоявленія, и называется «вечернею водою». Затѣмъ на самое Богоявленіе опять приносится вода, по освященіи ея близъ Верхотѣся на водѣ, или въ Александровкѣ, близъ колодезя, и называется просто «Богоявленскою водою». Эта вода смѣшивается съ первою; послѣ же она смѣшивается съ водою, освященною на житахъ 23-го апрѣля, въ Юрьевъ день, и съ водою, освященною въ церкви 1-го августа, въ день Маккавѣевъ. Святая вода хранится въ погребѣ, гдѣ варено. Эти три священные предмета тщательно сохраняются хозяевами, и когда во дворѣ родится какое либо животное, или птица, то хозяйка кропитъ новорожденное святою водою; крестомъ же хозяинъ, въ день Богоявленія, самъ освящаетъ всю постройку въ домѣ, и то мѣсто въ пунѣ, или въ клунѣ, гдѣ хранится жито. Съ крестомъ и артосомъ въ лѣвой рукѣ хозяйка выгоняетъ въ первый разъ весною скотъ на пашню, окропивъ оный предварительно святою водою, а въ правой рукѣ непремѣнно держать въ такихъ случаяхъ вербу, полученную въ вербную недѣлю въ церкви отъ священника и, подгоняя ею скотъ, говорить: «иди себѣ съ Богомъ!» Съ крестомъ и артосомъ хозяинъ выходитъ также въ первый разъ весною орать поле, или какъ здѣсь говорятъ: за-

^{*} Въ этотъ день—на Хрестье—стютъ въ огородѣ, обыкновенно по сѣгу, макъ, и онъ хорошо родится.

орувать; также съ ними идетъ онъ въ первый разъ съять. По возвращеніи онъ долженъ крестъ и артосъ положить въ свое мѣсто. По истеченіи года, когда на Хрестѣ печется новый крестъ изъ кислаго тѣста, старый сухой крестъ размачиваютъ въ водѣ и съѣдаютъ; прежній артосъ также съѣдаютъ по принесеніи новаго изъ церкви въ артосную недѣлю, и всегда съѣдаютъ его прежде новаго; оставшуюся же святую воду даютъ допивать 5-го января дѣтямъ, которыя не въ силахъ поститься въ такъ-называемую здѣсь голодную кутью, то-есть до навечерія Богоявленія; а если останется вода и отъ дѣтей, то ее выливаютъ въ колодезь; говорятъ, что нѣкоторыя старушки сохраняютъ ее надолго.

Сверхъ того, въ *Новый Годъ* (1-го января) люди собираются къ литургіи во множествѣ, благодарить за прошедшее лѣто и благословиться на наступившее; а мальчишки, еще до обѣдни, ходятъ въ этотъ день къ лучшимъ хозяевамъ и поздравляютъ ихъ съ Новымъ Годомъ и праздникомъ Василя Великаго, причемъ приносятъ съ собою всякія сѣмена, смываютъ ихъ и, засывая ими полъ, приговариваютъ:

Зароди, Боже,
Жито пшеницу,
Всяку пашницу!

Будьте здоровы, съ праздникомъ и съ Новымъ Годомъ!

Здѣсь соблюдается также интересный *обычай* ходить въ день Рождества Христова съ *звѣздою*; грамотные казаки дѣлаютъ изъ бумаги кругообразную, двойную звѣзду, такъ чтобы между обѣими половинами ея оставалось пустое пространство; на каждой половинѣ рисуютъ человѣческій образъ съ сіяніемъ, и всю бумагу вымазываютъ коноплянымъ масломъ; потомъ звѣзду высушиваютъ и ночью ставятъ внутри ея горящую свѣчу, такъ что рисунокъ выказывается весьма ярко. Этотъ круглый рисунокъ или звѣзда утверждается на шпиль, такъ, чтобы она могла двигаться или вертѣться около шеста. Съ такою звѣздою поютъ подъ окошками слѣдующую псалму:

Шедше тріе Цары,
Ко Христу со дары;
Иродъ ихъ пригласивъ, куда идуть? испросивъ 2 (*повторяютъ два раза*).
Отъѣзжая ему:
«Идѣмъ къ Рожденному!»

Къ Рожденному идите и минн возвѣстите; 2
Азъ шедъ поклонюся,
Предъ Царемъ смирюся,
Воздамъ честь обычну, Царевн приличну. 2
Ангелъ къ нимъ явился:
Де Христосъ родився,
Тамо идѣ и звѣзда; здѣ обрящете Христа! 2
Звѣзда идетъ чудно,
Съ Востокъ на полудно,
Надъ вертепомъ сіяе, Христа Цара являе. 2
Ангели вѣщаютъ,
На путь наставляютъ :
Инымъ путемъ идите, ко Ироду неидите. 2
Волѣмъ возвратившись,
Въ Ирода не бывши,
Восплѣтъ возвратишася, неволѣтъ трудишася. 2
Пришли въ странѣ свой,
Христа славослова,
Чають въ неби житы, на вѣки служити. 2
Слава жъ, ти, Рожденный!
Въ ясляхъ положенный!
Прими, Христе! человеки, во вѣчны во вѣки! 2

Поютъ также и слѣдующую пѣснь, называя ея псалмою:

Нова радость стала,
Яка не бывала;
Надъ вертепомъ звѣзда ясна свиту возсіяла! 2
Де Христосъ родився,
Зъ двѣмъ воплотився,
Тамъ чловѣкъ плеснами предъ Богомъ повився; 2
Де Царъ Давидъ пребываетъ,
На вси струны ударяе.
На вси струны ударяе, Бога выхваляе. 2
Пастушки зъ агнѣтками
Передъ тымъ дитяткомъ
На колыбельхъ упадаютъ, Христа прославляютъ. 2
И мы веселимся,
Христу поклонимся
Яко Цару Рожденному, Богу небесному! 2
Просимъ о тея, Цару!
Небеснѣйшій хвалу!
Пошли лѣта щастивныя сему господару! 2

Последнимъ словомъ указъ — они на того хозяина,
подъ окошкомъ, кот — гъ, хочетъ что-
бы они пропѣли : поютъ:

Дай же, Боже, вечеръ добрый!
Вамъ, Божіи люде,
Хто въ симъ доми пребываетъ
Нехай здоровъ буде!
Щось вамъ скажутъ и объявятъ
Охотно почуйте:
Богъ, Владыка
Всего вика,
Пришовъ днесъ къ намъ жити;
Архангелы и Ангелы
Писнь Ему воспеваютъ;
Согры (горы) скачутъ, холмы пляшутъ,
Весь свѣтъ веселятъца.
Часъ намъ радости и сладости,—
Чего намъ смутытъца?
Торжествуйте, ликовствуйте, весь міръ—человики!
Восхвалите, прославите Христа во вся вѣки!

Свѣтлое Христово Воскресеніе празднуютъ здѣсь тихо и чинно. Въ этотъ день нѣтъ злобы; всѣ христосуются въ семействѣ и съ сторонними людьми, а суетливая мать не можетъ пошумѣть даже и на нескромныхъ мальчишекъ; въ противномъ случаѣ мужъ тотчасъ сдѣлаетъ ей такое замѣчаніе: «Таки сей день хоть можно стерпеть таби» — ... Въ этотъ день приносятъ въ церковь до обѣдни «на цвынтаръ», или на паперть святить пасхи, приготовленныя гораздо лучше обыкновенныхъ куличей, а именно: здѣсь пекутъ круглыя хлѣбы, выше обыкновенныхъ, пшеничныя (изъ домашней пшеницы), или же ситныя; на каждомъ изъ нихъ непременно выложенъ изъ тѣста крестъ; верхняя часть хлѣба желтится инбиремъ, смѣшаннымъ съ водою, что придаетъ ему отличный видъ. Кромѣ пасхи обыкновенно святится соль, крашенныя яйца, колбасы, и непременно жареный поросенокъ, съ хрѣномъ въ зубахъ. По прибытіи домой, вкусивъ пасхи, тотчасъ ѣдятъ немного хрѣну, приговаривая: «укусить себѣ не много хрѣну, щобъ глисты замерли!»

День Сошествія Святаго Духа, или Пятидесятницы, также празднуется здѣсь отлично весело, быть можетъ потому, что Пятидесятница здѣсь храмовый праздникъ. Въ избѣ и на дворѣ ставятъ въ этотъ день зеленыя деревья и постилаютъ траву. На другой день Пятидесятницы, въ праздникъ Св. Троицы, прино-

сятъ въ церковь къ литургіи цвѣты и всякое душистое зѣлье, которое священникъ, во время обхода съ процессіею вокругъ церкви послѣ обяди, окропляетъ святою водою; при этомъ случаѣ каждый старается поднять свое зѣлье поближе къ священнику, для того чтобы оно непременно было окроплено. Всѣ поднимаютъ свои цвѣты и зѣлья вверхъ, какъ бы предупреждая одинъ другаго, такъ что въ это мгновеніе священника почти невидно за поднятыми кругомъ его зѣльями. По принесеніи въ домъ, зѣлья высушиваются и, въ случаѣ чьей либо смерти, кладутся въ гробъ, подъ голову покойника.

Праздникъ Успокоевія Честной Главы Предтечи (29-го августа) празднуется, напротивъ того, уныло. Въ этотъ день многіе ничего неѣдятъ до вечера, другіе же даютъ обѣтъ поститься въ этотъ день, напр. чтобы быть здоровыми и т. п.

Празднованіе Воздвиженія Честнаго Креста (14-го сентября) замѣчательно здѣсь тѣмъ, что изъ-подъ креста берутся изъ церкви васильки, для укрощенія припадковъ, бывающихъ у младенцевъ. Обыкновенно кладутъ эти васильки больному подъ плечи и по вѣрѣ бываетъ облегченіе.

Равнымъ образомъ и верба, взятая въ церкви отъ священника въ Вербную недѣлю, имѣетъ, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, излѣбную силу. Въ случаѣ испуга дѣтей, ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ пить съ водою. Свячка, которая въ Вербную утрению недогоритъ на вербѣ, приносится домой и кладется въ льняныя стѣлны; съ этимъ огаркомъ съжигаютъ дѣтей, вѣруя, что молнія не прибьетъ льна.

Страстною свѣчою окуриваютъ здѣсь также «причинныхъ» или припадочныхъ. Во время грозы ее зажигаютъ и ставятъ на столъ, покрытомъ бѣлою скатертью.

Въ день Преображенія (6-го августа), кромѣ плодовъ, освящается еще крестъ, сдѣланный изъ житныхъ колосьевъ или вѣнокъ, для перваго житнаго посѣву, и святится новый медъ въ стѣльникахъ.

Въ день Благовѣщенія закармливаютъ въ первый разъ пчелъ благовѣщенскою просфорою, взятою въ этотъ день на всенощномъ бдѣніи.

Юрьевъ день (23-го апрѣля) празднуется въ старомъ и новомъ. Всѣ, и старый и малый, и

церкви, вмѣстѣ съ духовною процессією, прямо на житное поле; тамъ одинъ изъ хозяевъ предварительно ставитъ на своей ближайшей нивѣ столъ, постилаетъ на немъ бѣлый покровъ и кладетъ хлѣбъ и кусокъ соли, около же стола приготовляетъ воду въ сосудѣ, для освященія; къ этому мѣсту приводитъ онъ всю духовную процессію, неся самъ впереди храмовую икону, или икону Св. Георгія. Подъ столомъ въ это время бываетъ скрыта трапеза съ виномъ, которую ѣдятъ уже по вкушеніи всеми освященной здѣсь воды и по окропленіи житныхъ полевовъ. За тѣмъ расходятся до обѣда. Послѣ обѣда каждый хозяинъ съ своими пріятелями опять идетъ въ поле смотрѣть свой житный посевъ; они также несутъ питье и закуски; а молодежь собирается особо толпами и тутъ бываетъ музыка, пѣсни и прочее.

Въ Ооминъ понедѣльникъ не поютъ уже никакихъ пѣсень, а только очень часто говорятъ: «вѣчная память умершимъ». Каждый хозяинъ куритъ у себя въ избѣ ладономъ, кладя его на горяшіе уголья. Послѣ Свѣтлой недѣли, во время которой трезвонятъ во все колокола, въ Ооминъ понедѣльникъ колоколь уже уныло зоветъ всѣхъ къ вечерни, и каждый хозяинъ или хозяйка несетъ въ церковь къ вечерни четыре теплыхъ хлѣба за умершихъ; эти хлѣбы называются панихидою; кромѣ того, хозяинъ несетъ съ собою восковую свѣчу, не много ладону и небольшой сосудецъ съ медомъ, и еще до вечерни даетъ причетникамъ вписать вновь умершихъ въ принесенную имъ поминальную книжицу. Послѣ вечерни отправляется въ церкви, по всѣмъ усопшимъ, общая положенная по Уставу панихида, на которой воспоминаются священникомъ всѣ умершіе, по имени. Потому-то этотъ день и называютъ *поминальнымъ* понедѣльникомъ.

Вторникъ Ооминной недѣли называютъ *проводами*, тогда какъ у Велико-Руссовъ праздникъ Воскресенія Христова проводятъ на могилки, для возвѣщенія воскресенія и мертвымъ, въ понедѣльникъ. Проводами, называютъ здѣсь вторникъ Ооминной недѣли въ память того, что по воскресеніи Спасителя воскресли вмѣстѣ съ Нимъ и нѣкоторые изъ мертвыхъ *. Въ этотъ

* На этомъ основаніи въ понедѣльникъ вечеромъ сперва поминаются умершіе, а уже послѣ, во вторникъ, провожаютъ ихъ на могилы.—Проводы

вторникъ, а не въ понедѣльникъ, отправляется обыкновенно литургія о умершихъ, и послѣ обѣдни каждый хозяинъ идетъ на могилу своихъ родныхъ, и тамъ читаетъ: «Христосъ воскресъ» (трижды), «Оче нашъ» и «вѣчную память умершимъ!» Затѣмъ, разумѣется, бываетъ угощеніе приходящимъ на могилу. Нѣкоторые зовутъ и священника.

Дѣлаютъ также поминація третинныя (послѣ смерти въ 3-ій день), девятинныя (въ 9-ый день), шестинедѣльныя (въ 40-ый день) и въ особенности годовыя, по давно умершимъ. Последнее бываетъ довольно веселое за обѣдомъ, потому что здѣсь отправляется служеніе и о здоровіи живыхъ.

Поминаютъ также мертвыхъ во весь Великій постъ по средамъ и пятницамъ до страстнаго четверга, но безъ панихиды. Панихиды служатъ обыкновенно въ недѣлю передъ Вознесеніемъ*, въ субботу передъ зеленой недѣлей, или Пятидесятницей, и осенью въ три субботы, изъ коихъ первая называется Дмитріевой, передъ 26-мъ октября, вторая Козьминой, передъ 4-мъ и третья Михайловской, передъ 8-мъ ноября. Всѣ эти субботы называются *дпды*.

Въ Александровкѣ отправляются также молебны о здоровіи живыхъ въ первый воскресный день по новолуніи; ходятъ для здоровія въ Петровъ постъ *на богомолье* въ Кіевъ за 150 верстъ, въ Рыхловскій и Домницкій монастыри и, кромѣ того, въ село Макошинъ, на поклоненіе Чудотворной иконѣ Божіей Матери; наконецъ, тѣ изъ молодежи, у кого болятъ глаза или голова, ходятъ, какъ обыкновенно говорятъ, до *Криници*. Криница находится въ 15-ти верстахъ отъ Александровки, близъ села Наумовки, Сосницкаго уѣзда, въ экономіи помѣщика Милорадовича, называемой *Каруковскою*, и есть нечто иное, какъ ключъ чистой и холодной воды; сначала онъ былъ обведенъ срубомъ, но въ послѣдствіи, по причинѣ стеченія народа, здѣсь устроена каплица въ видѣ часовни, и въ ней поставлены иконы. Чтенія здѣсь не бываетъ никакого; приходящіе въ часовню, обыкновенно въ первый воскресный день по новолуніи, при-

празднику Воскресенія Христова дѣлаютъ здѣсь въ среду предъ Вознесеніемъ, что, кажется, правильнѣе.

* До *Вшестья*, то-есть до Вознесенья, каждый хозяинъ вѣнчаетъ себя въ обязанность служить панихиду.

носятъ съ собою свѣчи, зажигаютъ ихъ передъ иконою, и кладутъ поклоны; затѣмъ умываются криничною водою, берутъ ее въ сосуды и уходятъ домой. Криница, по вѣрованію здѣшнихъ жителей, имѣетъ цѣлебную силу для глазъ.

Къ числу повѣрій должно отнести, что въ пятницу Александровскіе казаки не орутъ, а семейства ихъ не работаютъ. Въ первый разъ идутъ въ поле орать, или, какъ здѣсь говорятъ, *заорывать*, и въ первый разъ зажинать жито и заламывать табакъ—при старомъ мѣсяцѣ, или при старолуніи, и притомъ въ такіе дни, въ кои не случалось праздниковъ Благовѣщенія, Срѣтенія и т. п. Говорятъ, что, въ противномъ случаѣ, будетъ что нибудь неладно: непременно кто либо заболитъ изъ людей, или скота, или измоается что либо изъ земледѣльческихъ орудій.

Есть также повѣрье, что въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли и на самой зеленой недѣлѣ въ среду и четвертокъ, не должно ничего дѣлать. Четвертокъ этотъ называютъ «сухимъ четвергомъ»; въ это время нельзя даже полоть въ огородѣ, ни шить въ избѣ. А почему? на это отвѣчаютъ: «боимся русалокъ, чтобы насъ не задавили.» Повѣрье о русалкахъ почти повсемѣстное; здѣсь въ простомъ народѣ рассказываютъ объ нихъ слѣдующее:

Русалки не иное что, какъ люди; умершіе на зеленой недѣлѣ, женщины и мужчины. Кто въ сухой четвертокъ или въ среду, или въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли работаетъ, на того онѣ нападаютъ въявь или во снѣ и мучатъ, именно лоскочатъ (щекочутъ), щиплютъ, кусаютъ, водятъ въ житахъ, болотахъ и заставляютъ съ собою танцовать, а играютъ на языкѣ. Если между русалками случится родственникъ того, который работалъ въ заповѣдные дни, то онъ защищаетъ виновнаго и не позволяетъ вѣстимъ надъ нимъ издѣваться.

Это странное повѣрье уже слабѣетъ. Нынѣ досталось мнѣ въ первый разъ спрашивать объ этомъ старуху, болѣе другихъ уважаемую въ своемъ кругу, и она увѣрила меня, что ея ятровка (жена ея деверя) видѣла этихъ русалокъ, и онѣ чуть-чуть ее не задавили за то, что она мыла бѣлье въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли. Гдѣ и какимъ образомъ случилось это съ нею? спросилъ я.—Она спала въ сѣняхъ, отвѣчала старуха, около окна, и въ это окно русалки тянули ее съ

визгомъ и щипали. Но вдругъ затрубило что-то въ трубу и русалки сказали: ну счастливъ же твой Богъ, что нашъ старшій затрубилъ въ трубу! А то не быть бы тебѣ живой! Тыбѣ знала, «какъ платье отжимать у панедилокъ».

Есть также повѣрье, что нѣкоторые портятъ людей такъ-называемымъ даньемъ *, то-есть: злые люди, потчуя въ бѣдѣ горькою, даютъ кому нибудь тайно, по злобѣ, въ горячемъ винѣ, какой-то ядъ, отъ чего животъ пухнетъ и человеку становится нестерпимо больно, такъ что отъ данья, говорятъ, можно умереть. Отъ этаго лечатъ здѣшніе же люди: они вскорѣ послѣ данья заставляютъ принимать какое-то растеніе, отъ котораго сильнѣйшія бываютъ рвоты, и за тѣмъ больной получаетъ облегченіе. Противъ этаго суевѣрія дѣйствовать трудно, потому что оно извѣстно только тѣмъ, которые даютъ данье.

СВѢДѢНІЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ.

Много уже сказано объ Александровкѣ, но не показано отличительнаго характера Александровскихъ жителей. Почти всѣ они слабы **, бѣдны *** и трудолюбивы. Старый и малый идетъ праздникомъ въ лѣсъ, за грибами и орѣхами ****. Продавши ихъ, бѣднѣйшіе покупаютъ себѣ одежду или платятъ подати.

Что они дѣйствительно трудолюбивы, видно даже изъ того, что у нихъ каждая работа ознаменована такою пѣсню, въ которой трудъ похвалится, а лѣность порицается. Такъ напримѣръ:

4. Передъ праздникомъ Іоанна Крестителя, въ Петровки, семейство, выколовъ на огородѣ свои грядки, обыкновенно поетъ пѣсню, въ которой хвалится своею дѣятельностію, а надъ лѣностію другихъ смѣется.

* О дань я услышалъ впервые въ Александровкѣ. Не знаю, есть ли еще гдѣ такое повѣрье.

** Отъ того каждый носить жилетъ изъ сукна собственнаго издѣлія, длиннѣе дворянской. Сторонніе жители говорятъ: *Александровецъ въ жилетѣ*. Слабы они еще и потому, что очень мало долговѣчныхъ.

*** Ибо людей съ деньгами нѣтъ здѣсь ни въ какомъ званіи.

**** Ходятъ также и грести сѣно. А грибы продаются отъ 15-ти до 25-ти коп. серебромъ за фунтъ. Орѣхи по 2½ копейки за фунтъ.

Ой чій-то лёнъ за горою,
Зарусь зильемъ, лободою?
Той-то лёнъ за горою (здесь представляется имя лѣнливой сосѣдки).
За чимъ вова не сполола?
То за тимъ, то за симъ, за сномъ частымъ. Гу!

Последнее «гу» — поютъ съ особенной протяжкой и съ возвышеніемъ голоса, чтобъ лѣнливая сосѣдка слышала. Въ другое время, когда нѣтъ заросшаго льну, никогда не поютъ этой пѣсни: значитъ, она сложена собственно для лѣнливыхъ.

2. Впродолженіе *гребовицы* поютъ такую же пѣсню:

Ой чіи то гребци,
Дивки, молодці?
Греби, погребай! Боже помогай!
Ивановы гребци,
Дивки, молодци.
Греби, погребай! Боже помогай!
Гребци молодые,
Грабли золотые.
Греби, погребай! Боже помогай!
Опанасовы жъ гребци,— *(т.е. сосѣда Афанасія)*
Старые бабці;
Греби, погребай! Боже помогай!
Грабли деревные,
И самы старые.
Греби, погребай! Боже помогай!

3. *Косовичное* время имѣетъ также свои пѣсни. Достойно замѣчанія, что въ Косовицу люди отлично веселятся, какъ будто Богъ знаетъ сколько дохода приносить имъ сѣно! Бѣдутъ на сѣнокосъ, а особливо возвращаются съ сѣнокоса, съ шумными пѣснями, и не одни мужчины, но и женщины во это время веселятся. Отправивши своихъ мужей на сѣнокосъ, онѣ собираютъ обыкновенно своихъ подругъ и кумушекъ, и говорятъ: «нумъ (будемъ) ложки мыть» послѣ завтрака мужей; или: «ходимъ до такой-то ложки мыть»: это значитъ, что въ томъ дворѣ, куда собираются косари, хозяйка сама въ большихъ суетахъ, ухаживая за косарями и вновь приготавливая пищу, къ ихъ возвращенію, а потому онѣ, подъ этимъ предлогомъ, идутъ ей помогать, или, какъ говорятъ, *ложки мыть*. Тутъ-то пьютъ такъ — называемую *косарицину*. Часто случается, что косарщина въ домѣ больше стоитъ хозяину, нежели самы косари на сѣнокосѣ; ибо послѣд-

ніе, хотя и пьютъ, однако трудятся до-поту; а здѣсь, дома, женщины цѣлый день дурачатся, наряжаясь смѣшнымъ образомъ въ лучшее, праздничное платье, и ходятъ по селу, припѣвая и подпивая, отъ чего уборъ ихъ дѣлается еще смѣшнее, и люди говорятъ: «отъ нарядылась! наче (точно) медвѣдыця!». О цѣломъ собраніи наряженныхъ такимъ образомъ бабъ, когда онѣ идутъ по селу, говорятъ обыкновенно: «медвѣдыця йде».—Входить въ подробности о пѣсняхъ косарей и медвѣдицъ считаю излишнимъ.

Достопримѣчательнъ у насъ при косаряхъ одинъ старикъ — «старець» по малороссійски, а по русски нищій — казакъ Андрей Шутъ, слѣпой, съ инструментомъ, называемымъ бандурою, которой онъ увеселяетъ косарей и подъ звуки которой поетъ пѣсни, по большей части въ честь Казацкаго Гетмана Хмѣльницкаго.—Сказано, что Господь умудряетъ слѣпцы: это на немъ видно. Не говоря о томъ, что этотъ нищій, при всей своей бѣдности, старается уплачивать всѣ повинности, — онъ еще, вдобавокъ, и отличный мастеръ плести канаты и всякаго рода веревки изъ конопель (пеньки). Но всего удивительнѣе его память! Преобширныя малороссійскія вѣрши (поздравительныя стихи) на Рождество и Воскресеніе Христова, преобширныя историческія пѣсни въ честь Гетмана Хмѣльницкаго, всё это онъ — и одинъ только онъ — хранитъ здѣсь по преданію *.

Изъ всѣхъ сокровищъ мудраго старца сообщаю только одну пѣсню:

Якъ одъ Кумынщины, да до Хмельнщины, **

А одъ Хмельнщины, да до Добрянщины,

Якъ одъ Брянщины, да и до сѣго жъ то дня,

Якъ у земли Королевьскуй, да добра не було.

Якъ жиды рандари (арендаторы) вси шляхи козацьки зарандовали (въ откупъ взяли);

* Добрѣйшій этотъ старикъ знаетъ въ честь Хмѣльницкаго *много* пѣсней; а сверхъ того рассказываетъ, по преданію, что Хмѣльницкій въ *хмѣлю* найденъ, и потому названъ Хмѣльницкимъ. За тѣмъ взросъ онъ при Королѣ Польскомъ, нашель тамъ въ бумагахъ кою принадлежала Малороссія со временъ Владиміра и ушелъ отъ Короля въ Запорожье, гдѣ *служилъ* добре и наконецъ прогналъ Ляховъ изъ Малороссіи. Андрей *поетъ* всѣ записанныя здѣсь пѣсни, а также и пѣсню *о войнѣ Хмѣльницкаго съ Г. Г. хами и Ляхами*, да, сверхъ того, многіе псалмы на разные церковныя *пѣнія*.

** У Хмѣльницкаго Гетманъ Гарбашъ былъ *кумомъ*; отъ *хмѣльнщина*.

На одну милю
Да по три шинки становили;
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щоглы (шесты) по высокихъ могилахъ,
Да брали миту промиту (пошлину мостовую.)
Одъ (отъ) возоваго (который съ тѣлгою—съ возомъ ѣдетъ)
По позолотого (позолотой—10 к. или 5 грошей),
Одъ пышного - пешеннымъ (отъ пышаго бѣдняка)
По три денежки мита брали;
Одъ неборака (отъ бѣднѣйшаго) старца
Брали крупы да яйца,
Да - й - ще пытае:
Цы нема, котикъ, сде цого (пѣтъ ли, котикъ! еще чего)?

(Такъ обыкновенно Андрей Шутъ передразниваетъ Еврея.)

Ще - жъ - то жиды рандари въ томъ не перестали:
На славную Украину вси казацки церкви зарондовали.
Которому бъ то давъ Богъ козаку, альбы мужику,
Дытину поимы (дѣтя родить):
То нейды до попа благословитьця,
А пойды до жиды до рандара, да положъ шостахъ (деньги такіа),
Щобъ позволивъ церковь одчинити (отворить),
Тую дытину окрестити.
Ище жъ которому бъ то давъ Богъ козаку, альбо мужику, дытнау одружн-
ты (обвѣнчать),

То нейды до попа благословитьця;
А пойды до жиды до рандара, да положъ быты (битый) талеръ,
Щобъ позволивъ церковь одчинити,
Тую дытину одружити.
Ищежъ жиды рандари въ тумъ не перестали:
На славную Украину вси козацки рѣки зарондовали;
Которыбъ - то козакъ, альбо мужикъ, исхотивъ (пожелалъ) на рѣчки рыбы
вловити,

Свою жунку зъ дѣтьми покормити,
То нейды до пана благословитьця,
А пойды до жиды до рандара, да поступи ему часть оддаты,
Щобъ позволивъ на рѣчки рыбки вловити,
Свою жунку зъ дѣтьми покормити.
Который бы козакъ исхотивъ на рѣчки утѣ вбыти,

**** И самъ отъ себя прибавляетъ:** *ди - нема! нехай теби халепи!* т. е. да
нѣтъ ничего—пусть тебѣ всё злое. *Халепи* отъ Греческаго: *Χαλεπὸν* —
трудное. Или такъ: да нема! нехай теби *Цураха* или: *цур - теби, нех - теби*.
Это такіа малороссійскія фразы, которыхъ нельзя перевести слово въ слово;
онѣ сильнѣе, чѣмъ: «отойди прочь отъ меня, я тебя чуждаюся.»

Жулку свою зъ дѣтьми покормити,
То ийди до пана благословытца,
Да пойдѣ до жида до рандаря, да поступи ему що небудь,
Щобъ позволивъ на рички утѣ вбѣти,
Жулку свою зъ дѣтьми покормити.
То одиѣ козакъ мимо кабака ѣде,
За плечима мушкетъ несѣ,
Хоче на рички утѣ вбѣти:
То жидъ - рандаръ у квартиру (стекло оконное) поглядае,
На жиловку свою стѣха (потихоньку) словами приговляе:
«Эй жидовочка жъ моя Раса!
Шо сей козакъ себѣ думаетъ?
Шо вунъ у кабака не вступитъ,
За денежку горѣлки не купитъ.
Менѣ жидѣ рандаря не перепроситъ,
Щобъ позволивъ ему на рички утѣ вбѣти.»
То жидъ рандаръ стѣха подхождае,
Козака зъ заду за-патлы (волосы) хватае,
То козакъ на жидѣ рандаря искоса, якъ медвѣдь, поглядае,
Ище жидѣ рандаря мастывымъ паномъ узымае.
«Эй жиду, жиду! Мастывый пане!
Позволь минѣ на рички утѣ вбѣти,
Свою жулку зъ дѣтьми покормити!»
Тогди жидъ рандаръ у кабака ухаждае,
На жиловку свою стѣха словами приговляе:
«Эй жидовочка жъ моя Раса!
Будь минѣ у Билуѣ Церкви наставивъ равомъ! (равниномъ)
Назвавъ мене козакъ мастывымъ паномъ!»
Одъ тогди жъ то, икъ (какъ) у Святы день, у Четвертокъ,
Жиды рандаре у Билуѣ Церкви на сеймъ избирались,
Междо собою раду мали,
Стѣха словами примовляли:
«Эй жиды вы, жиды рандаре!
Шо теперъ у васъ, на славуѣ Украины слышно?»
Слышенъ, говорятъ, у насъ Гетьманъ Хмельницкий;
Икъ отъ Билоѣ Церкви да до славного Запорожа
Не така стоить жидовська сторожа!
То озоветься одиѣ жидъ Аврамъ,
У того бувъ невелички крамъ, (лавочный товаръ)
Тульки шпильки да иглы;
Шо ходивъ по-за Дѣпромъ, да дурилъ козацкы жонки.
«Эй жиды жъ вы, жиды рандаре!
Екъ изъ вызу литни вытеръ повѣше,
Вся ваша жидовська сторожа погине.»
Тогди жъ - то икъ у Святы день во вторникъ

Гатманъ Хмельницки козакувъ до восходу сонца у походъ **выправлять**
(отправлять)

И стѣхъ словами примовалъ :

«Йа! козакки, диты, друзи!

Пришу вачъ, добре дбайте! (старайтесь)

Одъ сна вставайте,

Руськи: Оце Нанъ читайте!

На Славу Украину прибувайте!

Жидовъ-рандаровъ у поля (въ копецъ) рубайте!

Вини свои Християнскои у поругу не подайте!

Жидовскому шабасу не полыгайте!»

Тоди жъ то жиды рандаре догадливы бували,

Въи до города Полесого повтскали.

Тоди Хмельницки на славу Украину прибувалъ.

То жиды рандара встодного (или одного) не дуставалъ.

То Гатманъ Хмельницки не нынчалъ (не гордъ) бувалъ.

Нудъ городъ Полесогъ прибувалъ,

Одъ стоятъ руки ласты жскали,

А въ ластахъ примисувалъ:

«Йа! Полоняно! Полонянская громада! (общество)

Козы бѣ вы добре дбайа (хорошо сдѣлали)

Вини жидовъ рандаровъ до руки подали!»

То вонны оцъ отповскали:

«Поне, Гатмане Хмельницки!

Хотъ будеть одинокъ на-внучъ (одинокъ на охотѣ) лятати, (ловить)

А не можеть тобі жидовъ рандаровъ до руки подати!»

Тоди жъ то Хмельницки одъ руки чинилъ ласты чинилъ,

З городъ Полесогъ други разъ появлялъ:

«Йа! Полоняно, Полонянская громада!

Не хороня ваши рази!

Котъ у жевъ одинокъ пунка, выроти!

Однимъ вамъ (отворите) ваши широкіе желѣзные ворота!...

Одъ рази жъ то вѣтъ у Свѣтъи день Четвертокъ.

Хмельницки до восходу сонца вставалъ.

Нудъ городъ Полесогъ блискитъ прибувалъ.

Въи городъ Полесогъ гостинилъ жидовъ...

Тоди жиды рандары туркивъ голосомъ зноуали. (зауричали)

«Йа! Полоняно! Полонянская громада!

Котъ бѣ вы добре дбайа.

Оце Нанъ, вѣрѣтъ, омырала.

До вѣтъ а жиды унчукъ хотъ у вѣтъ одинокъ рубатилъ шукалъ.

То бѣ жъ а жиды унчукъ шребовалъ.

До соби ласты жскали.

А въ ластахъ чинилъ жунали.

Вѣтъ жъ козакки Украину чинилъ жидовъ не дуставалъ»

Отъ тогда жь-то козакань у городи Половози
Дана воля на три часы съ половиною: «пійте, гуляйте!
Коло жидувь рандаровь соби наживу хорошу майте!»
Тогда жь-то козакн на славну Украину обратво прибували,
Очертомъ (кружкомъ) сѣдали,
Сребро и злато на три части поевали (дѣлили):
Первую часть на Покрову Сѣчовую, да на Спаса Мижигорського отдали;
А другую часть ва медѹ, да на оковитуй горильци пропивали, *
Третью часть миждо собою козакамы поевали.
Тогда не одинь козакъ за пана Хмельницькаго Бога просивъ,
Що не одинь жидувськи жупанъ зносивъ.
Тогдижъ то Хмельницьки померъ, а слава ёго козацька невмире, неполяже!

4. Замтчателнѣе всего время жнитва! Жнутъ тихо; каж-
дый, по пословицѣ, *на себя работаетъ*. Но когда хозяинъ до-
жинаетъ послѣднюю ниву, семейство его поетъ пѣсню, въ ко-
торой свои труды хвалить, а лѣность другихъ порицаетъ.
На примѣръ: Иванъ трудолюбивъ, а Афанасій лѣнивъ; вотъ и
поютъ:

Ой чіє-то поле
Зазвеніло стоя.
Зазвеніло, зазвеніло стоя!
Иванове поле
Зазвеніло стоя.
Зазвеніло, зазвеніло стоя!
Женцы молодые,
Серпы золотые.
Зазвеніло, зазвеніло стоя!
И жито пожали,
И въ копы поклали.
Зазвеніло зазвеніло, стоя!
Опанасове (Афанасьево) поле
Задремало, стоя!
Задремало, задремало стоя!
Женци все старые,
Серпы лубяные.
Задремало, задремало стоя!
Жита не пожали
Серпы поломали
Задремало — задремало стоя!

* «Оковитая горьлка» — горячее вино столь крѣпкое, что когда его
пьешь, то *глаза* (око) какъ будто *выносятся*.

На томъ мѣстѣ, гдѣ жатва оканчивается со всѣмъ, хозяинъ оставляетъ горсть несжатыхъ колосьевъ и называетъ эту горсть «бороною», говоря: *оставлю на бороду!* За тѣмъ, сложивъ житные снопы въ копы, идутъ всѣ къ бородѣ и мужчина непременно долженъ заломать эту бороду посреди *на востокъ* и опять пустить ее *концами на востокъ* же, какъ бы въ благодарность *за начало и за конецъ!* Послѣ этого онъ долженъ перевязать бородуверху красною ниткою, а прочіе жнецы украшаютъ эту бороду всякаго рода цвѣтами, опалываютъ траву кругомъ нея и въ срединѣ, и наконецъ, въ средину ея кладутъ краюшку хлѣба, кусочекъ соли и сплетаютъ крестъ изъ колосьевъ, который приносятъ въ домъ на цѣломъ хлѣбѣ и освящаютъ въ день Преображенія. Всѣ эти дѣйствія надъ бороною сопровождаются слѣдующею пѣснью:

Сидѣтъ ведмидь (медвѣдь) на капи (на копнѣ) *
Дывуется борода:
«Ой — дыво минн,
«Объ туй борода!
«Ой чія жъ то борода,
«Чорнымъ шовкомъ увита?
«Чорнымъ шовкомъ увита,
«Срибломъ злотомъ улита?
Иванова борода!
Чорнымъ шовкомъ увита,
Срибломъ злотомъ улита.
Опанасоважъ борода
Мачулами увита,
А смолою улита!

Идя съ поля домой, жнецы поютъ еще съ большимъ восторгомъ, похваляясь своими трудами:

Ой мы жъ своему пану
Снарядили славу!
Снарядили, снарядили славу!

* Слово «медвѣдь» употребляютъ здѣсь по тому, что люди живутъ близъ лѣса. Въ другихъ мѣстнхъ отъ лѣса селеніяхъ поютъ: «Сидитъ воронъ», т. е. ворона.

И житѣ пожали
И въ копѣ поклали
 Снарядили, снарядили славу!
Наставили купакъ
Якъ на небѣ зурокъ
 Снарядили, снарядили славу!
Наставили стожиуъ
Якъ де небудь божкуъ *
 Снарядили, снарядили славу!
Поставили копки
Да вдарили гопки
 Снарядили, снарядили славу!

Эту пѣсню поють, идя домой, за селомъ, и въ селѣ, и на дворѣ, и въ избѣ, и послѣ ужина; всѣ похваляются своими трудами, что они снарядили славу!

Послѣ этаго, естественно, рождается вопросъ: если эти люди такъ трудолюбивы, то отъ чего же они бѣдны?

Бѣдны они отъ того, что семейства ихъ раздробляются, и большая ихъ часть малоземельны; къ тому еще и земля у нихъ неплодородная **, отъ чего многіе переселились въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую и въ Черноморское Войско; нѣкоторые и теперь еще желаютъ переселиться.

любимыя занятія.

Главный промыселъ здѣшнихъ жителей — табакъ; но цѣны на табакъ низки. Отдаленность городовъ также не способствуетъ Александровцамъ. Они не успѣютъ еще табакъ хорошо обработать или высушить, какъ уже везутъ его — сырой и зеленый — продавать въ мѣстечко Мелу, 8-го сентября; а это вредитъ зажиточности жителей, во-первыхъ потому, что табакъ продается по 40-ти или 45-ти к. сер. за пудъ, гораздо дешевле сухаго и хорошо приготовленнаго табака въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ; во-вторыхъ, этотъ худой и дешевый табакъ естественно *устанавливаетъ уже цѣну* и на *хорошій*; ибо повѣренные отъ

* «Какъ гдѣ нибудь божковъ». А другіе поють: «Якъ у церкви божкувъ».

** Земля неплодородна и къ обработкѣ неудобна. Для одного плуга надобно здѣсь имѣть 4 рогатыя скотины, а это не всякій можетъ имѣть, и потому на одну соху *спрягаются* обыкновенно два *хозяина*.

Рижскихъ купцовъ, находящіеся въ мѣстечкѣ Менѣ, козаки и Евреи, *сообразно* съ этими дешевыми цѣнами, стараются уже какъ можно скорѣе закупить для вѣрителей своихъ нужное количество табаку, съ тѣмъ, чтобы скорѣе получить за трудъ по 40-ти к. асс. съ пуда. Такимъ образомъ сырой и дешевый табакъ естественно вредитъ хорошо приготовленному, а торгъ табакомъ въ Ригѣ существенно отъ того страдаетъ.

Кромѣ того, здѣшніе жители работаютъ еще топоромъ: строятъ мельницы и магазины для хлѣба, и отправляются на заработки. Съ недавняго еще времени начали они промышлять и заработками на водѣ. Какъ скоро весною осушится земля, каждый отправляется или водою въ Екатеринославскую и Таврическую губерніи, для доставленія деревянной (чужой) посуды и хлѣбнаго товара байдаками (отъ чего и говорятъ: пошовъ на байдакъ!), за что получаютъ 3 р. сер. въ мѣсяцъ; или же сухимъ путемъ и пѣшкомъ идутъ въ тѣ же губерніи, для снятія тамъ постовъ и травы, за что получаетъ 50 к. сер. въ сутки и болѣе, смотря по тому, какъ велико требованіе на рабочіихъ. Зимой, кто побогаче, сами везутъ продавать свой табакъ въ Минскую и Витебскую, болѣею же частію въ Могилевскую губерніи, въ особенности въ мѣстечко Гомель *.

* Для избѣжанія обмана со стороны Евреевъ тѣ, которые по расторопнѣ, уговариваются за деньги съ тамошними жителями изъ Христіанъ, чтобы они продали имъ табакъ въсто своего; въ такомъ случаѣ обманъ и не бываетъ.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ МАЛОРОССА.

(Священника А. Иванцы) *.

1. ХАТА.

А. ВЪНШНЕЕ УСТРОЙСТВО.

Малороссъ строитъ свою хату изъ небольшого количества разнаго дерева, дѣлаетъ стѣны ея изъ земли и обмазываетъ снаружи и внутри глиной. Приготовивъ заблаговременно лѣсъ и нанявъ плотника, онъ приступаетъ къ дѣлу. Сперва плотникъ строитъ на чистомъ мѣстѣ основаніе, которое зовется *айнецъ*. Каждая сторона вѣнца сбивается изъ трехъ или четырехъ (не больше) деревь, которые кладутся одно на другое; длина и ширина этихъ деревь равны размерамъ будущей хаты; вдоль вѣнца кладется одна балка, которая зовется *солокомъ*. Потомъ стро-

* Авторъ этой статьи — приходскій священникъ села Оболони нѣк Оболонья (какъ оно значится на картѣ Шуберта), находящагося въ 3. углу Хорольскаго уезда, на Ю. З. отъ уезднаго города Хороль. По картѣ Шуберта село это стоитъ близъ слиянія рр. Руды и Толстой, которыя подъ именемъ Кривой - Руды текутъ въ Сулу. Окружныя поселенія около села Оболони суть: Ивановка, Новоселница, Толстая, Кривая-Руда и мѣстечко Мохначь.

ятся пять стропиль — *кроковъ*, которыя ставятся на основаніи, то есть на вѣнцѣ, безъ укрѣпленія, а поперекъ кроковъ или стропиль прибиваются деревянными гвоздями и довольно слабо *латы*, на разстояніи аршина другъ отъ друга. Этимъ и оканчивается постройка вѣнца, основанія крыши.

Построивши крышу хаты, плотникъ приступаетъ къ постройкѣ хаты или, правильнѣе, ея стѣнъ. Для этого онъ отрубаетъ, смотря по обширности хаты, 12-ть, а иногда и болѣе дубовыхъ или сосновыхъ колодъ въ 4 аршина длины и не менѣе четверти аршина толщины, выкапываетъ 12 ямъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина глубины, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должна стоять хата, ставитъ приготовленныя колоды, — по дѣшнему *сохи*, — въ выкопанныя ямы и плотно обсыпаетъ и обиваетъ эти сохи землею. Послѣ того онъ осторожно разбираетъ крышу съ ея основаніемъ (винцемъ), накладываетъ вѣнецъ на крѣпко вкопанныя колоды (сохи) въ прежнемъ порядкѣ, укрѣпляетъ на вѣнцѣ стропилы деревянными гвоздями, прибиваетъ также крѣпко къ кроквамъ латы, — и вотъ является въ селеніи новая хата, которую въ этомъ первоначальномъ видѣ плотникъ зоветъ *клиткою*. Потомъ плотникъ приготовляетъ отъ 50-ти до 100 ветолистыхъ колодочекъ — *килья*, какія найдутся у хозяина; вкапываетъ ихъ одними концами въ землю, а другіе прибиваетъ деревянными гвоздями къ вѣнцу — основанію крыши, разставляя колодочки одну отъ другой на поларшина разстоянія; плететъ поперекъ колодочекъ плетень изъ лѣснаго орѣха или вербовой лозы, растущей во многихъ огородахъ, и оканчиваетъ всю постройку хаты *сокирою*.

Когда строится новая хата, съ плотникомъ, какъ съ мужчиной, разделяютъ труды мужчины, утѣшшіе: хоть какъ-нибудь держать топоръ въ рукахъ; но когда приходитъ пора мазать новую хатку, трудятся однѣ бабы, припѣваячи, по повѣрью, чтобы хата была весела. Для этой работы выкапывается земля и насыпается въ кучу; бабы размѣшиваютъ ее хорошенько съ водою ногами, часто подсыпая *полюсу* какого-либо хлѣба или навозъ, и обтѣпляютъ этимъ вязкимъ веществомъ стѣны хаты на $\frac{1}{2}$ аршина толщины и болѣе, смотря по величинѣ зданія. Обтѣпляя стѣны хаты, бабы оставляютъ въ нихъ восемь отверстій: два большихъ для дверей, изъ хаты въ стѣну, а изъ стѣ-

ней на дворъ; четыре для оконъ: *передичняго*, которое должно находиться въ стѣнѣ противъ печки; *покутняго*, которое оставляется въ одной стѣнѣ съ передичнимъ и поближе къ углу, назначенному для образа; *причильнаго*, которое въ стѣнѣ противъ двери, ведущей изъ хаты въ стѣны, и *напильнаго*, въ стѣнѣ, гдѣ лежитъ *пиль* — малороссійская кровать; кромѣ того, два небольшихъ отверстія оставляются: одно для окошца *нижняго*, которое на печкѣ, а другое для прохода дыма изъ печки въ трубу.

Обмазанная хата покрывается тростникомъ, или соломой, или соломой и тростникомъ вмѣстѣ, такъ что тростникъ покрываетъ солому. Потомъ оставляютъ хату на нѣсколько времени сохнуть, а когда высохнетъ, хозяину предстоитъ довольно легкій трудъ устроить ее внутри и собрать домашнюю утварь.

В. Внутреннее устройство хаты и домашняя утварь.

Новую хату хозяинъ раздѣляетъ на три отдѣленія: 1) хату въ собственномъ смыслѣ; это жилье; 2) стѣны, и 3) хижу. *Хижа* — маленькая кладовая, въ которой хозяинъ держитъ съестныя припасы, одежду и все имущество, какое у него есть.

Строеніе, раздѣленное такимъ образомъ на три отдѣленія, обмазывается мѣломъ или бѣлой глиной. Потомъ хозяинъ устраиваетъ въ своей новой хатѣ лавы и пиль. *Лавы* — сосновая или другая какая нибудь доска, которая отрѣзывается по внутренней длинѣ жилья и помѣщается на слѣпленныхъ изъ земли столбахъ. Одна лавы устраивается у стѣны, въ которой окна передичное и покутное, а другая у стѣны, гдѣ окно причильное, и соединяется однимъ концомъ съ первою лавою, въ уголъ, назначенный для образа — *на покуты*. *Пиль* дѣлается изъ 5-ти досокъ, положенныхъ одна подлѣ другой однимъ концомъ на лаву покутнаго окна, а другими на *привалохъ*, то-есть на доску, которая лежитъ около печки на двухъ земляныхъ столбикахъ, въ аршинъ вышины. На полу стоитъ *скрыня* — сундукъ, съ однимъ женскимъ имуществомъ, если есть столъ; а если стола нѣтъ, то скрыня служитъ столомъ и стоитъ тогда поближе къ покуту, чтобъ удобнее было около нея садиться на обѣихъ лавкахъ. Кромѣ этой

утвари въ хатѣ Малоросса находится: 1) *жертка*—шесть, повѣшенный на пеньковыхъ веревкахъ близко къ потолку и недалеко отъ стѣны, у которой лежитъ пилъ. 2) *Стыльмыж*—маленькая скамейка. 3) *Ослынь*—длинная узкая скамейка, которую приставляютъ къ лавѣ, когда ложатся спать, и къ скрыти, либо къ столу, когда хозяева одни, или съ гостями, хотятъ уѣсться къ нимъ въ праздникъ. 4) *Каганецъ*—плошка изъ два разбитаго горшка. Каганецъ освѣщаетъ хату фитилемъ—*гнотомъ*, облитымъ саломъ свинымъ, бараньимъ, либо другимъ, которое называется по-малороссійски *смальцемъ*, либо *льнянымъ*, *коноплянымъ*, и *свиринымъ* масломъ *олією*; *гныть* выдираютъ изъ чистой ветошки. 5) *Гребинь*, на которомъ Малороссійянки прядутъ пеньку, ленъ и шерсть; *днище*, въ которое вкладывается гребень; *гребинка*, которою растрепываютъ ленъ и пеньку на гребнѣ, и *щитки* изъ свиной щетины, которою вычесываютъ мычку изъ пеньки и льна; *веретѣно*, которымъ прядутъ на гребнѣ; *мотовило*, на которое наматывается пряжа и, наконецъ, *вытушка*, съ которой сматываютъ *посмитокъ*, снятый съ мотовила. 6) *Мыспыкъ*—доска, укрѣпленная около стѣны, въ которой двери изъ хаты въ стѣну; на мыспыку ставятся въ рядъ *череплялы* (глиняныя) *мыски* и кладутся деревянные ложки. 7) *Полыця*—доска, укрѣпленная около стѣны, къ которой окна передпичное и покутное, поближе къ потолку. На полыцѣ кладется хлѣбъ печеный, ставятся обороченные вверхъ дномъ горшки и стоитъ *салалка*—деревянная маленькая лопатка, въ которой толчется сало для борща. 8) На стѣнахъ въ избѣ висятъ: *сыто*, *подсытокъ* и *пидришитки*. Первымъ проствается мелкая пшеничная мука, вторымъ крупная мука, последними мука еще болѣе крупная. 9) Въ углу около печки стоятъ всѣ ея принадлежности, именно: *кочерга*, которою таскаютъ въ печь топливо и выгребаютъ золу; *хадтки*—коими ставятъ въ печку горшки, и вынимаютъ ихъ оттуда; *лопата*, на которой сажаютъ въ печку хлѣбъ, и *помылд*, которымъ чистятъ печку и обмокнувши въ воду тушатъ въ ней огонь; оно состоитъ изъ старыхъ тряпокъ, привязанныхъ къ концу палки. 10) *Ночы*, въ которыя свѣютъ муку. 11) *Дюжа*, гдѣ тѣсто вскипаетъ. 12) *Помыйныця*.—грязная кадушка, въ которую цѣлый день сливается въ избѣ всякая-всячина для корма свиней; она стоитъ въ

углу около дверей. 13) *Рубель и качалка* — орудія, конми катается мытое бѣлье. Наконецъ, 14) самое главное — въ углу, противъ двери, стоятъ образа. Вся эта утварь непременно находится въ хатѣ; но и другія два отдѣленія — сѣни и хижина — также содержать нѣкоторыя вещи, необходимыя для Малоросса. Въ сѣняхъ стоитъ въ углу *дожка* — кадушка съ водою, для питья; *два ведра* деревянныхъ и *кордысло* для ношенія на плечахъ воды изъ колодца; *жлукто* — кадушка безъ дна, въ которой золится бѣлье, пересыпанное золою и наливаемое кипяткомъ *коса*, которою косать; *грабли*; *вилы*; *роженъ* — коимъ носить солому обмолоченнаго хлѣба; и *ципъ*, которымъ молотятъ хлѣбъ.

Въ хижинѣ стоитъ *шавлыкъ* — ушатъ въ полбочку, необходимый во многихъ случаяхъ; *кишъ* — ящикъ, плетеный изъ вербовой лозы, обмазанный внутри и снаружи глиной и содержащій въ себѣ зерновой хлѣбъ; *засичокъ* — небольшая часть хижины, перегородженная досками, и раздѣленная на нѣсколько частей, для разнаго рода зерноваго хлѣба или муки — ржаной, гречневой и пшеничной; тутъ же въ хижинѣ помѣщается нѣсколько бочекъ, висятъ гдѣ-нибудь мѣшки и *рядна* — мужское и женское платье.

Вотъ вся домашняя утварь Малоросса, живущаго ни бѣдно, ни богато. Разумѣется, всѣ описанныя выше хозяйственныя орудія и вещи можно находить въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по числу душъ въ семействѣ; можно находить много и другихъ орудій и инструментовъ, смотря по тому, какимъ ремесломъ занимается хозяинъ. Объ этихъ орудіяхъ и инструментахъ надлежитъ сказать въ особой статьѣ о любимыхъ занятіяхъ Малоросса; но описывая внутреннее устройство хаты и домашнюю утварь земледѣльца, нельзя ничего прибавить къ сказанному.

В. вѣшныя принадлежности хаты.

Около хаты Малоросса устроены слѣдующія принадлежности ея: 1) *комира* — небольшой сарай, обмазанный глиной или пометомъ скота, или обставленный тростникомъ, съ *загономъ*. Въ коширѣ содержатся овцы, днемъ въ загонѣ, а ночью въ сараѣ, который запирается дверью, сплетенною изъ вербовой лозы.

2) *Загорода* — сарай вдвое больше кошары, обмезанный съ трёх сторон пометомъ рогатаго скота, или обставленный тростни-
комъ, также съ *закономъ*. Въ загородъ содержится крупный и
мелкій скотъ, а у кого есть — и лошади. 3) *Хлизъ* — сарай, въ
которомъ сберегаются отъ непогоды *мизъ, саны, борона, плугъ*
и многія другія хозяйственныя принадлежности. 4) *Погребыкъ* —
крыпа, утвержденная на земль, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вы-
копанъ погребъ. Въ погребъ стоитъ въ зимнее время бочка
съ бураками, кадушка съ шинкованной капустой, кадушка съ
рубленой (свѣчевой) капустой, и маленькая кадушка съ *огур-*
цами. Въ погребъ сберегаются также картофель, рѣдька, хрѣнь,
морковь, свѣжіе красные бураки и нѣсколько корешковъ свѣ-
жей капусты для *смажь*. 5) *Свиннынецъ* — маленький сарайчикъ,
въ который круглой годъ загоняють свиней. Онъ плетется изъ
лозы и обмазывается глиной или пометомъ. 6) *Сажъ* — неболь-
шой сарайчикъ, четвероугольный, на высокихъ подставкахъ по
угламъ и срубленный изъ дерева, съ небольшою дверью, въ
которую втаскиваютъ свиней для откармливанія; наконецъ 7)
курныкъ — сарайчикъ, въ который загоняють гусей, утокъ, индѣ-
екъ, и садятся на перекладинахъ на ночлегъ куры.

2. ОДЕЖДА МАЛОРОССИАНЪ.

А. ОДЕЖДА МУЖСКАЯ.

Малороссъ носить: 1. *Сорочку* — рубаху изъ холста, при-
готовленнаго дома. Сорочка шьется длиною въ 4 аршинъ, съ
рукавами довольно широкими и воротникомъ въ $\frac{1}{2}$ вершка
ширины; холста идетъ на сорочку 7 аршинъ. 2. *Штаны* —
брюки, также холстяные, которые обвязываются около пояси-
цы узкимъ ремешкомъ, *учкуромъ*, съ пряжкой; ремешокъ этотъ
протянуть въ верхней части брюкъ. Холста толстаго, а также
и сукна идетъ на штаны 6 аршинъ. 3. *Юпку*, которая шьется
изъ домашняго сукна, чернаго или сѣраго цвѣта; съ узкимъ
воротникомъ въ одинъ вершокъ ширины и длиною до коленъ.
Сукна идетъ на юпку 7 аршинъ. Поверхъ юпки надѣвается
иногда 4. *Сыта*, изъ простаго чернаго или сѣраго сукна, съ
воротникомъ въ одинъ вершокъ ширины, и длиною ниже ко-

ланы; сукна идетъ на снугу 8 аршинъ. 5. *Кобилык* — зашивають шнуромъ; шьется изъ сѣраго простаго сукна съ узенькимъ воротничкомъ, въ синей съ кобкой — суконной *шарбашкой*, которая во время дождя вырывается шапку на голову, либо юнгою свою стороною кобля прикрывается къ воротнику. Кобилык шьется длиною до земли, и сукна на него идетъ 40 аршинъ. 6. *Кожухъ* шьется изъ овечьихъ съ молодыхъ овецъ — *лаптирица*, съ воротникомъ въ 2 вершка ширины и длиною ниже колѣны. Кожухъ подшивается около тѣла шерстянымъ поясомъ, приготовленнымъ дома или купленнымъ. *Дентририца* на кожухъ идетъ 5 ситунъ. 7. *Тулубъ* шьется изъ овечьихъ съ старыхъ овецъ, длиною до земли, и съ воротникомъ въ $\frac{1}{4}$ аршина ширины. На кожухъ идетъ 40 старыхъ овечьихъ. 8. *Шанга* шьется изъ снуга съ маленькаго литевца, чернаго либо сѣраго съ омушленымъ околышемъ и верхомъ изъ чернаго либо снуга сукна, либо вся снугею. 9. *Поясъ*, или дома вытканый шерстяной, или купленный. 10. *Рукавица* возмизъ сама вяжется изъ приденой шерсти. 11. *Накоряки* покупаются у разнощиковъ, и надѣваются поверхъ рукавицъ. 12. *Чоботы* — сапоги; шьются изъ простой кожи, съ голенищами до коленъ, и подшиваются желѣзными узкими подковками, которыя укрѣпляютъ подбитокъ сапога помощю трехъ гвоздей. 13. *Постолы* — похожи на древнія восточныя сандалии, приготовляются изъ сыромятнй кожи и подшиваются поверхъ обвертокъ ноги, кругомъ ея до колѣна; толкнны ремешками или плетеными пеньковыми; сюрками; постолы очень похожи также и на русскія лапти.

II. Женская одежда.

Женская одежда замѣтно отличается отъ одежды мужчинъ. Ее составляютъ: 1. *Сорочка* — рубаша додѣла до пятъ, съ широкими рукавами и узенькимъ воротникомъ; холста идетъ на женскую рубашу 9 аршинъ. 2. Двѣ *запаски* — *задницы* и *попередницы* надѣваются поверхъ рубахи, и укрѣпляются около поясины широкимъ шерстянымъ поясомъ — *окрайкою*. Запаски приготовляются дома изъ шерсти домашнихъ овецъ, окрашиваются въ черный либо темносиній цвѣтъ краскою каѣею и стѣлтъ 4 р. серебромъ. 3. *Юбка* — *фудайка*; она шьется изъ демикото-

на, пестряди, мебельнаго ситца и сукна; пестряди и демикотона идетъ на юпку 8 аршинъ, а мебельнаго ситца и сукна—5 аршинъ. 4. *Кожушанка*—полушубокъ женскій, шьется изъ овчинъ съ молодыхъ овецъ и покрывается сверху пестрядью или тикомъ, либо полудемикотономъ. Овчинъ идетъ на нее 40, а пестряди и демикотону 12 аршинъ; тикъ 6 аршинъ. Кожушанка шьется съ узкимъ воротникомъ въ 4 вершокъ ширины и длиною бываетъ ниже колѣна. 5. *Кожухъ*—женская шуба, шьется изъ овчинъ съ старыхъ овецъ, длиною до земли, и съ двумя воротниками: стоячимъ въ 4 вершокъ ширины и другимъ воротникомъ полукруглой формы, лежащимъ на плечахъ и пришитымъ къ узкому воротнику. На лежащій воротникъ идетъ три смухи, а на кожихъ 9 или 10 овчинъ съ старыхъ овецъ. 6. *Плахта*—женская щегольская одежда, которая надѣвается поверхъ рубахи вмѣсто запасокъ. Плахта ткется мастерицею Малороссіянкою изъ разноцвѣтной крашеной шерсти клѣтками, и стоитъ 2 или 3 р. сер. 7. *Чаботы*—сапоги женскіе, отличаются отъ мужскихъ формою и широкими желѣзными подковами въ 4 вершокъ ширины. 8. *Намысто*—коралламъ, либо рѣзное, граненое и цвѣтное стекло. Намысто носятъ на шеѣ; оно состоитъ изъ 5-ти, 10-ти, а иногда и изъ 15-ти нитокъ коралловъ или бусъ въ одной связкѣ. 9. *Очипокъ*—носится женщинами на головѣ, и бываетъ ситцевый, либо парчевой, либо холстинный и обвязывается на головѣ простою лентою. 10. *Платокъ*—бываетъ разнаго рода: кашемировый, бумажный и шелковый; голову женщины завязываютъ поверхъ очипка такъ, что послѣдняго совсѣмъ не видно, а дѣвушки обвязываютъ имъ голову такъ, что видны верхушка головы и коза. По этому убору сторонній человекъ и различаетъ дѣвушку отъ женщины. 11. *Перстни*—кольца, носятъ на пальцахъ женщины, а больше дѣвушки, по два, по три и по четыре перстня. 12. *Серьги*—украшеніе женское и дѣвичье; оны бываютъ и мѣдныя и серебряныя; и 13. *Ленты*. Дѣвушки вплетаютъ по нѣскольку лентъ въ косу и концы опускаютъ до земли.

В. ЛѢТНЯЯ ОДЕЖДА.

Лѣтомъ Малороссіане одѣваются весьма легко, ибо всѣ работы они исправляютъ подъ открытымъ небомъ и подъ сол-

печнымъ жаромъ. Поэтому лѣтняя одежда мужчинъ состоитъ въ одной холстяной рубахѣ и въ холстяныхъ штанахъ, а женщины — въ рубахѣ и запасахъ. Какъ мужчины, такъ и женщины лѣтомъ большею частію ходятъ безъ сапогъ; мужчины на работѣ даже рѣдко надѣваютъ на голову шапку. Но какъ посреди ясныхъ, жаркихъ и даже душныхъ дней лѣта бываетъ и осенній холодъ съ ливнемъ, градомъ и бурями, то въ такую ненастную погоду мужчины надѣваютъ сверхъ рубахи суконную свиту до колѣнъ, а женщины суконныя юпки. Да и въ ясные и жаркіе дни лѣта, выходя на работу за часъ, а иногда и ранѣе, до восхода солнца, когда еще сыро и холодно, мужчины надѣваютъ свиты, а женщины юпки. Но говоря вообще, Малороссъ круглое лѣто работаетъ въ сорочкѣ и штанахъ, а Малороссіянки — въ сорочкѣ и запасахъ, съ повязанною платкомъ головою.

Въ храмъ Божій на молитву мужчины приходятъ лѣтомъ въ свитахъ, а женщины въ суконныхъ юпкахъ и въ сапогахъ; но обыкновенно большая часть женщинъ и дѣтей идутъ въ церковь босми.

г. зимняя одежда.

Зимой Малороссы одѣваются тепло. Мужчина сверхъ холстяныхъ штановъ надѣваетъ суконные, которые стягиваются на поясищѣ учкуромъ — узкимъ ремешкомъ съ пряжкой; сверхъ рубахи — суконную свиту, длиною до колѣнъ, а поверхъ свиты козухъ; сверхъ-того, въ большіе морозы, поверхъ козуха онъ надѣваетъ еще тулубъ, а въ мятели кобинякъ. На ноги Малороссіяннинъ обвертываетъ по аршину простаго сукна и надѣваетъ зимніе сапоги, которые гораздо больше лѣтнихъ, а на руки либо простыя рукавицы, либо накоржни. Въ такой одеждѣ Малороссъ проводитъ цѣлую зиму и даже можетъ безъ вреда проспять цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ.

Женщины зимой также одѣваются теплѣе, нежели лѣтомъ. Сверхъ сорочки онѣ надѣваютъ суконную юпку до колѣнъ, на юпку — козущинку, сверхъ козущинки — козухъ женскій, а въ мятели и мужской кобинякъ; на ноги обуваютъ сапоги больше лѣтнихъ, а на руки надѣваютъ рукавицы.

А. ОБЫКНОВЕННАЯ ИЛИ БУДНИЧНАЯ ОДЕЖДА.

Въ рабочіе дни Малороссы, и лѣтомъ, и зимою, носящю, и тесною, исправляютъ все свои работы въ избѣ въ однихъ рубашкахъ, а выходя изъ избы на открытый воздухъ одѣваются смотря по времени года и по погодѣ. При этомъ они носятъ описанное выше платье, только старое, со многими заплатками, а въ праздники (въ которые работы не прекращаются) одѣваются тоже въ будничное платье, только новое.

Б. НАГЛЯДНАЯ ИЛИ ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА.

Въ праздники Господскіе, Богородичныя и многихъ Святыхъ, Малороссы и дома ходятъ, и въ гостяхъ бывають, и приходятъ въ храмъ Божій на молитву въ одеждахъ новыхъ, мужскимъ въ свитахъ сѣрыхъ, либо черныхъ, новыхъ, изъ простаго, поярковаго сукна, подпоясанные новыми кумачными кушаками, въ сапогахъ, тоже новыхъ, изъ простой кожи, либо юхты, а нѣкоторые въ сафьянныхъ желтыхъ сапогахъ и въ шапкахъ изъ хорошаго сѣраго или чернаго сукна; въ зимнее же время — въ новыхъ кожукахъ поверхъ свитъ или въ кобинякахъ изъ сѣраго или чернаго сукна. Также и женщины въ праздники наряжаются иначе, чѣмъ въ рабочіе дни, вмѣсто старыхъ суконныхъ юпокъ, они надѣвають новыя поярковыя или изъ мебельнаго ситца или демикотонныя или пестрядныя; на головы надѣвають вмѣсто простыхъ холстинныхъ или ситцевыхъ очипковъ — парчевые и подвязываютъ ихъ новыми платками; запяски надѣвають новыя; а богатые Малороссіанки надѣвають новыя плахты, и на ноги сапоги изъ краснаго, либо желтаго сафьяна. Въ зимнее время вмѣсто лѣтнихъ юпокъ они носятъ кожушанки изъ овчина, покрытыхъ пестрядью, демикотономъ, либо тикомъ, непременно подпоясанными, а въ большіе морозы поверхъ кожушанокъ надѣвають новыя женскіе кожухи.

На ноги надѣвають, вмѣсто, состоящее иногда изъ 25-ти
изъ одной дядки (бунты); въ уши вѣшаютъ серьги, а

на шею — бусы.

3. пища малороссянъ.

Малороссяне употребляютъ пищу самую простую и по крѣпкому телосложенію ихъ самую здоровую.

А. пища ежедневная.

Главная и повседневная пища Малороссянина есть хлѣбъ ржаной, а иногда ячменный или гречневый; или же изъ ржаной муки, смѣшанной съ ячменною, или наконецъ изъ ячменной муки, смѣшанной съ гречневою. Всякій хлѣбъ ѣдятъ непременно съ солью и запиваютъ водою. Такъ Малороссяне завтракаютъ, полудничаютъ, а часто и обѣдаютъ и ужинаютъ; хлѣбъ, соль и вода — обыкновенная, ежедневная пища. Къ обѣду варятъ борщъ изъ кислыхъ красныхъ бураковъ съ капустою, приготовляемыхъ осенью и собираемыхъ зимою въ погребахъ, и кашу, круто сваренную изъ пшена. Къ ужину варятъ или жидкую кашичу изъ протѣяннаго пшена, или галушки изъ гречневой муки, варѣдка изъ муки пшеничной.

Б. пища праздничная скоромная.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Малороссяне употребляютъ пищу болѣе разнообразную, чѣмъ въ рабочіе и пострѣнные дни, а именно: 1. *Борщъ* съ свинымъ мясомъ приготовляютъ преимущественно въ Рождество Христово, Новый годъ, въ Богоявленіе и по воскреснымъ днямъ. Зимою Малороссяне откармливаютъ свиней, и почти весь, кромѣ бѣдныхъ, долго употребляютъ на борщъ свиное мясо; въ борщъ съ мясомъ всегда кладутъ толченое свиное сало. Осенью варятъ борщъ съ бараниной, очень часто съ порослятиной, иногда съ цыплятами. Но съ какими бы мясомъ ни варился малороссійскій борщъ, всегда кладется въ него свиное толченое сало. 2. Къ борщу готовится *каша* пшениная, круто сваренная, либо жидкая, съ коровьимъ молокомъ. 3. *Мясо жаркое*, какое случится у хозяина. 4. *Вареники* съ сыромъ, коровьимъ или овечьимъ. 5. *Пироги* съ такимъ же сыромъ. 6. *Холодное* — холодецъ — большею частию готовится изъ свиныхъ ногъ съ чеснокомъ. 7. *Локшина* — супъ, пригото-

мый такимъ образомъ: изъ прѣснаго тѣста, которое мѣсится съ куриными лицами, дѣлаютъ большіе *коржи* и намелко изрѣзываютъ ихъ ножомъ; эти обрѣзки, называемые *локшиной*, сушатся и кладутся въ отваръ изъ свиного или бараньяго мяса, или изъ поросятины, гуся или курицы. 8. *Картофель* жарится съ коровьимъ масломъ. 9. *Гарбузь* — тыква; изрѣзавъ ее въ мелкіе куски, наливаютъ коровьимъ молокомъ и варятъ; потомъ кладутъ туда просяное пшено и свиное сало. *Кутья* варится изъ ячменя, обточенного въ ступѣ; круто свареную кутью ѣдятъ и просто съ борщемъ и съ коровьимъ молокомъ и съ коровьимъ масломъ и съ гусинымъ жиромъ. 11. *Лемешка* варится изъ гречневой муки съ водою и употребляется съ коровьимъ молокомъ, съ коровьимъ масломъ и съ гусинымъ жиромъ.

При этомъ не лишнимъ считаю упомянуть, что у Малоросса рѣдко бываетъ за обѣдомъ три кушанья, развѣ на свадьбѣ, на крестинахъ или на похоронахъ; обыкновенно же обѣдъ состоитъ изъ двухъ только блюдъ: борща и каши, или борща и холодца, или борща и вареника, борща и гарбуза или картофеля, борща и лемешки.

В. пища постная всегдѣшняя.

Постная пища Малороссіянъ по праздникамъ и рабочимъ днямъ одна и таже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ праздники готовятъ три блюда, а въ рабочіе дни не болѣе двухъ, именно: 1. *Борщъ постный* съ рыбой, свѣжей и вяленой, заправляется пшеничной мукой съ коноплянымъ масломъ; эта заправка называется *засмажкой*; кладутъ также въ постный борщъ фасолю и картофелю. Весною и лѣтомъ постный борщъ состоитъ обыкновенно изъ хлѣбнаго кваса — *сиривцю*, въ который кладутъ мелко изрѣзанную крапиву, или лебеду, или свеклу изъ красныхъ бураковъ; осенью же и зимою постный борщъ готовится изъ кислыхъ красныхъ бураковъ и кислой капусты, хранящихся въ одной посудѣ. 2. Къ постному борщу варится *каша* изъ пшена, рѣдко изъ крупъ. Въ праздникъ подливаютъ иногда къ кашѣ, подавая ее на столъ, коноплянаго или льнянаго масла. 3. *Капуста*, мелко изрубленная и сбрызнутая цѣлую зиму въ кадушкѣ, въ погребѣ, варится во вре-

мѣста съ небольшимъ количествомъ масла и къ столу, въ праздники и въ рабочіе дни, поливается коноплянымъ, либо льнянымъ масломъ. 4. *Горохъ*, разваренный въ водѣ и потомъ растертый, такъ же поливается къ столу коноплянымъ, либо льнянымъ масломъ; бѣдные же ѣдятъ горохъ вареный въ водѣ, но не растертый, а только посоленный солью. 5. *Кисель* готовится изъ овсяной муки и подается, у богатыхъ, съ разведеннымъ водою медомъ, бѣдные же ѣдятъ его съ коноплянымъ масломъ, а часто и безъ всякой приправы. 6. *Каши* — кислосладкая жидкость, приготовляемая изъ гречневой и ржаной муки и подаваемая на столъ иногда съ медомъ, обыкновенно же безъ меда. 7. *Шушки*, кушанье постное, приготовляемое въ Малороссіи такъ: пекутъ изъ прѣснаго пшеничнаго теста коржи, въ палецъ толщины; потомъ, изломавъ коржъ на мелкіе куски, поливаютъ ихъ медомъ съ мятымъ макомъ. 8. *Балабухи или панпухи* приготовляются двоякимъ образомъ: онѣ или пекутся изъ кислаго пшеничнаго теста въ видѣ просвиры, или изъ кислаго гречеваго теста и варятся въ кипяткѣ. Балабухи и панпухи поливаются къ столу коноплянымъ масломъ съ толченымъ чеснокомъ. 9. *Вареники* съ шинкованной капустой, поджареной на сковородкѣ, съ олсею. 10. *Вареники* съ вишнями, щелковицами, ожинами, паленикой. Вареники съ ягодами поливаются иногда медомъ, обыкновенно же подаются безъ меда. 11. *Вареники съ урдой*, приготовляемой изъ шинкухи — выжимокъ, остающихся въ маслобойнѣ отъ коноплянаго масла; шинкуху мочатъ въ водѣ сутки, потомъ выжимаютъ, выжатый сокъ варятъ съ пшеномъ, и изъ огустѣвшей урды варятъ вареники съ урдой. 12. *Юшка* — супъ изъ картофеля съ водою, лукомъ, иногда съ вяленой рыбой. 13. *Киртофилъ* — рѣпа свареная въ водѣ; въ Малороссіи это блюдо считается постнымъ. 14. *Галушки* Малороссы приготовляютъ изъ прѣснаго пшеничнаго, либо гречеваго теста, которое они бросаютъ небольшими кусками въ посоленный солью кипятокъ. Гречневая или пшеничная галушка составляетъ въ Малороссіи непремѣнную принадлежность ужина. 15. *Соленые огурцы*. Ими часто завтракаютъ съ шинкованной капустой, а иногда и одними. 16. *Кислая капуста*, мелко изрубленная или изрѣзаная въ пяти и шинкованная; и та и другая поливаются олсеею. 17. *Зеленый лукъ* составляетъ завтракъ. 18. *Молодой и старый чеснокъ*. Имъ часто

заправляют и поминают, соля мелкою солью. 19. Сирята, взрезанная въ куски и налитая квасомъ сирываемъ съ солью, а такъ же 20. огурцы ситжие съ зеленымъ лукомъ, съ чеснокомъ, налитые сиривцемъ, составляютъ въ известное время любимое постное кушанье Малороссіянъ.

Само собою разумеется, можно было бы насчитать болѣе кушаньевъ, известныхъ въ Малороссіи; но спущенныя здѣсь не находятся у Малороссіянъ во всеобщемъ употребленіи; такъ напримѣръ въ Великій постъ ѣдятъ сырой бураковый квасъ съ хрѣномъ, рѣдку зимнюю съ солью и олеей, и т. п.

4. ОБЫЧАИ, СОБЛЮДАЕМЫЕ ПРИ РОЖДЕНІИ ДѢТЕЙ.

Когда родится младенецъ, отецъ его приглашаетъ воспріемниковъ, которые, пришедши къ нему въ домъ съ ржанымъ хлѣбомъ, кладутъ хлѣбъ на столъ. Потомъ повивальная бабка, отрезавъ кусокъ хлѣба, принесеннаго кумомъ-воспріемникомъ, завязываетъ этотъ кусокъ въ чистую рубаху, принадлежащую отцу новорожденнаго и завернувъ въ эту же рубашку младенца, кладетъ его на пубу и подаетъ куму-воспріемнику, съ словами: «нате вамъ, куме, нхрыщене, ни мольтвяне, а миви пренеситъ и хрыщене и мольтвяне». Кумъ, взявши у бабы дитя, отдаетъ его кумѣ. Послѣ того бабка кладетъ передъ порогомъ избы сажуръ, (топоръ), черезъ которую воспріемники, выходя изъ избы, должны переступить, для того, чтобъ никто не взглянулъ на младенца, такъ желѣза никто не можетъ сглазить.

Во всей Малороссіи воспріемники носятъ крестить младенцевъ къ приходскому священнику на домъ, и при этомъ приносятъ съ собою въ гостинецъ три ржаныхъ хлѣба: одинъ отъ бабки, другой отъ кума, третій отъ кумы; также приносятъ они и $\frac{1}{4}$ кварты водки; въ некоторыхъ приходахъ приносятъ священникамъ, при крещеніи, и куръ.

По совершеніи Таинства Св. Крещенія, воспріемники приносятъ младенца въ домъ и опять отдаютъ повивальной бабкѣ, съ словами: «на тобі, бабо, дитя! мы въ тебе взяли ни хрыщене ни мольтвяне, а тобі отдаемъ и хрыщене и мольтвяне!» На это баба отвѣчаетъ: «Спасыби батюшца и матушца и вамъ добри люди, що потрудились». Послѣ этого обряда

идеть угощение, а за темъ повивальная бабка потчуетъ гостей вареноухой, либо простой водкой, а гости награждаютъ ее медными деньгами, меньше гроша.

На третий день послѣ крестинъ, повивальная бабка сливаетъ

на руки родильницы (родили) воду, для того, чтобы у ней было обильное, какъ вода, молоко для новорожденного. Этотъ обрядъ происходитъ такимъ образомъ: родильница три раза проситъ прощенья у повивальной бабки за то, что надѣлала ей хлопотъ и труда своими болезнями; въ это время повивальная бабка три раза льетъ воду родильнице на правую руку, такъ, чтобы вода текла до локтя, а родильница подхватываетъ съ него воду лвюю рукою и пьетъ ее три раза. Такимъ же образомъ бабка льетъ три раза воду и на лѣвую руку родильницы, которая съ локтя лввой руки подхватываетъ воду правой рукой и тоже пьетъ три раза; при этомъ обрядѣ правая босая нога родильницы стоитъ въ ножкахъ, т. е. въ корытѣ, на топорѣ и на вѣнникѣ, которые лежатъ вместе. По окончаніи возливанія, повивальная бабка три раза черпаетъ воду рукою изъ почвы и мажетъ ею грудь и спину родильницы. Послѣ этого обряда, по общему мнѣнію Малороссовъ, у родильницы появляется обильное молоко для младенца; безъ этого же обряда она неможетъ кормить своего дитяща.

Наконецъ, черезъ годъ, родители младенца выкупаютъ его у воспріемниковъ. Для этого родная мать младенца идетъ къ куму и къ кумѣ съ тремя ржаными хлѣбами, новымъ карманнымъ платочкомъ и водкой. Все это оставляетъ она у кума и у кумы въ подарокъ, что и означаетъ выкупъ младенца отъ воспріемниковъ. Мать младенца вездѣ этимъ хвалится, говоря: «я уже выкупила свое дитя».

Другихъ обрядовъ при рожденіи и крещеніи детей въ Малороссіи нѣтъ.

5. ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБѢ.

А. ОБРЯДЫ ПРИ СВАТОУСТВѢ.

Женихъ идетъ къ невестѣ съ двумя почетными стариками-старостами и при этомъ приносить съ собою ржаной хлѣбъ. Пришедши въ домъ, они кладутъ хлѣбъ на столъ

и просить показать имъ невесту. Родители невесты, получивъ ея согласіе на замужство, велятъ ей отыскать подарки, которыми она должна дарить двухъ старостъ и жениха—молодого. Невеста, отыскавъ подарки и положивъ ихъ на столъ, кланяется до земли сперва три раза своему родному отцу, потомъ столько же разъ родной матери; эти троекратные поклоны называются у Малороссовъ благословеніемъ: родители благословляютъ дочь выдти замужъ. Надобно замѣтить, что когда невеста кланяется отцу или матери, то они, держа обѣими руками ржаной хлѣбъ, дотрогиваются имъ до головы дочери. После поклоновъ, невеста перевязываетъ старостъ холстяными утиральниками, съ праваго плеча на лѣвый бокъ, а жениху перевязываетъ правую руку полотенцомъ—хусткой, и потчуетъ старостъ и жениха водкой. Наконецъ старосты, поблагодаривъ хозяина, оставляютъ ему ржаной хлѣбъ, который принесли съ собой, а у хозяина берутъ другой. Это называется *вымѣною хлѣба*; *мы*,—говорятъ старосты,—*абиннылы хлѣбъ*. Этотъ-то вымѣненный хлѣбъ старосты несутъ въ домъ къ жениху, и отдавая родителямъ, говорятъ: «кланяется вамъ свать, и сваха, и молодъ сынъ чѣснымъ и величнымъ хлѣбомъ». На эти слова отецъ жениха отвѣчаетъ старостамъ: «спасыби сватови, сваси и молодый и всимъ, добри люды, що потрудылись». Потомъ отецъ жениха потчуетъ старостъ, и всѣ пьютъ за здоровье будущей четы, за здоровье ихъ родителей и всѣхъ родныхъ и гостей.

Этимъ угощеніемъ, которое повторяется и въ домѣ невесты, оканчиваются всѣ обряды, соблюдаемые при сватовствѣ.

В. ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБѢ.

Свадьба назначается обыкновенно черезъ недѣлю послѣ сватовства и обрядовъ при ней несравненно болѣе, чѣмъ при послѣднемъ. Въ субботу, женщины, собравшись у жениха и невесты, пекутъ изъ кислаго пшеничнаго тѣста хлѣбъ, называемый *короваемъ* и два большихъ калача, называемыхъ *лежня*ми; эти *деж*и кладутся на двухъ концахъ стола, а между ними одна *бодыша* шышка, съ *выртзками*; сверхъ того, женщины пекутъ много небольшихъ круглыхъ *шышекъ*, которыя женихъ и не-

ета разносят по домамъ, когда ходятъ просить, на завтра, на свадьбу. Печенье коровая сопровождается угощеніемъ женщинъ, которыя его изготовляютъ и которыя, во время печенья его, поютъ разныя свадебныя пѣсни, смотря по дѣйствию, происходящему при печеніи коровая.

Разрѣзывая на куски тѣсто, онѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ой зашумѣла заговорѣла яра (яровая) пшемыца въ стѣзи:

«Тѣ неподобовки минѣ въ стѣзи стоятъ,

Тѣ подобовки зъ мене коровай бѣаты:

Хорошіи коровайныци,

Хорошеенько коровай бѣають,

Сырцемъ присыпають,

Въ масличко вмѣчаютъ».

Изготовивъ коровай, женщины заставляютъ мушину вымести въникомъ печь и сажать коровай, а сами поютъ:

Кучирявій пичъ вытрибае,

Кучирява въ пичъ заглядае:

«Печѣ печѣ, наша пѣче,

Спычы намъ коровай грѣчый!»

Посадивши коровай въ печку, мужикъ поднимаетъ правую ногу и бьетъ сапогомъ три раза въ край печки, вѣроятно для того, чтобы она хорошо испекла коровай; женщины въ это время подхватываютъ дижу и поднимаютъ къ потолку, припѣвая:

Ой пичъ стойтъ на сохѣхъ,

А дижу носятъ на рукахъ;

Печѣ печѣ, наша пѣче!

Спычы намъ коровай грѣчый!

Мужика, который сажалъ коровай, повязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутьѣ, чтобы коровай не разошелся и былъ достоинъ сѣсть на покутьѣ.

Въ субботу вечеромъ, женихъ и невѣста ходятъ по домамъ родныхъ и знакомыхъ и просятъ ихъ на свадьбу, словами: «Прокхавъ батько и маты и я прошу на хлибъ на сіль и на висилья: хлопцивъ у бояры, дивчичѣ у дружкы»; кланяются очень низко и даютъ небольшую шышку. Женихъ ходить

просить на свадьбу съ однимъ старшимъ 'бохриномъ, а невеста набираетъ съ собою до десяти и болѣе подружекъ-двушекъ, и когда невеста съ старшею дружкой входитъ въ избы просить на свадьбу, онѣ поютъ слѣдующія свадебныя 'пѣсни:

1.

Лытять талочки въ двѣ рядочки,
А зозуля по переду;
Всѣ галочки на лугахъ сѣли,
А зозуля на калини;
Всѣ галочки защебетали,
А зозуля закувала;
«Та чогѣ ты куєшь, чогѣ жалуєшь:

Чы жаль же тобі тѣмного лугу, чы чырвонои калыны?»
— «Ой жаль же мині рѣняго кувача и низького лѣтання,
Щѣ я рѣно встаю и равѣнько кую. —
Ишла Марушка всѣ улычками, съ своими дружечками,
А за нею йшовъ молодой Семѣнко, съ своими боярами.
Та всѣ дружечки по лавахъ сѣли,
А Марушка на посади;
Ой усѣ дружечки заспивали,
А Марушка заплакала.
«Ой чогѣжъ ты плачєшь, чогѣ ридѣєшь, молода Марушко?
Чы жаль же тобі батенька свого,
Чы подвирьчка єго?»

— Не жаль же мині ни батенька свого
Ни подвирьчка єго
А жаль же мині русон косы
И дивѣцькои красы;
Щѣ дивки гуляють,
Кіскамъ мають,
Менѣ непрыймають;
А хѣть же приймуть и прыгѣрають,
Такъ прѣвды нескажуть!
Ой пиды, пиды, ты заручена,
Ты одъ насъ отлучена;
Ой пиды, пиды, ты повинчана,
Тыжъ одъ насъ отмичена.—

2.

Плєсє утинка зъ утинятами на морє лутувати,
А за нєю сызый селезєнь съ сызными косицями.

«Ой пожди, пожди, сира утинко, щось тобі за звість скажу:
Що бувъ же я въ ставку,
Чувъ же я словку:
Що плутуть же сити
На твої дити
И на тебе, сирая утинко.»
— Нехай же плутуть, нехай же аяжуть, я тогд небоюся;
А мой дити подірвуть сити, я сирівка перелечу. —
«Ой пожди, пожди, молода Марушко!
Щось тобі за звість скажу:
Що бувъ же я въ місти,
Ти чувъ дві звісти;
Крблять кытайчку,
Сильнотъ кыблочку,
На гвюю головочку.»
— Та нехай же крблять, нехай же щмюють,
Я тогд небоюся;
У неділявску въ вѣчери у нѣн прыбырѹса,
И отцю й нѣвнцѣ нмзѣнько поклонюся;
И отцю й нѣвнцѣ, и всѣмъ родимоньцѣ
И заримѣмъ дружыновнцѣ. —

3.

Ой лугомъ, лугомъ вода йде,
А по пидъ лугомъ стѣжечка;
Тудыжъ молода Марушка ходила
И изъ луговою водою говорила:
«Ой водо, водо лугован!
Якъ була я у батевьки молодая,
Та я тебе вицѣречкомъ набирала,
Та все своє биле личко нмывала,
Шытмъ билмъ рушничкомъ вытрирала,
Шытмъ билмъ рушничкомъ покаляла,
Таки а тогд та Семѣнка сподобала.»

* * *

Лугомъ, лугомъ вода йде;
По пидъ лугомъ стѣжечка;
Ой туды йхавъ староста;
Изъ далека комиченьки взупинивъ (останавливаясь),
Изъ пидъ бока пшѣлѣньку (сѣбно) вытѣсѣ,
Та на тую калыновку заширяе.
Стала тая калыновка къ ѣмѹ промовляти:
«Ой стої, старосто, нерубай!
Не для тебе ся калыновка сажена,
За для тебе свѣтлѣти зражено.»

Лугомъ, лугомъ вода йде,
По пидъ лугомъ стѣжечка;
Тудѣ ѿхавъ молодой Семѣнко,
Изъ далѣска коньчѣньки зъупыняе,
Изъ пидъ бѣки шабѣленьку вытягѣе,
Та ни тую калыноньку заширяе.
Стѣла къ ѣму калынонька промовѣляти:
«Ой стой, Семѣнку, нерубай!
Не для тебѣ ся калынонька сѣжєва,
За для тебѣ Марусенька зряжена.»

Въ субботу вечеру, послѣ приглашенія на свадьбу, женихъ идетъ къ невѣстѣ съ старшимъ бояриномъ и двумя старостами, въ сопровожденіи музыки. Старшій бояринъ несетъ гылаце — вѣтвь вишневаго дерева. Пришедши во дворъ невѣсты, все собраніе останавливается у дверей избы; а въ избѣ невѣсты въ это время уже собраны ея дружки — подружки дѣвушки, родные, знакомые и два старосты съ ея стороны.

Старосты жениха, вступивши въ связи невѣстиной избы, говорятъ ея старостамъ: «Старосты пане пидстаросты?» Изъ избы отвѣчаютъ: — «Рады слухать!» — Первые опять кричатъ: «Благословить молодого въ хату въвысты?» Изъ избы отвѣтъ: — «Богъ благословить!» — Первые говорятъ: «Въ другой разъ?» Изъ избы отвѣтъ: — «Богъ благословить!» — «Въ третій разъ?» Изъ избы отвѣтъ: «Богъ благословить!» —

Послѣ этихъ переговоровъ, все свадебное собраніе входитъ въ избу и старосты жениха опять говорятъ старостамъ невѣсты:

«Старосты, пане пидстаросты?» — «Рады слухать!» — «Благословить молодого за стылъ завысты?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ?» — «Богъ благословить!» — «Въ третій разъ?» — «Богъ благословить!» —

Садятся за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на главномъ мѣстѣ, въ углу, сидитъ женихъ; за нимъ, по лѣвую руку, невѣста; за невѣстою — старшія дружки и прочія дружки дѣвушки; а за женихомъ садится старшій бояринъ и прочіе за нимъ бояры — холостые.

Когда всѣ усядутся за столъ, старшіе дружки испрашиваютъ благословенія у всѣхъ четырехъ старостъ:

«Старосты паве пидстаросты?»—«Рады слухать!»—«Благословить гильце звать?»—«Богъ благословить!»—«Въ другой разъ и въ третій разъ?»—«Богъ благословить! Богъ благословить!»—

И начинаютъ вить гильце — вѣтвь вишневаго дерева, воткнутую въ ржаной хлѣбъ, который лежитъ на столѣ. Сперва женихъ и невеста привязываютъ по одной вѣтви калины съ ржаными колосьями, а потомъ тоже дѣлаютъ и всѣ дѣвицы, причемъ поютъ:

1.

Благословъ, Бѣже, се гильце звать
И домъ сей звысылать!

2.

Гильце вѣють и горилку пьютъ,
А намъ педають.

3.

Дѣжъ буадъ гилѣчко? у бору;
Та привезымъжъ ёго до двору,
Та поставили на столъ,
На гильчастымъ беребѣрчастымъ скатертъ.

4.

Такъ мнѣ Маруся гильце звали!
Всѣ луги, береги сходили,
Зелѣный барвинокъ вытоптали,
Червону калину выламали
Такъ мнѣ Маруся гильце звали!

Свивши гильце, ужинаютъ. Во время ужина дѣвицы-дружки опять поютъ:

Субботонька, недѣленька такъ якъ одинъ день;
Сушувала (грустила) Марусенька сей увесь тыждень.
«Ой якъ миннѣ тѣхъ дружечокъ позбирати!
Ой де миннѣ йхъ зъ висока посажати!
Позбираю тѣхъ дружечокъ по надвирью,
Посажая ихъ зъ висока по застѣлю,
А сама сяду, молодая, що найвище всѣхъ,
Схмлю, склоню головоньку выжше всѣхъ,
Та заплачу, молодая, дужше одъ усѣхъ!»

Послѣ ужина старосты жениха говорятъ старостѣмъ невесты:

«Старосты пани пидстаросты?» — «Рады слушать!» — «Благословить молодого изъ-за столу вывысты?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ и въ третій разъ?» — «Богъ благословить! Богъ благословить!» —

Вставъ изъ-за стола, старшій бояринъ беретъ «свитое гильце» и отправляется съ женихомъ къ нему въ домъ, а другіе свадебные гости расходятся.

На другой день, въ воскресенье, поутру, невеста идетъ съ своею дружкой къ жениху и кланяется три раза до земли его отцу, матери и всѣмъ его родственникамъ, а потомъ женихъ и невеста вмѣстѣ идутъ въ домъ ея родителей и кланяются также по три раза ея отцу, матери и всѣмъ ея родственникамъ.

Эти троекратные поклоны также называются въ Малороссіи благословеніемъ. Сперва кланяются мужчинамъ, а потомъ женщинамъ; при всякомъ поклонѣ, то лицо, которому кланяются женихъ или невеста, дотрогивается до головы кланяющагося ржанымъ хлѣбомъ съ солью.

Изъ дома невесты, женихъ и невеста отправляются въ церковь; по дорогѣ заходятъ къ родственникамъ и знакомымъ кланяться; дорогою также низко кланяются всякому прохожему.

Послѣ вѣчанья, женихъ и невеста идутъ въ домъ къ жениху и тамъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда, женихъ остается съ гостями дома; а невеста съ старшей дружкой отправляется въ домъ своихъ родителей. Затѣмъ женихъ съ гостями также собирается къ невестѣ, что называется *ити съ поиздомъ*. Невеста съ дружками - дѣвицами садится у себя въ избѣ за столъ и угощаетъ приходящихъ гостей водкой, черпая ее ложкой изъ миски, въ знакъ обилія и веселія на свадьбѣ. Дружки въ это время поютъ свадебныя пѣсни:

4.

Ой идѣ Марусенька на посаду,
Зостричає їй Господь самъ
Ой и зъ долею щастливою,
И зъ доброю годиною.

2.

Въ чыстомъ полі крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька лютче мѣла и зъ батенькомъ говорила:
«Ой батеньку мій, рѣжевый цвѣте,
Мій окрашєнный свѣте!
Кудѣжъ я пиду, забарюся,
До дому иду, небоюся.»

* * *

Въ чыстомъ полі крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька ручєньки мѣла,
И зъ нѣнькою (матерью) говорила:
«Ой нѣнько моя, мій рѣжевый цвѣте,
Мій окрашєнный свѣте!
Та кудѣжъ я пиду, забарюся,
До дому иду, небоюся.»

* * *

Въ чыстомъ полі крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька ниженцьки мѣла,
И съ Семѣнкомъ говорила:
«Семѣнку мій, мій рѣжевый цвѣте,
Мій завѣзанный свѣте!
Та кудѣжъ я пиду, небарюся,
До дому иду, тай боюся.»

3.

Летѣвъ, летѣвъ соколѣнько чєрезъ вєшнѣвъ садъ,
Та вдѣрився крылычкамы объ садъ виноградь.
Тай пытає: чы тутъ моя гѣлочка, чы нымѣе?
Чы зъ иными соколами та лѣтає?
Мѣложъ сєгѣ, соколѣньку, та бувѣе,
Щѣ зъ иными соколами та лѣтає.

* * *

Ихавъ, ихавъ Семѣнко чєрезъ тєстивъ двѣрь,
Та вдѣрився кнѣ зъ копытѣмъ объ тєстивъ порѣгъ.
Та вдѣрився кнѣ копытѣмъ, тай пытає:
«Чы тутъ моя Марусенька, чы нымѣе?
Чы зъ иными молодцѣями пѣе гуляе?
Мѣложъ сєго, Семѣнку, та бувѣе,
Щѣ зъ иными молодцѣями пѣе гуляе.»

4.

Если невеста сирота, ей поють:

Ой ходила Марусенька по крутій горі,
Забачила селёзника на тїхій воді.
«Плеви, плеви, селёзнику, по тїхій воді!
Пребуди, пребуди, мій батеньку, тепері къ мині!
Та дай мині порідонку, бідний сироти.»
— Ой радъ жебъ я, дитя мое, перебути и къ тоби;
Насыпано сырїи земли на руки мои,
Скльпылися карі очи и устоники мои,
Немоу я, дитя мое, промовити словця и къ тоби,
Поклонися, дитя моє, чужій чужині,
Нехай тоби дасть поряду бідний сироти!—
«Кланялася же, мій батеньку, разовъ нині три,
Нихто не дасть порадоньки такої якъ ти;
Що чужая радюнька непосмила,
А рідная радюнька несхотила.»

5.

Ой говорила куня съ кундю,
Сидячи въкупіи надъ водою:
«Чы добре тоби, моя кунючко, сидячи надъ водою?
— Покижъ и добре, поки и гориздъ, поки дашивъ нимає;
Дощики идуть, берложки стануть, менє сженуть. —
Ой говорили сестра съ сестрою, сидячи за скамьєю:
«Ой чы добре тоби, моя сестрочко, сидячи за скамьєю?»
— Покижъ и добре, поки й гориздъ, поки бояръ немає.
Бояре найдуть, дружечокъ розженуть, менє саму заставляють. —

Выше было сказано, что женихъ, собравшись съ повѣдомъ, отправляется къ невестѣ; пришедши ко двору, все собраніе останавливается предъ воротами избы, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока старосты жениха несходятъ съ шишкой три раза въ избу, испрашивая позволенія войти съ женихомъ; при всякомъ входѣ они перемѣняютъ шишку и подають ее отцу невесты, говоря: «кланяется вамъ свать и сваха и молодой сымъ чеснымъ и вылычнымъ хлебомъ.» Возвратившись изъ избы къ жениху съ другой шишкой, говорятъ: «кланяется вамъ свать и сваха и молода сымъ чеснымъ и вылычнымъ хлебомъ.» Послѣ третьяго входа и выхода изъ избы, все свадебное собраніе или *помадъ* входитъ во дворъ и останавливается передъ порогомъ той избы, гдѣ ставится столъ. Къ столу мать невесты

выносить подарки и раздасть мужчинамъ утиральники, а женщинамъ полотенцы—хустки. Получая подарки, всякій благодарить такъ: «спасыби сватови, сваги и молодой, що раненько вставали и хорошенько прали». Раздавши подарки, мать невесты выходитъ накрытая шубой шерстью вверхъ и держитъ въ рукахъ небольшой глиняный кувшинчикъ съ водой, либо квасомъ; этотъ выходъ матери символически означаетъ, что теща пугаетъ зятя. Вышедши въ такомъ видѣ, мать невесты подаетъ кувшинчикъ жениху, который, взявъ его, пьетъ изъ него и отдаетъ своему старшему боярину—шаферу; шаферъ же обноситъ этотъ кувшинчикъ три раза около поясицы жениха и перебрасываетъ его либо черезъ избу, либо въ глазахъ всѣхъ бросаетъ на землю и разбиваетъ.

Послѣ этого обряда, мать невесты выноситъ овесъ, смѣшанный съ орѣхами и сыплеть на жениха три раза; посыпаніе жениха овсомъ съ орѣхами дѣлается для того, чтобы женихъ былъ здоровъ и богатъ, какъ здоровъ зерномъ орѣхъ и какъ богатъ зерномъ овесъ. Присутствующие при этомъ обрядѣ поютъ:

1.

Ой сѣпъ матинко овесѣць!
Щобъ нашъ овесѣць рясѣнь бувъ,
Щобъ нашъ Семѣнко красѣнь бувъ.

2.

Ой сѣпъ матинку пшенѣчку!
Щобъ наша пшенѣчка рясна була,
Щобъ наша Марушка красна була.

Потомъ все собраніе входитъ въ избу, съ женихомъ, причемъ старосты, иначе называемые дружками, какъ начальники, идутъ впереди. Въ это время дѣвушки, сидя за столомъ, поютъ:

Ой ты душенько наша, Марушко!
Съ пидъ похилою вышши,
Два друженькы выйшли;
Не вмиламъ говорити,
Ни шапочкы зняти,
Ни рученькы дати:
Шапочкы прышити,
Рученькы прыбыти;
Дайже ймъ сыри йсти,
Щобъ умиламъ насъ систи;

Дай же дити нити, нити,
Щобъ умѣли говорить,

Когда пропекутъ эту пивсю, друзьямъ-мущинамъ подають
воду мыть руки и дають есть сыръ и нить квасъ. Въ это вре-
мя дѣвушки поють:

Мылы друженькы ручки,
Глянулы ни кидочки:
Чы ны высятъ рушничкы,
Щобъ потерты ручки.

Когда дружки вытирають руки, поють опять:

Та спасыби тобі, мой пенько!
Що будыла мене раненько;
Тая служба встанала,
Старости рушничокъ нарядла.

Когда дружки ѣдятъ сыръ и пьютъ квасъ, дѣвушки поють:

1.

Поглядае дружкѣ скѣса,
Чы нымѣе на пичи прѣса;
Колыбъ швыдче вѣдѣды,
Щобъ незастанымъ товѣды.

2.

Забарный гости,
Забарылыся въ хати;
На двѣри коня взято,
За Дунай гвардато,
За медъ, за горилку,
За Марушку дивку.

Когда дружки покушаютъ сыра и напьются квасу, дѣвуш-
ка, начальница въ свадьбѣ, называемая свитылкою, — сестра не-
вѣсты, — пришиваетъ къ шапкѣ жениха бантъ изъ красной ленты, —
квитку и поетъ:

1.

Ой дай, маты, голку
И ниточку й шовку,
Прышты квиточку
Къ зятнему шлычку.

2.

Я съ кнѣвы швачки,
Я й тамъ негуляла,
Квитки пришивала,
По талару брала.

За эту работу женихъ долженъ платить свитылку; для этого она надѣваетъ шапку жениха съ квиткою себѣ на голову и неотдаетъ ее до тѣхъ поръ, пока не получитъ плату, причемъ поетъ:

1.

Ой глянь, зятеньку, на мене!
Меньшая свистовька отъ тебе!
Щы не сдромъ тоби, зятеньку,
Що въ поле идешъ безъ палочки,
А въ тѣста стойшъ безъ лучка,
Безъ сестринного винючка?

2.

Ой зятю, зятю, хорбшый,
Та не дамъ шапочкы безъ гробшый;
Якъ ты мині шесты гривень неположишь,
Ты мене съ понздоу невпробышь,
Я тебе на воробѣхъ перейму,
Съ пидъ тебе коничевькы отниму,
И старшому боярину подарю.

Если мало дають денегъ, свитылка поетъ:

3.

Ой казали люди зять богатый;
Ой казали люди гробшей михъ;
Кладѣ копейку якъ на смихъ

Получивши плату, свитылка отдаетъ шапку жениху, а старосты, т. е. дружки, спрашиваютъ у невѣстиныхъ старость позволенія заводить молодую за столъ:

«Старосты пани пидстаросты?» — «Рады слухать» — «Благословить молодого за стылъ завысты?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ?» — «Богъ благословить!» — «Въ третій разъ?» — «Богъ благословить!» —

Но когда женихъ подходитъ къ столу, чтобы сѣсть, въ углу уже стоитъ братъ невѣстинъ съ палкой и не пускаетъ его, а дѣвушки между тѣмъ поютъ, пока женихъ не заплатитъ ему за мѣсто:

Не стій, зятю, за плечима,
Не свити очима;
Треба, зятю, треба зятю, сямь днів молотити,
Щобъ шурна, щобъ шурна, съ покуття скупити.

Когда все усядутся за столъ, начинается угощеніе и свадеб-
ный пріемъ всѣмъ гостямъ; а дѣвушки въ это время поютъ
разнымъ лицамъ разные пѣсни.

Боярамъ опѣ. поютъ:

1.

Сдвинулися стѣны,
Якъ бояри сѣли;
Ще й не такъ сдвинутѣся,
Якъ пѣва напѣются.

2.

Ой у садѣ соловейко гніздѣ вѣ.
Чы всимъ боярамъ мѣсто є?
Стариному тѣлько нимає,
Ныхай на прыпичку сидѣ.

Старшей дружкѣ поютъ:

Старшая дружка красна,
На ній юпочка рясна ;

Однѣ другимъ поютъ:

Свѣечки голубочки!
Заспивайте хоть одини,
Прійзжон писевьки.

Дружечки наши голубочки!
Не виємо не сміємо:
Се чужа сторона,
Доведѣ соромѣ,
Прѣсемо васъ.

Дружки опять поютъ боярамъ (а угощеніе между тѣмъ все
продолжается):

Ой вы бояре, мищане, городяне!
Десь вы, бояре, конькивъ добували,
Десь вы, бояре, жупанывъ позмчали,
Що такъ нервно до насъ прѣихали?

Дружкамъ на это поють:

Ой вы дружечки наши голубочки!
У насъ коньки по стинкахъ стояли,
У насъ жупаны позбираны лежали,
Забарывъ же насъ семенкивъ батенько,
Напувавъ же насъ солдкими медамы,
Годувавъ же насъ билимы калачами,
Выряжавъ же насъ съ скрипками съ пиябаламы.
«Ой иди, Семенку, въ чужую сторону,
Та, беры, сыну, чужую дытвичку.»
— Ой, пытакъ, маты, чуже дытя взяты,
А треба, маты, въ порѣга постдыты,
Треба, маты, всякому корытмса,
И маленькому треба поклонйтмса.—

Новобрачнымъ поють:

Дѣжъ бувъ селезень, дѣжъ була утинка?
Селезень на ставку, утинка на плавку;
Идыть вони рясочку зъ одвагъ ставочку,
Пьютъ вони водицю зъ одныи крмынци.
Дѣжъ бувъ Семенко, дѣжъ була Марушка?
Семенко у батеньки, Марушка у свого,
Тепѣрь вони обоѣ вкупци,
Идыть вони калачи зъ ярои пшеници,
Пьютъ вони водицю зъ одныи скляницци.

Всѣ эти пѣсни дѣвицы успѣвають пропѣть пока продолжается угощеніе свадебнымъ гостямъ. Когда же оно окончится, дѣвушкамъ напоминаютъ пѣсней, что имъ пора уже убраться. Пѣсня поется такъ:

Прѣдъ порѣгомъ могла,
А въ тый могыли калына;
Спустили гилечку до дому,
Часть вамъ, дружечки, до дому.

На это дружки отвѣчаютъ:

Ще жъ не часъ, ще жъ не пора,
Ще зирочка вечирня незійшла.

Въ это время родной братъ невесты черезъ столъ расплетаетъ ей косу и ее переодѣваютъ изъ дѣвичьяго наряда въ женскій, для чего приносятъ платокъ или сѣтку, которою обвиваютъ невестъ голову. Дружки поють:

Ой ты душенько наша Марушко!
Ой глянь ни поригъ, диво!
Несуть твоё діло,
Якъ билъ билёсеньке,
Якъ папиръ товёсеньке;
Биле билуванья,
Вичне покрыванья.

Женщины, покрывши невесту, бьютъ въ ладоши и при-
пѣваютъ:

Ой такъ мы зробили,
Якъ самі схотили;
Съ кышпи въ поляницю,
Съ дивки молодницю.

А девушки оспариваютъ, припѣвая:

Якъ быжь мы схотили,
Тобъ мы й развертили;
Повыли бъ до дружки,
Запылили въ дрибушки;
Повылили у свитловьку,
Запылили у кисоньку.

Когда братъ развиваетъ косу, поютъ:

Братъ късу роспанти,
Де вилъ ты шпильки тодпни;
Понисъ на торждкъ непродавъ,
Меньший сестрыцы дурпо давъ.
«Оцѣжь тоби, сестрыце, за тебе,
Не плети кисоньки у трде!
Запыли кисоньку въ дрибушки,
Вжѣжь тоби неходить у дружки».
— Ой косо, косо кохана
Симъ лить я тебе кохала,
Що субботоньки чesла,
Що недѣленьки вбирала,
За днѣ вѣчеръ я тебе обросла.

Потомъ дружка или староста
разумѣется воевъ обывковичей
лить коровай. Девушки же за

пнасть рѣзати коровай,
тъбы (марословить дн

4.

Дружко коровай крас,
Семеро дитей має;
Та вси съ кошелямы,
Увесь коровай забрады.

2.

Чы бачыжъ ты, дружку!
Що бодрє коровай крадутъ,
То въ михъ, то въ кешелю,
Батькови на вечерю;
То въ михъ, то въ рукавицы,
Дивкамъ на вечерницы.

Когда дружко раздасть вѣсѣмъ гостямъ коровай, молодежь удаляется со свадьбы, а холостые бояры ведутъ въ домъ старшую дружку, припѣвая:

4.

Немѣтена ўлычка, немѣтена,
Старшая дружечка невѣдена;
Мыжъ сію ўлычку прометѣмъ,
Мыжъ сію дружечку проведемъ.

2.

Та до дружкы бодрє, до дружкы!
Та ни сырянны на масляны пирожки!

3.

Свѣты, маты, свѣчку?
Выдуть твою дочку,
Съ скрыпками, съ цымбалами,
Съ хоробрыми боярами.

Когда молодежь разоидетъ, вмѣсто ея садятся за столъ женщины и поють:

Зажурылась перепѣлочка:
«Бидная моя та головочка,
Що я рано изъ вѣрю вылытла!
Нигды мнѣ гнѣзда звыты,
Нигде мнѣ дѣтокъ накладыты!
Що по горамъ сингы лежать,
По долизнамъ волы онжаты!»

Есть у мене три садн земени :
Що въ первому ти зназд зовьшъ,
А въ другому дитѣ навѣдѣшъ,
А въ третьему дитѣ погадуешъ.—

* * *

Зажурилась молодѣ Марушка:
« Бѣдна моя ти годѣвочка!
Що я молодѣ замѣжъ пошла!
Невмию свѣкрови годѣти,
Невмию ранѣнько вставѣти,
Невмию пизнѣнько лигѣти ! »
Озовѣтся молодой Семѣнко:
— Нежурися молодѣ Марушко !
Есть у мене три нагѣечки ;
Первая будѣ пизнѣнько лигѣти,
А другая ранѣнько вставѣти,
А трѣтя будѣ свѣкрови годѣти. —

2.

Засвѣчу я свѣчу восковую,
Такъ пиду причѣмъ,
Тѣмномъ вычѣмъ,
На всю вычѣ:
И свѣчечка негорѣть,
И батенько не спѣть,
Такъ пиду причѣ.

* * *

Засвѣчу я свѣчу восковую,
Такъ пиду причѣмъ
Тѣмномъ вычѣмъ
На всю вычѣ:
И свѣчечка негорѣть,
И матишка не спѣть,
Такъ пиду причѣ.

Наконецъ дружно, поднявшись изъ-за стола, провозглашаетъ:
« Старосты пани пидстаросты? » — « Рады слухать! » — « Благо-
словить молодыхъ изъ-за стола вывысты? » — « Богъ благо-
словить! » — « Въ другой разъ? » — « Богъ благословить! » — « Въ
третій разъ? » — « Богъ благословить! » —

Тогда дружка выводитъ молодыхъ изъ избы за порогъ, гдѣ стоитъ дѣжа—кадушка, въ которой вскисаетъ тесто для хлѣба, покрытая полотёнцомъ и на которой лежитъ въ это время ржавой хлѣбъ съ солью. Дружка обходитъ новобрачныхъ около дѣжы три раза, а женщины при этомъ обрядѣ бьютъ въ ладоши и поютъ:

Боже дай, Боже дай,
Що дѣнь, той выдѣля!
Щобъ наша невесточка робыты невилла,
Щобъ вона прядива немяла,
Щобъ їй головонька пыломъ не припала!
Старый диду!
Старый диду!
Старый оселѣдку,
Не стоить за рѣдку;
Неспивъ поживытсья,
Стаа жінка быцця!

Потомъ дружка вводитъ новобрачныхъ въ сѣнцы, гдѣ сидятъ на скамейкѣ родители жениха. Новобрачные кланяются имъ по три раза—сперва отцу, а потомъ матери.

Последнимъ обрядомъ и оканчиваются всѣ свадебные обычаи въ воскресенье.

Въ понедельникъ утромъ, новобрачные приходятъ въ церковь, а изъ церкви ходятъ по домамъ съ визитомъ, «съ добрымъ днемъ», и кланяются хозяевамъ, а женщины, собравшись, провожаютъ новобрачныхъ и поютъ:

1.

Тѣмного дугу калына,
Доброго батьки дытына!
Така вона дрѣнька,
Якъ рѣжа повнѣнька.
Ничого дивувати,
Така була їй й мати;
Записати їй въ листи,
Щобъ були їй такі й сестри;
Записати їй въ квітти,
Щобъ були такі їй й дити.

2.

Була Марушку мати,
Червонымъ дубцѣмъ съ хати;

Вона тогдъ жбоялася,
Въ комиречку заховалася,
Съ комирочки въ огорѣжу,
Та въ червѣную рѣжу.

3.

Знати Марушку, знати,
Въ котрѣй вона хати;
Чѣпчыкомъ обсыпана,
Калыною обтыкана;
И лавкы и прылавкы,
Съ червѣною кытайкы.

4.

Ой, ты душенько
Наша Марушко!
Калыно малыно!
На тебе дивытися мило;
Семенко повна рѣжа,
На вѣго дивытися гожо.

Когда обходить все дома родственниковъ и гулявшихъ на свадьбѣ, идутъ въ домъ къ жениху, раздѣляютъ жениховъ ко-
ровай, и потомъ новобрачные потчуютъ всехъ гостей вод-
кой; а гости дарятъ молодыхъ, богатые — овцами и рогатою
скотиною, а бѣдные — мѣдными деньгами.

В. ОБРЯДЫ ПРИ ЗАКАЛАЧИНАХЪ.

При закалачинахъ никакихъ особенныхъ обрядовъ не бываетъ.
Только въ домъ жениха, въ субботу, послѣ свадьбы, пекутъ
изъ пшеничнаго теста столько калачей, чтобы ихъ стало на
всю родню и знакомыхъ, пировавшихъ на свадьбѣ. Новобрачные,
безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ, приносятъ эти калачи
въ домъ и отдаютъ хозяевамъ, говоря: «Кланяется вамъ
«батько й маты и прислалы калачъ». Получившій калачъ от-
вѣчаетъ: «Спасыби батькови й матери и вамъ добра диты, що
«потрудылись». Само собою разумѣется, что во всякомъ домѣ,
въ который молодые приносятъ калачъ, ихъ угощаютъ и от-
даютъ тотъ подарокъ, которымъ ихъ подарили на свадьбѣ.

Закалачины завершаютъ собою все обряды, соблюдаемые
при малороссійской свадьбѣ.

6. ОБРЯДЫ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Обрядовъ при похоронахъ весьма мало, а именно: когда покойника выносятъ изъ избы на кладбище, родня его старается какъ можно поскорѣе затворить двери избы и не пускаетъ въ нее никого, пока не отнесутъ умершаго подалѣе.

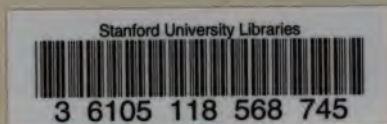
Когда возвратятся съ кладбища и помянутъ покойнаго объдомъ, то съ вечера того дня, когда были похороны, до слѣдующаго утра, нѣсколько старыхъ бабъ стараются не спать въ избѣ всю ночь, чтобъ караулить душу покойнаго. Для этого онѣ разводятъ водою медъ, ставятъ его въ мискѣ на столъ, и думаютъ, что душа покойнаго представится имъ мухой, сядетъ на миску и будетъ пить медъ.

Этимъ краткимъ описаніемъ малороссійскихъ обрядовъ при похоронахъ, я окончиваю на первый разъ описаніе малороссійскаго быта.

[illegible]

GN

1

E9

V.1

1853

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

OCT 14 2005
NOV 14 2005
L L

